С 7 ПО 20 АПРЕЛЯ 2014 ГОДА

ВСЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ МОСКВЫ

НА ДВЕ НЕДЕЛИ

афиша

Юбилейный номер : лучшие материалы за всю историю журнала

Рената Литвинова, актриса, режиссер

Оксана Акиньшина, актриса

Ксения Собчак, журналист

Роман Mujuice Литвинов, музыкант

15 ЛЕТ

№6 (366)

AFISHA.RU

14006

18+

Денис Симачев,
дизайнер

Валерия Гай Германика,
режиссер

Олег Кулик,
художник

Дмитрий Борисов,
ресторатор

Сергей Капков,
политик

Иван Noize MC Алексеев,
музыкант

Леонид Парфенов,
журналист

Илья Осколков-Ценципер,
основатель «Афиши»

Тариф Smart

1 Гигабайт интернета всего за 200 РУБ/МЕС

А звонки бесплатно

МТС

Под тарифом Smart подразумевается тариф Smart mini = Смарт мини. Ежемесячная плата: при подключении с 06.03.2014 по 15.05.2014 в течение 2 месяцев с даты подключения — 200 руб/мес; в остальных случаях — 250 руб/мес. Подробности на www.mts.ru

Тариф Smart и Квартет И.
Теперь еще круче!
мтс
Реклама

В номере

30 **Юбилей «Афиши»: лучшие материалы в истории журнала**

32 1999 год
44 2000 год
56 2001 год
78 2002 год
108 2003 год
120 2004 год
134 2005 год
146 2006 год
158 2007 год
170 2008 год
200 2009 год
222 2010 год
240 2011 год
276 2012 год
298 2013 год

Так лидер «Ленинграда» *Сергей Шнуров* выглядел в 2002-м — в момент выхода альбома «Пираты XXI века», первого самороспуска группы и появления в «Афише» материала «Гегемон»

с. 84

В 2008-м, когда выходил фильм Валерии Гай Германики *«Все умрут, а я останусь»*, Роман Волобуев взял большое интервью у режиссера — а Алексей Киселев сфотографировал ее героинь

с. 174

В номере

6 Две недели в городе
Юбилей «Кровостока», «Золотой век русского авангарда» в Манеже, «Выживут только любовники» Джима Джармуша и другие события с 7 по 20 апреля
Ревизии: мотоциклетные аксессуары, шелковые блузки, электронные часы

30 Пятнадцать лет «Афише»: лучшие материалы в истории журнала

308
Продолжение «Фарго», хоррор Сэма Мендеса с Евой Грин, фантастика Стивена Спилберга про киборгов и другие главные сериалы весны и лета

312
Писатель и публицист Захар Прилепин — о своем новом романе «Обитель», либеральной общественности, мировом правительстве и Сталине

318
10 полезных гаджетов и приложений, помогающих вести здоровый образ жизни

324
Пальто Whistles, топ Asos, юбка №21 и другие вещи нежно-розового цвета, которые можно купить в московских магазинах

330 Classifieds

335 Магазины

336 Рабочее место
Baden, обувная мастерская и ателье

Прежде *Захар Прилепин* писал исключительно про современность, но его новый роман «Обитель» — это 800 страниц из жизни Соловецкого лагеря 1920-х

с. 312

Браслет *Garmin vivofit* ведет учет фактически всей жизни тела владельца и стоит 130 долларов

с. 318

BMW xDrive
www.xdrive.bmw.ru
С удовольствием за рулем

Реклама

В ЛЮБУЮ ПОГОДУ ЕСТЬ ПОВОД СЕСТЬ ЗА РУЛЬ.

Система BMW xDrive — это сложнейшее инновационное достижение инженеров BMW. Тем не менее принцип работы этой системы хорошо иллюстрирует традиционная немецкая игрушка «Прыгающий Джек». Обычно, если потянуть за веревочку, руки и ноги Джека одновременно принимают одинаковое положение. По тому же принципу работает автомобиль с обычным полным приводом — все его 4 колеса крутятся одновременно и постоянно. Однако наш Джек может двигать руками и ногами как угодно. Именно по такому принципу работает система BMW xDrive: каждое из 4 колес крутится с той скоростью, которая оптимальна для него в данный момент. За доли секунды система BMW xDrive реагирует на любые признаки неустойчивости и динамически распределяет тяговое усилие. Поэтому при прохождении крутых поворотов, в момент подъема на склон, а также на льду и на снегу BMW xDrive гарантирует оптимальное сцепление колес с поверхностью и непревзойденную маневренность.

58 МОДЕЛЕЙ BMW С ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ ПОЛНОГО ПРИВОДА BMW xDRIVE.

Служба клиентской поддержки BMW: 8 800 2003 269 (звонок по РФ бесплатный).

Facebook.com/BMWRussia

АФИША
директор Илья Красильщик
управляющий редактор Алина Капацина

ЖУРНАЛ «АФИША»
главный редактор Александр Горбачев
ответственный секретарь Анна Быкова
заместители главного редактора Георгий Биргер, Екатерина Кронгауз
арт-директор Арина Махова
фэшн-директор Наталья Истомина
редакторы Феликс Сандалов, Ася Чачко
дизайнер Ольга Струзберг
фоторедактор Александра Рожнова
ассистент фоторедактора Юлия Новикова
продюсеры Алла Мельникова, Ирина Смирнова
цветоделение Александр Каштанов, Павел Мокроусов, Алексей Новиков
верстка Сергей Жинкин
принт-менеджеры Мила Суботич, Светлана Ушакова
старшие корректоры Венера Ветрюк, Лариса Звягинцева
директор по рекламе Варвара Давыдова

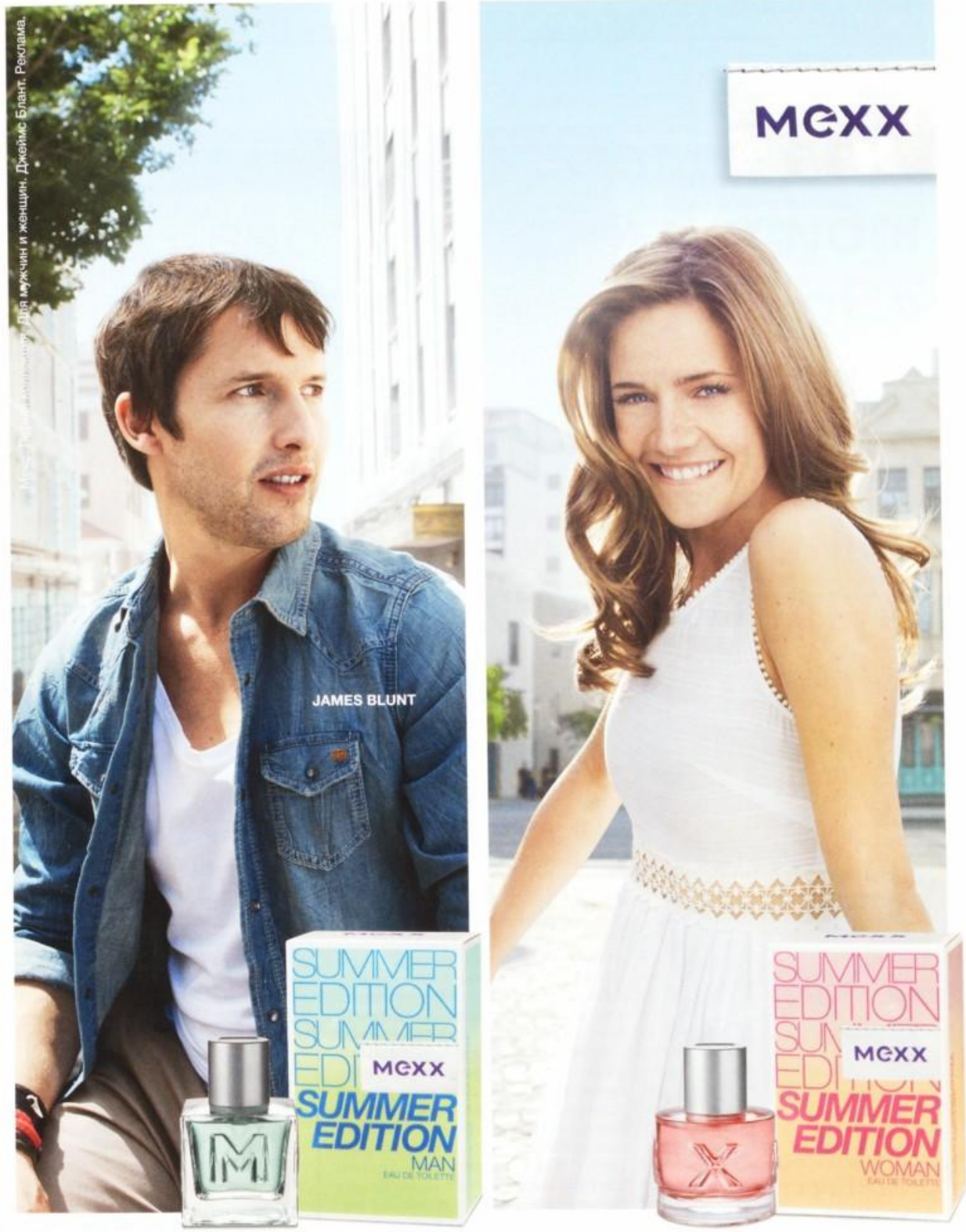
КОМПАНИЯ АФИША
шеф-редактор Юрий Сапрыкин
управляющий редактор Юнна Бакал
арт-директор Михаил Сметана
арт-директор медиапроектов Дарья Яржамбек
коммерческий директор Инна Овчарова
директор по дистрибуции Иван Сорокин
руководитель отдела персонала Наталия Головашкина
административный директор Дмитрий Бойко
руководитель препресс-студии Ирина Семенова
менеджер по производству и издательским технологиям Борис Воропаев
редактор службы информации Марина Халдина

Учредитель и издатель ООО «Компания Афиша». Адрес редакции: 117105, Москва, Варшавское ш., 9, стр. 1. Телефон/факс (495) 785 17 00, e-mail info@afisha.ru, отдел рекламы ad@afisha.ru, отдел classifieds PA Up Media (495) 641 64 76, e-mail afisha@upmedia.pro. Официальный представитель по продаже рекламы в издания «Афиши» в Санкт-Петербурге Tandem Advertising Group. Телефон 8 926 707 55 39, e-mail afisha@tandemadv.ru

Тираж 84300 экземпляров. Цена свободная
Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФС77-54120 от 17.05.2013. Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Подписной индекс по каталогу Моспочтамта 42628
Для детей старше 18 лет
Фотографии в номере предоставлены кинокомпаниями «Каравелла DDC», «Парадиз», «ПРОвзгляд», Манежем, Мультимедиа-арт-музеем, DI Telegraph
Перепечатка материалов журнала «Афиша на две недели» невозможна без письменного разрешения редакции. При цитировании ссылка на журнал обязательна. Редакция не несет ответственности за достоверность информации, опубликованной в рекламных объявлениях, а также информации о мероприятиях, предоставленной их организаторами. Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции
Журнал «Афиша на две недели» №6 (366), выход из типографии 3 апреля 2014 года
Отпечатано в типографии «Алмаз-Пресс». 123242, Москва, Столярный пер., 3

В наборе использован шрифт Afisha Serif, созданный Александром Тарбеевым специально для журнала, **Afisha Grotesque**, спроектированный Тагиром Сафаевым на основе шрифта Bureau Grotesque Роджера Блэка, а также кириллическая версия шрифта **F Grotesk**, спроектированная Радимом Пешко

На обложке: *Рената Литвинова, Роман Мицюс Литвинов, Ксения Собчак, Оксана Акиньшина, Денис Симачев, Сергей Капков, Иван Noize MC Алексеев, Валерия Гай Германика, Леонид Парфенов, Олег Кулик, Дмитрий Борисов, Илья Осколков-Цеципер*
Фотография: *Алексей Киселев*
Продюсеры: *Катя Калан/Esquire, Алла Мельникова*
Волосы и макияж: *Юрий Ананов, Максим Игнатьев/The Agent (Рената Литвинова), Юрий Столяров, Евгений Грибов (Ксения Собчак), Анна Хаменко (Оксана Акиньшина), Надежда Князева/The Agent (Валерия Гай Германика)*



Две недели в городе: юбилей «Кровостока», «Золотой век русского авангарда» в Манеже, «Выживут только любовники» Джима Джармуша и другие события с 7 по 20 апреля

Текст: Оксана Булах, Тагир Вагапов, Виктория Вахорева, Александр Горбачев, Лев Данилкин, Алексей Киселев, Василий Миловидов, Феликс Сандалов, Мария Семендяева. Сведения отобраны редакторами «Афиши» и публикуются бесплатно. Информацию присылайте по адресу info@afisha.ru.

Полное и постоянно обновляемое расписание — на afisha.ru

Адреса магазинов, в которых продаются вещи, попавшие в ревизии «Афиши», см. на стр. 335

ПН 07/04

«Мир оперы Бенджамина Бриттена» в МАММ

Бриттеновские герои в контексте фотографического искусства

КОНЦЕРТЫ Пианист и искуснейший организатор художественных проектов Алексей Гориболь придумал соединить Международный месяц фотографии (то бишь Фотобиеннале) и многочисленные выставки британских фотографов в МАММ с юбилеем Бенджамина Бриттена. На втором из трех концертов солисты Молодежной программы Большого театра исполнят арии и ансамбли из опер Бриттена, рисующие абсолютно разных героев и полярные сюжетные ситуации. Трагический неудачник Питер Граймс из одноименной оперы обнажает психическую нестабильность под ударами судьбы, порывистый граф Эссекс невероятно нежен в двух лютневых песнях для королевы Елизаветы, мелодии из «Поворота винта», истории о жестоких привидениях, охотящихся за детьми, полны нездешней красоты, но леденят кровь почище киноужастиков, а экономка Флоренс Пайк из оперы «Альберт Херринг» скорее насмешит, чем напугает своими детективными изысканиями. И все это — в неочевидных, а потому тем более любопытных музейных декорациях. */ Мультимедиа-арт-музей, 19.00*

131

новую плоскостную парковку оборудуют в Москве до конца года. Часть из них при этом будет приспособлена для большегрузных автомобилей

Симптоматично, что одновременно с концертом *Serial Killers* пройдет выступление другой сборной легенд минувших лет — Metal All Stars: героев прошлого ныне берут оптом

СР 09/04

Serial Killers в «Главклубе»

Супергруппа отставных героев хип-хопа

КОНЦЕРТЫ Лидер Cypress Hill Би-Рил, кумир школьников рубежа девяностых-нулевых Экзибит и их молодой протеже Демрик — таков состав участников у новой формации Serial Killers, появившейся в прошлом году и выпустившей пока всего один микстейп (приуроченный к Хеллоуину). По названию легко догадаться, что исполняют Serial Killers увесистый и наступательный хип-хоп западного побережья; помимо совместного выступления на концерте в «Главклубе» каждый из участников почитает и сольные треки. */ «Главклуб», 20.00*

ПН 07/04, ВТ 08/04

«Золушка» в «Практике»

Сеанс психоанализа по мотивам классического сюжета

ТЕАТР Пьеса Жоэля Помра не вполне сказка. Ветеран французской «новой драмы», сохраняя повороты канонического сюжета Шарля Перро, методично препарирует психотипы персонажей. Вскрываются совершенно недетские комплексы, кризисы, конфликты, гештальты и мотивации. Оттого все герои, включая мачеху, оказываются предельно человечны, и становится ясно, что все они на самом деле хотят исключительно добра и любви. К подмосткам «Практики» драму о трудном подростке приспособила ученица Женовача Марфа Горвиц. Герои ее «Золушки» живут в белой-белой комнате с прозрачной мебелью, что не только вписывается в дизайнерский формат самого модного театра города, но и напрямую иллюстрирует намерение драматурга вывести сказочных героев на чистую воду и показать их истинные намерения. Сам автор, кстати, поставил собственную пьесу в филиале «Одеона» вообще в духе фильма «Тувалу», и уже четвертый год на спектакль толпами водят абитуриентов театральных вузов. */ «Практика», 20.00*

ПН 07/04

«Онегин» в Театре им. Пушкина

Пушкин без штампов: жесткий, красивый, вневременной

ТЕАТР Тимофей Кулябин московской публике известен главным образом по глянцево-кровавой «Электре» в Театре наций, тогда как в Новосибирске молодой режиссер оттачивает мастерство на полутысячном зале уже седьмой год. Выпускник ГИТИСа — и сразу главный режиссер «Красного факела», одного из самых заметных театров Сибири, все чаще мотивирует столичных театральных наблюдателей тратиться на авиабилеты. Его очищенный от исторических примет «Онегин» — про нас, достоверно и прямо. Неуклюжая для нашей лексики поэзия звучит здесь из динамиков, режиссура же строится на пластике, фактуре и актерской фантазии. На редкость действенный способ очищения шедевра от штампов. Закономерно: на такого Пушкина вход несовершеннолетним не рекомендован. */ Театр им. Пушкина, 19.00*

ПН 07/04

Открытие коворкинга в Центральном телеграфе

Еще одно приятное место для работы вне офиса — прямо на Тверской

ГОРОД В пространстве DI Telegraph в здании Центрального телеграфа на Тверской 7 апреля откроется коворкинг — раньше его там, как ни странно, не было, хотя лекции, конференции и другие мероприятия проходят уже давно. Главное отличие этого коворкинга от десятков других — крайне заманчивое местоположение, а также интересные соседи: в DI Telegraph заседает компания Dream Industries (то есть Bookmate, Zvooq и пр.). Рассчитан коворкинг на 100 мест, занимает 550 квадратных метров, тарифных планов всего два: за 15000 и 20000 рублей в месяц — в зависимости от доступа в переговорные и фиксированного рабочего места.

Роковую красотку в *«Трех днях на убийство»* сыграла Эмбер Херд — уже исполнявшая схожие по жгучести роли в «Ромовом дневнике» и «Мачете убивает»

С ЧТ 10/04

«Три дня на убийство» МакДжи

Возвращение Кевина Костнера в герои боевиков

КИНО После провала миссии по поимке крупного торговца оружием агент ЦРУ узнает, что находится в терминальной стадии рака мозга и легких, и отправляется в Париж восстанавливать отношения с бывшей женой и дочерью-подростком. Там ему предлагают завершить начатое дело в обмен на экспериментальное лекарство от болезни. Герой вынужден делать последнюю работу, попутно опекая свою непутевую дочь.

ВТ 08/04 ПЕТЕРБУРГ
СР 09/04 МОСКВА

Metal All Stars в России

Металл со звездами

КОНЦЕРТЫ Вывеска не врет — на совместную гастроль и правда выбрались значительные для поклонников тяжелой музыки фигуры. Окончательный состав ясен не до конца, но список в любом случае внушительный: вокалист Mötley Crüe Винс Нил, верный соратник Оззи Осборна и лидер Black Label Society Закк Уайлд, Макс Кавалера из Soulfly, Джоуи Белладонна из Anthrax, Удо Диркшнайдер, участники Manowar и многие другие. Исполнять все эти люди в разных конфигурациях будут песни собственных групп, а также неувядающую классику Black Sabbath, Iron Maiden и прочих героев на все времена. */ Петербург, «Юбилейный», 20.00; Москва, Stadium Live, 20.00*

ЧТ 10/04

Литтл Бутс в клубе Megapolis

Первый московский сольный концерт хорошей диско-поп-певицы

КОНЦЕРТЫ Украсившая позапрошлогодний Пикник «Афиши» трогательная блондинка Виктория Хескет сочиняет музыку, равно подходящую для сердца и для ног. Отличные песни для светских дискотек, имеющие в виду лучшие времена Мадонны и сделанные при помощи людей из Hercules & Love Affair, — к которым живьем добавляется еще и девичье обаяние. */ Megapolis, 20.00*

55

велопарковок появятся на Пятницкой улице, а мест для парковки машин станет меньше

рестораны

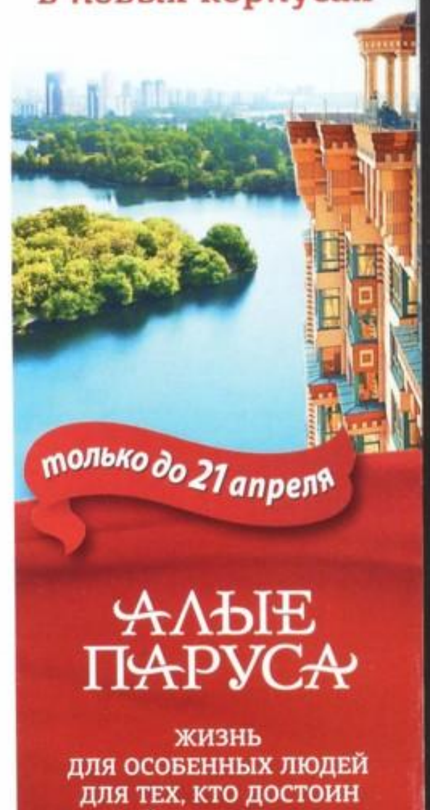
Александр Ильин

Tribeca — американский дайнер без кетчупа

В только что открывшемся на набережной Тараса Шевченко ресторане Tribeca главное — то, что это заведение на каждый день. Для формирующегося на Шевченко ресторанного кластера такой подход необычен: места по соседству сделаны по лекалам 90-х годов и оттого более радуют своих хозяев, чем посетителей. Tribeca устроена по-другому, хотя хозяевам также доставляет несомненную радость. Их тут двое: известный всем, кто еще смотрит телевизор, Таш Саркисян и Денис Николаев, управлявший баром GQ и рестораном White Rabbit, а также два года проработавший в Лондоне. Там, в лондонском Sumosan, был завербован шеф-повар Сергей Маркин, до того трудившийся в новиковской «Галерее». И это его усилиями здесь организована кухня — номинально американская, но куда более затейливая по сути. Простые блюда вроде кони-стайл-хот-дога (250 р.) придуманы и проработаны лучше, чем это принято делать в стране, где до сих пор полагают, что в Америке живут ковбои, негры и индейцы и питаются они исключительно в «Макдоналдсе». В хот-доге никакого кетчупа — щедрый чили кон карне в качестве соуса и перышки сладкого лука поверх всего. Другое обаятельное блюдо — чаудер с морепродуктами (380 р.), сливочностью напоминающий прибалтийские супы. Заслуживают внимания арбузный салат с чили (520 р.), эталонные панкейки с кленовым сиропом (340 р.), распиленные вдоль и запеченные мозговые косточки с луковым джемом (520 р.; к сожалению, они часто заканчиваются). В «Трайбеке» можно с толком выпить пива — за него отвечает команда петербургского «Трапписта», оборудовавшая настоящий колд-рум и набившая его крафтом, продукцией маленьких британских пивоварен и прочими редкостями. Кофе здесь занимаются люди из «Дабл Би» — и больше пояснений, пожалуй, не нужно. Не менее приятно обустроен бар: хорошо постриженные люди смешивают коктейли под руководством Андрея Заставнюка, покинувшего бар «Белка». Чем все это обернется, сейчас сказать сложно, но все данные для того, чтобы получилась, как принято говорить, бомба, имеются. Тем более что и Саркисян, и Николаев находятся в ресторане неотлучно. А это, в общем-то, самый правильный подход. *Кутузовский просп., 2/1, стр. 6, (495) 785 85 05 Ⓜ Киевская, пн-ср 8.00–1.00, чт-сб круглосуточно, вс 12.00–0.00*

Панкейки с кленовым сиропом (340 р.) — по классическому американскому репертуару

Весенние скидки* на квартиры в новых корпусах



только до 21 апреля

АЛЫЕ ПАРУСА

ЖИЗНЬ ДЛЯ ОСОБЕННЫХ ЛЮДЕЙ ДЛЯ ТЕХ, КТО ДОСТОИН ВОЙТИ В ЛЕГЕНДУ

- Собственная набережная
- Яхт-клуб с причалом для яхт
- Каскадные фонтаны
- Ротонда, маяк
- Футбольное поле
- Рестораны, кафе, салоны красоты
- Частный детский сад
- Премиальный фитнес-клуб
- Ухоженная территория 15 га
- Квартиры с высокими потолками, эркерами и угловым остеклением «в пол»
- 5 мин. пешком до ст. м. «Щукинская»
- Ипотека* от 7,9%

ДОНСТРОЙ
(495) 925 47 47

* Ипотека предоставляется «НОМОС-БАНК» (ОАО). Лицензия ЦБ РФ № 2209 от 20.04.2007 г. Проектная декларация на сайте www.donstroy.com

реклама

Апрель — начало мотосезона. Хозяевам двухколесного транспорта в пору не только провести техосмотр, но также обзавестись полезными мотоциклетными аксессуарами. Шлем и защита спины никогда не будут лишними, а мультитул поможет при поломке.

ПРЕДМЕТЫ И ФОТОГРАФИЯ: СЕРГЕЙ КОСТРОМИН

1. Шлем *Biltwell*, 9000 р.
2. Бандана *The Bandanna Company*, 490 р.
3. Сумка *Tool Wrap*, 890 р.
4. Защита для спины *Dainese*, 3445 р.
5. Очки *AGV*, 3445 р.
6. Стельки *Forcefield*, 605 р.
7. Подшлемник *Fast & Fashion*, 700 р.
8. Мультитул *Leatherman*, 5940 р.
9. Видеокамера *GoPro*, 9990 р.
10. Фонарь *Led Lenser*, 3190 р.
11. Брелок *Carhartt*, 199р
12. Перчатки *Mechanix*, 950 р.

©2014 LEVI STRAUSS & CO.
РЕКЛАМА

LEVI'S®

#EQUIPPED TO BE TRUE*

*#ГОТОВ БЫТЬ ВЕРНЫМ СЕБЕ **НАЙДИ СВОИ 501® ДЖИНСЫ
НИК ФУКЕ и КАШИЯ МИДОР Серферы / Единомышленники

GET EQUIPPED IN THE 501® JEAN**

5 новых книг

выбор *Льва Данилкина*

Марк Сэджвик «Наперекор современному миру. Традиционализм и тайная интеллектуальная история XX века»

Систематическое описание диссидентской, антимодернистской философии и эзотерической практики, отрицающей идолов объективности и рациональности. Помимо центрального блока — биографии Рене Генона — любопытны русские главы, посвященные Дугину и его питательной среде. Британскому историку удалось главное — соблюсти баланс скепсиса и любопытства; «те, кто считает традиционализм чем-то несерьезным, что-то упускают из виду».

Нил Стивенсон «Вирус «Reamde»

Похожий на «Барочный цикл», «Анафем» и «Криптономикон» разве что объемом, сатирический боевик про охоту шпионов из спецслужб за злодеем-террористом и сокровища XXI века — то есть виртуальные, из компьютерной мегаигры, деньги, которые можно конвертировать в реальные. В интернационале персонажей заметное место занимают русские — Ivanov и Sokolov, мафиози и спецназовец, естественно. Хороший роман; таким не стыдно укомплектовать новую «Библиотеку приключений».

Джон Бойн «Здесь обитают призраки»

Еще один «ретровикторианский атмосферный триллер» ирландского литератора про женщин в черном, странных детей и паранормальные явления, осложняющие жизнь молодой гувернантки в загородном норфолкском доме. Проверенные временем «повороты винта» хоть и превратились в сюжетные клише, по-прежнему заставляют ерзать от страха, а стилизаторские техники рассказчика наводят на мысль о том, что нынешние имитации выглядят убедительнее оригинала.

Кэролин Стил «Голодный город: Как еда определяет нашу жизнь»

Изобилующее примерами из повседневной жизни Британии исследование истории отношений еды и человека. Как городам вроде Лондона удается обеспечить себя провизией? Почему еда («одна из величайших сил, определяющих устройство нашего мира») дешевая — и чем мы («соучастники глобальной продовольственной сети») на самом деле за это расплачиваемся?

Стивен Строгац «Удовольствие от X»

Идея познакомить профанов «с самыми сложными и передовыми идеями из мира математики» кажется пугающей — однако автор справляется. Книга состоит из «виньеток», по три-четыре странички, с характерными, в «нью-йоркерском» стиле, иллюстрациями — где на примерах из повседневной жизни и массовой культуры объясняются разные математические законы, парадоксы и курьезы. С помощью математики можно установить, убивал ли Джей Симпсон свою жену; с помощью примеров, подрезанных у Строгаца, можно объяснять математику своим детям.

ПТ 11/04

«Кровосток» в «Главклубе»

Юбилей главнейших здешних рэп-нигилистов

КОНЦЕРТЫ Вышедший в 2004-м записанный на коленке альбом «Река крови» буквально взорвал русский хип-хоп. Предельно непотребные, но ужасно остроумные тексты-рассказы, угловатый и злободневный звук — редкий для России пример, когда неподдельный и непростой андеграунд нашел отклик у самых широких масс. С тех пор чего только не было — и камео в фильме «Жесть», названном в честь первого хита «Кровостока», и очереди во всю улицу перед клубом «Икра» на первых концертах, и аншлаги в заведениях в диапазоне от «Солянки» до залов-тысячников. Неизменно одно: «Кровосток» на протяжении десяти лет и четырех альбомов ни на йоту не изменил себе и все так же поставляет заразительные и очень смешные хроники жизни криминальных элементов. */ «Главклуб», 20.00*

ПТ 11/04, СБ 12/04, ПН 14/04, СР 16/04

«Аида» в Театре Станиславского

Основатель «Шаубюне» ставит оперу с русскими певцами

ТЕАТР 76-летний Петер Штайн, главный апологет системы Станиславского в Европе, влюблен в русскую театральную школу — притом что большие драмы и оперы в постановке команды немецкого мэтра идут чуть ли не на всех главных европейских сценах. Впервые ставя оперу в Москве, Штайн стремится к камерности, и «Аиду», оперу о войне Египта с Эфиопией, трактует как интимную историю двух женщин и одного мужчины — «в обстоятельствах, которые совершенно невозможно представить». */ Театр им. Станиславского и Немировича-Данченко, 19.00*

Концерты *Bohren & Der Club of Gore* дают, как правило, в полумраке — так что наряжаться музыкантам нет нужды

СБ 12/04, ВС 13/04

Городской маркет еды

Начинающие (и не только) кулинарные проекты в пространстве на Соколе

ГОРОД Неутомимая основательница проекта «Местная еда» Анастасия Колесникова открывает сезон гастрономических маркетов. Первое событие этой весны пройдет в пространстве «Местной еды» на Соколе — том самом, которое открыли для того, чтобы молодым рестораторам было где выходить в офлайн. Среди участников — Serbs с плескавицей и другими национальными блюдами, Punschmeister с лимонадами и глинтвейном, «Едим стоя» с израильской кухней, а также новички: Колесникова обещает стрит-фуд с креветками, домашнее ризотто, лапшу из Оренбургской области и многое другое. После этого, говорят, такие маркеты будут проходить раз в месяц.

СБ 12/04

Bohren & Der Club of Gore в «Театре»

Зачинатели дум-джаза с новым альбомом

КОНЦЕРТЫ Немцев Bohren & Der Club of Gore в Москве любят. В конце 80-х эти суровые люди играли грайндкор, а в 90-х изобрели стиль хоррор-джаз — медленную и страшную бессловесную музыку, равно обязанную Анджело Бадаламенти, Black Sabbath и нуар-джазу; и пусть последние записи — лишь вариации на заданную тему, на концертах Bohren & Der Club of Gore и сейчас по-особенному дрожит воздух. Нынешний визит B&DCoG приурочен к выходу первой за шесть лет пластинки — «Piano Nights». */ «Театр», 20.00*

ПН 14/04

Джерри Ли Льюис и Чак Берри в Crocus City Hall

Первопроходцы рок-н-ролла в добром здравии

КОНЦЕРТЫ 87-летний Чак Берри новой музыки не выпускает уже более тридцати лет, зато постоянно гастролирует по миру, исполняя свои нетленные рок-н-роллы и демонстрируя фирменную утиную походку. Джерри Ли Льюис, скандальный певец по прозвищу Убийца, начинал почти одновременно с Берри и для рок-н-роллного канона значит не меньше. В России Льюис, в нулевые вернувшийся в большую музыку и записавший две пластинки с гостями уровня Би Би Кинга и участников The Beatles, в отличие от Берри выступит впервые. */ Crocus City Hall, 20.00*

8

тренировочных футбольных полей построят в Москве к 2018 году, когда в стране состоится чемпионат мира по футболу

Центральный офис **LACOSTE**, тел.: + 7 (495) 514-13-80

Бутики **LACOSTE**

Shop.lacoste.ru, тел.: + 7 (495) 223-22-34

А также в магазинах партнеров:

Rendez-Vous, тел.: + 7 (495) 221-67-67

Salamander, тел.: + 7 (499) 579-32-21, + 7 (499) 579-32-25

SuperStep, тел.: + 7 (495) 514-13-80 доб. 700

SportCourt, тел.: + 7 (499) 796-02-19, + 7 (499) 168-96-73

Lamoda.ru, тел.: + 7 (495) 363-63-93

Butik.ru, тел.: + 7 (495) 981-42-02

LACOSTE

Реклама.

Если хлопковая рубашка кажется слишком строгой, то в качестве альтернативы можно выбрать шелковую блузку. Это вещь и нарядная, и опасная: в компании с юбкой-карандашом превращает девушку в героиню последнего фильма Ларса фон Триера.

ПРЕДМЕТЫ: ДИАНА ФЕЛЬДМАН ФОТОГРАФИИ: СЕРГЕЙ ЛЕОНТЬЕВ

1. *Hermès*, 45000 р.
2. *Levi's Vintage*, 6400 р.
3. *Acne*, 6750 р. с учетом скидки
4. *Olga Sukhotinskaya*, 2240 р.
5. *Zara*, 1999 р.
6. *Dries Van Noten*, 16828 р.
7, 9. *Ready-to-wear*, 3300 р.
8. *Monki*, 1840 р.

Romantika РАДИО

В КИНОТЕАТРАХ С 3 АПРЕЛЯ

ЗВЕЗДЫ ФРАНЦУЗСКОГО КИНО

РОМЕН ДЮРИ ОДРИ ТОТУ СЕСИЛЬ ДЕ ФРАНС КЕЛЛИ РЕЙЛИ

в романтической комедии года

КИТАЙСКАЯ ГОЛОВОЛОМКА

CASSE-TETE CHINOIS

режиссер СЕДРИК КЛАПИШ

16+

РЕКЛАМА

ВТ 15/04 — ВС 18/05

«Золотой век русского авангарда» в Манеже

Звездный час русского авангарда

ВЫСТАВКИ Через много лет после того, как русский авангард стал продаваться на аукционах наряду с импрессионизмом, он наконец возвращается в Россию не строгой музейной выставкой, а в виде шоу. Режиссер Питер Гринуэй вместе с женой Саскией Боддеке делают уже не первую выставку, которая совмещает черты и приемы изобразительного искусства и кинематографа. Здесь будут видео с актерами, играющими русских поэтов Серебряного века, картины из богом забытых музеев, движущиеся изображения, музыкальные эффекты и многие другие удивительные вещи, которые отечественные музеи в таком объеме используют нечасто. По всем признакам — событие сезона. */ Манеж*

ВТ 15/04 — ВС 11/05

«Красота неприглядности» в галерее «Беляево»

Осмысление отечественного бытового нигилизма через искусство

ВЫСТАВКИ Хаосом приятно любоваться на расстоянии, но российская реальность редко балует нас подобной роскошью. Как правило, хаос начинается непосредственно за дверью квартиры. Косые заборы, дырявые мусорки, заброшенные здания и неуклюжие бордюры — мы видим их гораздо чаще, чем хотелось бы, но именно эти проявления отечественной публичной среды художники решили использовать, для того чтобы наконец определить и ограничить эту среду. Осмыслением бетонных заборов и неуютных пустырей занимаются художники самых разных направлений и взглядов (Александр Бродский, Евгений Асс, Аня Желудь и другие), поэтому интереснее всего тот факт, что эта тема волнует их всех одинаково. */ «Беляево»*

КИНО

Василий Миловидов

«Выживут только любовники» — история любви вампиров-хипстеров как оправдание ретромании

В особняке на задворках загнивающего Детройта мается вампир-мизантроп Адам (Хиддлстон) — сочиняет хмурый построк, прячется от немногочисленных, но упорных фанатов и размышляет о бренности бытия. На другом конце света, в Танжере, обитают его жена Ева (Суинтон) и их общий приятель Кристофер Марло (Херт) — эксцентричный английский литератор, чьи произведения когда-то присвоил Шекспир. Пропитание троица добывает через дружественных докторов и уже много веков не притрагивается к живым людям, которых между собой называет зомби. Когда затосковавший Адам решит оставить этот мир и закажет деревянную пулю, Ева отправится на выручку возлюбленному.

В случае «Любовников» неизбежно возникновение мнения — во многом верного, — что это лучшая работа Джармуша со времен «Мертвеца». Формально это привычный для режиссера набор гэгов, повисших в безвоздушном пространстве, просто на этот раз автор шутит вдвойне очевиднее и потому эффективнее. От Хиддлстона и Суинтон требуется не столько играть, сколько излучать харизму, которой у обоих в достатке. Автор, кажется, впервые с такой откровенностью обнажает душу и при этом с искренней радостью над ней же и потешается.

Местами «Любовники» становятся похожи на обширный поминальник, в котором все культурные отсылки нарочито выдернуты из общеобразовательной программы, а Байрон идет через запятую с Джеком Уайтом. Это, безусловно, самое противоречивое хипстерское кино Джармуша, но именно сейчас, на седьмом десятке, у него получилось что-то близкое к программному высказыванию. «Любовники» — апология наивного культурного снобизма и одновременно речь в защиту любви к пластинкам и книжкам, которые можно было ценить пятнадцать лет (или пять столетий) назад, а сейчас уже стыдно. И если на то пошло, то джармушевские вампиры — идеальная иллюстрация строчки «главное, ребята, сердцем не стареть». *С 10 апреля*

В *«Выживут только любовники»* и герои, и режиссер вытряхивают весь свой культурный багаж — порой буквально

НОВЫЙ CITROËN **C4 PICASSO**
И **GRAND C4 PICASSO**

Новые Citroen C4 Picasso и Grand C4 Picasso переворачивают существующие представления о семейном автомобиле и предлагают поистине космические технологии комфорта и безопасности. Алгоритм взаимодействия водителя с автомобилем реализован на новом интуитивном уровне благодаря 7-дюймовому сенсорному экрану для управления основными функциями и 12-дюймовому HD-дисплею, на который выводится изображение кругового видеообзора 360°, навигационной и мультимедийной систем**. Независимо от модификации - 5 или 7 мест – водитель и пассажиры оценят уникальный технологичный дизайн и непревзойденную управляемость. Большая площадь остекления и панорамная крыша наполнят каждый момент лучами солнца или сиянием звезд и сделают любую поездку захватывающей.

Откройте целый Мир в вашем автомобиле!

CRÉATIVE TECHNOLOGIE*

CITROËN

Благотворительный Фонд
Константина Хабенского

Константин Хабенский *о благотворительных программах своего фонда* и новом проекте — уникальном мюзикле «Поколение Маугли»

Актер театра и кино Константин Хабенский давно известен своими добрыми делами: уже 6 лет существует Благотворительный фонд Константина Хабенского, осуществляющий всестороннюю помощь детям, страдающим от онкологии головного мозга. В последние годы Хабенскому удалось осуществить еще более невероятное дело — он развернул деятельность, способствующую развитию и творческой реализации способностей школьников разного возраста. Так, в 8 городах России успешно функционируют студии детского творчества, где ребята школьного возраста совершенно бесплатно занимаются актерским мастерством, пластикой под руководством профессионалов.

Недавно Константин приступил к реализации нового, совершенно уникального проекта, который объединит творческие занятия детей в студиях и помощь тяжелобольным подопечным фонда. Скоро в одном из городов, где расположена студия Хабенского, состоится премьера спектакля — мюзикла «Поколение Маугли»: фонд Хабенского для реализации этого проекта объединился с компанией МТС, а для создания спектакля были приглашены серьезные артисты, режиссеры, музыканты. Чтобы разобраться, в чем состоит проект, мы встретились с Константином Хабенским и попросили его подробней рассказать о том, что же за проект он задумал.

Сколько студий у вас на данный момент?

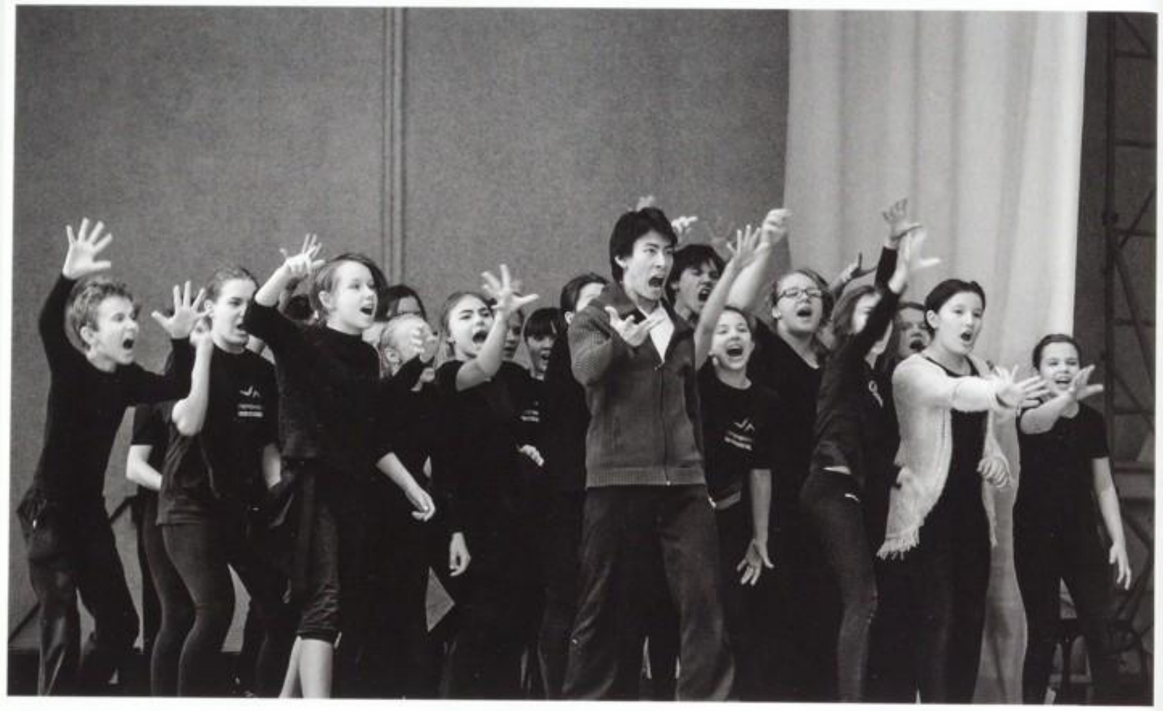
Сейчас студии находятся в 8 городах России, в нескольких из них — одна-две маленькие студии, в некоторых — городские студии творческого развития, которые объединяют уже детей со всего города. А началось все на базе самых обыкновенных школ, ученики которых приходили к нам заниматься.

«В регионах есть большая необходимость в таких творческих студиях, а возможностей меньше, чем в столице»

Почему именно в регионах, отчего вы не открыли студию в Москве?

Мне просто показалось, что в регионах есть большая необходимость в таких заведениях, а возможностей меньше, чем в столице. Это абсолютно бесплатно для детей. Единственное обяза-

Благотворительный Фонд
Константина Хабенского



тельное условие — это посещение и участие в жизни студии. Все занятия — профессиональные: с авторским художественным словом, кукольным театром, музыкальными инструментами, вокалом, кино.

Расскажите, пожалуйста, про проект, который ваш фонд организовал совместно с МТС.

Каждый год мы проводим фестиваль «Оперение», где подводим итоги года работы студий и даем детям какие-то творческие задания. И в прошлом году заданием было составить заявку на спектакль. Мы поработали с этими заявками и выбрали ту, которая нам показалась наиболее подходящей для реализации ее с детьми. Поэтому в 2014 году фестиваль откроется большим детским музыкальным спектаклем, который называется «Поколение Маугли». Это большой проект, который наши друзья из МТС с удовольствием поддержали.

Это буквальное прочтение «Книги джунглей» Киплинга?

Это спектакль, поставленный по мотивам книги Киплинга. Все действие происходит в так называемых каменных джунглях, то есть в мегаполисе. Не буду раскрывать все детали, просто, мне кажется, важно обратить внимание на то, что дети в наше время, скажем так, теряют детство. Они пропускают те детские шалости и радости, которыми мы наслаждались в эпоху, которую отличало, например, отсутствие интернета. Мне хотелось бы, чтобы в этом спектакле и дети,

Основная часть аудитории детей и подростков активно пользуется социальными сетями. Онлайн-активности «Поколения Маугли» будут транслироваться на специальном портале dobroedelo.mts.ru и в группе «ВКонтакте», где дети смогут больше узнать о проекте

и взрослые (особенно взрослые!) поняли, чего лишен ребенок, живущий в мегаполисе.

Какие методы используются? Какой-то интерактив между актерами и зрителями, возможность импровизации?

Поскольку это музыкальный спектакль, он сам по себе подразумевает музыкальный интерактив со зрителями. Во-первых, там играют дети из нашей казанской студии, большое количество детей: одновременно на сцене 43 ребенка плюс профессиональные артисты. Во-вторых, номера разные — и танцевальные, и вокальные, и этюдные — то есть все то, чем мы занимаемся во время работы студий. Главное, чтобы дети чувствовали, что это не что-то новое, и понимали, что занятия плавно перетекают в упражнения и в спектакль. Когда ребята из МТС, уже сотрудничающие с нашим благотворительным фондом, услышали про нашу идею, то тут же согласились принять в ней участие. А идея совершенно уникальная: совмещение творчества с благотворительностью, спектакль, вся прибыль от которого переходила бы напрямую в помощь детям, которые борются с серьезными заболеваниями. То есть наши актеры понимают, что своей игрой, собранностью и умениями они не только выпускают свой пар, удовлетворяют амбиции и желание выйти на сцену, но при этом помогают своим ровесникам, которым так нужна поддержка.

Каким образом можно помочь детям в рамках проекта «Поколение Маугли», помимо того что купить билет на спектакль?

На сайте проекта будет организована необычайно активная «творческая жизнь»: виртуальные мастер-классы, творческие задания и конкурсы, и любая активность посетителей сайта — как участие в конкурсах, так и голосование за работы — будут переводиться в баллы. А баллы будут переводиться в сумму в рублях, которую компания МТС конвертирует в «живые деньги» на лечение детей.

Константин, а как давно вы сами играли в детском спектакле?

Совсем недавно! По большому счету нет разницы между детским и взрослым спектаклем. Задача везде одна — чтобы взрослым и детям было интересно смотреть, а актеру — играть, а также чтобы он мог отправлять энергетику в зрительный зал.

Как проводился отбор, был ли кастинг на «Поколение Маугли»?

Так как фестиваль вообще большая история, то нам удалось вовлечь всех детей из нашей казанской студии. Часть из них задействована в основном составе «Поколения Маугли», другая — участвует в закрытии фестиваля «Оперение», остальные — в основной программе. 350 человек, которые занимаются сейчас в казанской студии, — это достаточное количество юных актеров, чтобы они спокойно распределили между собой, кто чем занимается.

Как вам удалось привлечь к проекту студий известных и состоявшихся артистов?

Просто изначально наша затея настолько понятная и правильная, что все понимали, насколько это круто. Вопросы были только о том, осуществимо ли это. Все мои коллеги были за, просто никто не знал, кто это сможет возглавить. Как только я взялся за это, я не получил ни одного отказа. Я своим коллегам объясняю, что для них это не просто утоление своих творческих амбиций сделать что-то по-настоящему значимое, это еще и напрямую благотворительность.

Кто писал музыку?

Музыку и тексты для песен писали Алексей Кортнев и его группа. Сейчас мы ведем переговоры о том, чтобы он смог играть в этом спектакле. Просто у Леши очень жесткий рабочий график, но мы не теряем надежды увидеть его на сцене.

Благотворительный Фонд
Константина Хабенского

С кем сложнее работать — с детьми или взрослыми?

С детьми, конечно: они быстрее устают.

Допустим, студенты, которые учатся в Школе-студии МХАТ, с первого курса знают, зачем они это делают, на что идут, чем готовы пожертвовать ради сцены, — они ко всему готовы. В наших же студиях творческого

«Все действие нашего спектакля происходит в так называемых каменных джунглях, то есть в обычном мегаполисе»

развития обучение идет в игровой форме, несмотря на обязательное условие посещения и профессиональные занятия. И тут от наших педагогов и от меня требуется постоянное человеческое понимание того, что это все-таки дети. Талантливые, смелые, умные — но дети. Правда, сейчас они вошли в достаточно жесткий предпремьерный режим. И понимают, о чем я их прошу: собраться на период проведения фестиваля и потерпеть; и иногда это, да, слезы и пот, но зато они уже точно знают, для чего все это нужно. И в этом смысле они, конечно же, настоящие герои. Пусть и очень юные.

РЕКЛАМНАЯ СТАТЬЯ МАТЕРИАЛ ПОДГОТОВЛЕН ПО ЗАКАЗУ МТС

Сейчас, когда узнавать время по руке, а не с экрана телефона, — это анахронизм, изобретенные в 1957 году электронные часы напоминают о времени, когда все высокие технологии строились вокруг цифр и их вершиной считался карманный калькулятор.

ПРЕДМЕТЫ: ДИАНА ФЕЛЬДМАН ФОТОГРАФИЯ: СЕРГЕЙ ЛЕОНТЬЕВ

1. *Police*, 34801 р.
2. *Swatch*, 5600 р.
3. *Nixon*, 8160 р.
4. *Sector*, 1650 р.
5. *T. G-Shock*, 4790 р.
6. *Timex*, 5890 р.
8. *Nixon*, 6200 р.
9. *Suunto*, 10990 р.

SEAT
ГРУППА ФОЛЬКСВАГЕН

ПОЙМАЙ SEAT LEON
С ВЫГОДОЙ до 125 000 РУБ.*

18+ Реклама

ENJOYNEERING

ИСПАНСКИЙ ТЕМПЕРАМЕНТ. НЕМЕЦКИЕ ТЕХНОЛОГИИ.

Мощные и технологичные двигатели TSI с коробкой DSG**
Первая в классе полностью светодиодная оптика Full LED**
Технологическая оснащенность: мультимедийная система SEAT с навигацией и сенсорным экраном, система помощи при подъеме, система распознавания усталости водителя** и др.
/ Европейская сборка и качество Фольксваген Груп
/ 3 режима индивидуальных настроек управления SEAT DRIVE PROFILE**
/ Высший рейтинг безопасности – 5 звезд EuroNCAP***

8 (800) 700-7328
SEAT.RU

*Выгода для Leon SC FR – до 125 000 руб. Предложение ограниченно и действует до 30.04.2014 на автомобили 2013 года. Подробности – на сайте www.seat.ru. **В зависимости от комплектации автомобиля представленное оборудование может входить в стандартное оснащение или быть доступно в качестве опции. ***Европейская программа оценки новых автомобилей на 2012 год.

5 новых альбомов выбор *Александра Горбачева*

Kaiser Chiefs «Education, Education, Education & War»

Одна из самых успешных британских групп 2000-х решает проблему кризиса идей в своем поколении просто: игнорируя его. «Education, Education, Education & War» являет собой громогласный патетичный рок для фестивальных толп; лидский акцент, пролетарская энергия и антивоенный месседж тоже имеют место. Абсолютно тождественная себе музыка, которая, кажется, не задается вопросом, к чему она в 2014 году, — вот и мы его задавать не будем.

Todd Terje «It's Album Time»

Норвежский усатый бонвиван и лучший друг артиста Линдстрема делает образцовое скандинавское постдиско. Синтетические сюиты размечены гитарными аккордами; мелодии вьются, как кудри на ветру; танцы предполагаются, но без фанатизма; в середине к тому же имеется дивный кавер на «Johnny and Mary» Роберта Палмера (поет Брайан Ферри). Терье, вероятно, способен часами гнать такую музыку — но это тот случай, когда данное обстоятельство не раздражает.

Liars «Mess»

Одна из самых интересных бруклинских инди-групп прошлого десятилетия внезапно возвращается к корням. «Mess» звучит абсолютно как остромодная пластинка из 2004 года, притом отменная: тут и электрические госпелы в духе TV on the Radio, и макабрический кладбищенский постэлектроклэш; плюс к тому — урбанистические шум и ярость, которые питали музыку Liars всю дорогу. Сильная вещь; пугает только то, что, быть может, таким образом начинается ревайвл 2000-х.

«Море облаков» «В моей квартире»

Вокалистку группы зовут Тосилия Чайкина — и вместе с названием «Море облаков» это дает исчерпывающее представление об их песнях. Управляясь с домашним битом, текучими синтезаторами и долгим эхом друг друга, петербургский дуэт пишет невероятно (иначе не скажешь) милые песни-утопии, в которых сиюминутное становится вечным — и наоборот. Прекрасное пополнение в ряду «новых добрых».

MØ «No Mythologies to Follow»

Очередная героиня новомодного жанра героин-поп (см. также Лану Дель Рей, Лорде и проч.) — из Скандинавии. Красивые, в меру модные, немножко заторможенные песни про одиночество, несчастную любовь и беды юности, изложенные на языке обновленного R'n'B и неспешного хауса. Мё берет, впрочем, не только и не столько мелодиями, сколько продюсерскими акцентами — прицельно вставленными духовыми семплами, ритмическими кунштюками и прочими деталями, обогащающими внутреннюю жизнь музыки.

С ЧТ 17/04

«Глория» Себастьяна Лелио

Тонкая и не слишком сентиментальная драма про старость

КИНО Разведенная чилийка в возрасте днем ходит на опостылевшую работу, а чтобы скоротать ночь — на местные дискотеки для тех, кому за сорок. На одной из них она встречает Родольфо, который вскоре влюбляется в героиню и начинает казаться долгожданным лекарством от одиночества. Тем не менее от обоюдных скелетов в шкафу и страха перед старостью убежать не так просто. Традиционная, но тонкая европейская драма с выдающейся игрой актрисы Паулины Гарсии, за которую она в прошлом году получила «Серебряного медведя» в Берлине.

ЧТ 17/04 — СР 30/04

«Магистраль» в «Культпроекте»

Отличные художники по странному поводу

ВЫСТАВКИ Выставка, посвященная юбилею недостроенной Байкало-Амурской магистрали, поначалу вызывает оправданный скепсис. Однако подбор художников здесь нетривиальный — от Александра Лабаса до Константина Батынкова. Видеоинсталляции группы «Синий суп» соседствуют с графикой и живописью от 1950-х до 2000-х, причем кураторы тактично намекают, что все представленные работы — это вроде как станции на длинном пути развития русского искусства. То есть предпринята попытка осмысления определенной магистрали русского искусства, и этот взгляд, возможно, отличается от общепринятого. / *«Культпроект»*

320

метров составит длина пляжа, который обустроят этим летом в Строгино. Его строители обещают, что пляж будет «европейского уровня», а дно поймы для более комфортного купания очистят

реклама
Одежда для жизни.
Фото: Ярослав Калинин, специально для журнала «Афиша». Одежда предоставлена магазином Uniqlo

В *«Томе на ферме»* Ксавье Долан заходит на непривычную для себя территорию сельскохозяйственного триллера

С ЧТ 17/04

«Том на ферме» Ксавье Долана

Остросюжетная драма про столкновения разных социально-сексуальных слоев

КИНО Четвертый фильм двадцатипятилетнего канадского вундеркинда Долана, который продолжает заметно взрослеть с каждой новой работой. «Том на ферме» — очередная история про неисповедимые пути человеческих отношений и мужской сексуальности. Главный герой приезжает из города в деревню на похороны своего бойфренда и вынужден мириться с непривычной окружающей средой, незнанием матери покойного об интимной жизни своего сына и агрессивным поведением его брата.

150

дорожных знаков «Работает эвакуатор» установят внутри Садового кольца в апреле. А также — 154 знака «Платные услуги» и 150 знаков «Инвалиды»

С ЧТ 17/04

«Голгофа» Джона Майкла МакДонаха

Ироничная драма про священника в беде

КИНО Священнику (Брендан Глисон) из ирландского захолустья во время исповеди неизвестный отмеряет неделю до смерти за грехи совсем другого святого отца. Узнав имя своего потенциального убийцы, герой, тем не менее, не спешит сдавать его полиции. «Голгофа» более серьезное по сравнению с «Однажды в Ирландии» кино, но все же не лишенное типичного для братьев МакДонах могильного юмора.

С ЧТ 17/04

«Саботаж» Дэвида Эйра

Очередной боевик со Шварценеггером

КИНО После того как элитное подразделение Управления по борьбе с наркотиками успешно накрывает базу крупного наркокартеля, его членов начинают убирать одного за другим, а лидер команды вынужден искать предателя. Очередная глава актерского ренессанса Арнольда Шварценеггера, боевик в лучших и худших традициях жанра одновременно; в некотором смысле по мотивам «Десяти негритят».

ПТ 18/04 ПЕТЕРБУРГ

«Кровосток» в «Космонавте»

КОНЦЕРТЫ См. текст на стр. 12. */ «Космонавт», 20.00*

СБ 19/04, ВС 20/04

«Делай саммит» в КЦ ЗИЛ

Конференция о городских инициативах

ГОРОД Марафон городских действий, на котором городские активисты и специалисты по хорошим делам со всего мира будут обсуждать, как сделать жизнь в Москве приятнее. Среди спикеров — британский садовод-партизан Ричард Рейнолдс, автор популярного блога о стрит-арте Ален Бибер, муниципальные депутаты, социологи, уличные художники и другие. Речь пойдет обо всем: от публичной интимности до защиты своих экологических прав. */ культурный центр ЗИЛ, 11.00–20.00*

Приложение «Афиша»: Самый быстрый способ узнать обо всех развлечениях вашего города

ASUS | intel
В ПОИСКАХ НЕВЕРОЯТНОГО
ASUS рекомендует Windows 8.

ASUS **Transformer Book** Trio
Трансформируй свои возможности

Ноутбук, планшет и стационарный компьютер в одном устройстве

Режим стационарного компьютера

Transformer Book Trio – уникальное устройство с тремя режимами работы: мощный ноутбук с процессором Intel® Core™ i7, Android-планшет на базе Intel® Atom™ с мультисенсорным экраном Full-HD или компактный стационарный компьютер. Transformer Book Trio работает под управлением двух операционных систем: Windows 8.1 и Android 4.2.

www.asus.ru | www.asusnb.ru
Всемирная гарантия 2 года
Горячая линия ASUS: 8 (495) 23-11-999, 8-800-100-2787

Реклама. Технические характеристики зависят от модели и региона. ASUS Transformer Book Trio работает на базе процессора Intel® Core™ i7, а его планшетный компонент – на базе процессора Intel Atom. Intel, логотип Intel, Intel Atom, Intel Atom inside, Intel Core, Intel Inside, Intel Inside Logo являются товарными знаками корпорации Intel в США и/или других странах.

intel inside CORE i7

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ:
VK.COM/ASUS FACEBOOK.COM/ASUS.RU TWITTER.COM/ASUS_RUSSIA YOUTUBE.COM/ASUSRU

15 ЛЕТ

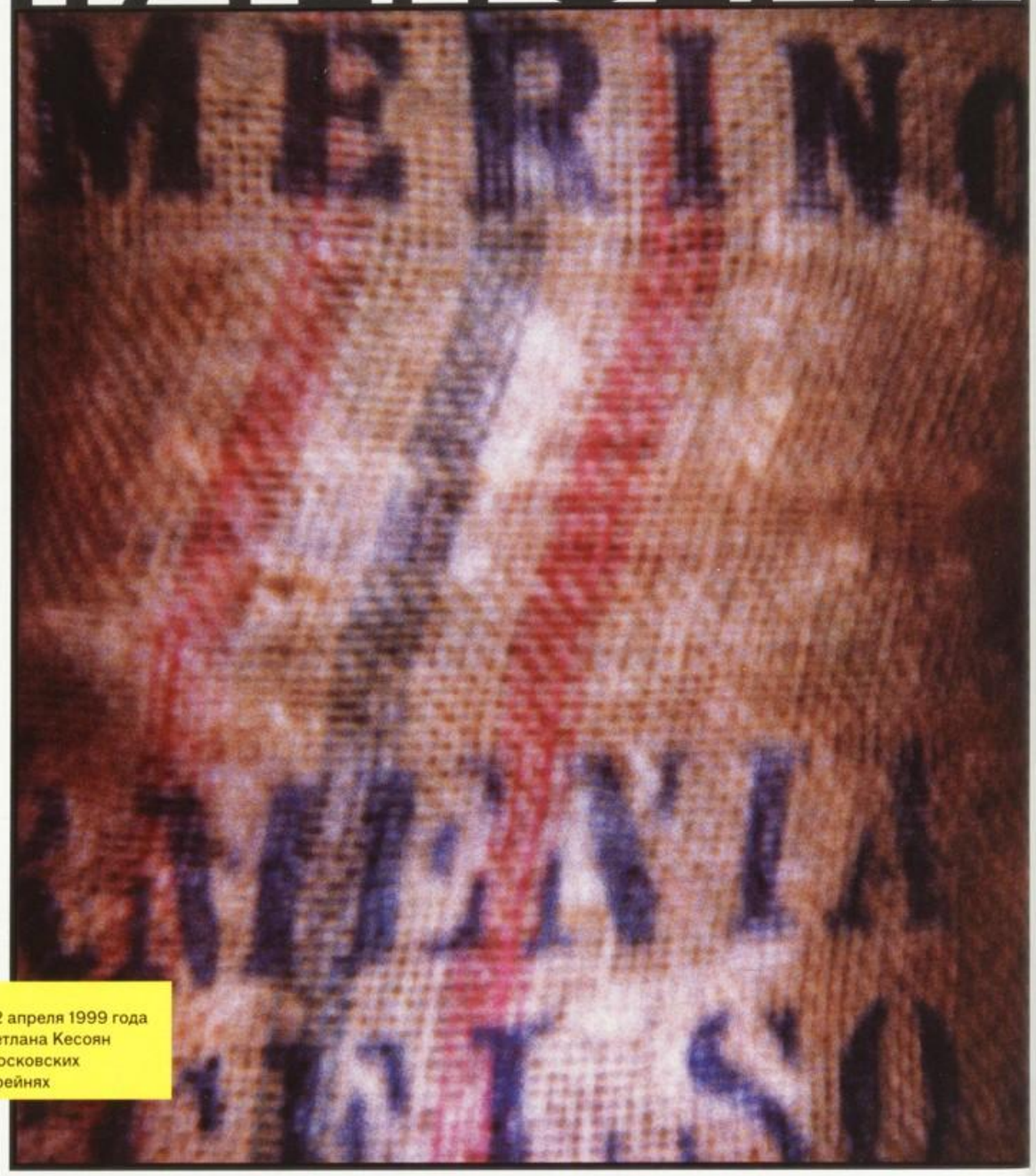
Юбилей «Афиши»: лучшие материалы в истории журнала*

* Материалы опубликованы в том же виде, в каком они были напечатаны в соответствующих номерах «Афиши». Тексты приведены в соответствие с законодательными нормами 2014 года

19 99

афиша
НАВЕРХУ
ФИНАЛ!
МАКСИДРОМ
КОНЕЦ
ПАГУТЕНКО
МОСКОВСКИЙ КИНОФЕСТИВАЛЬ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
СПЕШИТЕ!!!
МОСКВА 2000
ДЕНЬ НОЧЬ
МИЛЛЕНИУМ
МЕГАПОЛИС
«КУДА?»
ЗЕТА-ДЖОНС
КУРНИКОВА НА КУБКЕ КРЕМЛЯ
ОСЕНЬ
ЗИМА
МАТРИЦА
ДЖОННИ ДЕПП
007

ПУТЕМ ЗЕРНА



№1
от 2 апреля 1999 года
Светлана Кесоян
о московских
кофейнях

В МОДЕ — КОФЕ. ¶ НЕЗАМЕТНО, ТИХОЙ САПОЙ, ЛЮДИ, ЛЬВЫ, ОРЛЫ И КУРОПАТКИ ПЕРЕМЕСТИЛИСЬ ИЗ КВАРТИР И КЛУБОВ В КАФЕ И КОФЕЙНИ. НОВЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ОТКРЫВАЮТСЯ ЧУТЬ ЛИ НЕ КАЖДЫЙ МЕСЯЦ. ОСОБО ОДЕРЖИМЫЕ СЛОНЯЮТСЯ ПО ГОРОДУ В ПОИСКАХ НЕВЕДОМОЙ КОФЕЙНИ, СОВСЕМ КАК РАНЬШЕ В ПОИСКАХ СВЕЖЕГО КЛУБА. ¶ СРЕДИ ДНЕВНЫХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ ЛУЧШЕЕ — ВЫПИТЬ ЧАШКУ КАПУЧЧИНО В ПРИЯТНОМ МЕСТЕ. ВЕЧЕРОМ ДОСТАТОЧНО ЗАЙТИ НА МИНУТКУ, УГОСТИТЬСЯ ЭСПРЕССО — И ПОГРУЗИТЬСЯ В СЛАДКОЕ БЕЗДЕЛЬЕ ЧАСА НА ЧЕТЫРЕ. ЗНАКОМЫЕ, ДРУЗЬЯ И ПРИЯТЕЛИ ИДУТ КОСЯКОМ В ТЕ ЖЕ ДВЕРИ. ¶ УХОДИТЬ НЕ ХОЧЕТСЯ, СПАТЬ — ТЕМ БОЛЕЕ. ТЯНЕТ НА РАЗГОВОРЫ, ЗНАКОМСТВА, ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ¶ ПРОСЫПАЕТСЯ СТРАСТЬ К НАБЛЮДЕНИЮ. ПОДГЛЯДЫВАТЬ МОЖНО НЕ ОТРЫВАЯСЬ ОТ ЧАШКИ. ПРАВДА, ЧЕЛОВЕК НАПРОТИВ ТОЖЕ ВАС РАЗГЛЯДЫВАЕТ УЖЕ МИНУТ ТРИДЦАТЬ. ДА И ЗА ОКНОМ НАРОД ТУДА-СЮДА БЕГАЕТ. ¶ ДЛЯ ВЫЯСНЕНИЯ ПОДРОБНОСТЕЙ В КОФЕЙНИ МОСКВЫ БЫЛ ОТПРАВЛЕН РЕДАКТОР «АФИШИ» СВЕТЛАНА КЕСОЯН. ПЬЕМ КОФЕ. С УТРА ДО ВЕЧЕРА.

8.30. В этом чудовищном эксперименте над человеком участвует собака Бася. Я не хочу страдать одна.

Выходим якобы на прогулку. Но и в собачьей жизни должны быть праздники. Обещаю псу свежайшей ветчины без хлеба.

Сквозь моросящий дождь плетемся к заветной двери.

9.00. «Делифранс», французская булочная. Уборщиц не видно. Вытираем лапы. «Все равно не пустят», — с тоской думаю я.

9.03. За прилавком хмурится девушка. Удивленно выдыхает: «А к нам с собаками нельзя». На помощь приходит менеджер. Он с обворожительной улыбкой сообщает мне, что, конечно, нельзя, но с французскими породами, а именно – с бассетами – очень даже можно.

9.10. В зале пусто. У населения нет пока привычки «зайти позавтракать». Горячие круассаны, ушки с абрикосами, ароматные яблочные плетенки до обеда никто не пробует.

Я пью не просто кофе, а «Французскую ваниль». Ароматный кофейный напиток с молоком.

Бассет Бася закусывает прозрачными ломтями розовой ветчины. От полноценного сэндвича он мужественно отказался. Благородный менеджер, нарушитель порядков, восхищенно наблюдает из-за колонны.

10.05. Смотрю в окно. Там мелькает поэт Рубинштейн. Лев.

12.00. «Донна Клара». В полдень маленькая кондитерская на Малой Бронной — лучшее место на свете. Прозрачный воздух, никакого вечернего дыма, тепло и уютно. Изящные столы и подоконники, превращенные в удобные диванчики.

12.05. Официантка ослепительно улыбается. Под легкий эйсид-джаз приносит молочно-банановый коктейль и капуччино.

12.30. Посетителей ровно три человека. Первый, Зверев Иван, держит в ручище крохотный эспрессо и громогласно чмокает при каждом глотке.

Минуты через три он объявляет: «Только что вышел из больницы! Целый месяц не пробовал кофе!»

Модель Солдатенкова Яна у окна напротив поглаживает свое норковое пальто и силится откусить малиновый тортик, одновременно терзая телефон, по которому пытается заманить кого-то «завтракать».

Третий, Челобанов Алексей, войдя, делает замечание бармену: «Слишком громко». Рванувшись к колонкам, заботливо их подвигает.

12.35. Челобанов Алексей добивается идеального звучания. Пьет капуччино. Ему хорошо.

12.41. Выбор верный. В «Донне Кларе» кофе вкусен только днем. Пока народу немного. Вечером кондитерская превращается в ресторан с серьезной едой и на качество кофе уже никто не обращает внимания. Крепость равна нулю, молоко плохо взбито. Целый год «Донна Клара» слыла модницей заведением. Сейчас былой славы заметно поубавилось. Остались завсегдатаи: субъекты в черной коже и кашемировых пальто, щетинистые бездельники и девицы в хрустящих от телесного напряжения нарядах.

13.00. Смотрю в окно. Там пробегают Рубинштейн Лев и Пригов Дмитрий Александрович.

13.30. «Солей-Экспресс».

Французское кафе заслужило безупречную репутацию по части круассанов, сэндвичей с курицей и капуччино нежного вкуса.

Альтернатива кофе — горячий шоколад по скромной цене.

13.45. Главное украшение — огромная позолоченная кофеварка с орлом на макушке. Варит, парит, пенит и сушит чашки. Классный кичевый комбайн.

В «Солей» в любую погоду охватывает солнечное настроение. Желтые стены, синий потолок, комфорт и улыбки. Праздник устраивают себе главным образом иностранные граждане и уцелевшие после кризиса работники офисов. Кофейные модники сюда забредают редко. Угол Садового кольца и Цветного бульвара — это слишком далеко?

14.00. Смотрю в окно. Мимо проезжает предприниматель Ханкин Дмитрий. Проходят: Сорокин Владимир, Никитины Татьяна и Сергей.

14.35. «Александрия».

Чистая и ужасно буржуазная кофейня. Обстановка цвета вишневого дерева. Фонарики, цветочки, лепесточки, сладкие домики из бисквита в кремовых розочках. Воспоминание о начале века почти удалось. Стоит лишь немного изменить напряженные лица.

В этой кофейне знакомятся с девушками. Девушки не возражают.

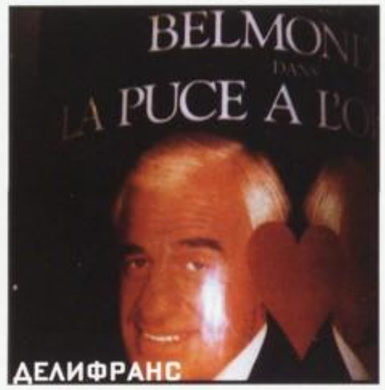
«Александрия» — чайный чемпион. Здесь заваривают чай листовой пятнадцати сортов — обстоятельство для города редкое. Не могу отказаться от китайского чая с лепестками роз. На вто-

рое — отличный «Немецкий кофе» под взбитыми сливками с вишневым ликером.
14.50. Удовольствие портит официантка. Она навязчиво ждет расплаты.
14.55. Смотрю в окно. За стеклом проплывают: Петлюра Александр с Броней Пани, Пуговкин Михаил, Радзинский Эдвард, Тимофеевский Шура.
15.15. «Кондитерская» в отеле «Метрополь» — еще один очаг буржуазного разврата. Мягкие диваны, круглые столики, свежие розы, затейливые салфетки.
15.21. Официантки посетителей не угнетают. Относятся ласково и всячески балуют.
В «Метрополе» отдыхает избранная публика с сигарами, хотя здесь не дороже, чем, например, в «Александрии».
Определенный шик отчетливо заметен в мелочах. Стройный кофейник горячего шоколада кого угодно превращает в сущего ангела. Даже меня.
15.30. Немножко необычного тирамису. Итальянское пирожное здесь укладывают не на тарелку, а в высокий бокал. Украшают не коричневой пудрой какао, а кокетливой стружкой белого шоколада.
16.10. На улицу совсем не хочется. В голове бродит: «Буду сидеть в респектабельном одиночестве, попробую бланманже с фруктами и начну придумывать специальный наряд для поглощения крем-брюле».
Подойдет романтическое супермакси. Платье и мундштук из бивня индийского слона. Аксессуар — кавалер-гангстер. Как в фильме «Однажды в Америке».
17.00. Случайно взглянула в окно. Сквозь сумерки идут: Свиблова Ольга, Медведи и Маша, Капица Сергей Петрович, Козаков Михаил, Демидов Иван, Бубка Сергей.
18.00. «Кофе Бин» — это тесный кофейный магазин без окон, где стоят четыре стола из дерева.
18.30. Пару плетеных столиков все время носят из угла в угол.
18.35. Строжайше запрещено курить — и поэтому невероятно сильно пахнет свежемолотым и свежесваренным кофе. Бесчисленное количество сортов и рецептов.
Прямо с порога слышны радостные приветствия. Как всегда, полно народу. Романтические девушки в длинных платьях – Плавинская Елизавета и Погодина Вера – мусолят свой изысканный кофе. Их спутники окончательно разомлели и явно устали жевать сливочный торт, пропитанный кубинским ромом.
18.43. Бородатый юноша за прилавком вкрадчиво обещает лучший в мире кофе специально для меня. Выбор? Необходим «Корнадо». Мягкий, на топленом молоке.
18.50. Организм на грани.
18.52. Руки трясутся, в глазах тем
Сейчас я ненавижу кофе.
Людей люблю.
19.01. В окно посмотреть нельзя. Е
нет.
20.00. Час пик. «Кофе Бин» ном
два — это просторная застекленн
терраса на Покровке.
Под гроздьями разноцветных ламп
чек сидит великое множество прия
ных людей. Возраст, профессия, ур
вень известности не имеют значен
Правда, владельцы визитных карто
не забывают пришпилить свою бума
ку к специальной колонне.
Большой «Бин» — отличное место д
некурящих. При выборе кофе учиты
ются вкусы, привычки и настроение.
20.04. Не выносите кофеин — пей
глинтвейн. На худой конец — лучш
в городе лимонад.
Сладкое не ешьте — дорого.
Купить зерна домой — пожалуйста. Д
же редкий ямайский сорт «Голубая
ра» время от времени появляется.
20.10. Вы думаете, все дело в коф
Не совсем так. Просиживать в коф
не дни напролет — это способ прев
щения замученного беготней моск
ча в довольного жизнью созерцател
20.15. Но уставиться в одну точ
в вечернем «Бине» вам не удастся. В
время кто-то хохочет.

ЛАТТЕ — 55 РУБЛЕЙ, КАПУЧЧИНО — 60 РУБЛЕЙ, ЯМАЙСКИЙ КОФЕ — 100 РУБ
РУБЛЕЙ, НЕМЕЦКИЙ КОФЕ — 120 РУБЛЕЙ, ИРЛАНДСКИЙ КОФЕ — 100 РУБ
КОЛАД — 45 РУБЛЕЙ, ЯВСКИЙ МОККО — 70 РУБЛЕЙ, ГВАТЕМАЛЬСКИЙ АНТИ

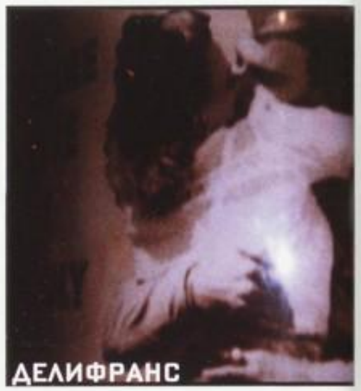
КОФЕ БИН НА ПОКРОВКЕ

Покровка, 17
м. Чистые Пруды, Китай-город
пн-чт 10.00-22.00,
пт-вс 10.00-23.00



ДЕЛИФРАНС

Триумфальная пл., 4/31
Концертный зал им. П. И. Чайковского
м. Маяковская, пн-чт 8.00-22.00,
пт-вс до 24.00



ДЕЛИФРАНС

ДОННА КЛАРА

М.Бронная, 21/13
м. Пушкинская, Тверская,
10.00-22.00

АЛЕКСАНДРИЯ

Цветной бульвар, 25, стр. 1
м. Цветной бульвар, 10.00-23.00

КОРНАДО — 50 РУБЛЕЙ, ЭСПРЕССО — 25 РУБЛЕЙ, МЕКСИКАНСКИЙ КОФЕ — 60
РАНЦУЗСКАЯ ВАНИЛЬ — 45 РУБЛЕЙ, АМЕРИКАНСКИЙ КОФЕ — 50 РУБЛЕЙ, ШО-
О РУБЛЕЙ, ЭСПРЕССО МАЧИАТО — 30 РУБЛЕЙ, МЕГАКАПУЧЧИНО — 60 РУБЛЕЙ.

СОЛЕЙ ЭКСПРЕСС

Садовая-Самотечная, 24/27
м. Цветной бульвар, 9.00-23.00

20.35. Пора выпить «Мегакапуччино» в бульонной чашке с шоколадным кексом и посмотреть в окно. Мимо проходят: Козырев Михаил, Деев Глеб, Апексимова Ирина, Фридкес Владимир с собакой, Шакс Любовь, Новодворская Валерия, Каспаров Гарри, Лимонов Эдуард, Боровой Константин.
21.10. «Кофе Клуб». Новое место в недрах Концертного зала им. Чайковского. Очень модное.
21.15. Сюда из «Бина» переместились все курящие.
Страдающие от никотина тоже не могут пройти мимо. Признак реального успеха — даже не знакомые всем лица, а битком набитое пространство за час до закрытия. Никого не выгонят. Даже намекать, что, мол, пора, выключаем электричество, не принято. Искренние улыбки, вежливые комплименты, вкуснейший кофе двадцати с лишним сортов и стильная сервировка.
Изобретение номер один — трубочки корицы. В первые дни они заменяли ложку, потом официантки предлагали использовать их как соломинки.
Но все устаканилось. Ложку к капуччино дают, эксперименты с соломинками – по желанию клиента, а палочка-трубочка красуется рядом с чашкой. Ее погружают в капуччино и ждут эффектного аромата корицы. Кто не дождался, тот не виноват.
Все равно интересно. Входит-выходит. Подарки Ослика Иа.
21.45. По сторонам уже можно не смотреть. В этот час спецкор «Коммерсанта» Панюшкин Валерий занимает столик слева. Он чувствует себя мегазвездой и ведет громкие беседы.
Бас-гитарист «Браво» Ашман Дима за столом справа. Сейчас он светский лев на нейтральной территории.
В глубине пять-шесть примелькавшихся девичьих компаний. Дымят безбожно и, судя по внешнему виду, еще не устали болтать про «большую чистую любовь».
21.50. Есть еще мужественная компания джигитов за сорок. Кажется, Чахмахчян, Гагосян и Дживилегов. Эти наверняка с утра. Вспоминают черноморскую юность. Солнце, пальмы, блондинки, бикини.
21.52. Лохматый режиссер Константинопольский Григорий и ведущая МУЗ ТВ Алена задумчиво склонились друг к другу.
22.00. Только никогда не заказывайте «Ямайский кофе» с ромом. Он отвратительно холодный и слишком горький.
22.15. Сижу. Смотрю в окно. Мимо проходят: Аверинцев С.С., Алибасов Бари, Ануфриев Сергей, Бартенев Андрей, Басаев Шамиль, Битов Андрей, Бруни Лаврентий, Бруни Лев, Буре Павел, Василенко Максим, Газманов Олег, Газманов Родион, Гаспаров Михаил, Геворкян Наталья, Глазунов Илья, Гребенщиков Борис, Грув DJ, Грымов Юрий, Деловая Капитолина, Дибров Дмитрий, Доз Пьер, Достоевский FM, Дыховичный Иван, Зорькин Максим, Интернешнл Иванушки, Карпов Анатолий, Кио Игорь, Клуни Джордж, Коржаков Александр, Королев Михаил, Костров Олег, Кубиков Антон, Кулик Олег с собакой, Курицын Слава, Ларсен Тутта, Леонидов Максим, Леонтьев Миша, Летов Егор, Ливанов Василий, Лившиц Александр, Литвинова Рената, Любшин Станислав, Мамонов Петр, Мамышев-Монро Владислав, Миронов Евгений, Новодворская Валерия, Носик Антон, Опельянц Влад, Паук, Певцов Дмитрий, Пелевин Виктор, Пепперштейн Павел, Подорога Валерий, Пригов Дмитрий Александрович, Пушкин Александр, Речники, Рубинштейн Лев, Садовничий Ректор, Салахова Айдан, Свиридова Алена, Смирнский Антон, Супруи Елена, Табашников Николай, Троицкий Артемий, Укупник Аркадий, Ураев Андрей О., Файфман Александр, Фикс Дмитрий, Фоменко Николай, Хакамада Ирина, Хакшури Айзек, Ханкин Дмитрий, Хирург, Хромченко Эвелина, Шаевич Адольф, Швыдкой Михаил, Шулинский Игорь, Якут, Ярмольник Леонид.

В галерее «Риджина» начала девяностых двери могли впустить танк, полы были рассчитаны на давление десятков тонн воды. Олег Кулик резал свинью, женщина должна была рожать в подвале, рядовые срочной службы держали картины на вытянутых руках. Потом галерея закрылась. А Кулик разделся, стал на четвереньки – и превратился в «человека-собаку».

«Риджина» вернулась. 8 декабря вновь открылась галерея современного искусства, снискавшая славу самой жирной (хозяином был банкир Владимир Овчаренко) и самой скандальной (куратором работал Олег Кулик).

щенок

интервью с Олегом Куликом

№19
от 10 декабря 1999 года
Константин Агунович
и Ирина Меглинская
беседуют с Олегом
Куликом

«Русское» *галерея «Риджина», до конца декабря*

Кулик гулял на поводке в Роттердаме, показывал фильмы в вагина коров в Венеции, стал значительной статьей российского художественного экспорта. Естественно, что премьерная выставка «Ри жины» – Кулик. Незадолго до открытия давнишняя знакомая Кули ка фотодиректор «Афиши» **Ирина Меглинская** и художественны обозреватель **Константин Агунович** пригласили «человека-собаку в студию фотографа **Сергея Дандуряна**. На следующий день Кули уезжал в Бонн. По каким-то своим собачьим делам.

Меглинская: Давно хотела тебя спросить, вот когда ты ходил с овцой-то...

Кулик: С какой овцой?

Меглинская: Ну с овцой ты ходил. Будто это твоя подружка.

Кулик: А-а, я подумал, ты имеешь в виду с какой-то конкретной телкой.

Меглинская: Ну вот, я думала: даже если ты играешь в то, что овца – твоя любовница, что должна думать твоя жена, когда ты ходишь с любовницей на вечеринки?

Кулик: Люда мне больше, чем жена. [*Людмила Бредихина – филолог, критик, постоянный соавтор Кулика. – Ред.*] О Люде надо отдельное интервью делать. В каком-то смысле она для меня источник мира. Я человек творческий, пребываю в каких-то диких фантазиях. И мне нужно ощущение реальности. Сам я его добыть не могу – не умею разговаривать сам с собой.

Агунович: Что за выставка у тебя будет?

Кулик: Проект «Русское». Посвящается Льву Толстому.

Агунович: Толстому мало досталось? [*В Нанте Кулик делал инсталляцию: фигура великого писателя, сверху насест с курами. Через некоторое время великий писатель полностью скрылся под куриным пометом. – Ред.*]

Кулик: Толстой мне всю жизнь искалечил.

Агунович: Что значит – жизнь искалечил?

Кулик: Я художником стал благодаря ему. Из семьи ушел из-за него. Из-за идеологических разногласий с папой. Папа у меня коммунистом был.

Агунович: А с Овчаренко вы помирились?

Кулик: Да мы и не ссорились. Просто я человек чудовищно тщеславный, и для меня Россия была стартовой площадкой, так сказать, для завоевания мира, а Володя считал, что и России хватит. Так что мы не сошлись во взглядах на то, как тратить силы. Я считал, что для России десятипятнадцати процентов хватит.

Агунович: А когда ты решил, что ты художник мирового масштаба?

Кулик: Да это всегда было, еще с Киева. Я только долго искал базу.

Агунович: Ты – величина?

Кулик: Чувствую исключительно по тому, как общаюсь с людьми – в основном западными. Что-нибудь сморозишь, а они серьезно так относятся. На Западе сейчас знают только Кабакова и Кулика. [*Илья Кабаков – крупнейший русский художник-концептуалист. – Ред.*] И говоришь как полпред. При этом я себя так не ощущаю, но мне приятно. Был в Болгарии, зашел в тамошний соросовский Центр современного искусства, а там мой портрет висит. Быть кумиром – это то, что мне нужно.

Агунович: Читаешь, что про тебя пишут?

Кулик: Ну, это мое любимое чтение. Мечта любой не то что собаки – любого бога, который мнит себя богом в искусстве.

Агунович: Откуда ты взял человека-собаку?

Кулик: Мне когда-то в детстве очень понравился один рассказ, японский: собака охраняет мертвого хозяина, и он для нее живой. Когда я ушел из «Риджины», я думал: как показать, что у тебя есть энергия, что ты не в кризисе? Вот как ты делаешь вывод о богатстве банка? На фасаде золото же не вывешивают. Обо всем говорит вид охраны. И я захотел быть существом, которое охраняет пространство галереи так, что никто не может туда попасть – и следовательно, там какая-то жуткая ценность есть. В каком образе я могу выступить? В образе собаки. [*В ноябре 1994 года голый Кулик впервые выскочил на собравшуюся у Центра современного искусства на Якиманке публику. На поводке его с трудом удерживал коллега. – Ред.*] Вообще, высшее состояние, поэтическое – касатка. Касатка, которая выпрыгивает и зависает над водой, – одиннадцатитонная туша, жирная, красивенная, совершенных форм. Моя мечта – это касатка. А сейчас – стадия коровы.

Меглинская: Будешь теперь быком?

Кулик: Коровой.

Меглинская: То есть ты еще и пол поменяешь?

Кулик: При чем тут пол?

Меглинская: Нет, извините, есть разница – тебя имеют или ты имеешь.

Кулик: Никакой. Это психология. Когда я занимаюсь сексом, женщина выступает в маскулинной роли: она сильная, она ведет. Меня трахают, а не я.

Меглинская: Это не важно. Даже если женщина активная, она же нанизывается.

Кулик: Не «нанизывается», а втыкает.

Меглинская: Нет, нанизывается.

Кулик: Ну это как посмотреть. Кто сверху? Сверху женщина.

Меглинская: А кстати, твоя активная гражданская позиция – кандидат в президенты от Партии животных? [*В 1994 году Кулик опубликовал ряд предвыборных плакатов. – Ред.*]

Кулик: Я не участвую в чужих выборах. Выдвигаю себя на роль Президента России – но какой России? Где есть прекрасные лошади, прекрасные коровы, собаки, куропатки – мелкие твари, русский народ.

Меглинская: Да-а, с такими идеями тебе здесь на выборах не светит. А в музеях наших ты есть?

Кулик: Я ориентирован на жизнь в памяти. Диогена помнят все, Сократа помнят все, хотя они не написали ни строчки.

Меглинская: То есть как Комиссаржевская: все знают, что была такая актриса, но никто не знает, как она играла.

Кулик: Попасть в подсознание, стать м фом – мечта любого деятеля культуры.

Агунович: А запоминаться будешь чем?

Кулик: Чудовищными образами – как Д оген бочкой. Останется образ: челове собака – поверхностный, но очень сил ный образ современной России. Нуж то, что можно положить на какую-то по ку в памяти. Для этого я создаю образ чи той энергии – а потом уже анализиру Если анализировать во время перформа са, получатся слабые, вялые жесты.

Меглинская: То есть ты все делаешь в вдохновению? Как настоящий художник

Кулик: Абсолютно. Вот когда я укусил ч ловека в Стокгольме [*в Музее современ искусства; укушенный потом давал интерв «Меня покусало произведение искусства». Ред.*], я совершенно не думал. Чистый а реналин. Можно назвать вдохновение можно – затмением. Нашло на меня: подбежал – хвать его за ногу. Захотело до крови... Визг свинячий, на весь за Ощущение потрясающее, когда кожа хр стнула под зубами. Чудовищный атави какой-то. Я потом три дня мучило Страшно было, у меня депрессия был Было ощущение, что я человека убил.

Агунович: Ты как-то готовишься к этом

Кулик: Да нет. Как к этому подготовишь Ходить и кусать девушек? Был перформа в Риге, назывался «Два Кулика». На мат вое стекло проецировалось мое изображ ние, которое со мной разговаривало: «К лик, ты не художник». Вроде голоса обыч теля во мне. А я был голый, на лице кли прикреплен, и в него кисточка вставлен И я по стеклу рисовал автопортрет: типа художник-авангардист, который рису всегда каким-то неудобным способом. Я р сую, рисую. Потом этот внутренний голо говорит: «Ты бездарь, ты вообще говно По сценарию, я вынимаю кисть и металл ческим клювом разбиваю стекло. Ну, я по бегаю, бац клювом – и как будто в бето ную стену. Я еще разбегаюсь, бац – разб ваю губу. Кровь льется. Бью раз десят А организаторы, оказывается, хотели по трет для музея оставить – сделали шика ную раму, купили закаленное стекло – кл вом не разобьешь. Я со всего маху – рукой Отскакиваю, а по мне будто горячей водо плеснули. Я даже подумал, что вырвало к сок мяса – так рана разошлась. Я такие р ны только в кино видел. Сразу паника. Я з орал, как свинья: «Свет, свет». Потом взя себя в руки: «Спокойно, хер с ним, умр Чувствую: силы уходят. Хорошо, появил врач толковый. Отломал ножку у стула, п режал руку где нужно – кровь остановилась. Кровь ушла, я смотрю: белое мясо, будто курицу взрезали...

Меглинская: Тебе все это нравится?

Кулик: Мне нравится, как я себя вел.

Меглинская: Вообще, то, что ты делаешь, тебе нравится?

Кулик: Если я веду себя мужественно, то нравится. Я убедился, что я все-таки трус. Боюсь боли, боюсь бандитов – всего боюсь. А в детстве считал себя смелым человеком. И когда я увидел эту дыру, слоями: кожа, жир, вены, сухожилия, кровь хлещет, – подумал, что умираю. Кровь выходила лужами – облил депутатов сейма с попкорном в первых рядах. Рукой прижал рану. Подходит журналистка, в очках с толстыми стеклами, спрашивает: «А что произошло, что произошло?» Она не поняла – вопль, крик, какая-то тетка стала в истерике биться. И в этот момент у меня из-под пальцев две струйки – журналистке в лицо. И девушка так – хлоп в обморок.

Агунович: Ты как-то готовишься?

Кулик: Перед перформансом обычно три дня вялый ходишь. Придумываешь схему: ты – человек-собака. Человек, который потерял культуру, потерял подпорки и опустился – на четвереньки. Но потом включается другая логика – когда приходят люди, которые ждут чего-то, смотрят особенно. Потом угрызения совести. Но остается чувство радости: что это было? Что, искусство? Приходится что-то говорить, чтобы за придурка не сойти. Просто выброс энергии. Но он только и рождает какой-то смысл.

Агунович: Как ты осознаешь, что нужно сделать?

Кулик: Нужно выступить, что-то сказать, ударить... Бац! – я понимаю, что нужно. Сразу страх: прав я или не прав. И надо преодолеть этот страх – и сделать. Если мы сейчас обсудим сценарий перформанса, а потом я по этому сценарию буду тут бегать вокруг стола, бить посуду, срать, ссать...

Сергей Дандурян [*хозяин. – Ред.*]: Не надо.

Меглинская: Ты работаешь на рубрику «Скандалы».

Кулик: Многие так работают, но их не знают.

Меглинская: Ты талантливей других?

Кулик: Возможно. Один немец сказал, – мы сидели в бане после перформанса: «Вся гениальность Кулика сводится к тому, что он знает, где, когда и кого укусить».

Агунович: Как ты жанр перформанса выбрал?

Кулик: Жест отчаяния. Какой там жанр? Бред, а не «жанр»: выходишь и даешь человеку по роже, тебя посадят, а ты говоришь: нет, это перформанс. Это форма прикрытия: это перформанс, я нудист, я извращенец, я закомплексован.

Меглинская: Я так и думала.

Кулик: Это все есть, но как же мне еще работать? Я должен быть самым известным, самым мощным художником, я чувствую в себе всё это. Где материал? – Нет материала. Начнешь рисовать так, так, так – это было, было, было. И ты устраиваешь взрыв всего, что было раньше, потому что в устоявшихся рамках ты ничего сделать не сможешь. В перформансе ты ничего стереть не можешь, это не карандаш. Бежишь, кусаешь – и нет возможности сказать: «Стойте, еще раз». Потом, в записи, можно анализировать: вот это было лучше, это хуже. Но в принципе – перформанс это поражение. Это не скульптура, не живопись, где художник выступает в роли творца-триумфатора...

Меглинская: Может, ты просто оригинальным образом зарабатываешь, чтоб зажить буржуазной жизнью с кучей детей?

Кулик: Может и так, только я не люблю детей, и никаких детей не хочу заводить.

Агунович: А за что тебе платят?

Кулик: Я являюсь украшением больших интернациональных выставок. Там нужен такой радикальный персонаж. Платят за участие, за фотки. Но только на Западе. Здесь я уже лет пять денег не получаю.

Агунович: До Цюриха тебя в Европе не знали. [*В 1995 году голый Кулик покусал швейцарцев. – Ред.*] А потом?

Кулик: Платили, ставили ограждения, охрану. Но после начали защищать уже меня. Маньяков очень много. В Нью-Йорке взяли одного – я сперва был обижен, что его не пустили ко мне. Человек надел шапку с чучелом птицы, завернулся в американский флаг и стал входить ко мне в клетку. Его останавливают: «Что у вас в руке?» А это – бутылка с бензином и зажигалка – хотел обернуть меня флагом и поджечь.

Меглинская: Ну, это сумасшедший. А нормальные люди?

Кулик: В Вене была демонстрация гомосексуалистов. Они были уверены, что я настолько мощный, свирепый пес, что послали ко мне в Сецессион [*один из самых престижных выставочных залов Европы. – Ред.*] десять здоровых мужиков. А что такое голый человек на четвереньках? Беззащитное существо: зубы слабые, руки заняты. Они меня схватили, засунули палку под ошейник и перекрутили. И я задохнулся, уснул – они мне все там пережали.

Меглинская: Ты искренен или делаешь это из карьерных соображений?

Кулик: Ну, когда тебя душат, ты себя очень искренне чувствуешь. В лучшие моменты я абсолютно искренен. Но это бывает редко, как любое состояние экстаза. Я ухаживаю за девушкой – искренен я или нет? Понятно, я хочу ее трахнуть...

Агунович: А ты не боишься, что почувствуешь необходимость последнего шага: потребуется твоя смерть?

Кулик: В каждой утренней молитве я отвечаю на этот вопрос. Он даже не сводится к готовности к смерти – я готов. Но смогу ли я вынести физические страдания? Я молю Бога, чтобы истязания, которые будут перед смертью, я смог бы вынести. Если жест потребует, я готов. В конце концов, я к этому шел, я уже многое сделал...

Агунович: Вопрос в духе романтических анкет: «Как бы вы хотели умереть?»

Кулик: Знаешь, я был бы не прочь быть растерзанным животными – на сцене, как гладиатор, в битве.

Меглинская: Да ну?

Кулик: Абсолютно искренне. Это не такая страшная смерть. Когда ты в драке, ты не чувствуешь боли. Как первые христиане в цирках: умирали за идею. Красиво.

Меглинская: Ты хочешь умереть красиво?

Кулик: Ну, это очень важно: умереть не смешно, не жалко. Было бы, конечно, для меня ужасным, если бы я задохнулся в вагине коровы. Смерть – это как рама у картины.

Меглинская: А в старости ты себя представляешь?

Кулик: О, старость – я о ней мечтаю. Итак, старость: у меня большой двор, поделенный на секции с разными животными. Две семьи крестьян, которые обслуживают эту маленькую фермочку. Обычные домашние животные, известный набор. Только мне нужна еще лисица и орел.

Меглинская: Зачем лисица и орел?

Кулик: Ну... это дикие животные. Мне очень нравится орел, мне очень нравится лисица. Потом, это были любимые животные Томаса Мора – в детстве на меня это впечатление произвело. Я бы еще только касатку завел. И игуан. Дом поделен на две части: женская половина, Людина, – и моя половина. Мы иногда встречаемся в центральном зале, кофе пьем, разговариваем, но живем каждый своей жизнью. Ферма примыкает к моей половине. Что у Люды, я не знаю. У нее там дети, друзья, филологи, прочая шваль. Она очень любит детей. Я чудовищно ненавижу детей. Я бы жил среди своих животных, крестьяне готовили бы мне еду. Покой, тишина.

Агунович: Опять Толстой.

Меглинская: Ты считаешь себя хорошим человеком?

Кулик: Я себя сентиментальным человеком считаю.

Меглинская: И что, убийство может быть художественным жестом?

Кулик: Убить человека – может быть великолепным произведением.

Агунович: Уж по роже-то дать – точно является произведением. Знаю людей, которые чуть не гордятся оплеухами от какого-нибудь художника вроде тебя или Бренера. [*Александр Бренер, коллега Кулика. Мастурбировал на вышке для прыжков в воду, наложил в Пушкинском музее. – Ред.*] Это как, всякая пощечина ценна? Как понять владельцу произведения, художественный это был жест или нет?

Кулик: Смотря как он подан. Один художник сказал: «Ну что это Бренер – дрочит, дрочит? Я уже двадцать лет дрочу, но не считаю это искусством».

Агунович: То есть, если я получу по морде не при публике, я могу чувствовать себя, как владелец краденого Сезанна?

Кулик: Как подать. Можешь ведь разыграть и другую карту – написать, например. Вопрос PR.

Агунович: Можешь сделать жест прямо сейчас? В смысле – по морде?

Кулик: Могу.

Агунович: И это будет жест?

Кулик: Не знаю.

Агунович: Я тоже. Давай не будем?

Связь времен

Любителям кроссовок, или сникерхедам, хорошо знакома легендарная модель adidas ZX 8000. В 1989 году эти кроссовки по праву считались одними из самых модных в мире. Спустя 25 лет выходит новое прочтение классики — линейка adidas ZX Flux. 80-е снова в моде, и вот всего лишь несколько тому примеров.

adidas

1989

Soul II Soul
Чуть ли не главный хит 1989 года — песня британской R'n'B-группы Soul II Soul «Back to Life». Прыгучий бит, первые проблески хаус-музыки, сильный, завораживающий вокал. Мир не смог устоять на месте и пустился в пляс.

Rita Ora
Одна из главных звезд британской поп-сцены Рита Ора не раз признавалась в любви к группам вроде Soul II Soul или M People. Да и звучание ее хитов часто перекликается с восьмидесятнической клубной музыкой.

ZX 8000
Выходят кроссовки adidas ZX 8000, которые становятся частью культовой коллекции adidas Originals ZX. Эта модель стала настоящим прорывом и буквально через полгода после премьеры завоевала любовь спортсменов и модников по всему миру.

ZX Flux
25 лет спустя adidas выпускает коллекцию кроссовок ZX Flux, которые сохранили ДНК серии ZX. Уникальная технология Softcell и инновационная система Torsion с раздельной подошвой обеспечивают плавность хода и полную свободу движения.

2014

IOU
Толстовки (которые теперь принято грамотно называть свитшотами) — главный модный тренд 1989 года. Особенно популярны толстовки IOU, с крупными надписями во всю грудь — названия важных университетов, гербы городов.

Свитшоты
В 2014 году утилитарные, по сути, свитшоты — главная модная обсессия. Носят их все и всюду. А с пошива толстовок и придумывания самых диких принтов для них начинают свой путь в мир моды многие молодые модельеры.

Gazelle
Огромные очки квадратной формы, которые были бы уместны скорее на носу старого профессора, стали самым модным аксессуаром в конце 80-х. Во многом моду на них задали звезды хип-хоп-музыки. Например — участники группы Run-D.M.C.

Нерды
Те же хипстеры, только умнее. Модный образ любителя сериала «Теория большого взрыва», а также музыки с лейбла Planet Mu в 2014 году стал просто невозможен без пары очков Gazelle. Пусть даже в оправе стекла без диоптрий.

Варенки
Ключевой элемент моды 80-х, эти джинсы изначально носили панки, которые таким образом пытались имитировать на мраморных джинсах своего рода камуфляж. Затем в варенки влезли все — от поп-звезд до миллионеров.

Acid Jeans
Вареные джинсы снова в моде. Точнее, они в нее регулярно возвращаются с интервалом в пять лет. В этом году им вновь повезло: почти во всех коллекциях есть несколько примеров грамотной джинсовой варки. 80-е вернулись!

Фотографии: Diomedia, Fotobank, Fotodom

реклама
реклама

20

00

афиша
ЛЮДИ БУДУЩЕГО
ТЕХНИКА
ВОПЛИ ВІДОПЛЯСОВА
ИГРУШЕЧНАЯ ИСТОРИЯ 2
ЗЕМФИРА
путеводитель по 38 лучшим новым ресторанам и кафе
ПЕНЕЛОПА
ВЕЛИКИЙ ГРУЗЬ
ВАЙ БАГУЛО
ВЕЧАК ЗОЛЬЦ
ТАНЦЫ МИНУС
ЧАЙ
ДЖЕКПОТ
WANTED
«СЛАДКИЙ И ГАДКИЙ»
НОВЫЙ ФИЛЬМ ВУДИ АЛЛЕНА
РОТ ФРОНТ
[mtv]
LIVE!
22ММКФ
МАМБО
20 КНИГ
ЭЛИС КУПЕР
SOS!
МОСКВА 2000 2001
ПУТЕВОДИТЕЛЬ
fashion special: природа
ЛЮДИ НХС
ДЕЛЬФИН
ДЕЦЛ014
НОВОГОДНИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ

милая девочка

Спорткомплекс «Олимпийский», сб 1 апреля, 19.00
«Земфира». «Прости меня, моя любовь», Real Records

земфира рамазанова – девочка из уфы, капитан баскетбольной команды, протеже ильи лагутенко, самая большая звезда 2000 года – выпускает альбом «прости меня, моя любовь» и готовится к первому сольному концерту в «олимпийском». главный редактор «афиши» **илья осколков-ценципер** встретился с певицей в студии фотографа **сергея дандуряна**.

№26
от 24 марта 2000 года
Илья Осколков-Ценципер разговаривает с Земфирой

-3

Земфира, зачем тебе голову зарисовали в первом клипе?
– Просто фишка.
– *Нам казалось, что ты какой-то невероятный урод...*
– Сам ты урод!
– *...что тебя нельзя ни в коем случае показывать людям, потому что они непременно умрут от страха. А потом была обложка «ОМа», которая более или менее подтвердила эту догадку...*
– Ну чего меня так лажают? Просто сначала газеты написали: «Земфира наконец-то открыла свое лицо». И когда мы обсуждали клип, кто-то ляпнул: «А не закрасить ли рожу, чтобы была загадка и дальше?» Я сказала: красьте, чего там. Не жалко.
– *...и мы обсуждали, что будем делать, если ты окажешься жуткой 2-метровой баскетболисткой. Визажист Люся нас утешала, говорила, что у тебя нет усов.*

▶ *А мы сидели и боялись, потому что обложка же. Я думал, что если не придет осветитель, если не придут фотодиректор, фотограф, кто угодно, съемка состоится. Но если не придет гример...*
– Народ чего хочет? И рыбку съесть, и м-м-м сесть. Чтобы и Мерилин Монро, и песни зашибительские. Ага... не получилось – ну и фиг с ним.
– А ты часто влюбляешься?
– Нет. Я однолюб.
– Ты всю жизнь любишь одного человека?
– Однолюб – не тот, что любит одного, а тот, что влюбился и чтобы он разлюбил, должно случиться что-то экстраординарное.
– А какие тебе нравятся молодые люди?
– Муж-ж-жчины?.. Ну ты симпатичный... ну так... нормальный. Серега-фотограф тоже ничего. Бородатый ничего.
– Вон он в углу – капает слюной на ковер от восторга.
– Нет предела красоте человеческой. Особенно мужской.
– Таланты-то должны быть у юноши?
– Я сказала бы какие, но это не для прессы.
– Да, ты однолюб...
– Прекратите! Есть физиология – есть душа. Вот, вывернулась. Не знаю, кого в пример привести. Илья Лагутенко интересный человек. Вот нравится мне басист «Мумий Тролля» – тоже очень интересный человек.
– Вообще, люди какие тебе нравятся?

В 15 лет я думала, что стану звездой в 17. Не вышло. Ну думаю, к 20-ти точно буду. Опять не вышло. Ну все, думаю, крайняк – 22

– Разные. С комплексами.
– А как ты выбираешь людей, с которыми работаешь?
– Они не выбраны. Просто так получилось.
– Когда вы разбираете концерт, музыканты тебя критикуют?
– Скажу по секрету: нет. Я лишила их этого права. Что касается голоса, то они вряд ли более компетентны. Если разбирать бас-гитару – я быстрее слышу лажу. Я не встречала людей, которые знают о вокале больше меня. Естественно, такие люди есть, но мне не приходилось еще с ними общаться.
– Для ваших отношений важно, что ты – девочка, а они – мальчики?
– Я, конечно, пользуюсь этим. Они в репу дать мне не могут, потому что я девочка. По-моему, все замечательно.
– Бывает, что ты долго работаешь с человеком, и выясняется, что он не тянет. И что ты делаешь?
– Ничего. Жду, когда потянет. Я слишком хорошо пою, чтобы люди слышали огрехи в исполнении. В любом случае слушают в первую очередь голос, и я тупо даю шанс человеку.
– Но ведь пускай 10 человек, но слышат.
– Пусть слышат, я слишком хорошо пою.
– То есть ты их покрываешь?
– Типа того.
– Потому что ты им обязана? Или просто они – твои люди?
– Потому что это неважно. Потому что они – мои люди. Потому что я им доверяю. Все башкирята.
– Ты, наверное, самый известный башкир в мире?
– Нет, есть Салават Юлаев.
– Я ничего о башкирах не знаю.
– А и не надо. Понимаешь, у нас жесткий президент – Рахимов. А у меня очень крутая, древнего рода, фамилия. И мне было предложили петь в лисьей шапке – это национальный костюм. Дали бы сразу звание заслуженной артистки Башкортостана и все прочее. День города – звонят: приезжайте, пойте. Я: «Хм, а сколько денег?» А они: «Какие деньги? Приезжай и пой. Ты откуда сама родом-то?» А я: «Из Уфы». – «Ну вот, приезжай и пой, раз из Уфы». А мне деньги нужны, много денег, мне же долги надо возвращать. «Не хочешь, ну смотри у нас». И позвали Валентину Толкунову. За деньги. Меня они серьезно не воспринимают.
– Ты ведь получаешь деньги за то, что тебя многие любят...
– Деньги я получаю за то, что работаю. У вас работа – брать интервью. У меня – выходить на сцену. Я не получаю деньги за то, что пишу песни. Получаю за то, что выхожу в определенное время, пою столько-то. Артист волен выбрать, что он хочет рассказать, а что нет. К тому же больше, чем на пластинке, я не скажу. Какими бы словосочетаниями хитрыми я ни крутила, больше, чем я там сказала, не выйдет. И вообще, лучший вариант Земфиры – это когда Земфира стоит на сцене и поет.
– Ты себе больше нравишься на сцене?
– Это лучшая Земфира. Я себе вообще могу не нравиться. Но если вы хотите увидеть лучшее во мне, то это концерт – позитив, адреналин.
– Боишься за новую пластинку?
– Есть опасения. Есть такой «синдром второй пластинки»: ругают, какой бы потрясающей она ни была.
– Ну да. Великие ожидания. А всегда получается что-то конкретное.
– Это очень просто: Земфиры не было и вышла пластинка. А сейчас есть с чем сравнивать. Очень обидно будет, если ее обидят.
– Что значит – обидят? Напишут гадость?
– Первая пластинка мне напоминает кесарево сечение. Меня выудили рыбаки из Уфы и сказали: вот тебе студия, сиди – пиши. Записали две версии песни и орем вверх: «Боссы, какой вариант лучше?» Нам говорят: «Первый». О'кей, играем первый. Сейчас ситуация другая: на любой ноте ко мне оборачивается восемь голов: «Земфир, так?»
– А до этого ты кем-нибудь командовала?
– Командовала – в баскетболе... Хотелось бы, чтобы они были более инициативными. Я считаю, что звук гитары принадлежит гитаристу. Не нужно на меня смотреть и спрашивать: такой звук или не такой.
– Что происходит, когда приходит успех, ка тебя начинают показывать по телевизору к дый день, по много раз, по разным каналам?
– Хватило ума адаптироваться достаточ безболезненно. Была ситуация, когда вд на меня упали деньги. Я зарабатывала по долларов за ролик на радиостанции, а вдруг делаю ролик и зарабатываю 1000 д ларов за день. Большая разница. В какой момент я обалдела от прилива денег: ст придумывать, куда их деть. А потом все с собой разрешилось – есть альбом, он оч дорого стоит. Я сумела совладать с соб Если сейчас придется от всего отказат (надоело или любой форс-мажор), прожи на те 10 долларов за ролик. Так что от заться я смогу. Я долго взвешивала.
– Ну как это можно взвешивать?
– Можно. Я собрала парней и сказа «Парни, ситуация критическая: либо бросаем пап, мам, жен, детей и все на тое за предыдущие годы в Уфе и уезжа либо все взвешиваем и находим, что и так недурно, и остаемся». До сих пор знаю, восприняли ли они это серьезно.
– Ты – звезда. Но на гастролях тебя могут лить в гостиницу без горячей воды. Тебя раздражает?
– Какие больные темы поднимаются в шем интервью. Я делаю какие-то попыт попытки, надо сказать, недешевые – за сать правильный звук. Но так м организаторов, которые пытают правильно сделать концерт. От ствие горячей воды не очень о дню, это всего лишь отсутствие рячей воды. Обидна собствен глупость, когда я выхожу на сц и фигачу так же, как при норм ных организаторах. Я как бы не имею п ва, люди-то не виноваты. А эти суки раб ют на моих чувствах и чувствах людей.
– Какой ты будешь через несколько лет?
– У меня кредо жить днем сегодняшн дабы все из него выжать. Хотя... В 15 ле думала, что стану звездой в 17. Не выш Ну думаю, к 20-ти точно буду. Опять не ш шло. Ну все, думаю, крайняк – 22. Пр ставляла, соответственно, себя в роли фиты, стадионы, порталы. И – все сов ло. А на потом я себя мыслю так: в домик где меня не дергают, на берегу, ясный рец, и в своей студии. И волосы крас лень. С волосами не знаю, что будет че год, а студию свою хотелось бы.
– А за что тебя полюбил народ?
– Не за музыку, не за слова и не за гол За то, что я – Земфира.
– Подходят к тебе разные люди, признают в любви. Ты понимаешь, что в тебе их трога
– Догадываюсь. Но не буду говорить нескромно.
– Зачем звезде быть скромной?
– Нет, о таких вещах рассуждать нелов как-то.
– Говори, что думаешь.
– Я и говорю: я догадываюсь.
– Ну?
– За то, что я милая.
– Самая милая девочка страны?
– Ну, я других таких милых не видела. В в чем дело.

НОЧЬ НА ЗЕМЛЕ : 22.00 – 04.00

№30
от 19 мая 2000 года
Михаил Брашинский, Алексей Казаков и Валерий Панюшкин ходят по ночным клубам

За два месяца исчезло около десяти ночных клубов. Снова закрылся Virus, умерли «Бедные люди», почил «Граммофон». С жарой опустеет еще добрая половина заведений. Выживают сильнейшие. Воскресший прошлой осенью Hungry Duck, где собираются самые дружелюбные девушки города, открывшиеся в декабре Circus и «Джусто», куда простому смертному ни за что не попасть, существующий полгода «Проект О.Г.И.», где много дешевой водки и художников. «Афиша» решила исследовать важнейшие тенденции в московском клубном бизнесе. В ночь с 12 на 13 мая журналисты Михаил Брашинский, Алексей Казаков и Валерий Панюшкин отправились в клубы трех разных категорий. Панюшкин посещал заведения, ориентированные на сексуально раскрепощенных посетителей. Казаков изучал закрытые великосветские клубы. Брашинский выпивал в альтернативных клубах с богемными завсегдатаями и демократичными ценами. Они сообщались друг с другом при помощи пейджеров и все тщательно документировали.

панюшкин : 22.00 : клуб Hungry Duck : Взяли 200 рублей за вход. Обыскали. Огромного роста афро-американский красавец Джонни вылез, сложившись пополам, из гардеробного окошечка. Он в Hungry Duck типа управляющего.
– Джонни, привет!
– Вау! Привьет! – пританцовывания, похлопывания, экстатические ладушки – поведение, свойственное баскетболисту НБА, забросившему мяч в корзину.
В зале совершенно темно. Мужской стриптиз «Дилан-шоу». Голые мужики вытаскивают на барную стойку девушек и снимают с них лифчики. Девушки временно стесняются. Одна, одетая в черную комбинацию, сама машет Дилану, дескать, тащи на стойку и танцуй со мной. Голый Дилан пытается снять с девушки платье.
– Не раздевать! – говорит девушка.
И видя все же, что Дилан настаивает, девушка кусает его за яйца зубами. Ужас. От Казакова приходит сообщение: *«Пью саке, разговариваем об антикварите. Рядом ангелы с барбадосским загаром».*
казаков : 22.00 : клуб «джусто» : За спиной падает микрофонтан. Слева – седой в кожаной куртке, кажется, от Хельмута Ланга, ест суши. Копия Илоны Сталлер тем временем сует ему язык в ухо. У меня 250 долларов, и я заказываю зеленого чаю и салат из японской лапши. Есть палочками японскую лапшу невозможно. Палочками возможно ронять лапшу на брюки. Вилку попросить тоже невозможно. Потому что они все за мной наверняка подсматривают: и раскаявшийся бандит – хозяин спортклуба, и первый владелец «Феррари» в Москве, и два антиквара, и седой в Хельмуте Ланге. Неприлично пищит пейджер. Это Брашинский с идиотским сообщением: *«У нас тут все свои».*
В зал загоняют двенадцать совсем юных манекенщиц. Все столики заняты. У барной стойки толпа. Я, за столиком на шестерых, похоже, лишний. Две роскошные женщины в бриллиантовых браслетах, серьгах, диадемах, кольцах явно устали стоять. Приглашаю. Они с охотой садятся и немедленно заказывают: сливовое вино, Hennessy XO с тоником (!), дюжину сашими, еще роллы, что-то из осьминога, морского гребешка, суп мисо, саке для меня, пачку сигарет и копченого угря. С тревогой пью саке.
брашинский : 22.00 : клуб «дом» : Тут все свои. Своих четверо. Поэт Рубинштейн, художница Вальдрон, ее муж Саймон и я. Закончился концерт саксофониста Чекасина. Пьем водку по 15 рублей из пятидесятиграммовых баночек. Я проталкиваю внутрь дольку лимона, что делает невозможным дальнейшее использование сосуда. На меня кричат. Нежно. Разговариваем, о чем своим и положено. Ни о чем. Подруга Гитлера Лени Рифеншталь, генеалогия, плохие зубы – мы с поэтом Рубинштейном всегда об этом разговариваем. Меня кто-то щекочет за бедро. Это пейджер. Я к этому не привык. Сообщение от Панюшкина: *«Она укусила Дилана. Знали бы вы куда».* Какая мерзость.
Подходит Чекасин. Говорит, что с каждым бэндом у него своя музыка. Он маленький, с острыми глубокими глазами. Видно – гений. Явно многое повидавший.
И выпили.
Так можно до бесконечности. «Пошли отсюда, – говорю я. – Тут и так все свои». «Давно пора», – соглашается Рубинштейн. Как поэт он известен своей краткостью.
панюшкин : 22.30 : Hungry Duck : Девушки поглощены стриптизерами так, что даже пищат. Нет абсолютно никакой возможности флирта. Смотрю как идиот на голого мужика в пионерском галстуке. Пиво отвратительное. В туалете очередь. Кто попьянее – писает прямо в рукомойник. Печально выпиваю в углу, пока наконец:
– Вуд ю лайк ту дэнс? – говорит тоненькая девушка с китайским разрезом глаз. Хоро-

шенькая, между прочим, только замученная. Зовут Аня. Работает в банке. Уверена, что я американец. Я угощаю Аню пивом, и она рассказывает:
– Вообще-то у меня редко бывают мужчины, которые мне нравятся. Обычно я нравлюсь им. А мне нравится, что я им нравлюсь. Ну быть обожаемой, понимаешь?
– Понимаю.
– А когда мужчина мне нравится, очень редко, я подхожу и знакомлюсь сама.
На случай моей непонятливости Аня добавляет еще:
– Так что у тебя есть шанс.
Обнимаемся на столе. Я рассказываю Ане, что ровно в полночь должен уйти.
– Как Золушка?
– Абсолютно. Иначе у меня все превратится в тыкву. Ты расстроилась?
– Красивая история. Мужчина понравился, снял и в полночь растворился.
От Казакова приходит сообщение: *«Пересели в соседний зал. Слишком громко журчал фонтан»*. Бедная Аня.

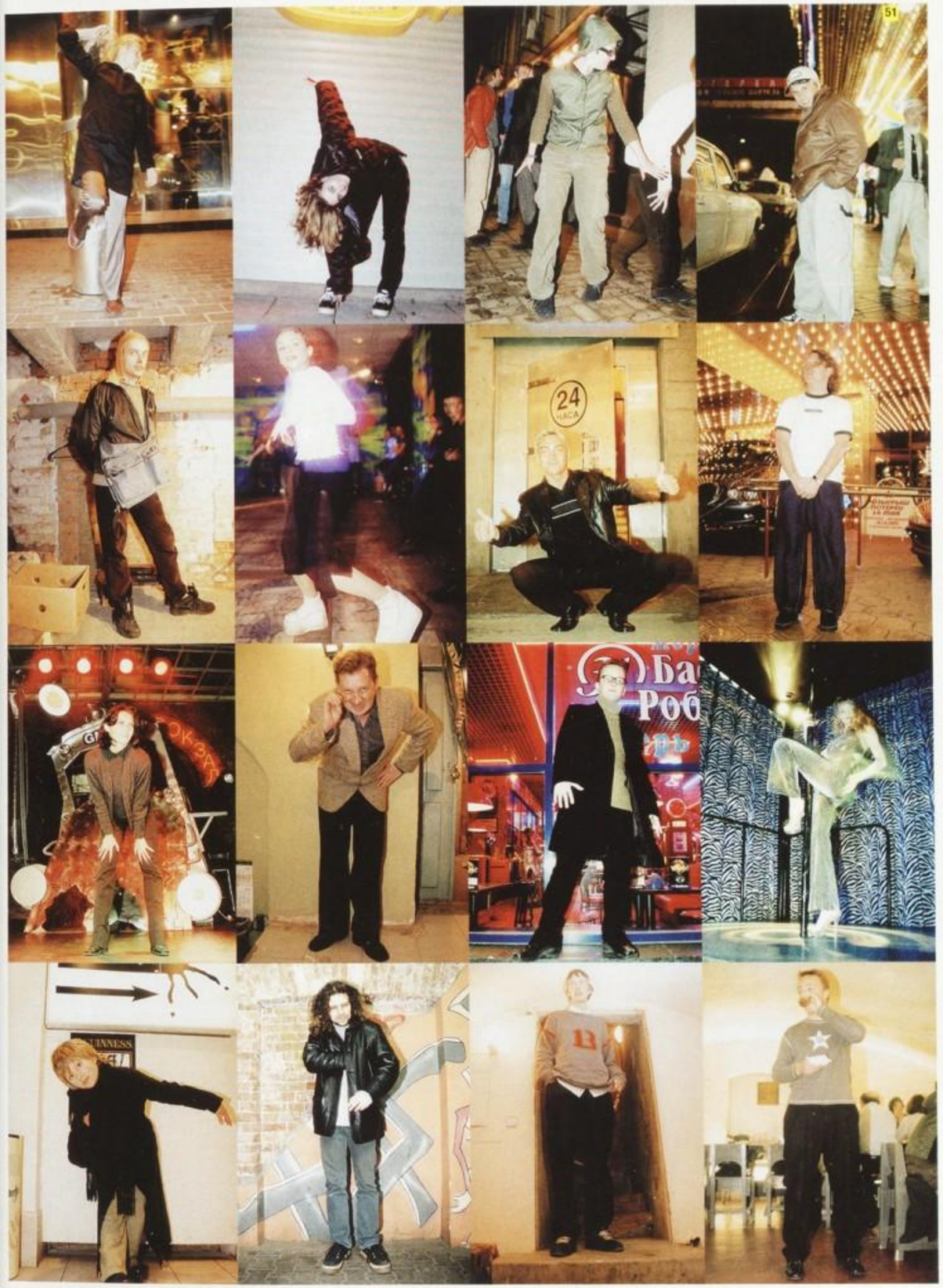
казаков : 23.00 : «джусто» : Если она закажет еще один Hennessy XO с тоником (!), никаких 250 долларов не хватит. Мимо проходит группа совсем юных манекенщиц. «Девочки здесь постоянно меняются, – говорит одна из роскошных женщин, – а вот мужчины – всегда одни и те же. Те, кто был пять лет назад, по-прежнему здесь. Правильных людей в Москве всего пятьсот, максимум – тысяча». Подходит мужчина во френче от Kenzo. Он занимается пельменями и высокими технологиями. Правильный человек. Роскошные женщины с ним целуются. Я тоже ему очень рад. Мужчине не нравится, что фонтан слишком журчит, я ему тоже не слишком нравлюсь. Его пересаживают в соседний зал, он забирает с собой роскошных женщин, недобро вздохнув, зовет и меня.
Мне рассказывали, что стены в местных туалетах сделаны из гранита, что ручки – от Филиппа Старка и что там происходят массовые оргии. Проверить не удается, потому что вот уже десять минут заперто.
Пока я ходил смотреть туалет, мужчина, контролирующий пельмени, исчез. Роскошные женщины беседуют о том, какие все-таки скоты – эти личные водители и прислуга. И о том, что философия Альберты Феретти по приезде в Милан оказалась одеждой, которая очень плохо сшита. Я считаю в уме. Сбивает Брашинский с очередным сообщением: *«Меня, оказывается, здесь все знают. Даже страшно»*. Мне тоже страшно. После исчезновения мужчины шансов расплатиться – ноль. Плевать. Девушки зовут ехать в Circus. Плевать. Прошу счет. Официантка ушла за моей смертью. Вернулась через минуту: «Ваш счет уже оплачен». Какие же здесь все-таки милые и правильные люди. И как же приятно ехать с двумя роскошными женщинами в Circus.

брашинский : 23.30 : «китайский летчик джао да» : И выпили. Закусил сырным супом рублей за сорок. Как платил – не помню.
Сижу с незнакомыми. По преимуществу – девушками. Рядом девушка Лариса, журналистка. О чем мы с ней говорим – не помню, не потому, что пьяный, а потому, что в нашем разговоре важна не тема, а факт. Какая разница. Главное, происходит общение. Весьма интенсивно.
И выпили.
Рядом другие девушки. Мы знакомимся. Но так, не до конца. Говорим ни о чем. Общаемся. Через десять минут – все свои. Играет свердловская группа «Смысловые галлюцинации». Крестный папа уральского андеграунда, художник Саша Шабуров, рассказал мне, как некоторые из них отсидели в исправительно-трудовой колонии, потому что украли из консерватории рояль. За такое могут сесть только хорошие люди. Тут вообще всегда играют музыку хороших людей. Как и положено, когда все свои. Сам Шабуров, кстати, говорят, вставил себе новые зубы на деньги Сороса. Выдал за художественный проект. Не сел.
И выпили.
Щекотание у бедра уже не пугает. Даже приятно. Я жду, пока оно само успокоится. Это Панюшкин: *«Она засунула руку мне в штаны»*. Какая мерзость! Мой друг, кинематографист Костя Мурзенко (который как всегда появился так, что никто и не заметил, а он уже здесь), уверяет, что нам нужно срочно ехать в «О.Г.И.», потому что там есть сигареты «Голуаз». К тому же мы там встретим знакомых. «В большинстве своем они люди неприятные, – говорит Костя. – Но зато появляются сами собой, и тем милы».

панюшкин : 00.00 : papa john's : Взяли 150 рублей. Охранник на входе, протягивая синий билетик, пояснил:
– Фри бир.
Какого черта, они действительно все принимают меня за иностранца? Иду по танцполу. Отвратительная толкотня. Низкие потолки. Подымаясь на ступеньку, два раза бьюсь головой. От Hungry Duck Papa John's невыгодно отличается отсутствием барной стойки или сцены. Девушек не видно. Снимай – на кого наткнешься. Высокорослая блондинка хватает меня за руку и заставляет танцевать.
– Я знаю, ты хочешь!
Еще немного – и посетители станут пить не помню какой напиток из девичьих пупков. Девушку зовут Света. Она говорит:
– Ты сначала мне очень нравился. Но я поговорила про тебя со своей подругой, – мы при этом танцуем под музыку «Мамбо италиано», и моя рука у нее в штанах. – Подруга сказала, что ты – отстой.
– Подруга права.
– Нельзя быть таким валенком. Ты должен за мной ухаживать.
– Чтобы ты капризничала?
– Ты просто абсолютный отстой.
– Пойдем отсюда?
– Пойдем.
От Казакова на пейджер: *«Борис Моисеев разбирается с охранниками между вторым и третьим уровнем «Цирк уса», мы наблюдаем за ним сверху»*. Ах, Света, видала бы ты отстоев.
Конкурс «Мисс Мокрая майка». Девок одевают в специальный белый трикотаж и поливают водой.
– Снимай, – стонет этот их толстый лысый ведущий во время показательного танца победительницы. – Снимай!
Мисс Мокрая майка изо всех сил рвет себе трикотаж. Под ним – ничего ново

казаков : 00.30 : circus : У входа очередь. Г ное – в нее не вставать, а идти сра охране. Какой-то югослав дружески хл ет по плечу: «Этого парня я знаю – пр ди». Роскошные женщины уже внут ри полу – лепестки роз. Вчера был день р дения у Синиши, хозяина клуба, и леп ки разбрасывали из ветродуев. В зале па. Одна из роскошных женщин гово что на первом уровне самые низкие ц и что надо двигаться дальше. Прохо сквозь огромное зеркало. На втором у не, конечно, гораздо приятнее. Но он ворят, что хоть цены здесь вдвое вы лучше идти дальше. Проходим сквозь редной кордон и поднимаемся по лест це. Мы на третьем уровне. Третий уров делится в свою очередь на подуровни 3.2: на тех, кто стоит, и на тех, у кого зан столик. Мы сидим. Это самый бе лезненный переход. Цены из-за него поднимаются. Подуровень 3.2 тоже де ся. На сектора 3.2.1 и 3.2.2: на тех, у столики ближе к танцполу, и на тех, у в углу. Мы находимся где-то примерн секторе 3.2.1.1/2. С ценами здесь все рядке: чай стоит около ста пятидес рублей, фрукты – три шестьсот, скол стоит коньяк, лучше не вспоминать. кошные женщины заказывают Hennes яблочным соком («Этому меня как-то учил Морис Хеннесси») и говорят, есть еще четвертый уровень – закры ложа на десятерых. Но мы туда не пой И это очень хорошо. Еще очень хоро спускаться до гардероба и заново пр дить все уровни вплоть до 3.2.1.1/2 без жой помощи. С третьей попытки у м получилось идеально. И даже югослав ра, распорядитель третьего уровня, в н бонуса мне приветливо улыбается. По учился проходить уровни, за наш сто подсели нефтяник и владелец сети пар махерских. Роскошным женщинам не меня. Остается изучать послания на пе жер от Брашинского: *«Ужасно вас не хв ет. Может, к черту все, приезжайте»*.

брашинский : 01.00 : «о.г.и.» : При входе стал ваюсь с выходящими уральски ми аван дистами. Отличные парни. Как зовут, помню. Что отличные – помню точно.
И выпили.
С Костей и его «голуазиной». С крест папой Шабуровым, на котором висит что он вчера привез из Непала. С режи ром-параллельщиком Глебом Алейн вым с гигантской улыбкой на всем его полагающем к искренности лице. Если все авангардисты были такими, традиц ное искусство просто умерло бы со стыд
– Вот зачем ты сюда пришел? – Инте суюсь. – С девушками знакомиться?
– Да нет, зачем? Вот я тебя встретил. приятно.
Вроде не врет. Визжат цыганские скр ки. Пахнет с кухни. Не видно ни зги, этого все кажется еще более родным и комым.
– У тебя просто жена красивая, – не



стаю я. – Вот тебе и не надо знакомиться.
– Мы уже развелись.
– Кто хочет «Зубровки»? – это Костя, мой друг. Спас положение.
И выпили.
Костя рассказывает о том, в какой рубашке он работал ди-джеем на радио «Катюша». Рубашка у него была красная, нейлоновая, года 73-го. Я говорю: «Это же радио, кто ее видел».
Появляется художница Оля Чернышова и рассказывает, как встретила по пути маньяка. У него были белые брюки, разбитая рожа и нож. Хочется ей помочь.

Стены в местных туалетах сделаны из гранита, ручки – от Филиппа Старка и там происходят массовые оргии

«Оля, «Зубровку» будете?» – это Костя. Она не будет, но это тоже неважно.
И выпили. Мы же братья и сестры. Как в романе. И «О.Г.И.» – наша малая Родина. И не такая уж малая. Вон нас здесь сколько. И никому знакомиться не надо. Даже если мы незнакомы.
Я уже начинаю обниматься – интеллектуально, конечно, – с девушкой Шабурова, как является Панюшкин.
«Что вы здесь делаете?» – стараясь сохранять самообладание, говорю ему я. Он ведет к выходу двух девушек. Это уже совсем ни в какие ворота. Пришел ко мне в клуб и моих лапает. Идите к себе в «Циркус» и там лапайте. Но пить с ним я все равно выпью. Мы же с ним братья и сестры. «О.Г.И.» все-таки.
И выпили.
панюшкин : 01.30 : проезжая из клуба papa john's в клуб bells : Решил завернуть на минуту в клуб «О.Г.И.», дабы на глазах Михаила Брашинского снять двух девушек и увезти с собой.
– Это мой клуб! Чего ты здесь делаешь! – орал Брашинский.
– Ничего, Миша. Просто доказываю, что всякая девушка, посещающая «О.Г.И.», на самом деле мечтает посещать Bells или «Голодную утку».
Девушек зовут Оля и Поля. Лет обеим типа пять. Постоянно просят «цибарочку поцибарить» и дарят мне – книгу.
Bells. На сцене – шоу толстушек-стриптизерок «Карлсон вернулся». Под сценой – восторженная публика. Клуб Bells, отличающийся принципиальной какой-то худобой посетительниц, смотрит на голых толстушек с восторгом. Знаками показываю бармену: «Лизни, опрокинь, кусни – два рака». Оля и Поля хлещут текилу. Повсюду воздушные шарики. Поля привязывает их мне на уши. Шарики стоят торчком. Танцуем под музыку «Мамбо италиано». Люди лавируют вокруг стойки, и разнополые спрашивают друг друга: «Выпьем?» – в смысле: «Что вы делаете сегодня вечером?»
«Шмяк!» – жуткая хулиганка Поля лопнула окурком привязанный к моему уху шарик, и я оглох. На звук хлопка бросается спасать меня от юной террористки охранник.
– Спокойно, – говорю, – спокойно, девушка из «О.Г.И.». Там у них все бомбисты.
Через полчаса Оля и Поля страшно устают от шума и физических упражнений, просят немедленно увести их из Bells и распорядиться ими по своему усмотрению. Вывожу. Сажаю в такси, отправляю к маме. Правда заключается в том, что девушкам из «О.Г.И.» просто не хватает здоровья ходить в Bells и «Утку». Подходит девушка Таня.
– Скучаешь?
– Да.
Обнимаемся на лавке под столом. Никаких больше сообщений Брашинскому и Казакову. Шабаш, уроды, я занят. У меня режим «радиомолчания».
казаков : 02.00 : клуб circus : «Это нормально, – говорил нефтяник. – В Монте-Карло тоже все ходят только в Jimmi's. И в Париже, и в Лондоне всего пара нормальных клубов. Есть в Москве, конечно, еще и «Парк», и «XIII», но там слишком много провинциалов. Да взять тот же «Циркус». Только в VIP-ложе (на уровне 3 – *прим. А.К.*) правильные люди. Вон посмотри вниз – одна шпана». Я смотрю вниз на шпану. Куда же нам, правильным людям, деваться. Одна из роскошных женщин рассказывает о сказочном месте «Лужки». О том, как люди там живут годами и горя не знают, плавают на яхтах по Истринскому водохранилищу, а на день рождения к ним приезжает Леонид Якубович со специальной матерной программой, и стриптизерши из клуба Dolls тоже приезжают, и шпану туда не пускают. «А теперь поедемте в «Эльдорадо», в кафе «Ле Гурмэ». К трем часам там все собираются», – предлагают роскошные женщины.
Из правильных людей в «Ле Гурмэ» сидел только Юрий Башмет с поклонницами. Башмет курил сигарету Vogue и целовался. Мы поговорили о поло и выпили немного порто. Я договорился о продаже конюшни в двадцать лошадей и грушевидной люстры конца XIX века. Под столом кто-то трогал мою ногу. Вряд ли это был хозяин сети парикмахерских.
брашинский : 03.30 : «о.г.и.» : Своих так много, а я один. Не обидеть бы кого.
И выпили. Все. Свои.
Появляется Алик Кан с девушкой. Ши
ко улыбается в рыжую бороду. Вот че
век! Еврокласс. Сразу видно. Он – сам
главный мужчина про джаз. Я пою
Чарли Паркера. Он отвечает цитатой
Кортасара.
И выпили.
– Обслуживание здесь плохое, – говор
Оля, – зато люди хорошие.
Кто-то налил мне в кулак «Зубровки». М
кончилась. И деньги кончились, но это
важно. Без «Зубровки» никто не останет
Смотрю налево: передо мною прекрас
женское лицо. Разговариваем. Выпивае
Смотрю направо: передо мною опять
то же лицо. Не то, что столь же прекр
ное. А просто – то же. Что за чертовщи
Наверное, мы тут все раздвоились,
троились и расшестерились. Одно тел
сотнями голов. И многие – одинаковые
Потом все, конечно, выяснилось. Это
сто Юля и Яна, сестры-близняшки, а с
ми их муж и родственник Ваня Засурск
Но впечатление все равно сильное. Пре
преждать надо. Если вы не возражаете
буду по-прежнему думать, что это – о
человек. Куда ни глянь.
И выпили. С ним. С ними. С нею.
Разговариваю с теми же. Одновремен
Дали бы что ли микрофон. Кто-то, каж
ся, мальчик, шепчет мне в ухо, что у н
все хреново и что он хочет печататьс
«Коммерсанте». Кто-то, кажется, Мов
стоит на моей ноге и приглашает потан
вать. Не меня. Весело, как в студенчес
тамбуре. Еще одна станция, и я сойду.
и так все свои. Мама.
панюшкин : 04.00 : новое рязанское шоссе : Возв
щаюсь на дачу. Шквальный майский ве
Снег. Рассвет. В чистом поле голосует
мерзшая девушка. Останавливаю маш
Молча открываю дверь. Девушка молча
дится внутрь. Имени не спрашиваю.
казаков : 04.00 : клуб «XIII» : По дороге дом
решил заглянуть в клуб «XIII». Двери р
пахиваются сами. Охрана безмолвств
Поднимаюсь по лестнице. Быстро про
жу танцпол. Только сев в кожаное кресл
VIP-зале, снова вздохнул свободно.
**брашинский : 04.00 : продуктовый киоск у метро «чи
пруды» :** Тишина-то какая. «Зубровки» в
Заказываю «Троечку». Напоследок.
– Тринадцать рублей, – говорит молод
продавщица в кокошнике.
– Как вам «Секс и страх» Паскаля Кин
ра? – говорю я.

XIII 927 23 91, *Мясницкая, 13 м Тургеневская, Face control, ср-вс 21.00-6.00*
Джусто 239 90 19, *Б.Толмачевский пер., 5, стр. 9 Третьяковская, пн-вс 14.00 и до последнего посетителя*
Дом 953 22 30, *Б.Овчинников-ский пер., 24, стр. 4 м Новокузнецкая, пт-сб 18.00-22.00*
Китаский летчик Джао Да 924 56 11, *Лубянский пр., 25, стр. 1 м Китай-город, пн-вс круглосуточно*
Ле Гурмэ 230 36 83, *Б.Полянка, 1/3 м Полянка, пн-вс круглосуточно (кроме ночи с понедельника на вторник)*
Проект О.Г.И. 927 56 78, *Потаповский пер., 8/12, стр. 2 м Чистые Пруды, пн-вс круглосуточно*
Bells 959 37 37, *Б.Полянка, 51а м Полянка, пн-чт 12.00-3.00, пт-сб 12.00-6.00, вс 12.00-5.00*
Circus 729 44 50, *Цветной б-р, 13 м Цветной Бульвар, чт-сб 23.00-6.00*
Hungry Duck 929 61 50, *Пушечная (здание ЦДРИ) м Кузнецкий Мост, пн-вс 22.00-6.00*
Papa John's 755 95 54, *Мясницкая, 22 м Чистые Пруды, пн-вс 18.00-6.00*

18+
афиша
реклама
Куклачев — о котах
Кулик — о собаках
«Афиша» — о Москве
«Афиша» представляет
новый сайт о Москве
ГОРОД
gorod.afisha.ru

sochi.ru 2014

Audi
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР

Игры закончились. Награждение продолжается

Audi — Генеральный партнер Олимпийских игр в Сочи — поздравляет победителей и представляет специальные условия для тех, кто всегда стремится к победе. Ультрасовременный компактный кроссовер **Audi Q3 1.4 TFSI** теперь **от 1 255 000 рублей.**

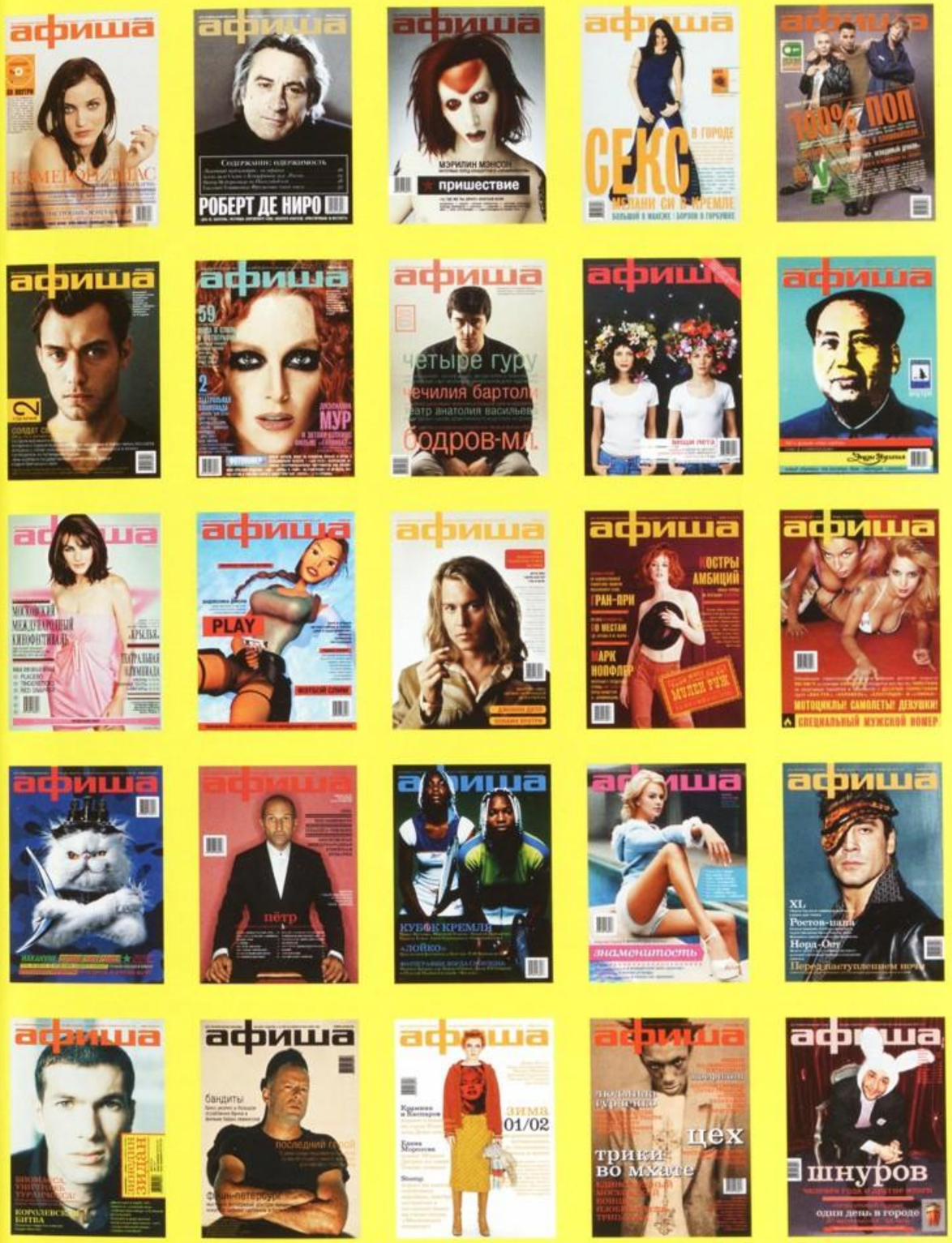
www.audi.ru

Информационный центр Audi: +7 495 775 8888, 8 800 200 2333

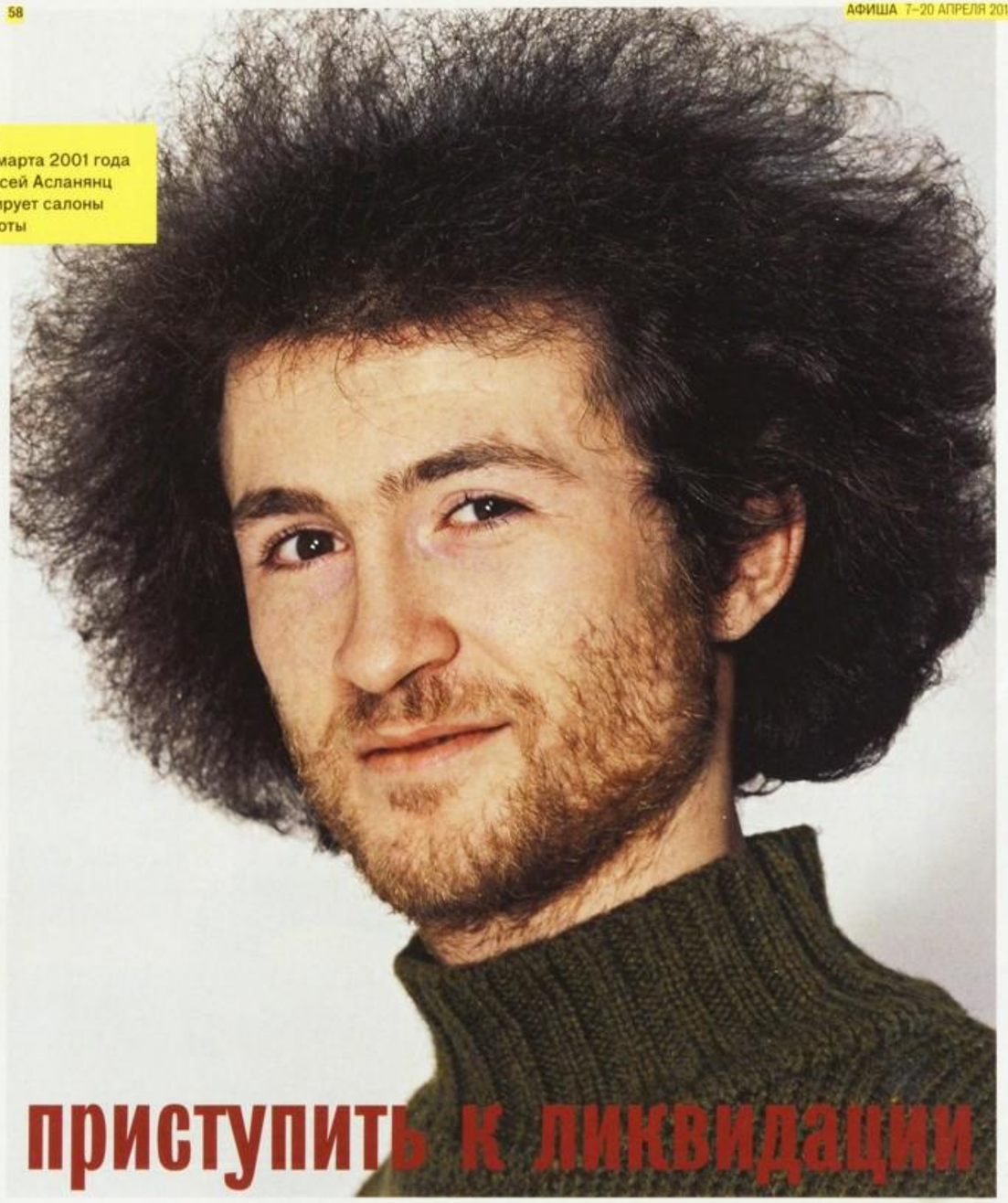
Предложение ограничено и действует до 30 апреля 2014 г. Подробности у официальных дилеров Audi.
На представленном в рекламном материале изображении автомобиля демонстрируются опции, не входящие в стандартную комплектацию

Реклама

20 01


афиша
РОБЕРТ ДЕ НИРО
пришествие
СЕКС в городе
100% ПОП
59
МУР
четыре гуру
бодров-мл.
PLAY
ОСТРЫ АМБИЦИЙ
ГРАН-ПРИ
МОТОЦИКЛЫ! САМОЛЕТЫ! ДЕВУШКИ!
СПЕЦИАЛЬНЫЙ МУЖСКОЙ НОМЕР
пётр
КУБОК КРЕМЛЯ
знаменитость
XL
Ростов-папа
Норд-Ост
бандиты
ЗИМА 01/02
трики во мхате
цех
шнуров
один день в городе

№50
от 2 марта 2001 года
Алексей Асланянц
тестирует салоны
красоты



приступить к ликвидации

лучшим подарком женщине к 8 марта «афиша» сочла идеального мужчину. чтобы проверить этот тезис, решено было подвергнуть одного из сотрудников редакции процедурам разной степени мучительности в нескольких московских салонах красоты. выбор пал на ведущего рубрики «туризм», главного редактора путеводителей «афиши», аспиранта российской академии наук алексея асланянца. фотографии сергея дандуряна.

«вот вам одноразовое бикини, раздевайтесь», – говорит оля и под каким-то предлогом исчезает за ширмой. в бикини я похож то ли на трансвестита из эксцентрической комедии, то ли на говорящую женщину с бородой

ПОНЕДЕЛЬНИК, 15.00 «Чай? Кофе?» – «Кофе». Ядовито-зеленого цвета жидкость пенится в тазике. Я колеблюсь, но опускаю ноги в теплую гущу. Появляется девушка с чашкой кофе. Впереди – маникюр и педикюр (салон «Оливем»). Идея подвергаться косметическим процедурам по редакционному заданию не нравилась мне с самого начала. Главный редактор приводил в пример своего заместителя Алексея Казакова, к которому домой целый день ходили продавцы виагры, динозавры, Елена Бауман со струнным квартетом, клоуны с хорьками и сиамские близнецы, которых Казаков уже не пом нит, потому как напился. Или писателя Валерия Панюшкина, который по заданию редакции научился ездить верхом и едва не женился на Хакамаде. Догадавшись, что сейчас главный редактор вспомнит, как спортивный обозреватель Игорь Порошин прыгал ради «Афиши» с парашютом, я спешу согласиться. Лучше я сделаю педикюр и буду считать, что легко отделался.

Поначалу педикюр выглядит довольно безобидно. Я лежу в специальном кресле и читаю книжку, а безымянная девушка что-то делает с моими ногтями. За окном играют дети и ходят за хлебом пенсионеры. Никто не обращает на нас ни малейшего внимания. «А сейчас, – девушка берет в руки щеточку, – будем снимать омерт вевшие слои кожи. Как у нас со щекоткой?» – «Везде, кроме кончика носа». Девушка думает, что вот я ее и рассмешил. Я думаю, что вот сейчас она все и поймет. Вообще-то я всю жизнь воспитывал в себе силу воли. Если бы она провела по моей пятке щеткой еще хотя бы три года назад, я, скорее всего, свободной ногой заехал бы ей в челюсть. Сейчас же я только взлетаю под потолок. Девушка на лету перехватывает меня за ногу, швыряет обратно и советует рукой зажать нерв под коленкой, чтобы не было так щекотно. Не помогает. Следующие полчаса она будет мучить меня своей щеткой, а я буду с мужественными стонами извиваться в кресле. Дети и пенсионеры не уделяют душераздирающей пантомиме никакого внимания. Им такое каждый день показывают.

«Ну ногти вы, как я посмотрю, не грызете, – это мы уже принялись за руки. – А когда вам маникюр делают, кутикулы всегда подрезают?» Правильного ответа я не знаю и с видом как можно более загадочным говорю: «По-разному». Кожа у меня, говорит девушка, тонкая и чувствительная, поэтому надо подрезать. Ни малейшей логики я в этом не вижу, но оставляю это соображение при себе – может быть, кутикулы отвлекут ее от пяток.

Час спустя, заехав в редакцию, выясняю, что кутикулы подрезать было совершенно излишним, особенно с тонкой и чувствительной кожей. Подкарауливаю грызущих ногти сослуживцев и делаю им замечания, но чувство глубочайшей неудовлетворенности собой не отпускает. Получаю инструкции, как себя вести на антистрессовом обертывании, и отправляюсь в Каретный Ряд.

ПОНЕДЕЛЬНИК, 17.30 Серьезные салоны в первый раз на обертывание пускают после медицинской консультации. В моем случае (салон «Слим») консультация ограничилась заверениями, что аллергии ни на что, а уж тем более на эфирные масла, у меня нет, никакими заболеваниями не страдаю и ни на что, кроме обилия работы, не жалуюсь. На всякий случай сразу предупреждаю насчет щекотки.

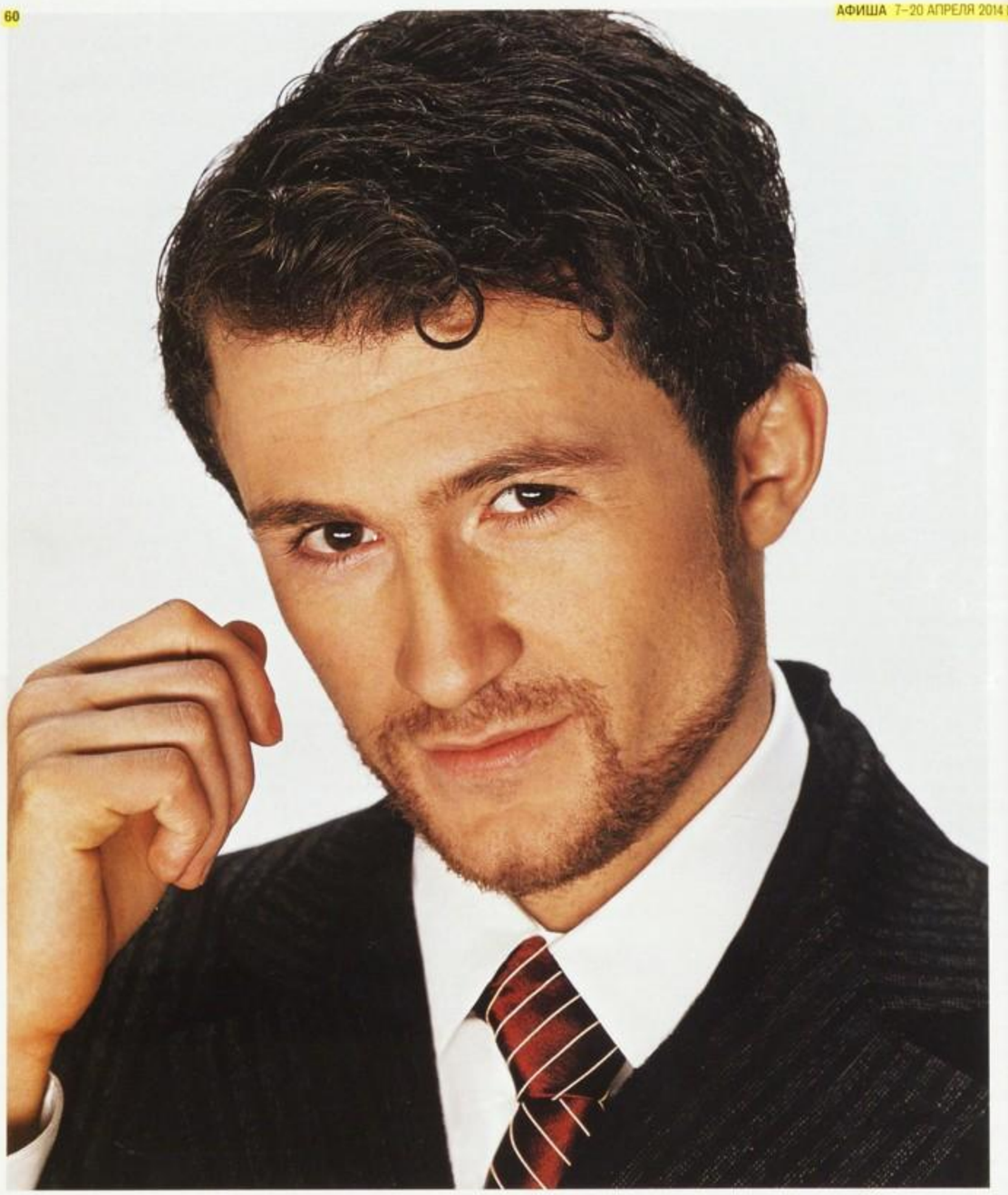
Врач Лена заводит меня в комнатку с кушеткой и сдает на руки девушке Оле. «Вот вам одноразовое бикини, раздевайтесь», – говорит Оля и под каким-то предлогом исчезает за ширмой. В бикини я похож то ли на трансвестита из эксцентрической комедии, то ли на говорящую женщину с бородой.

Оля включает магнитофон, укладывает меня на кушетку и в такт музыке начинает растирать хитрыми маслами и гелями. На второй минуте растираний понимаю, что обертывание – это хорошо. Обертывание – это очень хорошо. Всем настоятельно рекомендую. Полностью избавляет от ощущений вообще. Обертывание – это как середина второго месяца на море. Голос Оли доносится сквозь сон, но я стараюсь не вслушиваться в объяснения, из чего сделаны эти гели и как они помогают от всего, включая целлюлит, «которого у вас, конечно, нет, но многие мучаются, а мужчины вообще к нам редко приходят, в лучшем случае раз в неделю, потому как много работают, совсем другое дело женщины, теперь вот эту ножку поднимите, Алексей, а теперь переворачивайтесь на спину». Тело способно поднимать ногу и переворачиваться на спину без малейшего участия духа.

Собственно обертывание занимает двадцать минут посередине двухчасовой процедуры. Это единственный момент, когда телу приходится включить обратно голову и принять решение: оставит мне Оля на эти двадцать минут свет или нет. Я буду спать в темноте. Оля запеленывает меня в термоодеяло, спрашивает, не жарко ли, гасит свет и уходит. Мне тотчас открывается страшная истина: стоит кому-то примотать вам руки к бокам и предписать полную неподвижность, как начинает чесаться левая бровь. Я вступаю в борьбу с бровью силой разума. Стараюсь думать о чем-то приятном. После некоторых колебаний останавливаюсь на островах Зеленого Мыса. Бровь отступает.

«А сейчас мы наденем халат, – говорит в моем сне Оля, – и пойдем в душ. Пойдемте?» Идите, идите в душ с девушкой Олей. Клеенчатый кокон, в котором вы пребываете, она завернет в халат и поведет вас такой мумией по лестнице, даст вам душистых полотенец и сменную пару одноразовых бикини. А потом вы вернетесь, ляжете на кушетку и опять отключите все ощущения. И все повторится вновь. А потом вы выйдете на улицу, свободные от целлюлита, чувства долга и чувства вины. И не пойдете на работу, куда вам, по правде говоря, срочно нужно, а пойдете ужинать, а потом домой, досматривать сны про острова Зеленого Мыса. И одна только мысль будет в голове: как бы так устроить, чтобы начальство хотя бы раз в неделю посылало вас в Олину комнату с французскими дипломами на стенах и баночками с водорослями в шкафах.

ВТОРНИК, 12.00 Во вторник я иду стричься к Эдуарду Тришкину (салон «Для тебя»). «Почему?» – спросил я Настю Лыкову. «Потому, – ответи ла мне Настя, – что Эдуард Тришкин стрижет девушек из Le Form, а уж они-то настоящие красавицы». Девушек из Le Form я не видел, но звучит убедительно. Только, предупреждает меня Настя, с Эдуардом Тришкиным надо быть очень строгим. Надо ему сразу очень строго сказать, как меня стричь (очень коротко), а то все парикмахеры – люди творче-



ские и постригут как-нибудь по-своему (например, не очень коротко).

Я воспитывал в себе строгость целую неделю. Целую неделю я знал, что вот войду я в салон «Для тебя» и строго так скажу с порога: «Здравствуйте, Эдуард Тришкин!» И Эдуард Тришкин сразу поймет, что со мной шутки плохи, и пострижет меня так, как мне надо (очень коротко).

Все испортили два обстоятельства. Во-первых, невозможно быть очень строгим, если еще вчера вам делали антистрессовое обертывание. А во-вторых, совершенно невозможно быть очень строгим, если вы полчаса проплутали в поисках салона на самом ужасном морозе в истории человечества. Генералом Карбышевым вваливаетесь вы в теплое помещение с улицы, глаза ваши слезятся от ветра, губы сведены ледяной судорогой, и нет сил строго так сказать с порога: «Здравствуйте, Эдуард Тришкин!» А при первом взгляде на Эдуарда Тришкина вы заметите, что сам он подстрижен отнюдь не очень коротко. Прямо говоря, волосы Эдуарда Тришкина доходят Эдуарду Тришкину до середины спины. И худшие ваши подозрения вскоре оправдаются: творческий человек убедит вас, что стричься очень коротко было бы чистейшей воды безрассудством, что надо подчеркнуть объем, выделить линию шеи, и, словом, пострижет вас как-нибудь по-своему. И вы дадите подлой мыслишке, что, возможно, подчеркнуть объем – не такая уж абсурдная идея, а если что, всегда можно перестричься покороче, словом, вот этой вот мысли вы дадите пустить ядовитые щупальца в ослабленном морозом и антистрессовым обертыванием сознании. И вас постригут не очень коротко.

Превращаю яд в лекарство. Пользуюсь бедой, чтобы выяснить, кто из сотрудников журнала «Афиша» мне настоящий друг, а кто лицемерная тварь. Вернувшись с новой стрижкой в редакцию, понимаю, что среди всех, кого считал своими братьями, с кем пил текилу после сдачи номера и плясал на столах, что среди всех этих людей только три человека могут сказать мне правду в лицо. Три человека: главный редактор, злорадно хихикающий, так как целью его с самого начала было устроить из моей красоты клоунаду; фотодиректор, тотчас же пообещавшая, что для съемки меня, конечно же, перестригут в «Персоне»; и полностью лишенный растительности на голове издатель Эндрю Полсон, сравнивший меня с дальнобойщиком из Нью-Джерси. Прочие бывшие при этом прячут глаза и клянутся, что новая прическа мне до крайности идет. У-у-у-у-у. Я не знаю, как стригутся дальнобойщики из штата Нью-Джерси. Мне кажется, что я стал похож на пэтэушника 80-х годов или на жителя бывшего соцлагеря середины 90-х. Одна мысль утешает: из двух человек, которых приводили мне в пример, убеждая согласиться на такие эксперименты над собой, один, Алексей Казаков, сейчас лежит дома с сотрясением мозга, второй, Валерий Панюшкин, – в Боткинской больнице с переломом ноги. Так что я действительно легко отделался. Но самое страшное впереди.

СРЕДА, 18.00 Самое страшное называется «чистка лица». Как это страшно, выяснилось совершенно случайно, когда кто-то из знающих людей случайно

она уложила меня на кушетку и смотрела мне в лицо через огромную лупу. глаз у вали был **размером** с меня всего. этим глазом она **сразу** заметила, где меня надо почистить. и сразу все **про это** рассказала

обмолвился, что фотографировать меня можно не раньше, чем через неделю после этой процедуры, потому как человек от нее покрывается красными пятнами. А еще меня там будут бить по лицу током, что называется «д'арсенваль». Зато потом кожа сделается совершенно как у младенца.

Окровавленные младенцы снились несколько дней. Из-за них я даже проспал запланированную чистку лица у девушки Карины («М'Арт-Студио») в воскресенье. Затем нашел предлог не чистить лицо во вторник (Карина, если вы это читаете, – извините меня, пожалуйста). Но тянуть с этим дальше не получилось. Пришлось проявить твердость и решительно отправиться к девушке Вале в Beauty Style (показываться на глаза Карине твердости уже не хватило).

Что вам сказать про девушку Валю? Рядом с ней, как подметила Настя Лыкова, очень уютно. Она уложила меня на кушетку и смотрела мне в лицо через огромную лупу. Глаз у Вали был размером с меня всего. Этим глазом она сразу заметила, где меня надо почистить. И сразу все про это рассказала. Что кожа у меня комбинированная, клетка делится, и в порах остается всякая гадость, которую она сейчас будет оттуда выгонять. И что будет мне новое лицо, а ей от этого – эстетическое удовольствие, как у художника от законченной картины. И что процедура эта довольно, как сказала Валя, ощутимая для меня будет. А током действительно бьют, чтобы поры обратно закрылись.

Но сначала мы их открывали. Открывали мы их очищающей маской, которую если делать самому себе каждый день утром и вечером, то тогда лицо всегда будет как у младенца. Потом сделали мне пилинг – тоже маску, только с катышками, чтобы снять самый верхний слой кожи. Потом закрыли мне глаза и долго грели лицо паром. Я, конечно, подглядывал – пар идет из серьезной на вид машины с лампочками и кнопками. Лампочки загадочно перемигиваются, как у компьютеров из советских фантастических фильмов. Эта машина мне особенно понравилась.

Зато мне совершенно не понравилось, как мне чистили поры салфетками. Даже когда по радио передали песню «Besame Mucho» в исполнении певицы Сезарии Эворы. Это действительно ощутимо. Девушка Валя занимает меня рассказами. Про то, как мужчины ходят к ним редко и настаивают на специальных кабинетах – где все то же самое, те же косметологи и то же оборудование, но это *мужские* кабинеты. Про то, как она чистила лицо своему племяннику. Про Ирину Муравьеву, которая катается на роликах и поет «Позвони мне, позвони...». Я стоически заверяю Валю, что мне совершенно не больно. Валя делает вид, что верит мне. Я спрашиваю про красные пятна. Валя говорит, что через месяц они исчезают без следа. Я не сразу понимаю, что Валя шутит.

Грозный д'арсенваль же оказывается делом совершенно ерундовым. Всего-то электрического – жужжание и запах озона, ощущений же нет вообще никаких. Просто водят по лицу через марлечку стеклянным пузырем с проводками. Гораздо интереснее последняя маска, которую делает мне Валя. Маска эта устроена из полупрозрачных комков, которые сначала растекаются по лицу, а потом густеют и схватываются в белесую непрозрачную пленку с дырками для глаз, ноздрей и рта. Через несколько минут Валя отдирает этот блин с моей головы и строго-настрого запрещает несколько часов трогать лицо, как бы мне этого ни хотелось. А то все, говорит, сразу к зеркалу бросаются и давай себя хватать: я это или не я. Я на всякий случай привираю, что вообще никогда себя за лицо не трогаю. Подходя к зеркалу, прячу руки за спину. Корчу в зеркало рожи. Валя из-за спины говорит, что даже если я сам не замечаю разительных перемен во внешнем облике, то девочки на работе обязательно все заметят и мне расскажут.

Я этого до сих пор жду. А лишенный растительности Эндрю Полсон заметил, что сколько бы денег журнал на мою красоту ни потратил, я все равно ни капли не изменился, а это значит, что у меня чрезвычайно сильная personality. Кажется, это комплимент. А красные пятна так и не появились.

императорский завод

в январе с третьим звонком на гала-концерт мариинского театра в большом завершилась холодная война двух имперских театров. процесс разоружения продолжается на «золотой маске». фестиваль открылся выступлением мариинского балета. 2 и 3 апреля в москву приезжает мариинская опера. оба спектакля, моцартовского «дон жуана» и вагнеровское «золото рейна», также покажут на сцене большого. за пультом будет стоять дирижер валерий гергиев – человек, нарушивший российский закон, гласящий, что лучше всего играют, поют и танцуют в столице. за месяц до окончания войны, в декабре 2000 года, за кулисами мариинского театра побывали обозреватель елена ковальская и фотограф игорь мухин.

№52
от 30 марта 2001 года
Елена Ковальская
о Валерии Гергиеве

«Золото Рейна» *Рихарда Вагнера, на сцене Большого театра, пн 2 апреля, 19.00. «Дон Жуан» В.А.Моцарта, на сцене Большого театра, вт 3 апреля, 19.00*

Свое родное и нынешнее название он получил в честь супруги Александра Второго Марии Александровны. Советское название – в честь первого секретаря ленинградского губкома Сергея Кирова. Балетоманы называют его «домом Петипа» – в честь молодого танцовщика, потерпевшего неудачу в Париже, решившего искать счастья в Петербурге и создавшего здесь хореографию, ставшую лицом русского балета. А иностранцы так до сих пор и знают его как Kirov-опера.

В ту пору, когда столицей был Петербург, Мариинка была первым театром империи. Потом Мариинка перешла на вторую роль и стала питомником для экспорта в первый театр страны и поставщиком контрабандного товара для Запада. В двадцатые отсюда сбежал Джордж Баланчин. Перед войной в Большой была переведена Галина Уланова. В шестидесятые Кировский балет прогремел в связи с именами «балетных диссидентов» Макаровой, Барышникова и Нуриева.

Ситуация стала меняться двенадцать лет назад, когда руководить оперой в Мариинке назначили тридцатипятилетнего Валерия Гергиева. Прошлогодние гастроли в лондонском Ковент-Гардене The Times назвала «сплошным нокдауном», The Guardian написала: «Феномен Kirov-оперы не нов, но мы впервые смогли оценить его в такой беспрецедентной степени». The Daily Telegraph резюмировала: «Трижды в XX веке русские приезжали дать нам урок свежих идей в искусстве. Балет Дягилева покорил Париж, изменив представления о танце. Второй русской революцией было явление Большого в октябре 1956 года с Улановой. Сегодня мы стали свидетелями третьей русской революции».

Приближаясь к Мариинскому театру, утешаешься только тем, что петербургская Театральная площадь, не в пример московской, простовата, а бирюзовый приземистый театр, не в пример Большому, лишен маломальского величия. Позади Мариинки – канал. Перед парадным подъездом – остановка дребезжащего автобуса. Справа устроен паркинг, слева разбила полиэтиленовое шапито пивоваренная компания «Балтика». Когда-то на месте Мариинки стоял цирк.

На служебном входе – пропускной режим. Как на старой заводской проходной, строгий человек из кабинки накалывает вашу бумажку на штырь и крутится вертушка. К доске объявлений приколот ватман с выписанным местным каллиграфом «С Новым, 2001 годом!». Сотрудникам предлагаются посещение бассейна и консультации сосудистого хирурга. В мастерских строят декорации к премьере оперы «Сказание о невидимом граде Китеже». Спектакль делает московская команда: молодой режиссер Дмитрий Черняков (он же художник спектакля) и исполнительный продюсер (он же директор «Золотой маски») Эдуард Бояков. Где-то по театру бродит злой Михаил Шемякин, у которого из-за «Китежа» перенеслась премьера «Щелкунчика». В закулисном кафе с невыносимо красными стенами музыканты поедают сосиски с пюре. На сцене идет репетиция, в роскошном зале – золото на голубом – на зачехленных рядах кресел дожидаются очереди петь солисты.

Темнотой зияют пустые роскошные ложи: напротив сцены – Царская, по бокам сцены – Великокняжеская и Директорская. И люди в свитерах, развалившиеся в первых рядах партера, пока еще могут беспрепятственно разрушать строгую иерархическую схему, которую представляет собой имперский зал.

В дни спектаклей ярусы заполняет та часть публики, которая в гардеробе переобувается в выходные туфли. Для нее здесь время от времени устраивают целевые спектакли. Сложно представить в Большом концерт для жителей Тушина, а в февральской афише Мариинки обнаружился «Спектакль для тружеников Ломоносовского района». Партер, который приносит театру самую существенную часть кассы, заполняют декольтированные дамы и иностранные туристы (в отеле «Европа», самой дорогой гостинице Петербурга, туристов информируют о репертуаре двух театров – Мариинского и додинского Малого драматического).

В ложах же на веки вечные прописаны «друзья Мариинского театра». Директорскую ложу занимает британский фонд «Friends of the Kirov Opera and Ballet» во главе с принцем Чарльзом. В Великокняжеской ложе имеют свои места Daimler Chrysler, Siemens, «Балтика» и Philips. Главная же – Царская ложа – находится в распоряжении Альберта Вилара, эксцентричного американца кубинского происхождения, заработавшего капитал на высоких технологиях, но известного

«Лучшие музыканты мира тридцать процентов своего време делают портаменто и получают за это сумасшедшие деньги»

своей щедростью в отношении музыкальных театров. Мариинка входит в число его фаворитов. Месяц назад Виллар совершил очередной широкий жест, выделив 50 миллионов вашингтонскому Кеннеди-центру. Почти треть суммы должна быть потрачена на ежегодные выезды в Вашингтон Мариинки. «Друзья» нужны Мариинке как воздух. Бюджет театра невероятен по масштабам России, но слишком мал для театра международного уровня. Ординарная постановка в Метрополитен-опера стоит не меньше трех миллионов. В Мариинке, как правило, спектакль обходится в 400-800 тысяч. Но только в этом сезоне театр выпустит восемь (!) спектаклей, проведет два крупнейших фестиваля: основанный в этом году зимний балетный фестиваль и престижнейшие «Звезды белых ночей». Впереди – расширение за пределы канала и превращение театра в Мариинка-City.

На сцене режиссер Черняков пытается построить в четыре ровные колонны триста человек хора и миманса, изображающих китежан. Мужчины и женщины стоят парами. Женщинам вручают по рубахе. На счет «раз» мужчины снимают с себя что-нибудь из одежды. На счет «два» женщины начинают надевать на них рубахи. На счет «три» мужчины разворачиваются и строем медленно уходят назад, оставляя ворох одежды в ногах у женщин. Грандиозные про
на войну, вместе с пением, впечатляют
роятно, но режиссер продолжает раз
зом останавливать сипящий от усердия
бегает от колонны к колонне, придера
на плечах артистический красный
и сам краснеет от натуги, пытаясь заст
людей одновременно петь и крепить
Ближе к вечеру хаотическое движен
бессистемно петляющим коридорам
ускоряется и упорядочивается, лица
ных становятся все озабоченнее.

В шесть часов в театре появляется Ва
Гергиев. Невысокий, хорошо сложе
в пальто и кепке, со знаменитой тре
ной щетиной на щеках. Он возвращае
Метрополитен-опера, где для него бы
дена должность Главного приглаше
дирижера, чтобы умчаться Николае
экспрессом в Москву на концерт Ма
ского оркестра, в котором должен был
ровать друг Гергиева Юрий Башмет. Ге
проходит в приемную, и туда же – кто
титурой, кто с портфелем, – пот
огромного охранника Мишу, протиск
ся толпа. Подписывает бумаги, утвер
репертуарные планы, решает кадров
просы и постановочные проблемы Ге
на лету: в перерывах между репетиц
в долгих оперных антрактах, после спе
ля. Людские потоки у порога гергие
кабинета разводит секретарь Марта
ровна, седая и подтянутая. После сп
лей из зала тянется вереница гостей,
координаты у капельдинерш: «Ма

«Вам налево». Иностранные инвес
идут первыми. За ними – российски
ные короли. «Станьте здесь: будете ж
трех часов ночи, если не займете обор
инструктирует Марта Петровна. – По
дарите Маэстро, отметьте качество
ния оркестра». Пивные люди суту
и жмутся ближе к двери.

Из тех тридцати часов, которые Ге
проведет в Петербурге, десять он бу
петировать: новогодний гала-концер
тек» и – перед московским концертом
дера. Репетируя гала-концерт, он го
«Мы три года учились играть Берлиоз
года учились играть Вагнера. На то,
научиться играть Штрауса, у нас ес
минуты». Гергиев взвихривает вокр
деятельность и встряхивает тех, к
окружает. Сам же – единственный – о
ся абсолютно спокойным. Солисту в
же» он говорит: «Ближайшие семьдес
вам стоило бы петь ритмически верно
том можно как угодно – меня уже не б
На сцене поет чернокудрая красави
терскими задатками. В ложе сидит
солистка – крупная спесьеватая бл
ка. Солистки испускают волны враж
сти друг к другу, а выходя на сцену,
стараются: речь идет не только о том
Гергиев доверит петь на премьере, к
блазнительнее оказаться в роли

Ольги Бородиной или Галины Горчаковой. «Спросите меня: сможете ли вы открыть дорогу молодому российскому дарованию в Метрополитен-опера? Я скажу: да. Спросите: а станете ли вы это делать? Я скажу: может быть».

На ледяной тон Гергиев переходит, если кто-то берет на себя полномочия сверх возложенных. Мне ни разу не удалось увидеть его вне ожидающей распоряжений толпы. Кажется, он нужен толпе, как позвоночник телу. Она, в свою очередь, нужна ему – в том числе и как публика. После затянувшейся до полуночи репетиции «Китежа» он устраивает перед этой толпой показательную взбучку молодому режиссеру, у которого солисты не спели за день ни ноты. «Театр – это огромный коллектив, и никому не позволено здесь простаивать, – говорит он не глядя на пурпурного Чернякова. – Мы отменили пять спектаклей. Это огромные потери для театра. Мы теряем как пить дать двести тысяч долларов – и все для чего? Для того чтобы молодой режиссер, мальчик еще, репетировал. Я уже был со всеми регалиями, меня уже Караян отметил, Тихон Николаевич Хренников объявлял Брежневу, что вот у нас появился уникальный дирижер. А мне и пикнуть в театре не давали».

«Моя работа – продавать итальянское вино, сделанное в России»

Осетин Гергиев родился в Москве, в семье военного. Рос на Кавказе. Учился в Петербурге. Манера работать, манера речи растут из горского темперамента, утопленного в петербургской сдержанности. На его лице помимо выражения нейтрального (для толпы) и выражения вдохновенного (когда дирижирует) для чужих есть несколько оттенков обаятельнейшей улыбки. Саркастичен Гергиев невероятно, но расслышать желчь в его тоне невозможно – она в словах. «В «Леди Макбет», помните, есть собачий лай, – говорит, останавливая оркестр. – Это для валторн. А здесь нет собачьего лая». Я не видела Гергиева вне толпы и не видела его молчащим, кроме как за пультом. Но когда говорит Гергиев – работает Мариинская машина. Когда же он молчит – звучит музыка. В этом есть дьявольская пропорция. Кажется, он и слово-то произносит ровно в меру того, сколько хочет, чтобы звучала музыка. И для соблюдения этой пропорции ему не нужно быть строго последовательным или стопроцентно логичным. «Я только что приехал из сильнейшего театра мира. Он не сильнее нашего творчески, он – организованнее. Никому там не дают сцену больше чем на девять часов. Есть минимум, и ты должен уложиться. Людям нужно сказать определенно, что им делать. Очень определенно», – распекает Гергиев сотрудников. Через два часа он расскажет, как в молодости кто-то из оркестрантов написал в партитуре «Манон Леско»: «Это место Гергиев сыграл 85 раз». А на следующий день закончит репетицию на три часа позже объявленного.

Усталость изнуренных музыкантов окупится славой, гастролями, восторгами прессы, но прежде – соборным воодушевлением, больше которого никто и никогда им не даст. Не будет же девушка винить жениха за то, что засиделся с нею за полночь. Не факт, что музыканты любят его по-человечески. Но от его отдачи они зависят нечеловечески – это очевидно.

В Москве ходит анекдот, что когда Гергиева нет в театре, там не работает даже поворотный круг. В январе сыграли премьеру «Китежа». За пультом был Гергиев, спектакль шел три с половиной часа и вызвал бурю противоположных мнений («Все будут лаять, что Гергиев в четвертый раз ставит «Китеж»). Но после следующего спектакля, которым будет дирижировать уже не Гергиев, спектакль задержат, антракты затянут, и все сойдутся в одном: без Гергиева Мариинки нет. «Зачем тебе все это?» – спрашиваю Боякова, оставившего фестивальные дела ради бесконечного ожидания Маэстро. «Почему? Он гений. Я обслуживаю гения».

В раму сцены Мариинки вмонтированы часы. Репетиция Второй симфонии Малера перед посадкой в Москву началась в шесть и должна была закончиться через полтора часа – Гергиев намерен ехать на концерт Десятникова. В половине седьмого он остановил оркестр, чтобы сказать: «Си и ре – между ними и есть музыка». В семь он пенял скрипкам на вялое пианиссимо. «Не делайте бу-бу-бу. Делайте Бу-Бу-Бу». В семь пятнадцать сформулировал задачу: «Вам надо сделать то, чего никогда не умели наши оркестры, – играть общо, а не про себя». В половине восьмого, когда пора было уезжать на концерт, он требовал от оркестра портаменто: «Лучшие музыканты мира тридцать процентов своего времени делают портаменто и получают за это сумасшедшие деньги». Дирижируя, он дышал, как пловец брассом на вдохе, простирал над оркестром руки, и пальцы вибрировали, словно он отправлял какой-то древний культ (злословят, что «мануальную» дирижерскую манеру Гергиева способны понять только его музыканты). Валторны вдохновенно вытряхивали из инструментов слюну, контрабасы торопливо натирали смычки канифолью, скрипки выдергивали из смычков клочья оборвавшихся волос. «Малера надо играть так, чтобы все черные силы, которые есть в нас, обрушились на слушателей», – сказал он в девять. В десять грянул хор.

Я дожидаюсь аудиенции Маэстро вместе с интервьюером из итальянской газеты Corriere della sera. Итальянец томится в фойе и рассказывает, как в прошлый раз ждал интервью два дня, после чего, изнуренного, Гергиев привез его к себе домой. «Да, – говорит он со смиренной гордостью, – я видел его жену». Жену Гергиеву два года назад нашла его мать. Нашла на родине – во Владикавказе, – среди учениц музыкальной школы его имени. Тогда шутили, что Гергиев невесту впервые увидел у алтаря. Прошлой осенью у них родился сын, названный в честь деда Абиссалом. Рассказывают, что в крестные отцы Абиссалу Гергиев звал Владимира Путина, покровительствующего дирижеру и даже введшего в политический обиход встречи на в... уровне в театральной ложе.

Около часа Маэстро приглашает нас ... ральный ресторан в соседнем доме. ... лом итальянец жалуется, что таксист ... бовал за дорогу из Пулково пятьдесят ... ров. «Ту мач, – говорит десять лет не ... ший на такси Гергиев, – таксист сн... Не надо было платить больше двадца... Быстро покончив со своими закускам... гиев таскает язык с тарелки итальянц... пьет водку в темпе presto, не делая бо... пауз, но и не пьянея. «Хуже всего б... Восточной Германии лет восемнадц... зад. Меня ненавидели как русского. Я ... тировал Моцарта. Я им говорю: сы... эту фразу вот так: пам, пам, парам, па... пирам. Они играют: Пам, Пам, П... Я им: пам-пам-пирам. Они: Пам-Пам-П... Я им сказал: я сам себя сюда не прин... Это вы меня пригласили. Им было н... но. Я сказал: я к вам больше никогда н... еду дирижировать, если вы не пони... Конечно, Моцарт – не из Ленинград... Ойстрах – из моей страны. И Рихте... ла такая тишина. Концерт получился ... шим, но больше я там не дирижирова... То ли потому, что я мало ела и Гергиев ... возбудить мой аппетит, то ли оттого, ... глядела на него полной идиоткой, – со... он разговаривал в гастрономической т... нологии. Чем отличается Мариинка ... Скала? «Это как русская водка. Пьешь в... думаешь про русскую. Потом пьешь ... скую, но думаешь все равно про русско... нимаете?» Что такое уровень Эдинбург... фестиваля? «Среди десяти блюд два бу... солютно провальными. Знаете, что з... провалиться? Вы заказываете шампа... Dom Perignon, а вам приносят кисл... Кем он ощущает себя на западе – русски... космополитом? «Это здесь я осетин, а ... русский. Это как острый перец. Когда в... рополитен попадает англичанин, он та... гличанин, а кто же еще. А когда туда по... русский, который при этом дирижирует ... льянской или немецкой оперой, для по... не сходится. Вы меня понимаете? Это я... ли бы им предложили итальянское вин... ланное в России. Скажут: нет, фальш... Им говорят: хорошее вино. Они: я его н... лю, убери эту бутылку. Моя работа – п... вать итальянское вино, сделанное в Ро... Итальянец, услышав что-то про Ита... вклинивается с вопросом о Ла Скала. Ге... в ответ требует назвать пять лучших ди... ров мира. Итальянец перечисляет: Ка... Аббадо, Маэстро Гергиев, Риккардо М... Гергиев останавливает: «Аббадо уже по... дирижирует». Расходимся в три. Гергие... вает, но доволен.

Утром, когда заспанные музыканты в... жались из Николаевского экспресса на ... ковский перрон, я подошла попроща... с Маэстро. «Ну и как вам наш театр?» ... тела ответить, что это было как побыва... кухне дорогого ресторана. Но мычала ... то про «восхитительно» и «сногсшиба... но». «Да, наш театр маленький, но ... шой, – сказал Гергиев, усаживаясь в ма... Хорошо я сказал, правда? Маленький т... но Большой».

ПЕРЕПИСКА С ДУНЕЙ СМИРНОВОЙ

№47
от 19 января 2001 года
Дуня Смирнова переписывается
с читателями «Афиши»

уважаемые читатели! Присылайте
реса: Dunya@mirnova@afisha.ru
1, «Афиша», Дуне Смирновой.
не на все послания. Рукописи

Кажется, вот наступит новый год, и все будет такое новое-новое. Вот он наступает, а кругом все старое-старое. Все течет, но ничего не изменяется. В прошлом году ваши письма, дорогие читатели, можно было условно разделить на три категории: бессмысленные, гневные и остроумные.

К первой категории принадлежат письма, написанные с одной целью – быть напечатанными. Их авторы – это такие Бобчинские, которым страсть как хочется просто оповестить о своем существовании человечество. Среди бобчинских есть, конечно, свои градация. Например, явно выделяющаяся группа «бобчинские противные». Те, к кому можно отнести легендарную остроту Параджанова: «Не важно, что про нас говорят, – хоть что мы пальто воруем. Главное, чтоб про нас говорили!». Но в общем и целом бобчинские представляют собой вполне монолитный тип.

Гневные письма тоже очень похожи между собой. Несмотря на то что предметы возмущения всегда разные, тип людей, пишущих гневные письма, не очень разнообразен. Те, кто сегодня бросается защищать Шевчука от журналистов, Маринину от критиков, а Глазунова от завистников, по сути своей запретители. Они запрещают культуре нормально функционировать. Им кажется, что в отношении их кумиров критика всегда несправедлива, а в отношении всех остальных вполне возможна.

Это нормальный человеческий ход рассуждения, самый распространенный на свете. Мы начинаем с того, что просим родителей не трогать своими грязными лапами нашего чистого Цоя, а заканчиваем требованием, чтобы убрали этих грязных какающих собак с нашей чистой зеленой лужайки, а этих грязных орущих детей с наших чистых пенсионных скамеек.

Третий тип писем – остроумные и язвительные письма. Тут, слава Богу, типажей и классов великое множество. Все разные.

Сегодня мы публикуем три типичных письма из уже новой почты-2001. Как видите, ничего не изменилось.

Добрый день
Хочу поблагодарить вас за журнал.
«Афиша» – совершенно незаменимое издание. Я читаю каждый номер очень подробно. Если бы не «Афиша», я бы не смогла поддержать разговор ни о кино, ни о выставках или книжках.
Потому что кино я не смотрю и книжек особо тоже не читаю. Мне по-настоящему интересна только собственная внешность и мужчины.
Стараюсь-стараюсь себя воспитывать, но ничего не выходит.
Может, вы мне что-нибудь посоветуете? А то я сама себе противна. А то я сама себе противна.
Наташа Оленева

Так задумалась, что даже дважды одну фразу написала. Вот скажите, дорогие читатели, вот зачем написано это письмо? Правильно. Просто так. Или, как говорит мой друг Данилкин, для смеху. Смеху при этом немного. А теперь, граждане, постарайтесь поставить себя

Снимок, сделанный весной прошлого года в районе Таганской площади, предоставлен студенткой МАрхИ Марией Гулиевой. Конкурс «Все фотографии Москвы» продолжается. Присылайте свои работы по адресу: 103009, Москва, Большой Гнездниковский пер., 7/28, стр. 1, «Афиша».

на мое место: мне ведь нужно на эту ерунду отвечать, работа у меня такая. И что тут можно ответить? Правильно, дорогие читатели. Только это будет грубо, мы такие слова не печатаем. Если подходить к работе с письмами со звериной серьезностью (как я), то корреспондентка просит у нас, у журнала совета. Мы советуем.

Дорогая Наташа, не расстраивайтесь. Интересуйтесь себе спокойно внешностью и мужчинами. Это пройдет, и рано или поздно Вы начнете интересоваться болезнями и лекарствами. Предваряя Ваши будущие письма, сообщаю Вам, что корвалол лучше валидола, а валокордин лучше корвалола.

А вот «гневное классическое».

Уважаемый (несмотря ни на что) журнал «Афиша»!
Извините за резкость моего к вам обращения – просто, что называется, накипело.
Я постоянный читатель «Афиши», покупаю журнал постоянно и обойтись без него практически не могу. Просто хочется знать, где и что происходит, как пел Виктор Цой (светлая ему память). Но вот в чем проблема: с каждым номером я все меньше и меньше понимаю, для кого все это делается. Складывается ощущение, что не для меня, и не для моих друзей, и вообще не для людей, которые живут в Москве и хотят жить полноценной культурной жизнью. Поясню, о чем речь. Мне всегда казалось, что журнал «Афиша» призван информировать читателя о том, что происходит вокруг и расставлять какие-то ориентиры. А не заниматься откровенной вкусовщиной, к чему «Афиша» все больше скатывается. Зачем постоянно писать о выставках, фильмах, дисках, на которые нормальный вменяемый человек в жизни не обратит внимания? Открываешь журнал – а там фотографии накрашенных девочек лет десяти. И написано, что это, дескать, современное искусство. Как вы думаете, кто пойдет на эту выставку?
Десять человек ваших знакомых? А при чем тут остальные десятки тысяч читателей? Этим фотографиям вообще место в детской комнате милиции, а не в картинной галерее. А вы их навязываете и навязываете – из номера в номер. Или вот – выходит, допустим, диск прекрасного гитариста Марка Нопфлера. В журнале, разумеется, об этом молчок. Зато какая-нибудь дикость электронная, которую слушать невозможно, чтоб уши не завяли – это вы всегда распишете в цветах и красках. Может, это вас зависть гложет? Иначе почему любое событие, которое пользуется успехом – новый голливудский блокбастер, или концерты ДДТ и Алисы, или книги Александры Марининой – у вас либо замалчивается, либо описывается с этакой мерзкой издевочкой? Если у вас там какие-то свои тараканы в голове – тогда и смотрите сами на свои современные фотографии, и слушайте свою дикую музыку.
Мы-то тут при чем?
С надеждой на понимание, ваш постоянный читатель
Александр Синайлов,
26 лет.

Уважаемый несмотря ни на что Александр! Мы действительно стараемся информировать читателей о том, что происходит, и расставлять кое-какие ориентиры. Тут Вы абсолютно правы. Но ведь не наша вина, что наши с Вами ориентиры не всегда совпадают! Мы же не можем расставлять Ваши ориентиры, у нас это просто не получится, Вы уж извините. Да, конечно, бывает так, что мы пропускаем какие-то события. Но это ведь, ей-богу, не по злобе, мы просто иногда не успеваем! Что же касается вкусовщины: Вы не обращали внимания, что у нас в названиях рубрик есть еще и имена? «Кино с таким-то», «Книги с растаким-то». Если не обращали, так мы поясняем: в рубриках высказываются мнения наших обозревателей. Других обозревателей у нас нет.

Что же касается современного
ства, то тут не могу с Вами не сог
ся: современное искусство и
страшная гадость. Детская ком
ляции – это в лучшем случае,
еще мягко. А по мне, так лучше
ненное. Но дело в том, что вот
кусство современное) такое. И по
мы с этим ничего не можем. А Ш
это не современное искусство,
тут не виноваты, честное слово.

Ну а вот и третья категория подс

Здравствуйте Дуня
С одной стороны, писать вам отв
гарцуете по попе так, что неделю
дет. С другой стороны, праведный
дает покоя. Сразу оговорюсь, я
«Афишу» лучшим изданием в город
чит и в стране. Но что-то в по
время вас стало заносить. Когда я
ваю рубрику кино, я не жду та
пресс-релизов, краткого описани
та, сумму собранных денег в
и тому подобной «объективной
ции». Но я также не жду, что Але
сильев будет мне рассказывать о
у него обстояли дела с половой
в семнадцать лет. Вызвали там
ременные телки, не вызвали. М
вится как он пишет, я прислуш
к его советам и считаю его одним
ших кинокритиков. Похоже, что
считает себя таковым.
Только этим я могу объяснить его
ность в том, что ста тысячам жи
интересны подобные сведения.
быть и интересны, только тогда
об этом, как-то обстоятельней,
писней, чтобы сердце билось учащен
Ригo

Здравствуйте, милейшее Пузо! К
лению, Ваш ник не оставляет м
можности угадать Ваш пол. Со
ственно, обращение в среднем
чтите обидным.
Ваше письмо нам очень понрав
Мы с Вами совершенно согласн
дите ли, Васильев у нас дейст
но парень страшно горячий. М
честно говоря, даже побаиваем
ведь и избить может. Поэтому
раемся его не редактировать –
человек. Легендарная половая
Васильева изобилует такими
ными, кровавыми эпизодами,
сать о ней обстоятельнее нет
кой возможности, – человеч
сердце не сможет биться учащ
как Вы изящно заметили, оно
разорвется при первых же подр
стях. Это же настоящий гига
тан, а не человек. Поэтому мы
впредь следить за тем, чтобы
шераздирающие сведения нико
проникали на страницы нашего
нала и не тревожили достойн
умы, сердца и прочие пуза чита
Спасибо за Вашу критику, Васи
мы мягко намекнули, в ответ ра
нечленораздельный рев, бож
что он делает! Да остановите
кто-нибудь!! Господи!!! Ляю-у-у-дя
и!!! Не на-а-а-а-да!! Это не я-а-а! Э
зо, пу-у-зо, пу...

Дуня Смир

Орфография и пунктуация писе
ностью сохранена.

разговоры с петром николаевичем

№63
от 31 августа 2001 года
Алексей Казаков
о Петре Мамонове

Последние четыре года Петр Мамонов редко выбирался из деревни в Москву. Приезжал раз в месяц – играть на сцене Театра имени Станиславского спектакль «Есть ли жизнь на Марсе?..». После выступления садился в машину и уезжал домой. В апреле «Жизнь на Марсе» прекратила свое существование, и Мамонов исчез из города на полгода. 11 сентября он возвращается с «Шоколадным Пушкиным». За три недели до премьеры Алексей Казаков провел сутки с Мамоновым. Фотографии Георгия Пинхасова.

послание апостолов

Петр Николаевич Мамонов опаздывает. На полтора часа. Это нормально. Он едет из деревни, из Наро-Фоминского района, сто сорок километров от Москвы. Едет на шоколадном «мерседесе» 1981 года выпуска. Едет не спеша. Разгоняется максимум до 110, так что время волноваться еще не пришло – рано или поздно, но приедет.

Лифт раскрывается, и в редакцию входит он. Вернее, сначала в проеме появляется его жена – бывшая танцовщица советских варьете, мюзик-холлов и кордебалетов Ольга Мамонова – сутулящаяся женщина с длинными седыми волосами и ногтями, полными чернозема. Лет двадцать назад Петр Николаевич пытался сделать из нее бас-гитаристку своей группы. А через десять лет Оля занималась тем, что прикалачивала к стульям трубы с пружинами, чтобы стулья во время концертов прыгали как живые.

Ольга кивает головой, улыбается и рассеянно смотрит по сторонам. Из-за ее спины появляется Петр Николаевич в цветастой рубашке и испачканных в глине штанах. Здоровается, озирается, садится за стол, достает из очечника очки Armani, а из кармана томик Евангелия, открывает где-то в районе посланий апостолов и углубляется в чтение. И что теперь делать? Как завязать разговор с человеком, который строго поглядывает поверх очков и губами шевелит сосредоточенно?

Сказать ему: «Простите, Петр Николаевич, что отрываю от богоугодного чтения, но, может, приступим?» Ольга тоже не приходит на помощь. Делает какие-то жесты, в смысле «предпринимай что-нибудь, начинай же, скажи ему хоть что-то». А что тут можно сказать?

– Хотите чаю или кофе?

> **Мне бы побольше различных флаконов: Кремов, лосьонов, одеколонов.**
>
> **«Темный Му»**

Петр Николаевич поднимает глаза. Передо мной лицо пожилого человека с ввалившимися щеками, многими морщинами, слабыми глазами и десятком зубов во рту.

– Н-н-нет, спасибо, – заикаясь говорит Мамонов и перелистывает страницу.

дядя

Петр Мамонов запел в 1981 году. Ему тогда исполнилось тридцать. Предыдущее десятилетие слилось в непрерывный запой. «Пьянство было беспредельное. Пили дней 360 в году. Ломки, белка, наливай что угодно, духи, керосин, все выпьем». Выглядел он уже тогда лет на сорок.

Мамонова приглашают на квартирник. Кругом молодежь: двадцатилетний Витя Цой, Майк – чуть постарше, Боря Гребенщиков – почти ровесник, на полтора года моложе. Мамонов при галстуке и костюме. Берет гитару и начинает петь. Витя Сологуб, наимоднейший музыкант из «Странных игр», тихонько выходит из комнаты, заглядывает в соседнюю и обращается к товарищам: «Ребята, там какой-то дядя пришел, в костюмчике, песни поет дурным голосом и рожи корчит, пойдем посмотрим». Как на такого не посмотреть.

Вскоре Мамонов перестал быть «дядей». «Петя, отец родной!» – орали зрители на концертах «Звуков Му» конца восьмидесятых. Сам Мамонов предпочитает, чтобы к нему обращались «Петр Николаевич». Приехали недавно к нему в деревню молодые ребята с телевидения. Заходят во двор, улыбаются, руку протягивают, говорят: «Здравствуй, Петя». Мамонов посмотрел на них пристально и в дом не пустил: «Какой я тебе Петя?»

через урода

«Оля, Оленька, куда ты меня привела, родная?» – обращается к жене Петр Николаевич, узнав о том, что ему предстоит фотографироваться на балконе, потом перейти в соседнее здание и позировать в коридорах, а затем в студии снять рубаху и испачканные штаны и надеть смокинг, лакированные штиблеты и накрахмаленную сорочку.

– Бумажки стелить будете... Лампочки, фоны, контровые... Я это все знаю... Я это все проходил... Оленька, ну куда ты меня привела? – потихоньку закатывая глаза го-

Это ведь так просто:
Вдаль убежать и
притихнуть.
Затаиться в кустах
ваших взглядов.

«Б.Б.Б.»

ворит Мамонов, как пятилетний ребенок, которого родители водили кружными путями, заговаривали зубы и в самый неожиданный момент вывели прямо к детскому саду, чтобы сдать на пятидневку. Приходится ублажать объект съемки, потакать ему, отвлекать внимание, показывать красивые картинки и ласково говорить, что он самый хороший, самый главный и что все его любят. Это несложно, особенно когда именно так и думаешь.

– Люблю вас, Петр Николаевич, сильно. С года восемьдесят девятого.

– Это я воспринимаю спокойно. Потому что не меня вы любите, а то, что через меня идет.

– Говорю как есть, вы, Петр Николаевич, – заслуженный деятель российской культуры.

– Точнее знаешь как? У меня вот есть один поэт в Верее – отличный парень, лучше меня намного, в смысле человеческих качеств. Он говорит: «Петь, ты – национальное достояние». Почему это точнее? Потому что не я, Петя, а то, что через меня идет, урода, блин, вот этого, – то и есть наше национальное достояние. Это не хвастовство. Это правда я так думаю. Не выпендриваюсь. Мое дело только раскрыться, и чтобы вот (задирает голову, выпячивает челюсть, поднимает палец к небу и замирает ящерицей)... вот. Вот это я умею. Поэтому – видите, все как серьезно.

– Серьезно.

– Ну а если серьезно, то поехали тогда ко мне, в деревню. Машина есть. Вон она дорога. Сели и поехали. Вот это будет дело. Это будет разговор. Сейчас туда-сюда, поснимаемся и поедем с богом.

Машина припаркована у Театра Станиславского, на сцене которого последние десять лет выступает Мамонов. Сначала «Лысый брюнет», потом «Полковнику никто не пишет», с девяносто шестого года – «Есть ли жизнь на Марсе?..», с сентября

Отруби свою голову,
брызни кровью ввысь.
Нам с тобой поровну,
остальные брысь!
«Встань пораньше»

«Шоколадный Пушкин». «Должно быть, последний», – как-то в телеинтервью обмолвился он.

Петр Николаевич заводит мотор, выезжает, я жду на улице, в голове всякие фразы, которые шептал-бормотал Мамонов на своем последнем альбоме: «Я не хочу быть горбатым, лучше уж быть каким-нибудь потусторонним». Или вот: «Я свои мозги, которые не хотели думать, своротил на бок». Но лучше всего подходит: «Я хочу вдавиться в машину, прямо в боковую дверь, и хруст стекла послушать». Так же вспомнилось, как я сидел в Театре Станиславского, в партере, во втором ряду, а вспотевший Мамонов стоял на сцене и говорил что-то про девочку с большой головой и косой, склизкой на вид. А потом заорал: «ПОЧЕМУ ОНА НЕ МОЕТ ВОЛОСЫ?» – и застыл, согнувшись, расставив руки и выпятив нижнюю челюсть. И я тоже застыл и почувствовал на лице слюну, долетевшую со сцены, сначала рассмеялся, а потом на секунду испугался: «Не заразная ли?» А еще думал о том, что сказал Мамонов в фотостудии полчаса назад: «Отвечаю прямо – это такой я и есть. Какой я в жизни, такой я и на сцене. Я одинаковый. У меня нету такого, как у актеров – дома я так, а там я так».

В принципе, таким людям не должны выдавать водительские права, а самим этим людям, как правило, не до того, чтобы права получать. Тем не менее он уверенно съезжает с тротуара, открывает мне дверь и вклинивается в пробку на Тверской.

синдром хоботка

– Абсансы характерны для различных форм эпилепсии, – объяснял мне незадолго до встречи с Мамоновым один психиатр из Института Сербского, прекрасно знакомый с его музыкальным и театральным творчеством. Я спрашиваю о том, как проявляются абсансы, и на меня выливается поток симптомов. Сходится все: «кратковременное выключение сознания, автоматизированные действия – например, непроизвольные движения губ или языка, стереотипные жесты потирания рук или приведения в порядок прически (бывают после энцефалита), отведение глазных яблок кверху, выгибание туловища, откидывание головы (при гипертоническом абсансе), ритмические судороги мышц лица и верхних конечностей (абсанс миоклонический)». От эпилепсии через кататонический ступор и гебефреническое возбуждение (дурашливость гримасничанье, нелепый бессмысленный хохот; больные прыгают, кривляются, неуместно шутят, внезапно становятся агрессивными, ненадолго замирают) приходим к описанию «симптома хоботка» (стереотипная гримаса, при которой губы больного вытягиваются в трубочку).

– Но в нашем случае скорее характерны порциальные проявления симптома хоботка, – поясняет врач.

– Это как?

– Это когда только одна губа выпячивается. Наблюдается при кататонической шизофрении.

– А вот когда к вам пациента с такими симптомами привозят, внешних проявлений достаточно, чтобы установить диагноз?

– Ну знаешь, когда пациента привезли с хоботком, то тут уже обсуждать нечего.

в дороге

Километров восемьдесят пять по Минскому шоссе, затем поворачиваешь на Верею, там еще километров сорок пять и от Верей километров пятнадцать до Ревякино, и на отшибе стоит дом Мамонова. Мы едем со скоростью сто километров в час, а впереди нас идет грибной дождь, где-то километрах в двух. Хочется догнать тучу, чтобы попасть на границу дождя. Петру Николаевичу тоже хочется, и он слегка ускоряет

После всего, что
случилось,
Я словно спасшийся
парашютист.
«Парашютист»

Трасса, как компьютерная игра, делится на уровни. Километре на двадцатом Мамонов сообщает о прохождении первого уровня: «После поворота на Голицыно будет легче будет». Километров через пять говорят: «А тут уже пойдет нормальная жизнь, хотя, конечно, относительно». Третий, четвертый и пятый уровни описывались так: «А сейчас тут начнутся красоты», «Место тут, прямо скажем, выше среднего», «Ну просто чума». С прохождением каждого нового уровня лицо у Мамонова разглаживается, голос становится мягче, разговоры с психиатрами кажутся на время семьдесят четвертом километре Минского шоссе дурostью. Врет Мамонов, что он всегда одинаковый. Он всегда разный.

– А вот наш Рождественский храм, – удивляется Петр Николаевич, – всего в Верее их насчитывается...

– Пьятнадцать, – опережает его бабуля, которая едет с нами последние два километра. Мамонов еще в Москве расчистил место на заднем сиденье: готовился. Для пожилых местных жителя обсуждали «старообрядскую церкву», в которую наша попутчица все никак не заглянет, потому как «ноги болять, все норовят присесть, а у них там с этим строго», поругивают дачников, хвалят дороги и радуются тому, как много понавырастало белых в окрестных лесах. Бабушка сходит где-то у деревни Волчонки, а через пять минут на ее место садится следующая.

– Эту пассажирку мы знаем. Вам же до Ковригина?

– До Ковригина, сынок.

Старушка совсем воздушная и никак не может захлопнуть дверь. Петр Николаевич помогает. В Ковригине у синенького домика машина останавливается.

– Доброго здоровьица вам.

– У нас-то есть пока. Вам доброго здоровьица.

– Добрые вы люди. Помогай вам Господь во всех путях.

– И вам во всех путях.

– И всем вашим сродственникам.

– И вашим.

Чем ближе к дому, тем больше в речи Петра Николаевича появляется уменьшительно-ласкательных суффиксов:

– Вон видишь, слева – любимое мое местечко. Столик стоит, скамеечка. Возвращаешься из Москвы, машину остановишь, сядешь на скамеечку, достанешь бутылочку пивка, воблочку. Ну не славно ли?

Славно. Подъезжаем к дому. На воротах стоит скульптура, изображающая кошку, смотрящую вдаль. Ворота открывает средний сын Мамонова, Даня, и изо всех углов к хозяину бросается дюжина теперь уже настоящих кошек: Нюша – самая старшая, кошачья праматерь, Министр, который две недели гулял по деревне и вернулся худой и довольный, а также многие-многие другие. Почему-то казалось, что Мамонов живет аскетом-молчальником, в антисанитарии, общаясь исключительно с кошками, которые гадят и мочатся на полу. А здесь не антисанитария, а санаторий: сосновый лес с белыми грибами прямо на участке, уютный домик, банька, гамак меж двух сосен, смотровая площадка с шезлонгом, к берегу реки спускается лестница, на полпути которой вкопана скамеечка, чтобы старичок мог посидеть, дух перевести, у баньки выложен маленький бассейн со студеной родниковой водой. Петр Николаевич, решив ополоснуться с дороги, снимает штаны и рубаху. У него

Если ты мне не веришь,
что любовь так зла,
Зайди ко мне –
посмотри на меня.
«Больничный лист»

жилистые руки, а на груди в районе сердца глубокий-глубокий шрам.

курица

Мамонов – очень сильный и живучий человек. Шрам он заработал, когда ему было лет двадцать пять. Подрался у сада «Эрмитаж». Драться он тогда любил и умел. Все-таки рос и воспитывался на Большом Каретном, в одном дворе с Владимиром Высоцким, в районе, где еще с позапрошлого века проживали воровские династии. В той драке противник достал напильник и проткнул Мамонову грудь. Увидев кровь, незнакомец испугался и вбежал в уходящий троллейбус. Петр Николаевич с напильником в груди помчался за троллейбусом («Знаешь, как курицы бегают, когда им голову отрубают?»). На следующей остановке догнал, забежал в него, выволок врага на улицу, избил и только потом в бессознательном состоянии был доставлен в реанимацию. «Бог снова оставил меня жить», – комментирует Петр Николаевич.

А еще была история, когда Мамонов с товарищем пили какую-то дрянь, от которой люди как минимум должны слепнуть. Пили, а затем отключились. Товарищ так и не пришел в себя, а Мамонова откачали. «Бог оставил меня жить», – снова комментирует Петр Николаевич.

Еще можно вспомнить, как Мамонов с товарищем залегли под чудо-аппарат, превращающий две бутылки сухого вина в бутылку водки, пролежали под ним неделю и отключились. Их тела нашел бас-гитарист «Звуков Му» Александр Липницкий, которому срочно нужно было оформлять

И она права. Кому какое
дело, кто поэт, а кто
неизвестно кто...
«Лень»

загранпаспорта для гастролей группы в Англии. Он переодел тело Мамонова в костюм, положил на кровать, установил камеру, и ему как-то удалось заставить это тело на секунду открыть глаза. Получилось смешно и страшно. Страшно – потому что глаза у Мамонова на фотографии открыты, а лицо мертвое.

Когда человек такой силы выходит на сцену и начинает себя выворачивать наизнанку – зрители уже не важны. Не важно, знакомы ли они с творчеством почитаемого Мамоновым Капитана Бифхарта или Харольда Бадда, читали ли они Эжена Ионеско, знают ли толк в атональной музыке и помнят ли наизусть молитвы на сон грядущий. Просто появляется вихрь, и он вместе со слюной разбрызгивается по всему залу.

– Чаще чем раз в месяц мне такое трудно устраивать.

– Устаете?

– Конечно, устаю. Ты же был у меня на спектаклях, это ж все силы выплескиваешь, помимо того, что Бог дает.

– После таких опытов некоторые актеры болеют сильно.

– Вот и я после этого болею. Но только не физически, а нервно. Мне надо неделю, чтобы отойти, потом неделю занимаюсь делами по дому. Потом готовиться потихоньку начинаю. Вот как раз месяц и проходит, и я уже к следующему спектаклю готов.

чистый звук

– Счастье-то какое, – впав в умиление, признаюсь я Мамонову, после того как окунулся в купель с родниковой водой. Мамонов ждет, пока я вытрусь и оденусь, а потом говорит:

– Ну а теперь пойдем. В дом.

Дом делится на две половины. В одной – кухня, жена, дети и кошки-фавориты. В другой – Петр Николаевич. Вход на эту половину осуществляется только с личного мамоновского разрешения – как и полагается в монашеской келье, пропахшей ладаном, лампадным маслом и писаниями святых отцов.

На половине Мамонова действительно горит лампадка в красном углу и несколько книжных полок заняты богословской литературой. Но в глаза бросаются бесчисленные ряды пластинок, компактов, кассет, огромный пульт, электрогитара и еще какие-то звуковые приборы. Больше похоже на музыкальную студию, а не на келью. Я тычу пальцем на полки с винилом, и глаза у Петра Николаевича загораются. Узнать в нем благообразного старичка, который полчаса назад елейно беседовал с окрестными бабулями, непросто.

– Так, старичок, – поблескивая глазами, говорит Мамонов, – я сейчас несу тарельман для арбузных корок и косточек, а ты пока для разогрева послушай китайскую скрипочку. Очень обаятельные эти люди, китайцы, ну просто алё. На тысячу лет нас старше.

Пока Петр Николаевич ходит за тарельманом, я озираюсь: на столике чашка со смородиной и пара книг: снизу «Беседы» римского стоика Эпиктета о внутренней свободе человека, сверху УК РСФСР, последнее издание. Видеокассета с «Осенним марафоном» и «О покаянии» Иоанна Златоуста.

Дверь открывается, заходит диджей Мамонов ставит тарелку на стол и начинает тасовать пластинками, сыпать историями о героях рок-н-ролла, причитая при особенно удачных моментах.

– А вот это мне по кайфу. Это просто ломовая песня. Когда они тут запели – я прррросто прррпопал... А вот это, старый, знаешь, кто играет? Первая рок-группа в мире – Beach Boys. Они уже в пятьдесят девятом так играли. Вот это и есть рок-музыка. Чистейшая... честнейшая... А это Animals. Ребята моложе тебя на шесть лет, а послушай, как играют! Бешеная молодая энергия: опыта нет, мастерства никакого, вот они такое из себя выперли. Просто бешено. Вот это я понимаю – песня про любовь... А это штат Мемфис – Букер Ти. Мемфис славится своей скупостью. Посмотри, как играет барабанщик – ничего лиш-

Му, испуг ваш напрасен.
Му, я никак не пойму,
Чем же я вам опасен?
Просто-напросто Му.
«Нестрашный Му»

него. Но как играет! Каждый удар – как будто это последний раз. Попробуй в каждый удар так вложиться... А вот это, Алексей, чистый звук электрогитары Gibson...

Петр Николаевич в блаженстве закрывает глаза, выпячивает челюсть и играет на од-

Все, что не успел сказать ты,
Давно уж сказал я.
Мечты твои были светлы,
Но жизнь была так темна.
«Все, что не сделал брат»

ному ему видимой гитаре. Музыка останавливается. Еще полминуты Мамонов продолжает ее слушать, потом открывает глаза, поднимается с крайне серьезным и сосредоточенным видом и произносит:
– А теперь, Алексей, я попрошу тебя выключить диктофон.

бобыль

Участников первого ансамбля Петра Мамонова подсчитать сложно. Поскольку собрал Мамонов музыкантов из числа хулиганов Чертанова, где он в то время жил. Петр Николаевич рычал и играл на гитаре, а ребята подпевали. Потом Мамонов

– Вы сесть хотите?
Садитесь! –
Говорю я старухе толстой
И, скоро вскочив, убегаю
Вдаль.

«Б.Б.Б.»

бросил ребят и стал играть с братом Алексеем. Алексей барабанил по майонезным баночкам и перевернутым стульям, а Петр Николаевич пел и играл на гитаре.
Потом к ним добавился Павел Хотин, который сел за бас-гитару. Павел Хотин пригласил в группу Дмитрия Полякова. Потом брата Алексея сменил старый товарищ по Большому Каретному – Александр Липницкий. Потом появился Сергей Бугаев Африка, затем взял в руки гитару Артемий Троицкий, вернулся брат Алексей, и пошло-поехало: люди менялись, а Мамонов пел и играл на гитаре. Появился Василий Шумов и продюсировал первый альбом «Звуков Му». За ним возник продюсер лучших альбомов U2 и Talking Heads, английский музыкант Брайан Ино с контрактом. С каждым месяцем в орбите «Звуков Му» вращалось все больше народу. Представители американской корпорации Time Warner, совместный концерт в Нью-Йорке с группой Residents (см. следующий после этого материал в «Афише»), разговор с кумиром юности – Капитаном Бифхартом.
И все. Мамонов стал избавляться от людей. «Звуки Му» превратились в дуэт «Мамонов и Алексей». Вместе со «Звуками» отпали Брайан Ино и Time Warner. Когда к дуэту с братом стали добавляться музыканты, Петр Николаевич переключился на театр. Сначала играл с актерами. В последнее время обходится без них. Музыку не бросил, но записывает теперь ее один, сидя в деревне, на своей половине дома.

нежность

Диктофон выключен, и Петр Николаевич достает кассету со своими новыми работами, которые нигде не были изданы и нигде не были исполнены. Семь песен, спетые под гитару, и альбом под названием «Электро Т», который я, честно говоря, не знаю, к какому музыкальному жанру отнести. Вроде бы это электронная музыка, хотя сыграна она на одной гитаре. Вроде бы это такие очень компьютерные звуки, но никаких компьютеров в деревне у Мамонова нет. В общем, это уже почти и не музыка, а нечто далекое за пределами ее. Что-то очень искреннее и страшное.
Этот альбом тоже начинался с китайской мелодии. В нем, как и в любом уважающем себя альбоме, был свой инструментал и свое барабанное соло. И еще была композиция «Нежность», состоящая из жутких утробных звуков, хлюпанья, чавканья и стонов.
– Это такая мужская нежность, – приободряет Мамонов. А потом закрывает глаза, начинает иллюстрировать руками и мышцами лица этот поток звуков и тихо улыбается.
Потом музыка закончилась, и мы сидели у костра, и вместе с нами сидели кошки. Около полуночи Петр Николаевич сказал, что устал, что постелет мне в бане и скоро принесет чай. И ушел. А вот страшная песня «Нежность» никуда не уходила. Я решил прогуляться по участку, но очень быстро понял, что делать этого в темноте не надо, потому что с двух сторон участок кончается обрывом, и стоит сделать шаг в сторону от тропинки – можно сломать себе шею. И я стоял у баньки, курил и дожидался Петра Николаевича с чаем. А потом я нашел под крыльцом присыпанные землей ножницы и стал думать, зачем нужно присыпать ножницы землей. После альбома «Электро Т» можно было придумать массу

Я осеннюю пору люблю.
Люблю посидеть на
брегу
Широкой родимой реки,
Где плещутся судаки.

«Восторг»

причин, по которым Мамонову понадобилось закапывать ножницы. И в горле пересохло, и сова еще вдобавок ухнула, а Петр Николаевич все не появлялся. Я пошел к дому, чтобы попросить попить, и увидел в окне силуэт Мамонова, он что-то бурно объяснял сыну, и до меня доносились только отдельные звуки. Если бы они сейчас вышли во двор, то наверняка бы подумали, что я за ними подглядываю. То ли страх, то ли стыд заставил меня вернуться в баню. Прошло еще пять минут, но никто не появлялся, только в бассейне что-то булькнуло. А потом заскрипела дверь, и появился Мамонов. В одной руке чашка горячего чая, а в другой красный арбуз на тарелке.
– Все, родной. Спокойной ночи. Храни тебя Господь.

Наутро все эти страхи, ножницы и сов показались полной бредятиной. Умы шись в родниковой воде, стали чини машину (я держал обеими руками засу тый под капот металлический пр а Петр Николаевич с криком «кия!» б по нему топором), потом ели суп из лых грибов, затем Мамонов отвечал вопросы следователя, зашедшего узна что думает Петр Николаевич про сосе и алкоголика Юрку («Юрия знаю иск чительно с положительной стороны», отвечал Мамонов), засовывали в трехл тровую банку малосольные огурцы (м в дорогу), затем ехали на починени машине, вытаскивали из канавы пьяно дачника с большим рюкзаком, пожим ли друг другу руки на автовокзале горо Верея и договорились встретиться премьере.

главный

Мамонов как-то раз увидел интервью с ним исполнителем трип-хопа, котор называл себя Chocolate Elvis. Он объясн что все мы знаем Элвиса, и Элвис, коне но, король, но есть еще и Шоколадный Э вис, а этот парень – самый главный, и р дом с ним вообще никого не стояло. Ма нов посмотрел с улыбкой на все это и р шил свой новый проект назвать «Шок ладный Элвис». Потом подумал, кто в Р сии у нас самый главный? Разве Элви Нет, не Элвис, а Пушкин, и назвал прое «Шоколадный Пушкин». Над «Пуш ным» Мамонов работает уже два года. писал его в один вечер, а потом шлиф вал, уточнял, дописывал – и будет, похо шлифовать вплоть до дня премьеры. О Мамонова волнуется: «До спектакля ос лось полмесяца, а он еще не готов». Пе Мамонов спокоен: «Конечно, не готов, когда закроется занавес, тогда и будет тов». И продолжает шлифовать, уточн и дописывать. Вот это как раз самое не нятное. Как вообще можно шлифова вещь, состоящую из одних неправиль стей, нарушений и непопаданий? К можно уточнить бормотание? Петр Ма нов разводит руками:
– Я ж не певец, не музыкант, я поэт, ко рый выбрал этот странный жанр для р сказа о собственной личности. Прос вот так это у меня вышло. Поэтому я музыкой занимаюсь, а так, странным че то – истории рассказываю. В «Шокол ном Пушкине» это очень ярко видно. там к себе приблизился. Не к тому обра который на сцене создан, к пьянице, масшедшему, а лично к себе: вот я вот кой, но еще и такой, и такой, как всяк из нас. Мне интересно это на сцене бу делать, потому что это не будет такая кая вещь. Это будет литературный веч В скобочках. На афишах будет написа «Литературный вечер». 18+

Драматический театр им. К.С.Станисл ского, вт 11 сентября, 19.00

ВЕСНА В ДВИЖЕНИИ

Время ярких впечатлений с настоящей детской коляской Bugaboo: четыре практичные идеи для весны в мегаполисе в четырех актуальных цветах!

BUGABOO BEE В КОМБИНАЦИИ С КОМПЛЕКТОМ YELLOW
Коляска для современных родителей, которые ведут активный образ жизни, успевая все делать на лету. Незаменимый вариант для городских улиц.

BUGABOO DONKEY TWIN BLACK/BLACK В КОМБИНАЦИИ С КОМПЛЕКТОМ ICE BLUE
Коляска-трансформер для одного ребенка или двоих детей с уникальными возможностями для перевозки багажа, покупок и вещей. Один ли у вас ребенок, два ребенка разного возраста или близнецы — все смогут ездить в одной коляске!

BUGABOO BUFFALO ALU/BLACK В КОМБИНАЦИИ С КОМПЛЕКТОМ RED
Коляска-внедорожник обладает высоким, просторным сиденьем и удобной люлькой, а также расширенными возможностями для перевозки багажа. Максимально допустимый вес багажа — 16 кг.

BUGABOO CAMELEON³ ALU/BLACK В КОМБИНАЦИИ С КОМПЛЕКТОМ SOFT PINK
Легендарная коляска, третье поколение которой воплощает в себе еще больше стиля и функциональности. Cameleon³ прекрасно подходит как для новорожденных, так и для детей, которые уже научились ходить.

bugaboo

20 02

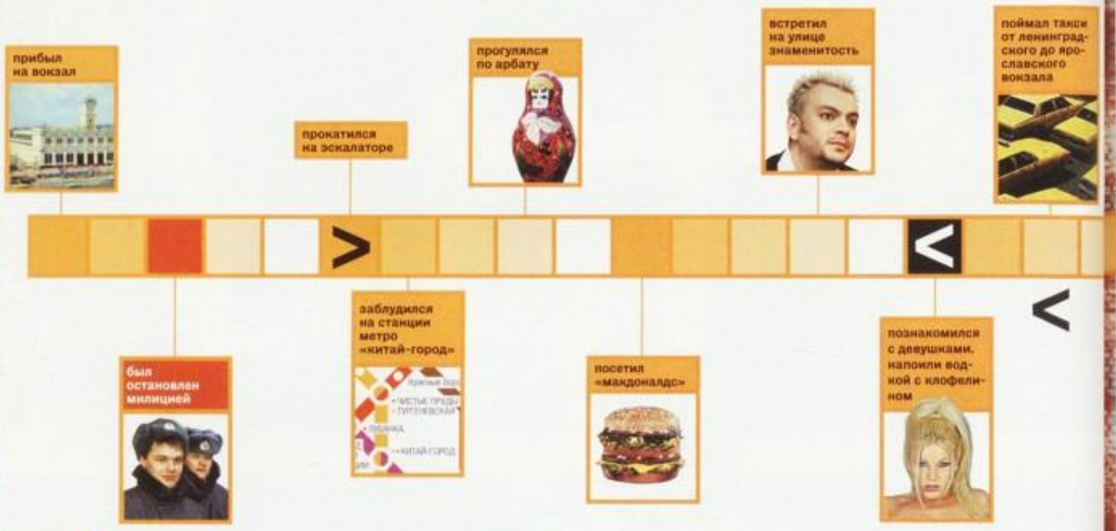
афиша
Garbage
Игги Поп
ОЗЗИ
«Апрель»
«Ленинград»
Линдберг
БГ
металлос
ЛИНЧ
ФИЛИПП СТАРК
АТАКА КЛОНОВ
МАНУ ЧАО
«ЛЕД» ТРОНУЛСЯ
ВЗЯТИЕ КРЕПОСТИ
кейт бланшетт
БРИТНИ СПИРС
ЖАТКИ ОТ-А-ПОРТ
«XXX»
«АРАРАТ» АТОМА ЭГОЯНА
«ТОСКА» ФРАНКО ДЗЕФФИРЕЛЛИ
«ОЛИГАРХ»: КИНО С БОРИСОМ БЕРЕЗОВСКИМ
НАЧАЛОСЬ
ХАРРИСОН В ФИЛЬМЕ:
ФОРД К-19
Сопрано
СОСТОЯНИЕ МУЗЫКИ
femme fatale
007
75

ВРАГ У ВОРОТ

< сделать 5 ходов назад ■ пропустить один ход < сделать 3 хода назад > сделать 3 хода вперед

Звонок в дверь. Доктор Борменталь идет открывать. На пороге стоит траченная жизнью бабуля: «Странница я из Пскова. Пришла собачку говорящую посмотреть». Насмотревшись на Арбат и Большой театр, посетив театр «Ленком» и гастроном «Елисеевский», большая часть провинциалов отбывает восвояси. Но некоторые из них остаются и пытаются в этом городе жить. Проанализировав собственный трехлетний опыт проживания в Москве, земляк посетительницы Борменталя и обозреватель журнала «Афиша» Филипп Бахтин составил список опасностей и удовольствий, поджидающих провинциала в Москве.

Правила игры «Стань москвичом!» Играющие по очереди бросают кубик, передвигая фишки на соответствующее количество клеток и все ближе подбираясь к заветной цели. Кубик можно изготовить самостоятельно, воспользовавшись заготовкой на странице 2. Игра предназначена для двух и более участников. Желаем удачи!



Глава 1. Опасности

МЕТРО

Провинциальный идиотизм ярче всего проявляется в незнакомых местах, например, в метро. Скрыть собственную тупость от окружающих несложно. Во-первых, нужно приобрести минимальные навыки общения с турникетом. Правила просты: вставляйте карточку стрелкой вверх, не забывайте вынимать и – самое главное – не вставляйте карточку левой рукой! Турникет у левой руки – не ваш турникет! (На этом погорело много моих знакомых.) Во-вторых, нужно освоить неподвластные человеческому разуму законы, согласно которым осуществляется пересадка на станции метро «Китай-город». Осознав, что для пересадки иногда достаточно перейти перрон и сесть в поезд, отправляющийся в обратную сторону, можете поздравить себя. Возможно, вы еще не москвич, но первый шаг в заветную сторону сделан.

МИЛИЦИЯ

Милиционеры похожи на собак: все, что движется быстрее пяти километров в час, вызывает у них живой интерес. Поэтому провинциалу, избегающему проверки документов, следует научиться передвигаться с минимальной скоростью. Другой принцип – старательно избегать мест скопления представителей закона – в первую очередь метрополитена. К сожалению, как показывает практика, оба этих способа практически не работают. Обмануть милиционера невозможно: как собака чувствует исходящий от вас страх, так милиционер сердцем видит изъяны вашего спрятанного в складках одежды паспорта.

Главное правило при проверке документов: лучше не иметь никакого паспорта, чем иметь паспорт с немосковской пропиской. Удостоверение работника ночного ларька, студенческий билет с чужой фотографией, направление к окулисту или просроченный пропуск в бойлерную при отсутствии паспорта могут творить чудеса. А новенький, хрустящий, изобилующий сложными степенями защиты документ, удостоверяющий вашу прописку в восьмистах километрах от Кремля, – это прямая дорога в кутузку. Остановив вас для проверки документов, милиционер неизменно поздоровается, сообщит свое звание, фамилию, название организации, интересы которой он представляет, а также цель, с которой он вас остановил. Будьте внимательны: из всей этой информации вам пригодится только одно: звание милиционера, которое потребуется, чтобы вежливо упрашивать его вас отпустить (абсолютно бесполезно) или для ведения деловых переговоров о цене свободы. Цена свободы в Москве составляет от 50 до 100 рублей и даже меньше – при условии, что других денег у вас нет.

Вручать милиционеру деньги нужно деликатно, не путая причину со следствием. Человек в фуражке отпускает вас не потому, что вы заплатили ему денег. Это он сам, заметив, как вы лезете в кошелек, из человеколюбия решил вас помиловать, и вы, в благодарность, платите ему. Ни в коем случае не наоборот.

Если вы все-таки попали за решетку (при отсутствии регистрации вас могут задержать на три часа) – наслаждайтесь. Всего 180 минут в маленьком, заблеванном бомжами обезьяннике позволяют человеку с новой силой ощутить радость свежего воздуха и счастье прогулок в людном направлении. Кроме того, нигде в Москве я не заводил таких удивительных знакомств, как в милицейском плену. Например, около года назад в участке неподалеку от метро «Алексеевская» я подружился с двумя пятидесятилетними проститутками Олями, которые ознакомили меня с новейшими веяниями в нецензурной речи и предлагали вступить в гражданский брак, соблазняя жилплощадью. Кроме Оль в обезьяннике находился очень холеный мужчина кавказской наружности, в отутюженном костюме и с золотыми часами на запястье. Высунув наружу руку с паспортом так, чтобы при этом не касаться грязных прутьев белоснежным рукавом, мужчина в течение часа безостановочно орал на отвратительном русском. Наконец, убедившись, что подобный стиль поведения не производит впечатления на милиционеров, он протянул свой паспорт мне. Так впервые в жизни я познакомился с гражданином Сирии. Объяснить этому человеку, почему его задержали, я не смог.

ГОМОСЕКСУАЛИСТЫ

Как известно, мужчины, испытывающие половое любопытство к другим мужчинам, водятся только в столице. В провинции о них знают немного: они говорят высокими голосами, носят шейные платки и не упускают случая похлопать вас по заднице. Так вот, уважаемые провинциалы, можете не беспокоиться: все, кроме шейных платков, – вранье.

Глава 2. Нужды

РАБОТА

Факт 1: согласно официальной статистике, в Москве, чтобы заработать денег на биг-мак, требуется 1 час 42 минуты (в столице Кении Найроби – около трех часов, в Токио – 9 минут, в среднем по миру – 36 минут). Факт 2: количество рабочих мест в Москве многократно превышает количество местных безработных. Вывод: остаться без своего биг-мака в столице очень сложно. Жизнь эту теорию подтверждает. Из числа моих псковских приятелей в Москве сейчас функционируют: владелец производства кабеля, телеведущий, диджей, начальник отдела маркетинга в банке, продавец Hi-Fi-оборудования, продавец интернет-услуг и продавец наркотиков. В 90 процентах случаев один прочно зацепившийся провинциал из сентиментальных соображений выписывает себе из родных краев собутыльников, порождая тем самым цепную реакцию. Можно пытаться бороться с этим явлением, например, увеличивая количество натасканных на отсутствие регистрации милиционеров. А можно оглядеться и признать: если в одно волшебное утро в Москве удивительным образом исчезнут все провинциалы, прибывшие в течение хотя бы последних 20 лет, то катастрофических кадровых потерь не понесет только один столичный бизнес – сдача квартир внаем.

ЭКОНОМИЯ

У каждого, кто когда-нибудь жил в Москве на 200 рублей в месяц, обязательно есть свой, удивительный кулинарный рецепт, дешевый и калорийный. Всем любителям экстремальной кухни рекомендую собственное изобретение: как из пачки макарон и бутылки из-под томатного кетчупа изготовить мясо с гарниром. Для начала делим макароны из пачки на две примерно равные части. Затем отвариваем половину макарон и, по мере готовности, вываливаем их на сковороду. Тем временем в бутылку из-под кетчупа наливаем теплую воду и взбалтываем. Потом заливаем макароны на сковороде томатной водой и жарим их до хрустяще-деревянного состояния. Скрипящие на зубах, чуть пахнущие помидорами уголечки очень похожи на пережаренное мясо и способны обмануть нуждающийся организм. Вторая половина макарон используется по назначению – в качестве гарнира. Приятели по институту уверяли меня, что из макарон можно также варить компот, но рецепт его приготовления мне неизвестен.

ТУАЛЕТ

Приезжие могут неделями ничего не есть, могут спать на вокзале стоя, могут месяцами обходиться без горячей воды,

№72
от 18 января 2002 года
Филипп Бахтин
о Москве глазами
провинциала

но не могут не писать. В этом их слабость. В отличие от москвича, проводящего жизнь между теплым туалетом дома и теплым туалетом на работе, бездомный и безработный приезжий воюет за право отделаться от непереработанной пищи не меньше, чем за право эту пищу употребить. Наибольшей популярностью среди москвичей и гостей столицы пользуется сеть бесплатных туалетов «Макдоналдс». В этой благословенной организации, занимающейся также продажей продуктов питания, ежедневно находит утешение несметное количество людей. Весело и быстро.

ПОСЫЛКИ

Послать посылку на родину можно двумя способами: по почте (из 6 посылок, отправленных мною в 1999 году, дошли 2) и поездом, с проводником. Второй способ – недорог (достаточно 50 рублей, а иногда и меньше), быстр и надежен, но требует определенного навыка. Во-первых, всегда нужно иметь при себе какой-нибудь старый железнодорожный билет – без него вас могут не пустить на перрон. Во-вторых, вас могут не пустить и со старым билетом, если заметят, что он старый. Поэтому билет нужно держать в зубах, в руках держать посылку и бежать мимо охранника бегом, притворяясь опаздывающим. И в-третьих, обращайтесь только к одиноким проводникам: если проводников двое, то один из них может оказаться начальником поезда – главным посылконенавистником.

СКОРОСТЬ

Чтобы жить с этим городом в гармонии, нужно освоить две используемые здесь скорости: первую и пятую. На бешеной пятой скорости передвигается 90 процентов местных пешеходов, успевая при этом покупать и поглощать сосиски, снимать деньги с карточек, разглядывать свежеразмещенную рекламу, подавать нищим и просматривать SMS-сообщения на экране телефона. Другая (первая) московская скорость – это шарканье с кружкой зеленого чая мимо договов и антиквариата по паркету восьмикомнатных квартир; это неторопливое путешествие с бокалом Martini по коврам банкетов и приемов. Как и в случае с автомобилем, именно первую, а не пятую скорость освоить наиболее сложно.

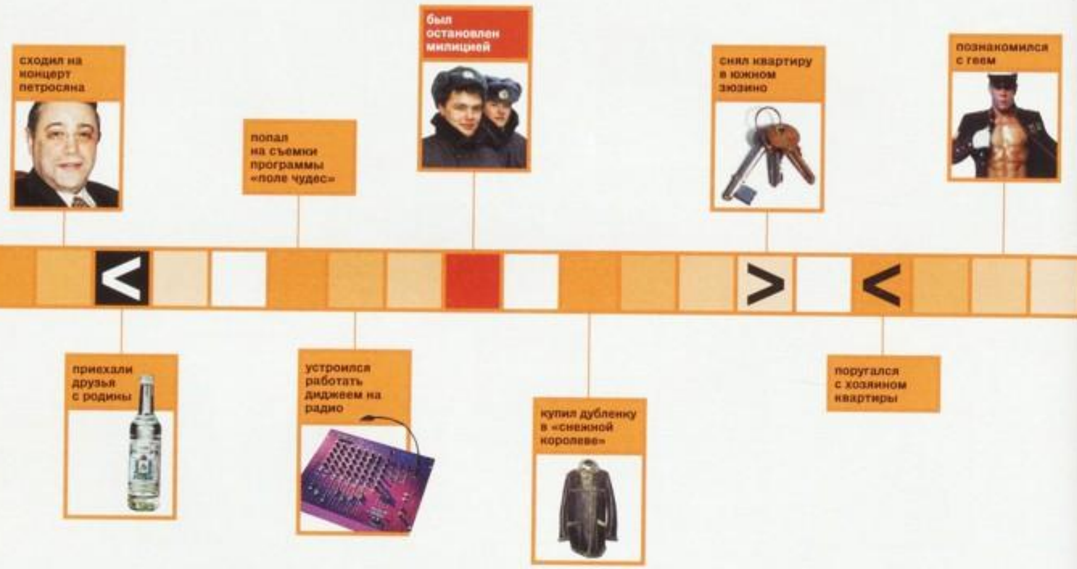
ДЕНЬГИ

Денег в Москве нет. Здесь никто не знает, сколько бумажек находится в кошельке, а тем более на карточке. Здесь никто не имеет представления о цене чего бы то ни было. Здесь оставляют на чай 10 процентов от суммы счета, даже если официант дважды налил вам за шиворот борща. Здесь считают недорогой не ту вещь, которая мало стоит, а ту, которая дешевле соседней, тоже дико дорогой. Здесь тратят не задумываясь и никогда об этом не жалеют. Здесь дают в долг и тут же об этом забывают. А когда деньги заканчиваются, то не успеваешь этого заметить, как они снова появляются. Москва давно перестала думать о деньгах, как перестали думать о тепле первые жители домов с центральным отоплением. Просто когда нужно, здесь всегда тепло. И в этом – главное счастье проживания в городе Москве.

РЕГИСТРАЦИЯ

«Вы пьющий?» – спросил у меня низкорослый, с кавалерийским разрезом ног участковый милиционер. «Нет», – соврал я. «Ну смотри... если начнутся пьяные дебоши, если будешь девок по ночам водить...» – начал перечислять кавалерийские развлечения участковый. «Он на режиссера учится», – в сотый раз вставила славная женщина Нина Александровна, выдававшая меня за племянника. «Посмотрим, какой он режиссер, – загадочно пригрозил участковый. – Имей в виду: каждый день после 23.00 ты должен находиться по месту регистрации. И вот еще что: у вас, Нина Александровна, муж не охотник?» – «Нет», – заверила Нина Александровна. «Тогда все свободны».

Кроме бдительного участкового, согласившегося в течение трех месяцев нести на своих плечах груз ответственности за мои пьяные дебоши, Нине Александровне и мне, ее лжеплемяннику, пришлось склонить к сотрудничеству паспортистку домоуправления, начальника домоуправления, двух грузных милиционеров в паспортном столе и снова паспортистку домоуправления. Кроме того, заполнив небольшую квитанцию («Департамент финансов, ИНН 7710152113, р/с 40201810238000101004, к/с 30101810400000000225, БК 2064000, доп. код 203, БИК 044525225, за оформление регистрации»), я перевел на счет Сберегательного банка России сумму в 5 рублей 00 копеек. Через неделю заветный документ (затрапезная бумажка с моей фотографией, именем и адресом регистрации) был готов. На три месяца утратив право устраивать дебоши и водить девок, я получил взамен право не шарахаться от милиционеров. К сожалению, 3 января 2002 года бесценный документ стоимостью в 5 рублей утратил магическую силу и перестал оберегать меня, снова предоставив на растерзание милиционерам и девкам.



ЖИЛЬЕ

Москвичи никогда не сдают квартиры приезжим: они отрывают их от сердца. Через агента они врут вам о том, что квартира в пяти минутах от метро (если больше, значит, квартира находится за пределами МКАД) и что в ней нет тараканов. При встрече пристально заглядывают в глаза, силясь разглядеть маньяка-людоеда или содержателя притона. Потом берут у вас деньги, отдают ключи и начинают от этого невыносимо страдать. Они не позволяют менять в квартире обои, переставлять мебель и заводить котов. Они заходят в 12 часов ночи (за паяльником), чтобы проверить, не устроили ли вы садомазо-вечеринку. Они отказываются вас в квартире регистрировать («Мы никогда этого раньше не делали!»). Они хранят в ней все, что не влезает в их собственную квартиру («Выкинуть жалко, а на даче места нет»). Они рассказывают душераздирающие истории о своей жизни, требуя повышения квартплаты. И наконец, они просят в течение месяца освободить помещение, поскольку баба Зина из 147 квартиры видела, как вы поджигали ее почтовый ящик. Занавес.

Глава 3. Удовольствия

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Если вы всю жизнь прожили в Москве, вам этого не понять. Вот, например: вы провинциальная девочка семнадцати лет, из которых последние пять по утрам перед школой вы натягиваете колготки, не отрываясь от Андрея Малахова и программы «Доброе утро». И вот, закончив школу, вы попадаете в Москву, идете в кинотеатр и встаете в очередь за попкорном. И кто покупает кока-колу прямо перед вами? ОН!!! Сам Андрей «Доброе утро» Малахов!!! Культурный шок! Обморок! Инфаркт! И тут он поворачивается и говорит: «Передайте, пожалуйста, трубочку для кока-колы». Все. Летальный исход.

Мне известен только один гарантированный способ убедиться в том, что телевизионные и кинематографические люди существуют в природе. За последние два года я около семи раз был на премьерах разных (иногда отвратительных) фильмов, где неизменно встречал популярного и уважаемого артиста Леонида Ярмольника. Не могу ничего обещать, но математическая вероятность повстречать этого человека на кинопремьере очень высока.

РЕСТОРАНЫ

Человек из провинции ест не там, где вкусно. Он ест там, где, как он слышал, едят жители столицы. На телевидении есть реклама только одного московского ресторана, того самого, питаться в котором весело и вкусно. Поэтому, по мнению большей части стопятидесятимиллионного населения нашей страны, москвичи день и ночь употребляют чизбургеры и филе-о-фиши. Так вот, уважаемые провинциалы, открою вам страшную тайну: так оно и есть! Например, сейчас я сижу в редакции, сплошь заваленной пакетиками из «Макдоналдса». Сколько бы ни отрицали этот факт ваши московские знакомые – не верьте. Все они нет-нет да и съедят что-нибудь из «Макдоналдса». Все остальное – по вкусу.

ЖЕНЩИНЫ

В течение трех лет я ухаживал за московскими женщинами. Я дарил им цветы, говорил комплименты, водил в театры и рестораны. Я заглядывал им в глаза, слушал их голос и нюхал их духи. И теперь, по прошествии трех лет, мне открылась их страшная тайна. Вот она: никаких московских женщин не существует. Все московские женщины приехали из саранска, армавиров и петрозаводсков. Как приехали из армавиров и петрозаводсков все жители этого города. Приехали, чтобы занять все посты, чтобы заработать все деньги и одержать все победы. Завоевывать нечего. Город давно взят.

****

Эпилог

ПОЕЗДКА ДОМОЙ

Верхняя полка. Рядом с ухом надрывается динамик. Ручка отломана, поэтому сделать потише невозможно. Из динамика доносится специальная программа, называемая «Радио МПС» (Министерство путей сообщения). За последние два года я прослушал ее около сорока раз.

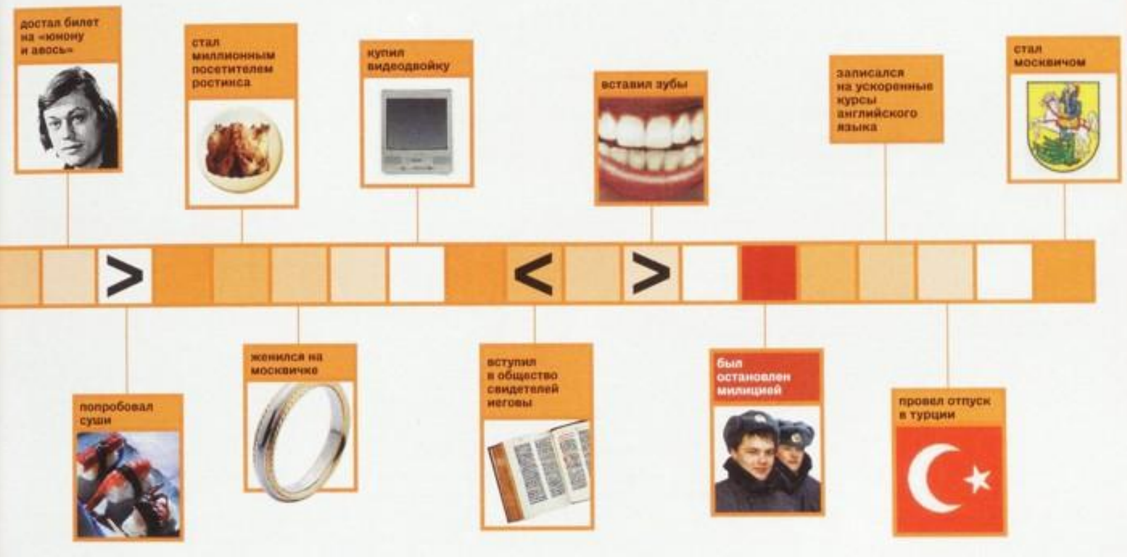
Голос артистки Талызиной: «Когда состав на скользком склоне/Вдруг изогнулся страшным креном...»

Голос артиста Мягкова: «Когда состав на скользком склоне/Вдруг изогнулся страшным креном...»

Талызина: «Нечеловеческая сила/В одной давильне всех калеча...»

Мягков: «Нечеловеческая сила/В одной давильне всех калеча...»

Дочитав про давильню, уважаемые артисты уступают место диктору «Радио МПС», который строгим голосом напоминает пассажирам инструкцию по технике безопасности. Но я его не слышу. Я уже сплю.



гегемон

3 марта «ленинград» выпускает альбом «пираты xxi века»

за несколько дней до этого группа дает в петербурге свой прощальный концерт. обозреватель «афиши» максим семеляк отправился на квартиру лидера «ленинграда» сергея шнурова и разбудил его криком «что-то будет». так шнуров стал первым героем совместного проекта «афиши» и «намедни», изучающего важные изменения окружающей среды. сергей дандурян фотографировал шнурова на балконе гранд-отеля «европа».

– Что происходит с группой «Ленинград»?

– Группа «Ленинград» – она как бы остается группой «Ленинград», просто концертов не будет. Если будут песни, то будут альбомы.

– То есть концерт в «Юбилейном» – это как последние концерты «Аквариума», которые одно время каждый год проходили?

– На самом деле это вообще ни на что не похоже. Потому что я не планирую, понимаешь, я не продумываю схему, по которой это будет развиваться в дальнейшем. Я думаю о том, что сейчас. Сейчас это мне совершенно необходимо. И группе, и публике необходимо.

– Почему необходимо?

– Чтоб не надоедать. Очень ведь легко надоесть. Тем более – если вот так давать по три интервью в день.

– Это неизбежно при такой-то музыке.

– Ну да, неизбежно. Люди просто ждут от «Ленинграда» этакого... некоего. Но это некое кончается.

– Оно таки кончается?

– Знаешь, можно будет подумать об этом, когда пройдет некоторое время после издания альбома. Когда я смогу послушать... ну так, объективно, не упираясь на то, как что сведено и кто где слажал, а подойти к этому как к произведению искусства. По большому счету, интуиция мне подсказывает, что вряд ли у «Ленинграда» возникнут серьезные конкуренты в ближайшее время.

– Новый альбом сплошь состоит из песен, которые вы по сто раз играли на концертах. Интересно было их записывать?

– На самом деле «Ленинград» всегда так писал альбомы. Законы клубной жизни таковы. Потом, это же твой взгляд насчет ста раз, а есть миллионы людей, для которых сходить на концерт – это событие. Люди-то в основном альбомы слушают.

– «Ленинград» прекращает выступать. Чем будут заниматься девять твоих музыкантов?

– Кто чем. Большинство, конечно, будет цепляться за музыку.

– Ну вот, например, саксофонист Ромеро – что будет делать?

– Будет пытаться делать какие-то свои группы. Может, сопьется, может – нет. Но я все равно буду всех привлекать на какие-то записи, ну там... музыки к сериалам. Рано или поздно, мы все равно соберемся, наверное. Но какое-то время просто не хочется общаться друг с другом. Устали. Реально. Потому что столько гастролей. У нас ведь нет наемных музыкантов, все на товарищеских отношениях держится, поэтому сложно.

– Чем ты сам будешь заниматься?

– Музыкой для кино.

– Сейчас не так чтобы много хорошего кино снимают. На сцене все равно веселее.

– Не знаю, мне интереснее в студии сидеть. Какие-то эксперименты со звуком, с инструментами.

– Почему именно кино?

– Меня не интересует кино, меня интересует музыка к кино.

– Ты имеешь в виду цельный инструментальный саундтрек или просто песни на титрах?

– И то и другое. Интересно ставить себе какие-то рамки и в этих рамках делать себе потихоньку какие-то шедевры. А когда, в принципе, ты можешь все – тогда вообще неинтересно. Тогда ты на самом деле ничего и не можешь.

– А какая музыка к кино тебе, в принципе, нравится?

– Идеал для меня – Зацепин.

№74
от 15 февраля 2002 года
Максим Семеляк о Шнурове и «Ленинграде»

триумф шнурова – вещь понятная, но неожиданная. в отличие от экономически просчитанного фандорина или государственно обоснованного брата #2, шнур всю дорогу был диким, неправильным и невменяемым во всех отношениях. тем приятнее очевидное – без радийной и клиповой поддержки он стал первым рок-героем двухтысячных, снискал страшное признание и только что премию «триумф» не заработал, даже несмотря на декларированную кончину группы «ленинград», вечный герой дня без галстука

скорее жив

Я докатился до дома Сергея Шнурова ранним и топким питерским утром. Железную дверь открыли Света, жена, а также Аполлон Сергеевич, крайне маленький сын. «Заходите-заходите. Только он спит», – радостно сообщило семейство и посулило кофе. Спит. Феерично. Я тоже хочу спать как не знаю кто. Но мне через час надо быть с предводителем группы «Ленинград» на съемках телепередачи «Намедни», для которых арендован чуть не этаж в пятизвездочной гостинице «Европа». Меж тем Света и Аполлон Сергеевич под шумок мультфильма затерялись в недрах квартиры, и я понял, что будить предводителя придется мне. И отправился по длинному экс-коммунальному коридору искать Шнура.

Мне повезло: в первой же комнате, куда я свернул, почивающий худо-бедно нашелся. «Вставай, Шнуров, – сказал я решительно, – открой глаза». Он открыл, после чего резонно осведомился: «Зачем?» О господи, заныл я, ну мы же договаривались. «Намедни», все дела, нас ждут, что-то будет, поехали, пожалуйста, скорее, гитару возьми обязательно. «А у меня нет гитары, – отвечает Шнуров. – Она на студии. А ты не хочешь новый альбом послушать?»

В моей жизни, вообще-то, случаются ситуации, когда не очень хочется слушать группу «Ленинград», и тут назревала как раз такая. Но он уже засунул пластинку в плеер, и грянула песня про Интернет: «Вэ-вэ-вэ Ле-е-енинград! Эспэ-бэ то-о-очка ру!» Я слышал эту песню на концертах раз двадцать самое меньшее. «Во клавиши какие, прямо Пугачева», – радуется Шнур записи, но я уже не слушаю, что он говорит. Я гляжу на веселого и смешного человека в белом халате с надписью «Adidas», самозабвенно отплясывающего под им же изобретенную музыку, и думаю, что никуда я уже, в сущности, не тороплюсь. Даже если бы меня ждали все телеведущие всех телеканалов, я все равно дослушаю эту песню, а там и следующую, и еще одну, и еще, и обратный билет надо, наверное, сдать теперь же.

Я сижу и нервничаю по причине злого аналитического бессилия: ну как же это так? Мой одногодка из города на Неве во весь голос орет космические глупости, вроде «Когда переехал – не помню, наверное, был я бухой, мой адрес не дом и не улица, мой адрес сегодня такой!», и я от радости плохо координирую движения. Возможны варианты: либо это он гений, либо это я дурак. Если первое неверно, то как умеет он такой, в сущности, ерундой сломить эстетическое сопротивление значительной части народонаселения страны? Если неверно второе, то почему от этих идиотских рифм, подпитанных еще более идиотскими ритмами, на меня накатывает такое неприличное и плохо объяснимое ликование? Я пытаюсь что-то сформулировать, но тут Сергей Шнуров надевает черную бейсболку и говорит: «Поехали, а то опоздаем».

Популярность Шнура сегодня, похоже, достигла пика. Судя по концертным наблюдениям, он снискал офигенную любовь каст: менеджеры среднего звена, журналисты, банкиры, бандиты, стилистки, кинематографисты, Владимир Сорокин, – веселится и ликует весь, за некоторыми исключениями, народ. «Мне завтра опять в одиннадцать вставать, – жалуется он, – Муз-ТВ припрется. И еще в Москве послезавтра три интервью. Я уже не могу столько про себя говорить, это неприлично, в конце концов!» При этом таксисты его не узнают, прохожие вроде бы подметки на ходу не срезают, а в клубе, куда мы пришли вечером и где внутри на почетном месте висят его фотографии, ему снаружи посоветовали приобрести билеты.

В последние пару лет самые разные люди, по каким-то странным причинам не посещающие концертов Шнура, то и дело пеняли мне: «Ты зачем слушаешь «Ленинград», ты дикий, что ли?» В ответ приходилось сообщать что-то совершенно гайдаевское: а меня, может, другие группы не удовлетворяют. Я, может, всю жизнь хотел услышать именно такие тексты, уложенные на именно такую музыку. В общем, как говорил Георгий Вицин, – не тронь, не тронь мое самосознание.

В принципе, творчество, подобное шнуровскому, и не нужно, не принято анализировать. На такое принято показывать пальцем, и этого более чем достаточно. К примеру, называть его текстовиком-новатором довольно странно – из каждой строчки торчит то майковское «Разбиваю телефон, иду пить самогон», то чистяковское «Крепко сидит мой резиновый шлем на го-ло-ве», то мамоновское «Я так хочу, чтоб голая ходила ты». Наконец, любимая Шнуровым тема подыхания на производстве вполне наследует профсоюзной традиции шевчуковского «Конвейера». Просто то, что ранее в русском роке бесновалось за кулисами, Шнур выволок на авансцену – или, как он сам однажды

выразился, – на мизансцену. Он стал петь только о любви, водке, угаре и дикости; лишь о горюче-смазочных материалах; исключительно о том, что течет и обжигает. Шнур привел русский рок в чувство, чистое чувство – лишив его тем самым вечной озабоченности смыслом. Шнуров ухитрился выразить дух времени не в песнях даже, но в каких-то футбольных речевках, посвященных исключительно деградации и аморалке. Вся мыслимая экзистенция легко умещается в противостоянии «плюнет–поцелует». Шнуровские тексты – все сплошь какие-то необходимые и простые, словно фото на документ. И вообще, весь без остатка смысл «Ленинграда» целиком и полностью гнездится в величайшей строчке Майка: «Всех еще тошнит, а я уже опохмелился».

Я слышу, как Шнур болтает с энтэвэшниками, и думаю еще и об элементарной фонетической свежести, привнесенной им в рок-песню. Можно сколь угодно долго винить весь русский рок в краже мелодий и переводе текстов, но чего у него не отнять, так это целого набора придуманных интонаций. Эта иерархия фирменных вокальных чудачеств – будь то «мммм» БГ, «уо-уо» Шевчука, «ыыыы» Летова или «иээээ» Лагутенко – пополнилась совершенно новым интонационным демаршем. Я бы транскрибировал его как «О! Е! Ча-ча-ча!», и он, согласитесь, очень недурен. Примат интонации над текстом и мелодией как раз и роднит Сергея Шнурова с Аркадием Северным и иными королями питерского шансона. К тому же Шнур – первый здешний рок-стар, взошедший не на домашних концертах и не на магнитоальбомах, но на концертах сугубо кабацких. Это своего рода отголоски ресторанной музпрактики советских времен – и отсюда, видимо, пристрастие «Ленинграда» к мелодиям и ритмам зарубежной и внутренней эстрады, будь то музыка Владимира Дашкевича или песенка The Tiger Lillies. Точно так же бенды Северного звучали за счет «Соловьиной рощи» или «Песне мы не скажем до свидания». Нормальная и правильная жизнь лабуха – существование за счет излишков чужой музыки. Лирический персонаж Шнурова сродни известному человечку у Довлатова: «У любого животного есть сексуальные признаки. У петуха, допустим, хвост. Вот и приглядываешься к окружающим мужчинам – а где твой хвост? У одного это деньги. У другого – юмор. У третьего – учтивость, такт. У четвертого – приятная внешность. У пятого – душа. И лишь у самых беззаботных – просто фаллос. Член как таковой». Герой «Ленинграда», урод-любовник, как раз из таких, из самых беззаботных. Тот, у кого слишком много плоти. Уличное дело Шнурова – простое не только как мычание, рычание и урчание, но и как отчаяние. Во всем – дикий надрыв. В этом его сильное и нужное отличие от групп типа «Ляпис Трубецкой» или «Дискотека Авария». Раньше кричать прилично было как минимум о том, что вечность пахнет нефтью. Шнур же принялся драть глотку по поводу поливки помидоров.

Так я думаю до тех пор, пока Шнур не вспугивает меня и съемочную группу воплем: «О, смотрите, в соседнем номере кто-то спорт по телику смотрит!» А потом он говорит, что «Ленинград» играет 16 февраля последний – по крайней мере, в этом году – концерт. Мне жаль. У нас была, может, не великая, но эпоха. Ее начало протрубили дудки «Французской помады», первой песни с первого настоящего «ленинградского» альбома «Мат без электричества». Дудки напоминали потревоженную в ночи сигнализацию малобюджетного средства передвижения, и спастись от этих звуков не представлялось возможным. Эпоха переживала идеальные штормы на всяком без исключения концерте «Ленинграда» – когда этот «Ленинград» переставал быть оркестром и превращался скорее в оркестровую яму, куда проваливались слова, разбитые барабаны, пьяные тромбонисты, вопли гунна, трубные соло и разнообразные северные буги. Эх, «Ленинград», Петербург, Петроградище...

После съемок мы со Шнуровым шляемся по городу, глотаем шашлыки и хачапури, немного пьем: я – «Невское» и «Синопскую», а он – «Киндзмараули» и Ballantines. Я смотрю на Шнура и неожиданно понимаю, в какой именно момент кончается молодость. Она кончается, когда ты вдруг замечаешь, что по паспорту старше полюбившегося тебе животворного рокера. А коль ты его ровесник, выходит, это твой остаточный шанс завести себе последнего кумира и по-детски прикнопить его плакат на шифоньер.

То, что я норовлю изложить здесь, я высказывал и самому герою – в самый разгар Нового 2002-го. Шнур тогда ответил что-то вроде: «Ты, Семеляк, настолько врубаешься в ситуацию, что даже странно». Но увы мне – по вполне ленинградским причинам я не помню, что говорил. Что-то типа: скоро Новый год, и группа «Ленинград» не доживет. Однако пусть лучше мои новогодние россказни уйдут в веселую историю вместе с последним демаршем проекта-вертограда. Когда переехал – не помню. О! Е! Двадцать первый век.

он снискал офигенную любовь каст: менеджеры среднего звена, журналисты, банкиры, бандиты, стилистки, кинематографисты, владимир сорокин, – веселится и ликует весь, за некоторыми исключениями, народ

ОБ ЭТИХ МЕСТАХ РАССКАЗЫВАЮТ, ВЗЯВ СО СЛУШАТЕЛЯ ОБЕ МОЛЧАНИЯ. ИНОСТРАНЦЫ, ПОЖИВШИЕ В МОСКВЕ И ВОЗВРА ЩАЮЩИЕСЯ НА РОДИНУ, ПЕРЕДАЮТ АДРЕСА ЭТИ ПО НАСЛЕД СТВУ. МЕСТА ПРЯЧУТСЯ В ПОДВОРОТНЯХ, МАСКИРУЮТС ПОД САРАИ, НА НИХ ВИСЯТ УСТРАШАЮЩЕГО ВИДА ВЫВЕСКИ ИХ ПРИГЛАШАЮТ ПОСЕТИТЬ ПУГАЮЩИЕ РЕКЛАМНЫЕ ПЛАКА ТЫ. ЗДРАВОМЫСЛЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК ПРОЙДЕТ МИМО. НО ДЛ ТЕХ, КТО ПОСВЯЩЕН, КТО ЗНАЕТ ПРАВИЛА ИГРЫ, ЭТИ МЕСТА НАСТОЯЩИЕ ГОРОДСКИЕ СОКРОВИЩА. *Алексей Казаков* ВКЛЮ ЧИЛСЯ В ИГРУ И ВЫЯСНИЛ РАСПОЛОЖЕНИЕ САМЫХ СЕКРЕТ НЫХ РЕСТОРАНОВ МОСКВЫ.

ГЛУБОКАЯ ГЛОТКА

Имена некоторых героев пришлось изменить. Не то чтобы это были какие-то важные госчиновники, которых могло бы скомпрометировать упоминание на страницах развлекательного журнала. Просто таково было условие передачи информации. «Бог с тобой, – говорили герои, – покажу тебе ресторан, но про меня писать не вздумай – товарищи не поймут». Некоторые шли еще дальше. Знакомая телеведущая полуночного эфира по имени Оля долго рассказывала про законспирированное заведение, где даже в январе на десерт подают арбузы. Арбузы, по ее словам, зимой поставляли то ли из секретной теплицы, то ли из секретной лаборатории. «Бог с тобой, – говорила Оля, – отведу я тебя туда, с администрацией пообщаемся, арбузов покушаем, статью напишешь, но при одном условии: название ресторана в статье изменить, адрес не указывать и то, что я туда тебя привела, – тоже». Хотя условий оказалось не одно, а три, я согласился – лабораторные арбузы интриговали. Следующие три недели Оля изворачивалась: аврал, истерия, голова болит, у меня другая линия. В конце концов сообщила, что забеременела, скоро сама превратится в арбуз и по ресторанам теперь не ходит.

Американец Ричи – прежде чем раскрыть кафе под названием «Аленушка», которое он прятал от посторонних с 1994 года, – долго мялся, барабанил пальцами по столу, изучающе осматривал меня, от волос до ботинок.

– О'кей, – сказал он, – отвезу я тебя туда, только возьми с собой шелковый платок.

– Ричи, у меня нет шелкового платка.

Он снова приступил к изучению моих ботинок.

– О'кей, возьми хлопчатобумажный.

Об «Аленушке» в тот момент я знал, что там есть лобио – это было одно из первых десяти русских слов, которые выучил Ричи. Еще я знал, что официально это место называется не «Аленушка», а даймонд-клаб «Аленушка». Также Ричи рассказывал, что иногда посетители даймонд-клаба кладут девушек на столы и занимаются с ними любовью – как в фильме «Почтальон звонит дважды».

– Ричи, почему так важно, чтобы я взял платок?

– Видишь ли... я хотел бы завязать тебе глаза.

Я представил себя в роли Джессики Лэнг, лежащей на кухонном столе, причем с завязанными глазами, а Ричи – в роли нависающего надо мной Джека Николсона. Картина мне не понравилась.

– Видишь ли, – продолжал он, – я бы не хотел, чтобы ты запомнил дорогу в «Аленушку». Надо, чтоб ты ехал с завязанными глазами.

В конце концов он сдался и разрешил рассекретить свое сокровище, более того – с горя пригласил туда еще четырех знакомых. Но рассекретить «Аленушку» не так просто. Даже если вот так, в открытую, сообщить, что находится она по адресу 4-й Сетуньский проезд, 10, и столик, а еще правильней кабинку, можно заказать по телефону 240 86 05, а если возникнут сложности, ссылаться надо на Эдуарда Ашотовича или на Ильгара Иосифовича, – совершенно не факт, что вы туда доберетесь. Пока мы ехали от Пушкинской к Киевскому вокзалу, я на правах коренного москвича подсказывал американцу, где правильнее выехать на набережную и как лучше объехать пробку. Но стоило нам свернуть с Мосфильмовской во дворы, как я почувствовал себя уже не Джессикой Лэнг, а капитаном Жегловым в момент погони за Фоксом. Ричи, соответственно, выступал в роли водителя Копытина:

«Ты у себя в кабинете командуй, Е Егорыч, а здесь я начальник». Пусты закоулки, повороты, большие безд ные собаки.

– Ричи, как ты нашел это место?

– Мне показал его один знакомый уб ца, – флегматично ответил мой пров ник, выпускник Йельского университ та, посетитель ресторанов Алена Д касса и враг московских сомелье. Со лье его не любят потому, что Ричи пр почитает разговаривать с ними французски, считая, что винные эксп ты должны понимать на этом языке только «божоле нуво» или там «пард мусью».

В даймонд-клабе нас ждали. На поро стоял, улыбаясь, большой человек И гар. Он поздоровался с каждым за р сообщил, что все приготовлено, что сделает все как обычно, как любит од из старейших членов даймонд-кла «Аленушка». Старейший член даймо клаба шел, пытаясь имитировать похо ку коренного бакинца. «Аленушка» бы почти пустой, лишь в одной кабинке дели три азербайджанца в черных во лазках. Проходя мимо них, Ричи п ветствовал их небрежным кивком. Аз байджанцы, растерявшись, сказал «здрассьте». «Аленушка» соответство ла всем нормативам секретного рест рана: труднодоступный подъезд к за дению, экстравагантное название, об тые вагонкой стены; пейзажи, выпо ненные выжигательным аппарато Крис де Бург и песня «Мальчиш крепыши отдыхают от души» в магни фоне. Цены в меню колебались от т дцати до ста пятидесяти рублей.

Приглашенные долго смотрели в мен выискивая знакомые словосочетани и пытались составить заказ. Затем в к бинку зашел недовольный Ильгар:

– Э, зачем так поступаете? Лучше мы в всего понемногу принесем. Вы толь скажите, что пить будете.

Официант принес холодные закуски. Втиснуть тарелку с осетриной между гурийской капустой, чуреком и домашней баклажанной икрой оказалось не так просто. За холодными закусками последовала двадцатипятисантиметровая стопка кутабов с разными начинка-

«ДО ВОСЬМИ ВЕЧЕРА ЭТО МАГАЗИН ИТАЛЬЯНСКОЙ САНТЕХНИКИ, А ПОСЛЕ – *лучший итальянский ресторан* В ГОРОДЕ». «ТАМ НИЗКИЕ ПОТОЛКИ И НЕТ ОКОН, НО ФАСОЛЕВЫЙ СУП С МИДИЯМИ И ДАВЛЕНЫМИ ТОМАТАМИ – *это счастье*». «НА КУРСКОЙ ЕСТЬ НЕДОРОГОЙ ЭФИОПСКИЙ РЕСТОРАН, ТУДА ДАЖЕ ЭФИОПОВ ПУСКАЮТ». «ПРОЙДИ ДО КОНЦА КИТАЙСКИЙ СУПЕРМАРКЕТ – ТАМ БУДЕТ *самое аутентичное* В МОСКВЕ КИТАЙСКОЕ КАФЕ». «МЫ НАЗЫВАЕМ ЕГО «КОММУНИЗМ», ЦЕНЫ ТАМ СООТВЕТСТВУЮЩИЕ»

ми, чан с долмой и плов с каштанами. Остальное помню отрывочно: была осетрина, фирменный картофель на гриле, несколько килограммов шашлычного ассорти, люля-кебаб, завернутый в лаваш, какие-то жареные бараньи внутренности и чай. Выходя из-за стола, я чувствовал себя уже не Жегловым, а Марчелло Мастроянни в фильме «Большая жратва», где-то за полчаса до трагического финала. Ходить, двигать руками, кивать головой, кашлять, улыбаться, прикуривать сигарету – не было сил. Единственное, на что сил хватало, – стиснув зубы, бороться с жестокими приступами метеоризма. Шесть объевшихся медвежат, с трудом передвигая ноги, попытались рассчитаться. За все, включая забытые мной позиции, а также полтора литра водки, полтора литра вина и прохладительные напитки, пришлось отдать пять тысяч – по восемьсот рублей с человека. Ричи нахмурился:

– Никогда такого не было. Я приходил сюда с компанией в пять, в семь, в восемь человек, и счет всегда был одинаковый – сто долларов. Пора рассекречивать «Аленушку».

О том, как важна стабильность в счете, мне также рассказывали в подвале продуктового магазина на Сухаревке. Об этом рассуждал Ави, человек, кочующий между Америкой, Израилем, Италией и Россией. Тем не менее именно он меня, а не я его завел в этот подвал.

– Чем еще хороша «Паттайя», – говорил он, отрываясь от тарелки «острого уткого супа с молодыми кукурузами», – тем, что всегда уверен: сколько бы и что бы ты ни заказывал, счет будет не больше двадцати долларов на человека. Это настоящее сокровище.

В тот вечер я открыл для себя, что в Москве существует целая каста людей, превративших поиск подобных подвалов, сараев, стекляшек и стояков в отдельный вид спорта. У этого вида спорта есть свой свод правил, есть заслуженные мастера международного класса, второразрядники, болельщики, допинг-тесты, рекорды, травмы и дисквалификации. Услышав о том, что где-то у метро «Ясенево» обнаружена пиццерия «Семь тараканов» и что в этих «Тараканах» сидят итальянцы, говорят на неаполитанском наречии и очень высоко оценивают качество моцареллы в пицце, эти люди готовы отменять переговоры, свидания и важнейшие деловые встречи, чтобы на собственном желудке убедиться в достоверности фактов.

– Как ты не понимаешь, моцарелла в пицце – как вратарь в футболе, полкоманды, – говорил знакомый рекламист, несколько лет проучившийся в Италии, усаживаясь в машину и отправляясь в заветное Ясенево.

Ресторан тайской кухни «Паттайя», в котором мы сидели с Ави, действительно был сокровищем. Прежде всего – вход. Чтобы проникнуть внутрь, необходимо зайти в круглосуточный продуктовый, пройти вглубь по коридору, мимо витрин с собачьим кормом и гелями для душа, повернуть направо, не испугаться, увидев вывеску салона красоты, спуститься по лестнице с зеркальными стенами, открыть дверь – и наконец попасть в скромное помещение с евроремонтом. Из шести имеющихся столиков занят был один – за ним сидела хозяйка «Паттайи», бывшая жительница Вьентьяна по имени Мави, вместе с дочкой. Они смотрели телевизор. На экране резвилась стая обезьян. Дочка толкала маму и показывала пальцем:

– Мама, обезьяны!

– Это не обезьяны, – отвечала мама. Увидев в дверях Ави, хозяйка повела себя точно так же, как Ильгар при появлении Ричи. Это еще один элемент, входящий в обязательную программу. Участник соревнований должен не только найти заведение, но и наладить дружеские отношения с администрацией. Это как тройной тулуп в мужском одиночном катании – без его исполнения участвовать в соревновании можно, но претендовать на золотые медали бессмысленно. Чтобы наша верхняя одежда пропахла маслом, креветками и лимонной травой, Мави повесила ее в особый шкафчик – за это добавляется еще одна десятая балла в графе «артистизм». Настоящий же спортсмен обязан иметь в меню любимое блюдо и расхваливать его самым убедительным образом:

– Даже в бангкокском квартале Пат-Понг я не ел такого том ям сума. И обязательно закажи жасминового риса. Антонелла приезжает сюда специально за ним.

Я пил жасминовый чай из кофейной чашечки и прислушивался к тому, как урчит удивленный желудок. Желудку предстояло переварить смесь из кокосового молока, чили, куриного карри, креветок, паровых пельменей и еще примерно восемнадцати продуктов, которые среднестатистическая тайская кухня использует во время обеда. Как любой другой спорт, этот всегда несет в себе элемент риска и бывает чреват травмами.

Может показаться, что главные специалисты в этом спорте – иностранцы. Для них соревнования носят приципиальный характер. Обнаружив в Москве заведение, о существовании которого знают всего лишь несколько тысяч из десяти миллионов жителей столицы, – это все равно что получить разом гражданство, постоянную регистрацию и ключи от города. Главная слабость экспатов – в том, что они слишком много внимания уделяют атмосфере заведения и почти всегда равнодушны к тому, чем там кормят. Висящий на стене плакат «Хлеба к обеду мерю ложи. Хлеб драгоценность, им дорожи» для иностранца важнее, чем то, что с этим хлебом едят. Легендарная «Чебуречная» на Сухаревской площади, где по-прежнему стоят очереди за трехрублевыми чебуреками, где посетители смешно обливаются чебуречным жиром и еще смешнее ищут по залу салфетки, расставив руки и растопырив пальцы, – для иностранного гражданина на это предел мечтаний. Швейцарский репортер Штефан, обнаружив на Большой Никитской рюмочную и подружившись с заправляющим там Игорем Ленидовичем, взял за правило проводить там большинство дружеских встреч, интервью и переговоров. Он ходит туда один, с женой, утром, вечером, ходит смотреть футбол, искать материал для статей, пить пиво и, главное, просто есть. Даже бедствующим студентам соседней Консерватории не хватило бы выдержки питаться там ежедневно. Штефан же делает это с искренним удовольствием.

– Игорь Леонидович запретил курение, – сообщает он свежие новости, – и выгоняет всех на улицу. Но мы с этим боремся.

Местные специалисты, конечно, не так азартны. К тому же главное для них – не атмосфера, не ностальгия по СССР и даже не дешевизна, а кухня. Поэтому к условиям соревнования добавляется еще один важный элемент: уметь подтвердить, ссылаясь на авторитеты, что найденное тобой место – в высшей степени достойный ресторан, а не дешевый шалман с тараканами.

– Сам посол Сербии, вместо того чтобы питаться в ресторане при посольстве, ездит через полгорода в «Тигрис», поесть плескавицы, – сообщила Алена, девушка с кудрями до пояса, работавшая репортером в Югославии. После такого любой противник отправляется в нокдаун и немедленно едет через полгорода в «Тигрис», за плескавицей.

Меню «Тигриса» откровенно разочаровывало: лягушачьи лапки, гусиный паштет, лангусты и лишь несколько югославских названий. По правилам, за наличие в меню лапок и паштетов, заведение должно быть дисквалифицировано, даже если сюда приезжает сам посол Сербии.

– Ты ничего не понимаешь, – объясняла Алена, – в этом весь секрет. Главная гордость настоящего сербского повара – это то, что он бывал в Париже и умеет готовить лягушачьи лапки, улиток и гусиный паштет. Мясо-то любой серб умеет готовить. Но лягушек здесь никто не ест. Это так, для понта.

К столику подошел настоящий сербский повар Раде. Алена начала щебетать что-то по-сербски, я понял только фразу «свега по мало» (в смысле, «всего понемногу»). Повар ответил «добрэ» – и через двадцать минут на тарелке появилось ассорти из идеально поджаренных чевапчичей, плескавиц, мучкалей и вешалиц. Раздел спиртных напитков в меню тоже разочаровывал. Но Алена снова прощебетала что-то по-сербски, и на столе стали появляться графинчики с домашней шливовицей, настоянной на грушах вильямовкой, настоянной на винограде лозой и настоянной на абрикосах кайсиевачой. Дегустацию удалось остановить только в пять утра, когда сонные югославы стояли в верхней одежде у выхода и собирались выключать электричество.

На следующий день я отправился лечиться в рес торан гостевого дома «Тбилиси». Он известен тем, что там любят обедать Вахтанг Кикабидзе, Ираклий Квирикадзе и другие деятели грузинской культуры. Судя по всему, они единственные, кто там обедает, по крайней мере, никого другого в ресторане гостевого дома я не видел. Возможно, поэтому там работают самые спокойные и интеллигентные официантки – с бархатными глазами, ухоженными руками, прямыми спинами и шелковыми юбками до пола. Когда редкие посетители хмелеют от молодой изабеллы, они с материнской заботой предлагают переместиться в гостиничный номер. Мы с товарищем ели хинкали руками – а официантки смотрели на это с умилением. Святые женщины. Чтобы хоть как-то выразить им свою благодарность, мы купили у них канистру домашнего вина.

На следующий день я отправился лечиться в кубинское кафе «Аруба» с двумя офицерами налоговой полиции.

«Аруба» понравилась с первого взгляд у барной стойки сидели шесть бывших агентов госбезопасности. Они пили ром и выглядели как настоящие гаванцы. Рядом сидела настоящая кубинская женщина. Она плакала. Как только из магнитофона раздался кубинский хит, под который всего три месяца назад я просыпался и засыпал в городе Сантьяго-де-Куба, женщина вытерла слезы и пошла танцевать. Я же тем временем ел настоящую креольскую курицу с рисом и черными бобами и пил мохито – кубинский коктейль из рома с мятой. Мохито здесь всего на доллар дороже, чем в барах на гаванской улице Обиспо. После того как мы выпили весь мохито, офицер показал пальцем на стену над барной стойкой:

– Посмотри на эту скульптурную композицию. Розовый плюшевый крокодил

– Там лучшее коктейльное меню в городе. Сборная России по волейболу отмечает в «Арубе» свои победы, а официантами там работают бывшие агенты госбезопасности – люди все, кстати, очень интеллигентные.

ставит раком крокодила настоящего. Разве это не символ современного мира? На следующий день я лечился в ресторане «Версай». В отличие от прочих подобных мест, он находится всего в двух шагах от Тверской, совершенно ни от

кого не прячась. Находящаяся в двух шагах от «Версая» редакция «Афиши» в течение двух лет непрерывно занималась поиском мест, где можно недорого пообедать. Зайти в «Версай» ни один человек не отважился. «Версай» снаружи выглядит местом опасным.

Меня отвел туда питерский сценарист, специализирующийся на диалогах тюремно-лагерного содержания. Оказалось, что в «Версае», помимо суровых посетителей в кожаных куртках, имеется лучшая в городе коллекция азербайджанских супов, совершенно незаменимых при похмелье. Средняя стоимость – 70 рублей. Главное – правильно выбрать, что нужно в данный момент. Кюфта-бозбаш – густой бараний бульон с тефтелями, внутри которых прячется алыча. Дюшбара – густой бараний бульон с плавающими между кубиков курдючного сала и тычинками шафрана пельменями. Я остановился на пити пошекински – нежном бараньем бульоне, с каштанами, алычой и горохом нут.

На следующий день я лечиться не пошел. Я понял, что ресторанное ориентирование – не аристократическая забава, вроде поло и бриджа, а народно-массовое движение физкультурников. У каждого знакомого в запасе имеется пара адресов: «Поезжай на Басманную, в ресторан «У Левы», там собирается весь цвет московской коллегии адвокатов». «Будешь на Басманной – зайди в «Кафе на Басманной», мы называем его «Коммунизм», цены там соответствующие». «Ты не был в «Амуре» у гостиницы «Украина», а еще говоришь – специалист». «На Курской есть недорогой эфиопский ресторан, туда даже эфиопов пускают». «Труффальдино» – вот правильное место для любителей итальянской кухни». «Труффальдино» – всего лишь филиал «Вероны», лучше зайди в голов-

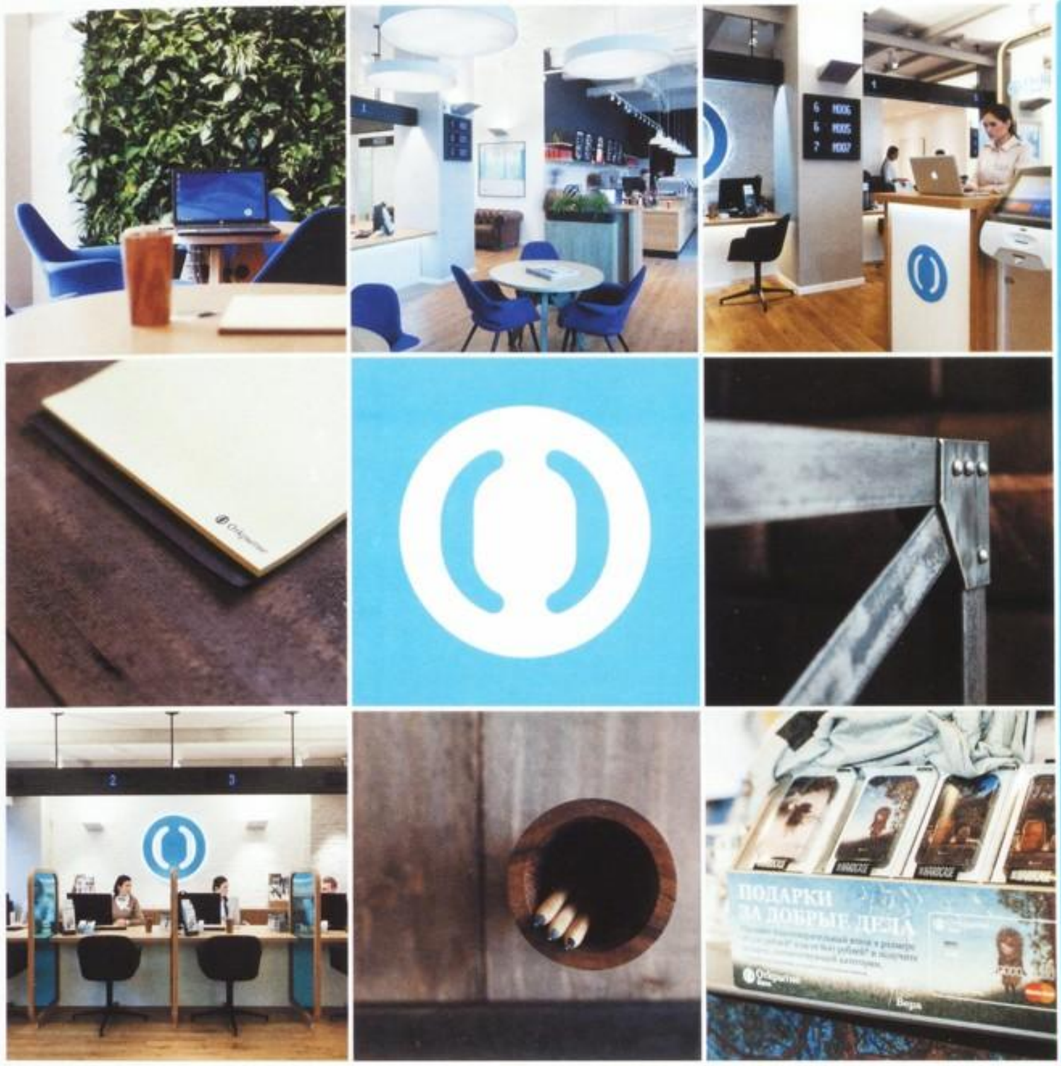
ное предприятие – до восьми вечера это магазин итальянской сантехники, а после – лучший итальянский ресторан в городе». «Верона» давно испортилась, рыба несвежая, хозяин-итальянец больше не говорит посетителям «чао, рагацци», иди в «Ла Гротту», там низкие потолки и нет окон, но фасолевый суп с мидиями и давлеными томатами – это счастье». «Лучше пройди до конца китайский супермаркет на Новом Арбате – там будет самое аутентичное в Москве китайское кафе».

Знать адреса трех-четырех настоящих секретных ресторанов, чтобы считаться настоящим гроссмейстером, – этого явно недостаточно. Окончательно меня убедило в этом письмо, обнаруженное в почтовом ящике: «А что если сделать репортаж о злачных местах с экзотической кухней: вьетнамские рынки, китайские общежития, индийские кафе при институте Патриса Лумумбы и т.д. Все места знаю. Если вас это заинтересует, то я пришлю свои координаты». После этого письма я понял, что придется сдавать кафе «Магнолия».

Чтобы составить целостное представление о тайных гастрономических местах города, можно опустить и вьетнамскую столовую на рынке у Савеловского вокзала, и индийское кафе п институте Патриса Лумумбы, и даже ведение в районе «Текстильщиков», чеченский повар готовит шашлык аргунски, но без кафе «Магнолия» ка конспиративных явок Москвы будет полной. Представьте себе площадь ред железнодорожной платформ «Кунцево»: киоски с дешевым пивом, ры гриль, бабушки с шерстяными нос ми и мочалками. Рядом – типичный п вокзальный сарайчик, в который по гается заходить за ста граммами пер отправлением электрички и после тя лого вечера. Прежде чем открыть дв сарайчика, я уже знал в подробност что происходит внутри. Я знал, что у министратора Вачика вот уже год отказали ноги, потому что он был настоящему гостеприимным человек и выпивал чуть ли не с каждым посе телем. Я знал, что, несмотря на это, сетители продолжают называть «Маг лию» его именем и говорят: «Поеха к Вачику, поедим барабульки». Я зн что прошлым летом эту барабульку, ставляемую три раза в неделю из Ба ми, нельзя было есть, потому что пахла тиной, но сейчас все испра лось. Я знал, что если ты пришел к Ва ку один, не стоит заказывать рульку – ному ее не съесть. Я знал, что в прош воскресенье они закрылись рано, по му что морили тараканов. Я знал да какого цвета волосы у Жанны, котор замещает Вачика. Причина неверо ной осведомленности заключалас том, что люди, побывавшие там, мо часами рассказывать об этом мес Я открыл дверь. За длинным стол молча сидели пятнадцать грузин. Не дя в меню, я заказал барабульки с тке левым соусом, свежих батумских о щей и цветной капусты. Грузины п должали сидеть в тишине. Затем во седой старик в черном плаще, и го облегченно вздохнули: «Тамада п шел». У меня на столе дымилась го барабульки, пахло батумскими пом рами, кинзой и сливами. Старик дело то снял плащ, подошел к умывальн тщательно вымыл руки, занял мес середине стола, поднял рюмку и тор ственно сообщил:

– Ну а теперь – праздник.

«Аленушка», 240 86 05, 240 99 04, 4-й Сетуньский пр., 10 Ⓜ Киевская
«Аруба», 912 18 36, Народная, 4 Ⓜ Таганская
«Версай», 229 12 20, М.Гнездниковский пер., 12/27, стр. 3 Ⓜ Пушкинская
«Паттайя», 207 77 25, Б.Сухаревская пл. 14 Ⓜ Сухаревская
Ресторан гостевого дома «Тбилиси», 202 51 32, Скатертный пер., 13 Ⓜ Краснопресненская
«Тигрис», 132 21 28, 134 30 26, Ленинский просп., 87/1 Ⓜ Новые Черемушки
«Магнолия», 445 28 84, Рублевское ш., 9 Ⓜ Кунцевская



Открытие
Банк

В жизни всегда есть место открытию

Центральные офисы банка «Открытие»
Садово-Кудринская улица, д.32А, стр.9, стр.13
Смоленско-Сенная площадь, д.27, стр.1
Большая Никитская улица, д. 12, стр. 1

openbank.ru

ОАО Банк «ОТКРЫТИЕ». Генеральная лицензия Банка России №2179 от 07.02.2014 г. Адрес: 119021, г.Москва, ул.Тимура Фрунзе, д.11, стр.13. Реклама.

СЕРДЦЕ СОРОКИНА

Владимир Сорокин – первый писатель, появив шийся на обложке журнала «Афиша». В принци пе, это самое малое, что можно сделать для этог человека. Главная фигура Второго Русского Авангарда, «могильщик литературы», «русски де Сад», Сорокин со временем вырос из все этих определений и сделался просто велики литератором – масштаба Пушкина, Гоголя и Тол стого, хотя и сочиняет он чаще про гной и сало чем про «свеча горела», русский лес и прочу муть. Вот увидите, абитуриенты еще будут пи сать вступительные сочинения на тему «Гнило бридо в раннем творчестве Сорокина» или «Кате гория обсосиума в романах «Норма» и «Оче редь». Штука в том, что единственным табу которое никогда не нарушал Сорокин, был «влипаро» – так он и его коллеги называли отож дествление с собственным текстом. В новом ро мане «Лед», который выходит в издательстве A Marginem, Владимир Сорокин впервые произ нес несколько слов, которые с высокой долей ве роятности можно приписать ему самому; в его тек сте появилось наконец что-то человеческое. Что з человек Владимир Сорокин, попытался выяснит

Лев Данилкин. Иллюстрации Инны Каленской.

№79
от 26 апреля 2002 года
Лев Данилкин о Владимире Сорокине

Первый раз в жизни я увидел его в одной московской редакции. То было важное для меня событие: мало было людей в моей жизни, про которых я думал больше – Сорокин был темой моего диплома в университете. Разумеется, я как-то представлял его, но не предметно: комбинация черненьких буковок на обложке книги, расположенная выше названия. Классическая иллюстрация к тезису о смерти автора. Странно, что этот человек вообще мог иметь какую-то телесную конфигурацию. Думаю, если бы в дверь вошел Грибоедов или Шарлотта Бронте, степень причудливости события была бы примерно той же.

В Токио, в саду рядом с университетом. 2001

Классик, надо сказать, и выглядел причудливо, словно явился не по собственной воле, а был вызван на спиритическом сеансе. Почему-то он был одет в дорогой черный лыжный костюм и экипирован лыжными палками. Заговорить с ним не удалось, однако меня поразил уже тот факт, что он, например, никого не уколол лыжной палкой и даже не произнес какой-нибудь вдохновенный монолог о лыжниках. «И то слава богу, – подумалось, когда он удалился. – А ведь мог бы».

Мог или не мог? После того как я прочел «Лед», мне все стало ясно.

«На полянке близ Киевогородского поля на колышках укреплены в траве два огромных (сорок шестого размера) ботинка – вверх подошвами. Над ботинками протянуты веревки. Появляется человек и вытягивает из леса длинные резинки, прикрепляет их карабинами к ботинкам, сам встает на ботинки и берется руками за веревки; потом подпрыгивает, и ботинки, ничем не сдерживаемые, со свистом улетают на резинках в лес». Так проводила время московская богема конца семидесятых – начала восьмидесятых годов, это называлось «акции», «перформансы», «хеппенинги», «коллективные действия», «поездки за город»; чуть позже появится более общий термин – «московский концептуализм». Видит бог, этих метафизических хохотунов трудно было чем-нибудь удивить. Юноше лет 20-25, которого привел художник Эрик Булатов, познакомившийся с ним через общего зубного врача, это удалось. В руках у юноши была тетрадка с рассказами. Звали юношу сами понимаете как.

Иосиф Бакштейн, директор Института современного искусства, вспоминает о своем первом впечатлении от встречи с Сорокиным:

– Он стоял у стены и имел вид совершеннейшего Алеши Поповича – такой худенький юноша.

Павел Пепперштейн, участник группы «Медицинская герменевтика», автор «Мифогенной любви каст»:

– Я познакомился с Володей году в 1980-м – через Андрея Монастырского. Знакомству предшествовал рассказ Андрея о том, что появился некий замечательный юноша иконописного вида, просветленный и возвышенный, который при этом пишет достаточно резкие и жесткие вещи.

Юноша писал, мягко говоря, странные рассказы – которые позже войдут в его знаменитый сборник «Первый субботник». Везде повторялся один и тот же прием: рассказ начинался как соцреалистический, модернистский или традиционалистско-тургеневский – но постепенно хорошо знакомый читателю стиль как будто сходил с ума. Созданная автором вселенная взрывалась от собственного перенапряжения. Жесто
приемом, сходным с изнасилование
Сорокин выявлял внутреннюю агр
сивность любого, даже самого лите
турного, дискурса.

«А по поводу Гузя и Наримбекова я н
что скажу: вообще непонятно, как м
но не любить стволы родных берез?
ловек, родившийся и выросший в Р
сии, не любит своей природы. Не по
мает ее красоты? Ее заливных лугов?
реннего леса? Бескрайних полей? Н
ных трелей соловья? Осеннего листо
да? Первой пороши? Июльского сено
са? Степных просторов? Русской пес
Русского характера? Ведь ты же р
ский? Ты родился в России? Ты хо
в среднюю школу? Ты служил в арм
Ты учился в техникуме? Ты работал
заводе? Ты ездил в Бобруйск? Езд
в Бобруйск? В Бобруйск ездил? Ездил
Ты в Бобруйск ездил, а? Ездил? Ч
молчишь? В Бобруйск ездил? А? Чего
сишь? А? Заело, да? Ездил в Бобруй
Ты, ...? В Бобруйск ездил? Ездил,
ло? Ездил, гад? Ездил, падло? Ездил,
Ездил, бля? Ездил, бля? Чего заныл?
дил, сука? Ездил, бля? Ездил, бля? Ез
бля? Чего ноешь? Чего сопишь, пад
Чего, а? Заныл? Заныл, падло? Так,
Так, бля? Так вот? Вот? Вот? Вот? В
бля? Вот так? Вот так? Вот так? Вот т
бля? На, бля? На, бля? На, бля? В
Вот? Вот? На, бля? На, сука? На, бля?
сука? На, бля? На, сука? Заныл, бля?
ело, бля?» Именно по поводу сорок
ских текстов было сформулирова
определение такого типа творчест
«как если бы Толстой (Гайдар, Фад
Пастернак) вколол себе лошадиную д
героина и принялся писать». Сорок
доводил чужие тексты «до ума», до л
ческого конца, до текстуального ор
ма, который всегда тушуется автором

С Татьяной Толстой и Виктором Пелевиным на пресс-конференции в Токио. 2001

С семьей в Берлине. 1992

С дочерьми в Ясеневе. 1997

Луддит-максималист, он уничтожал любые встречавшиеся на его пути «языковые машины»; любой речевой жест, от разговорной реплики до толстовского романа, по Сорокину, несет в себе первородный грех – все, что связано с языком, ложно, заражено предыдущими контекстами и идеологиями. Язык, состоящий из слов, – худший посредник в общении между телами. С религиозной методичностью Сорокин уничтожал все новые и новые речевые констелляции: соцреалистическую прозу – в «Норме» и «Первом субботнике», классический русский роман – в «Романе», разговорную речь – в «Очереди», «оттепельную» и семидесятническо-диссидентскую прозу – в «Тридцатой любви Марины», action – в «Сердцах четырех», театр – в пьесах и так далее. Ни одно из слов в его огромном собрании сочинений не принадлежало ему, Владимиру Сорокину: идеальный киллер, он никогда не прокалывался, не оставлял на местах расправы следов.

Произведения юноши пользовались если не популярностью, то успехом: более всего людей поражало несоответствие этих текстов тому, как выглядел и вел себя этот юноша. Эта разница шокировала знакомых даже сильнее, чем сами тексты. Сам Сорокин рассказывает, что обычно говорили до знакомства с ним: «Я думал, это такой горбатый человек с нечистым ртом, сочащимся слюнями, который бегает по помойкам от КГБ».

Иосиф Бакштейн:

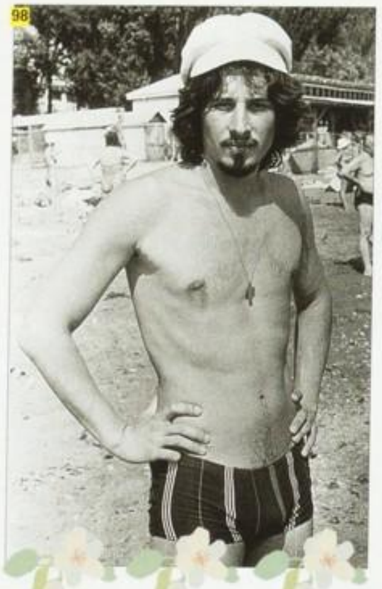
– Когда он дал мне почитать первый сборник рассказов, напечатанный на машинке, меня поразило несоответствие некоего гипотетического автора, который угадывается за текстом, и образа этого человека. У меня до сих пор это не прошло: я не понимаю, как человек, даже не только внешностью, манерами, речью, всем обликом не соответствует угадываемому автору текстов.

Павел Пепперштейн:

– И когда Володя появился со своими рассказами, которые все стали читать и передавать друг другу, очень как раз обаятельным было несовпадение с его текстами этого мягчайшего образа интеллигентного молодого человека, правильного во всех отношениях, с прекрасной молодой женой, с маленькими прекрасными дочурками, живущего очень упорядоченно и совершенно не богемно.

Люди, не знавшие Сорокина, удивляются его текстам. Но их шок гораздо меньше того, какой был у знакомых автора. Это как если бы андрейрублевская икона время от времени блевала на молящихся. В принципе, в этой среде была принята теория автора-персонажа, согласно которой автор реальный и автор, как его можно конструировать по произведениям («мокрое бридо – это ведро живых вшей»), являются разными людьми и никак друг с другом не пересекаются. Другое дело, что во всем сорокинском окружении тех лет – Пригов, Монастырский, Кабаков, Булатов – было, конечно, что-то сумасшедшее.

С поэтом Львом Рубинштейном в российском посольстве в Вене. 1995



На пляже в Феодосии. 1986

Про них без труда можно насобирать огромное количество разных историй, с ними постоянно что-то случалось. Впрочем, «в миру», в советском обществе все эти люди – которые устраивали «поездки за город», кикиморами орали на квартирах и осуществляли прочие коллективные действия – довольно успешно выдавали себя за нормальных людей (втайне, конечно, хихикая над этой «нормальностью»). Но только Сорокин, казалось, был им. Все признают, что в Сорокине не было и нет никакой психопатологии. Обычный книжный иллюстратор.

Когда думаешь, что человек, который в 25 лет сочинил роман «Норма», существует, вполне доступен и продолжает интенсивно писать, испытываешь какое-то необычайное удовлетворение. Разумеется, когда вы видите его в первый раз, то чувствуете почти экстатическое восхищение: вот человек, который написал «Здравствуйте, дорогой Мартин Алексеевич! Я тега его могол». Мой вам совет (поверьте моему горькому опыту): если вы встретите Сорокина, не надо демонстрировать ему знакомство с озорными местами из «Нормы», блевать на него, предлагать на пробу свои экскременты, трясти за грудки и спрашивать: «В Бобруйск, сука, ездил, говори!» – он не оценит и посмотрит на вас взглядом человека из дорогого автомобиля, которому мошенник на перекрестке предлагает купить фальшивый талон техосмотра. Таким ледяным обхождением он дает вам понять, что не участвует в этой игре. Если вы познакомитесь с ним чуть поближе, то поймете, что все еще сложнее – он не позволяет вам участвовать в его игре. По старой концептуалистской привычке он часто говорит, что его тексты – не принадлежащая ему последовательность черненьких буковок, к которой он не имеет ни малейшего отношения. Это только так кажется. На самом деле «мокрое бридо», Мартин Алексеевич и «мысть, мысть, мысть, учкарное сопление» тоже подлежат интеллектуальному копирайту. Они – слова его, и только его, внутреннего мира. Грубо говоря, он, в принципе, может потребовать у вас «по марить фонку»; вы у него – ни в коем чае. Впрочем, скорее всего, вы и с осечетесь: его внешность вовсе не полагает к эксцентричному пов нию – это в высшей степени благооб ный человек, по сравнению с кото Ганнибал Лектер показался бы ло из подворотни на Пушкинской. Рос худощавый, чрезвычайно широко чий человек с очень правильными, городными чертами лица. Холеные

Среди московских концептуалистов на квартире Никиты Алексеева. 1983

В мастерской художника Ильи Кабакова (сидит) на Чистых прудах. 1986

ти. Белоручка. Барин. Мраморный истукан с воловьими глазами. Почти будда. Модель его поведения взята из древнекитайской литературы: благородный ван. Исполненный сдержанного аристократизма.

Андрей Монастырский, художник, участник группы «Коллективные действия»:

– Это не то же, что интеллигентный человек. Во всех своих действиях он соблюдает определенный ритуал и не переступает его. В его отношениях с родственниками, друзьями – всегда присутствует ритуальная фигура, за которую нельзя переступать. Ему всегда очень хорошо это удавалось. Даже в том, что он хороший повар, тоже проявляются черты благородного вана – он все старается делать хорошо».

Так его и воспринимают обычно знакомые.

Александр Зельдович, режиссер фильма «Москва», поставленного по сценарию Сорокина:

– Володя на самом деле в жизни такой крайне аккуратный и респектабельный человек и обладает даром внимательного отношения к собственным человеческим и поведенческим жестам. С той внимательностью и брезгливостью, которая у него есть в том, что он пишет, он так же отсеивает случайность и неряшливость из собственного поведения. Он человек, который относится к тому, как он выглядит в пространстве, достаточно внимательно. Он безусловно чистый внутренне и религиозный не в ритуальном, а в более глобальном смысле. У него чуткое ухо на безвкусицу.

Александр Иванов, издатель Сорокина:

– Володя религиозный человек, традиционно религиозный. Мы как-то отмечали выход его книги в пост. Володя ничего не ел скоромного, но при этом пил водку и объяснял, что до революции нельзя было пить водку в пост потому, что старые русские спиртовые заводы фильтровали водку фильтрами из раздробленных говяжьих костей, а сейчас фильтры угольные – и водку пить можно.

Сорокин не скрывает своего знакомства с этой моделью поведения: «Надо вести себя достойно», – буркнул он после пятиминутного размышления, когда я попытался расспросить его об этом поподробнее.

Благородный ван вообще очень тяжел в общении. Брать интервью у Сорокина – пытка, которой, должно быть, подвергают в аду провинившихся журналистов. Обычно автор просто мычит что-то нечленораздельное; после каждой «фразы» он вздыхает с такой грустью, что вам хочется прекратить свое издевательство и закончить разговор немедленно. Если вы хотите, чтобы у вас получилось хотя бы две странички оригинального текста, берите с собой не менее десятка кассет по 90 минут каждая. Если на каждой из них окажется хотя бы три полных предложения – вам может позавидовать Опра Уинфри: вы настоящий мастер разводить людей на разговоры по душам. Но и это еще не все. Классик московского концептуализма имеет обыкновение высказывать свои мысли, уперевшись в кулак; особенно приятно расшифровывать кассеты, на которых слышны скрипы подъездных дверей, звук сорвавшейся бадьи, лай собак за три квартала отсюда – но только не голос Сорокина.

Александр Иванов:

– У Володи есть врожденное, наверное, заикание, и когда с ним общаешься в первый раз, такое ощущение, что он говорит как терминатор. Это интересный факт: не просто заикание, а стремление его скрыть, спрятать. Заикание – это важная литературная фигура, потому что в литературе, начиная с Библии, заикаются те, кто видел Бога. Моисей был заикой.

Знакомые не в состоянии вспомнить что-то такое, какой-нибудь конкретный случай, который характеризовал бы его как человека. Очень мало, во всяком случае.

Иосиф Бакштейн:

– В 1988 году, после выставки «Ис-kunstво» нам нужно было перебраться из Западного Берлина в Восточный – на специальном поезде. У нас была куча сумок разного барахла, мы все это погрузили в поезд, сели и едем. А поезд был типа электрички и останавливался на каждой остановке. И очень долго стоял на Фридрихштрассе. Рано утром, часов шесть – шесть тридцать, мы вышли на перрон подышать. И вдруг к нам подходят какие-то два немецких офицера-пограничника и начинают автоматами

С женой Ириной в день свадьбы в ресторане «Будапешт». 1977

оттонять нас от нашего вагона. Володя был бледный как полотно, он находился в полной растерянности. В итоге я их знаками и жестами убедил, и мы вернулись в свой вагон. Володя долго не мог прийти в себя. И потом он многократно рассказывал, что ужас, испытанный им в шесть утра на границе между Западным и Восточным Берлином, он запомнил надолго.

Бакштейн же рассказал про еще один «арзамасский ужас» Сорокина:

– Первое, что сказал мне Володя, когда мы оказались в Западном Берлине: «Слушай, пошли смотреть порнуху!» Соответствующие кинотеатры находились в райо не Цоо, и фильмы демонстрировались в режиме нон-стоп. Мы честно все отсмотрели и вышли под большим впечатлением. Это был французский фильм, довольно элегантно сделанный, переведенный на немецкий. И вот мы с ним едем в метро и делимся впечатлениями; и вдруг мы с ним поняли, что нас постигло одно и то же ощущение, связанное с отношением к своему собственному телу и с телами других людей. Под влиянием этого фильма в нас изменилось ощущение собственной телесности. Это было одно из самых ярких переживаний в западном мире. Вялый Сорокин комментирует это так: «Да нет, у меня шока от этого не было. Здесь уже

чего было. И у меня был опыт, когда мы всю ночь довольно большой компанией смотрели хард-порно. Все потом молча разошлись. И я утром спускаюсь в метро по эскалатору. Шесть утра. Я едва удерживал себя от того, чтобы каждого не трогать. Чувство потери дистанции. А в вагоне уже эти полусонные люди – меня удивляло, почему они не трахают друг друга. А в кинотеатре меня больше поразило, что это нон-стоп, сам факт того, что без остановки».

Человек, самыми потрясающими событиями в жизни которого были столкновение с немецкими пограничниками и просмотр порнофильма (да и то...), – человек с крайне скучной биографией.

Родился в семье технической интеллигенции. С 9 лет посещал изостудию, но после школы поступил в «керосинку» – Институт нефти и газа имени Губкина. Тема диплома: «Проект задвижки для нефтепровода» («про кран, который перекрывает трубу»). Уже на пятом курсе оформил первую книгу – детектив «Скорый до Баку» в издательстве «Московский рабочий». До 1989 года зарабатывал на жизнь оформлением книг в издательствах «Советский писатель», «Мысль», «Наука». После института год проработал в журнале «Смена», но был изгнан оттуда за нежелание вступать в комсомол. На самом деле он уже был комсомольцем, но получив при отформировании из вузовской ячейки билет и учетную, чтобы отнести их в райком, разорвал и спустил в унитаз. В течение года обещал руководству журнала вступить в комсомол, но намерения такого не имел. Через год был разоблачен. Женат, две дочери-близняшки. Очень хорошо готовит. Музицирует на фортепиано. Почти профессионально, может импровизировать. Любимые композиторы – Шопен, Брамс, Скрябин. Среди друзей известен тем, что очень хорошо пародирует знакомых и политиков – Брежнева, Сталина. Посещает фитнесс-клуб. Одевается очень прилично. Часто посещает концерты «Ленинграда», приятельствует со Шнуровым, который как-то признался, что песня «Дачники» была написана им после прочтения «Писем к Мартину Алексеевичу» из «Нормы». Питает какую-то патологическую ненависть к толстым журналам – крайне оживляется, когда речь заходит об этом.

Квартира Сорокина также практически ничем, кроме книг, не выдает, что здесь проживает автор афоризма «Malevich пропозирует govnего». Я знаю, многие уверены, что Сорокин непременно должен жить в обложенной рубероидом халупе, все стены которой исписаны матерщиной, повсюду навалены кучи говна, а по углам расставлены бидоны с жидкими матерями, блевотиной, гноем и салом. Мне будет трудно разубедить вас, но, поверьте, это не так. Это никоим образом не концептуалистская инсталляция. Ничего, хотя бы отдаленно напоминающего «советское». Квартира с евроремонтом, очень просторная, мало заставленная. Карликовая японская мебель – два-три предмета. Пара японских картинок прислонена к стенам. Низкий стол, диван. Работает в отдельном кабинете; книг мало, все больше его самого. Стереосистема; компакты – «Abbey Road» The Beatles, Бадди Холли, немецкие марши, какая-то классика.

Олег Кулик, человек-собака:

– Он сейчас переехал в новую квартиру, это очень странно, но она абсолютно напоминает идеальную больничную палату – все белоснежное и отполированное. И у него такой маленький письменный столик. Я даже не ожидал такого: Володя довольно крупный мужчина, импозантный. Я представлял стол Льва Толстого – гигантский, с барьерами, чтобы бумаги не пересыпались, а у него малюсенький столик, на котором еле-еле умещается ноутбук, и все. Это очень странно.

Главная особенность дома – собака, левретка по имени Савва, которая если что и похожа, то на душу писателя Сорокина: худая, ранимая, грациозная, передвигающаяся иноходью.

Впрочем, тут лучше опять прислушаться к Олегу Кулику, эксперту в этой области.

– Для меня, честно говоря, это был даже шок; я пережил определенный кризис в отношениях. Выбор собаки много говорит о человеке, иногда даже больше, чем выбор жены. В то время у меня был английский бульдог, и вообще – я люблю крупных собак, мордатых, выразительных, самостоятельных. Особенно самостоятельных. Я ненавижу собак, которые привязываются и очень эмоционально без тебя страдают. И тут Володя звонит и говорит: «Я купил собаку». И не говорит какую. «А что за собака?» «Ты знаешь, она, конечно, в другом стиле, чем твоя, но в чем-то они очень похожи. Это практически твоя, только наоборот». И тут он мне говорит самое ужасное, что есть в этом мире: «Левретка». Левретка – это верх зависимости хозяина, эмоциональной несостоятельности. Меня это очень удивило, и до сих пор себе этого объяснить не могу. Но главное, как они оказались близки и как они дружат! Володя рассказывает с каким наслаждением она ему выливает ноздри. Для меня это загад ка: Володя Сорокин, человек, который ездит мозгам всей русской литературы, в барин и лев, вдруг заводит такое! Я собаке только понял, что мы разные. Сорокин вообще каким-то странным образом ассоциируется у своих знакомых с собаками.

Александр Иванов:

– Володя – как породистая собака, кавказская овчарка или афганская борзая. По этому у него тема говна так важна. У меня 15 лет была собака с гигантской родословной, так вот у нее любимым занятием было, когда мы ходили гулять, найти кучу говна и вываляться там. И мне объяснили собачники, что это признак породы – уйти в какой-то беспредел. У человека ли это есть, он человек породистый, и у него периодически возникает желание уйти в какой-то беспредел.

Если оставить в покое весь этот соблазн психоанализ, приходится признать, что это довольно неинтересный человек, о котором, хочешь не хочешь, судишь по его текстам. В одном сорокинском абзаце события гораздо интереснее, чем во всей его жизни. Единственный факт из жизни которого, могущий быть интересным читателям, – стоит в том, что этот человек разительно не похож на свои тексты.

Во «Льде» даже и это противоречие стирается.

С отцом в Крыму. 1966

Во второй класс. 1963

Сначала роман «Лед» кажется похожим на «Сердца четырех»: сюжет состоит в том, что группа людей совершает некоторые жестокие коллективные действия, которые им представляются верхом осмысленности, но для читателя так и остаются тайной. В Москве орудует банда-секта, которая отлавливает голубоглазых блондинов, бьет им в грудь ледяными молотами; таким образом «говорящие сердцем» отделяются от обычных людей, которых сектанты называют «мясными машинами». Все это, однако ж, лишь первая часть романа. Во второй – посвященной военному детству одной из сектанток и сделанной в другой стилистической манере – знаменитый сорокинский «человек с топором», разрушитель Стиля, так и не появляется. Сорокин впервые замахнулся и не стал рубить.

До «Льда» Сорокин-человек мало кого интересовал: все знали, что он всегда дистанцируется от своих текстов, которые пишутся «сами собой» и не имеют к нему «ни малейшего отношения». И вот в 2002 году вдруг отчетливо слышно стало его тихое-тихое лепетание: «Говори сердцем!» Два слова, в которых вы расслышите настоящий голос Сорокина. После этого он перешел в совершенно другую категорию авторов – у которых есть биография, отношения с персонажами, прототипы и так далее. Мы знаем, например, что вторая часть «Льда» написана под впечатлением разговоров Сорокина со своим отцом, воевавшим в партизанском отряде. Мы знаем, что Сорокин знаком со Шнуром, который тоже упоминается в этом романе. «Лед» – робкая сорокинская утопия: если язык захватан и захвачен, не попробовать ли говорить «напрямую» сердцем.

На самом деле, по жестким законам концептуалистского сообщества, Сорокин, предложив свой выход из трагической ситуации, в которой пребывает человек, «влип» в некую идеологию; с ним произошло самое страшное для концептуалиста – «влипаро»; он проговорился. Другое дело, что не очень-то понятно, где сейчас московские концептуалисты образца 1981 года. Похоже, что еще в середине девяностых они со свистом улетели в лес – как те самые ботинки сорок шестого размера. Сорокин, однако ж, остался – потому что оказался больше, чем концептуалист.

С появлением «честного» «Льда» разрешилось и самое главное, таинственное, противоречие – между автором и его текстом. После «Льда» Сорокин-будда более не вызывает удивления: автор этого текста, в принципе, может быть именно таким, какой и есть Владимир Георгиевич Сорокин, проживающий в квартире с евроремонтом. Шока нет.

Для съемок обложки журнала потребовалось сконструировать «сердце Сорокина». Его не стали делать изо льда – договорились, что сердце вылепят из силикона. Силикон – дорогой материал; то количество силикона, что пошло на изготовление «сердца Сорокина», стоит тысячи долларов. После съемок – по договоренности – редакция «Афиши» вернула его обратно. Основное назначение этой субстанции – быть влитой в женские груди. Так что теперь в груди одной, а может быть, и нескольких женщин, если не бьется, то колышется большое сердце Владимира Сорокина.

Владимир Сорокин «Лед»
Ad Marginem, Москва, 2002

Быково. 1960

№92
от 8 ноября 2002 года
Дневник Насти Лыковой

Здесь только что проехал велосипедист

21.10

19.00 Ехала по Тверской на такси, видела прекрасного велосипедиста. Довольно взрослого – лет сорока пяти – пятидесяти. Он ехал – не держась руками за руль, как умели в детстве все мальчики, на которых стоило обращать внимание. Главное – то, что в одной руке он держал зонтик. Очень хотела его сфотографировать, но пока собиралась с духом, спрашивала у водителя разрешения открыть окошко, нажимала на кнопки, велосипедист мое такси обогнал. На велосипеде ехать по Тверской быстрей получается.

22.10

10.00 И когда же у меня заведется хоть какая-нибудь ответственность? К пятнице мне нужно сдать кучу текстов в путеводитель «Афиши» под названием «Спорт, красота и здоровье». На то, чтобы написать семь глав – про пластическую хирургию, эпиляцию и прочие штуки, – у меня было примерно полгода. Но я за них берусь сегодня. Утешаю себя тем, что в запасе пять дней. Если не ходить в кино, не встречаться с приятелями, не болтать по телефону по сорок минут и не спать до обеда, а вставать не позже девяти и с утра до вечера писать, можно успеть. Тогда

Алексей Асланянц

к пятнице все будет готово, а я наконец перестану чувствовать себя двоечницей и расстраиваться при каждой встрече с Алексеем Асланянцем – редактором путеводителей.

22.30 За день победила главу под названием «Пластическая хирургия» и главу под названием «Маникюр и педикюр».

Вечером пошла погулять во двор – хоть немножко отвлечься от липосакции, отопластики и кутикул. Видела, как актриса Даша Мороз из соседнего подъезда возвращалась домой. Ее привез молодой человек на стареньком «гольфе». Актриса с двумя букетами в руках вышла из машины и говорит молодому человеку снисходительно – так еще разговаривают начальницы отдела сбыта в больших торговых компаниях: «Ну я, может быть, вам еще на тринадцатое контрамарку дам. Позвоните мне двенадцатого». Хлопнула железной дверью и ушла. А молодой человек еще минут пятнадцать не уезжал. Сидел в машине под подъездом, даже не курил. Потом очень резко тронулся с места и повернул в арку, как какой-нибудь Дэвид Кулхард, не притормаживая.

23.10

22.00 Опять целый день просидела за компьютером – дописывала главу про уход за волосами: где делать процедуры от выпадения волос, где пересаживать волосы, если поздно спохватишься. Обещала себе вечером вместо прогулки по двору «Школу злословия» по «Культуре». Хотела посмотреть, как Татьяна Толстая и Дуня Смирнова будут Вишневской ядовитые вопросы задавать.

22.15 Переключила со «Школы злословия» на минутку. А там «Норд-Ост».

22.35 Телефон звонит без остановок. Звонят друзья, спрашивают: «Ты где?» Звонят родственники, спрашивают: «Ты где?» В перерывах между звонками сама набираю телефонные номера, чтобы задать близким людям тот же самый вопрос. Потом набираю один номер, по которому не звонила почти год, и слушаю, как мне на том конце провода повторяют немного раздраженным голосом: «Вас не слышно». Конечно, и не будет слышно, потому что я ничего не говорю. Но поскольку номер домашний, ответ на вопрос «Ты где?» – у меня есть.

00.00 Заставляю себя оторваться от телевизора большим волевым усилием.

24.10

09.00 Смотрю новости. Каждые пятнадцать минут обещаю себе пойти и сесть за компьютер. Меня ждет глава «Эпиляция». Оставляю включенный телевизор в гостиной, чтоб не пропустить что-нибудь важное, и сажусь за компьютер. Сосредоточиться невозможно. Какая-то дикость сравнивать сейчас, что лучше – биоэпиляция, лазерная эпиляция или бритва.

Выключаю телевизор.

ОРТ, РТР, НТВ, REN TV, ОРТ, РТР, НТВ, REN TV

12.15 Звонила Ольга Юткес из Bosco di Ciliegi – сказала, что у них все отменяется. В воскресенье собирались устроить в Пассаже показ – чтоб Олег Янковский с семьей и Антон Табаков с семьей демонстрировали осенние наряды.

12.30 Звонила Люда Митволь – главный редактор нового журнала для девочек. Сказала, что запланированный на субботу праздник по случаю выхода первого номера журнала и Людиного дня рождения отменяется.

15.00 Для главы «Эпиляция» нужно уточнить цены. Звоню в первый в списке медицинский центр, спрашиваю, сколько у них теперь стоит экзимная эпиляция. На том конце провода дама, работа которой заключается в том, чтобы ласково разговаривать по телефону и приглашать всех позвонивших вырывать волосы именно в их центре, говорит: «Да вы что, сегодня, что ли, эпиляцию делать собираетесь?»

25.10

9.00–15.00 Вместо того чтобы писать следующую главу – про способы борьбы с целлюлитом и обертывания водорослями, – смотрю новости.

15.00 Съездила за продуктами и заплатить за телефон. Вернулась домой и поняла, что я никогда не ездила по городу так быстро. На дорогах нет не то что пробки – какого-нибудь крошечного затора нет. Площадь у Белорусского вокзала и Тверская совершенно свободны. Город пустой.

16.00 Звонила папе на работу – никто не берет трубку. Папа работает в государственной организации, и такого, чтобы у них в рабочие часы никто не подходил ко всем телефонам, просто не бывает. Набрала мобильный – папа сказал, что всех сотрудников государственной организации отправили сегодня пораньше домой – на случай взрыва. Папин офис находится не на улице Мельникова. Папин офис находится на расстоянии примерно четырех километров от Театрального центра.

26.10

9.00 Меня разбудила плачущая мама, сказала, что был штурм. Мы с ней сели у телевизора – ждать, когда скажут, сколько все-таки людей пострадало.

12.00 Звонил совершенно счастливый приятель. Кричал в трубку: «Наши победили!»

15.00 Рядом с «Пирамидой» на Пушкинской площади видела светящуюся цитату Путина: «Простите нас, мы не смогли спасти всех».

15.30 На Пушкинской же спустилась в метро – поехала в ателье модельера Ирины Зи… мы на «Нагорную». Хотелось эскизы нового платья, которое я у Иры в ателье заказывала, посмотреть и вообще – как-то переключиться. Добираться до ателье удобнее всего на метро, получается в три раза быстрее, чем на машине. В метро спускалась на Пушкинской. В подземном переходе стояли милиционеры – документы проверяли. Они там довольно часто стоят. Только раньше останавливали исключительно молодых людей угрожающего вида – с коротко стрижками или в ко…

Ирина Зима

жаных куртках. Я вот шла, а передо мной шел высокий парень – и в кожаной курке, и стриженый, а после него – девушка в светлом плаще и с распущенными русыми волосами. Я еще подумала, как красиво, когда волосы некрашеные. Парня не остановили, а остановили эту девушку, потом еще одну. Надо бы не забыть положить в сумку паспорт.

17.00 Пили с Ирой чай, она рассказывала про дачу в Геленджике и про дочку Алису, которая пошла в сад, но все время там болеет, и про свой медовый месяц пять лет назад – тоже в Геленджике.

27.10

01.00 Часы переводят на один час назад. Начинается зимнее время.

НОЧНАЯ ОХОТА

26 апреля с 23:00 до 5:00

Реклама 0+

Приготовьтесь! Этой ночью вам будет не до сна.
До самого рассвета — скидки и специальные предложения в ваших любимых магазинах.
Ночная охота в МЕГЕ. Не упустите свою добычу!

ZARA, Стокманн, Bershka, GAP, River Island, TopShop, MANGO, Karen Millen, Uniqlo, New Look, Calvin Klein, Stradivarius, New Yorker, Tommy Hilfiger, DKNY, Accessorize, Calzedonia, Intimissimi, Иль Де Ботэ, Desigual, Lady & Gentleman CITY, GUESS, Fashion Galaxy, Rendez-Vous, Marks & Spencer, Furla, Domani, CorsoComo, Timberland, Massimo Dutti, Oysho, Pull&Bear, Nike, Adidas, Reebok, SELA, Banana Republic, Л'Этуаль, Samsonite, re:Store, а также ИКЕА и сотни других магазинов!*

MEGA®

megamall.ru

* Подробности акции, а также полный список магазинов и специальных предложений смотрите на сайте megamall.ru

Диски рецензируются бесплатно. Информацию присылайте по электронному адресу cd@afisha.ru, новые диски – по адресу: 103009 Москва, Б.Гнездниковский пер., 7/28, стр. 1, «Афиша». Рецензии на 773 CD – на www.afisha.ru/cd

BEST OF 02

№95
от 20 декабря 2002 года
Максим Семеляк
об Адриано Челентано

Гражданская оборона
«Звездопад»
Хор

Земфира
«Четырнадцать недель тишины»
Real Records

Псой Короленко
«Песнь песней Псоя Короленко»
Bad Taste

Ленинград
«Пираты XXI века»
Gala Records

Мумий Тролль
«Меамуры»
CD-Land

CD

С МАКСИМОМ СЕМЕЛЯКОМ

Комедианте Че

Новый фортель Адриано Челентано

64-летний Челентано зарядил очень приличный альбом на не шибко модном, по счастью, но вполне приличествующем времени звуке. За клавишника тут большой джазовый человек Чик Корна, за основную приманку – хорошо запоминающийся поп-репертуар, а за главное – та неповторимая эссенция итальянской эстрады, которую сподобились ценить либо совсем уж профессиональные пошляки, либо, напротив, чересчур тонкие люди. Среднего, по всей видимости, не дано – Челентано ведь всю жизнь вкалывал на грани фола. Даже внешний его вид располагался аккуратно между привычными образами пророка и гастарбайтера. Даже самый пронзительный свой хит «24000 поцелуев» он не мог не сопроводить движениями, более присущими не человеку, но козлу дионисийских культов. Так было всегда – от хроники пикирующего бомбардировщика до шоу сбитого летчика певцу оставался один шаг, и он его делал, надевая на радость советскому кинозрителю майку с надписью «ЕВАКА».

Новая подарочная пластинка Челентано способна потрафить в Москве кому угодно – причем на почти физиологическом уровне. Эта физиология приятия в первую очередь оправдана многослойной и достаточно бессмысленной ностальгией – кто-то вспомнит про винилы фирмы «Мелодия», кому-то пригрезится просмотренное в пионерском лагере дурацкое «Укрощение строптивого», на кого-то накатит видение – фотография из «Советского экрана» в расстегнутой рубахе и с огромным животворящим крестом. А ведь были еще пошлая песенка «Сюзанна», актер Панкратов-Черный, идентифицирующий себя с А.Ч. в фильме Шахназарова, и наконец, Вероника Долина с совсем уж безумной песней-галлюцинацией: «Челентано в черной «Волге» приглашает: «Прокачу!» Как ни странно, Адриано, но я с вами не хочу». Положа руку на сердце, все это довольно очевидные глупости. Я не стану врать и не буду красть чужих эмоций – возможно, для кого-то эти советские арабески дико важны, но лично мне никогда не было дела до Челентано в подобных ипостасях, да и вам я не советую на них морочиться. Комедия «Укрощение строптивого» казалась мне идиотской в детстве, не изменил я о ней своего мнения и теперь. Зачем? Ведь, по великому счастью, за сорок лет своей жизни в веселой песне и столь же веселом кадре Челентано провернул достаточно по-настоящему незабываемых дел, правда, не столь популярных в народе. Мне (да и многим другим) глаз на Челентано открыла в середине девяностых радиопередача «Трансильвания беспокоит» – именно там Челик был назван своим именем и именно там были приведены исчерпывающие свидетельства его подлинных достоинств. Что, например, объединяет Челентано и отцов-командиров итальянского фильма ужасов – Лючио Фульчи и Марио Баву? У первого он снимался в 1962 году в фильме «Странный тип», и по моему глубокому убеждению, то была самая лучшая и дикая его роль. Для второго он спел на титрах фильма «Девушка, которая слишком много знала» потрясающую вещь «Furore». Постепенно выяснилось, что Челентано – из тех гениев, для описания выходок которых одинаковой ценностью обладают вопросы «Что на него нашло?» и «Что на него снизошло?». Челик – это архетип рок-н-роллльного клоуна (воспетого в старинной песне глэм-певца Харпо). Я не могу припомнить в мировом кинематографе человека, который мог бы одновременно похвастаться ролями Христа, Гитлера и человека-обезьяны. Челик же в состоянии. В 2001 году он залудил телешоу под названием «125 миллионов бредней» – то есть это практически аналог алибасовских «Бредней Бари» с канала М1.

«Инстинкт – вот моя поэтика», – сказал он однажды. И этот клоунский рок-н-роллный инстинкт, готовый в любую минуту перевернуть все с ног на голову, ровно и приветливо дышит в его новом альбоме. Дух «старой Италии» тоже витает поблизости: я ставлю для сравнения записи из Сан-Ремо 1969 и 1979 годов – господи, как же недалеко альбом «PerSempre» от них ушел. Этот диск, к слову, совершенно серьезен (если, конечно, не считать презабавной русско-народной, но с турецкими вкраплениями песни «I Passe Che Facciamo») и вообще преисполнен вполне свежего величия. Человек в возрасте нормального доминошника поет вполне потрясающие песни – не чудо ли? Этот голос не смогли оходонить даже постные псевдосантановские аранжировки иных вещей. В этой музыке все еще бьется строптивая жила главного италийского попсовика всех времен. Включая и наше с вами.

Adriano Celentano
«PerSempre»
Sony

Сведения публикуются бесплатно. Информацию присылайте по электронному адресу kino@afisha.ru или по факсу 785 17 01. Рецензии на 1814 фильмов и ежедневно обновляемое расписание сеансов – на www.afisha.ru/cinema

BEST 02

№95
от 20 декабря 2002 года
Алексей Васильев
об экранизации «Гарри Поттера»

8 женщин
Франсуа Озон, Франция

Особое мнение
Стивен Спилберг, США

Плохой парень
Ким Ки Дук, Южная Корея

И твою маму тоже
Альфонсо Куарон, Мексика

Свадьба в сезон дождей
Мира Наир, Индия

Кино

С АЛЕКСЕЕМ ВАСИЛЬЕВЫМ И МИХАИЛОМ БРАШИНСКИМ

Конформист

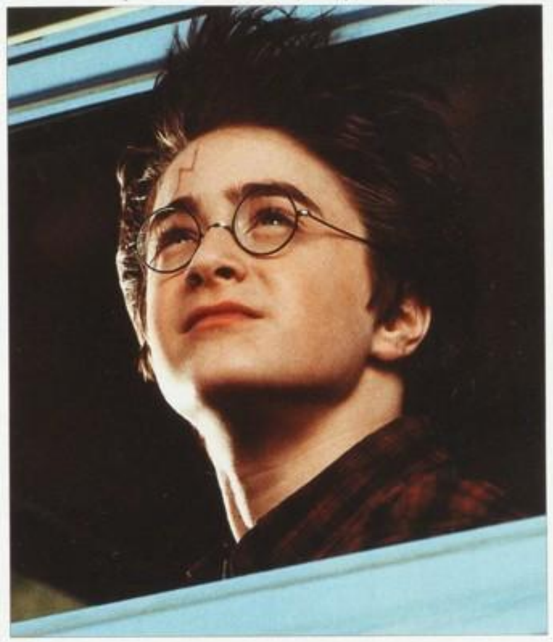
Гарри Поттер, вторая серия

Нет, у Гермионы Грейнджер груди так и не нарисовались. И Гарри Поттер прыщами еще не покрылся. Живем. Прыщами, правда, покрылся актер Дэниел Рэдклифф – но на них легко нашлась управа в сериале, знаменитом своими компьютерными эффектами. К тому же три миллиона долларов жалованья, которые профсоюз отсудил 13-летнему актеру за вторую серию «Гарри Поттера» (против причитавшихся 180 тысяч), – достаточно, чтобы решить проблему прыщей и в реальной жизни. Вряд ли только это пригодится: в идеологии «Поттера» прыщи, близорукость, базедова болезнь или излишний вес приветствуются – как и прочие девиации неудавшихся детей. На уже вторые два часа сорок минут найдется лишь пара физически привлекательных существ – это спортсмены из команды злых колдунов и отпетых негодяев «Слизеринг». Красота, особенно классического европеоидного толка, – здесь метка порока и врожденного зла. Аминь.

В «Тайной комнате», которая в многожанровой саге о Поттере занимает нишу готического детектива, отрабатывается тема низкого происхождения. Один из четырех колдунов – основателей школы волшебников Хогвартс, чернокнижник Салазар Слизеринг, спрятал где-то на территории Хогвартса страшное зло – Монстра, вид которого столь ужасен, что всяк на него взглянувший умирает (всяк взглянувший на его отражение впадает в кому; первой в кому впадает кошка завхоза). Найти и отомкнуть тайную комнату положено прямому наследнику Слизеринга и чистокровному колдуну. По обнаружении коматозной кошки в школе начинает бродить бультовская мысль. Генерируют ее, естественно, злоден слизеринговцы. Мысль заключается в том, что негоже держать в заведении столь древних традиций учеников-полукровок, у которых волшебник только один из родителей, а то и вовсе безродных, у которых колдунов в роду и в помине не было. Первой от слизеринговцев по башке получает Гермиона: она оказывается безродной (что можно было предположить по ее нервному поведению на церемонии распределения по факультетам в первой серии). Поттер начинает искать тайную комнату, попутно переживая страшные предчувствия, что он-то и есть потомок злодея Слизеринга, а Гермиону успокаивает великан Хагрид: «Ты такая же, как и все. За тысячу лет столько народу переженилось – сейчас чистокровных поди и не осталось».

Очень хорошо! Радуйся, Гермиона: ты – выродок в выродившемся обществе. Такая же, как большинство.

Воспитательное значение «Гарри Поттера» переоценить, как говорится, невозможно. До либеральных родителей, которые не считают нужным следить за увлечениями своих детей, я считаю нужным донести, что втемяшивают детям на «Поттере». В отличие от сказок прошлых лет, развлекательно-лирических Муми-троллей да Мэри Поппинс, «Поттер» – скорее подготовительная образовательная игра, сродни компьютерной, нежели простосердечная литература. История залезает в сердца маленьких фантазеров исподтишка: вот мальчику приемные родители не давали развернуться, говорили, что он напичкан вредными фокусами, а мечта сбылась, и фокусы очень пригодились крупной организации. Правда, что чем больше детей одергивают, тем с большим напором они завоевывают себе место под солнцем космонавтики, дипломатии, шоу-бизнеса или чего они там еще себе напридумывали – и, как правило, достигают цели. Негативизм по отношению к родителям – адская движущая сила личного прогресса. Пока все ОК. Затем фантазера в положенное время (в середине первой серии) осекают: ты в волшебное зеркало-то гляди, да не заглядывайся; мечты с ума сводят, живи в реальности и действуй. Дальше идет воспитание идеального винтика в хорошо отлаженном механизме буржуазного общества. Поттер исправно ходит на занятия и нарушает режим только в тех редких случаях, когда системе управления школой грозит опасность – чтобы опасность ликвидировать и хорошо учиться под надзором дальше. Он приемлет идеалы правящего класса настолько, что когда возникают малейшие намеки, будто его колоссальная магическая сила, возможно, передана ему злым колдуном и выбери Поттер путь зла (читай, бунта), он мог бы добиться мирового владычества, Поттер первым сжимает кулаки и стискивает зубы, только бы его энергия не нарушила существующий порядок. Он лучше будет хорошо ловить мяч в квиддиче и прилежно делать уроки, чем попрет систему и переделает ее под себя. Себя – без определенного социумом места – у него просто-напросто нет. А так он имеет все шансы, переводя на язык реальности, стать менеджером первого звена.



Рядом с реакционером Поттером Карлсон – люмпен. Винни Пух – тот и вовсе анархист

Дорогие родители, ваши детские герои, детские идолы XX века, по сравнению с Поттером – леворадикалы. Карлсон – люмпен. Винни Пух – и вовсе анархист. Хилые зачатки критики частной собственности, имевшиеся в «Поттере» (злые и тупые мещане – дядя и тетя Гарри – живут на Private Street), были благоразумно выведены за ухо при переводе на русский: Частная аллея стала Липовой. В снежный ком реакционных идей, скатавшийся к финалу «Философского камня», в «Тайной комнате» вставляют морковку политической корректности. Причем с радостным «ура!». Конечно, быть расистом никудышно; но, простите, даже с точки зрения Николая Николаевича Дроздова, что ж веселого в вымирании вида? Потом, раз чистокровные колдуны – гадостный пережиток, чего же тужиться, сдавать экзамены и грызть гранит науки в заведении этих пережитков? Создайте свою культуру – к чему рядиться в тех, кто вам неприятен, и под прикрытием их традиций отвоевывать собственное благополучие? Куда вы лезете, мисс Гермиона?

Это по поводу идей, которые втемяшат нашим детям. Теперь полезная информация для тех взрослых, которые сами развлекаются «Поттером», да так истово, что загодя бронируют билеты на полуночные сеансы «Поттера», потому что на семь и десять вечера раскуплены. Вторая серия принципиально отличается от первой только двумя вещами. Первая – монтаж; спеццену на билеты продюсеры решили отработать метражом. Необходимые для внушительности 160 минут организованы следующим образом. Если, например, неуклюжий великан Хагрид совершает умилительное общественно полезное деяние, то следом необходимо отнаблюдать еще шесть обязательных планов в нагрузку: 1) раздосадованный злодей Драко Маффой хватается за голову; 2) Гарри Поттер одобряюще кивает; 3) Гермиона плачет слезами просветления; 4) рыжий Уизли восхищенно разевает рот; 5) Мэгги Смит в роли профессора Минервы МакКонагалл высокохудожественно сдерживает улыбку счастья; 6) Ричард Харрис в роли директора Дамблдора еле сидит, и по выражению его лица понятно, почему великий («Такова спортивная жизнь», «Красная пустыня») и не такой уж дряхлый актер преставился на съемках второго «Поттера» – редкий случай, когда уместно вспомнить классика с его «не вынесла душа поэта».

Второе. Чудовищ по сравнению с «Философским камнем» несравнимо больше, и это прекрасно. Среди прочих задействованы все пауки-переростки, которые не вышли из строя в ходе съемок «Атаки пауков», проходивших в соседнем павильоне Warner Brothers парой месяцев раньше. Что же до Монстра, появляющегося, как положено в настоящем детективе, в одну из последних минут, у меня его проекция на экран вызвала ту же реакцию, что у завхозовской кошки: впал в кому. Белый Бим Черное Ухо – тот поопаснее будет, Змей Горыныч из «Кащея Бессмертного» 1941 года – поманевреннее. Вот такие новости. А так – вполне себе «Гарри Поттер».

Алексей Васильев

Гарри Поттер и тайная комната/Harry Potter and the Chamber of Secrets
Крис Коламбус, США, 2002
В ролях Дэниел Рэдклифф, Ричард Харрис, Кеннет Брана, Мэгги Смит, Джейсон Айзекс (дублированный)
5 звезд, Аврора, Алмаз, Байконур, Балтика, Бармалей, Будапешт, Варшава, Высота, Горизонт, Киргизия, Кодак Киномир, Комсомолец, Космос, Ладога, Ленинград, Матрица, Мечта, Орион, Первомайский, Победа, Прага, Пушкинский, Рассвет, Ролан, Солнцево, Стрела, Ударник, Формула кино, Экран, Электрон *чт 26 декабря – вс 5 января;* ***Америка-Синема*** *чт 26, сб 28, вс 29, вт 31 декабря – вс 5 января;* ***Большой зал ЦДЛ, Каро Фильм, Каро Фильм-2*** *чт-вт 26-31 декабря, чт-вс 2-5 января;* ***Синема-Весна*** *чт-вт 26-31 декабря*

20 03

афиша
МОНИКА БЕЛЛУЧЧИ

афиша
ЛЕОНАРДО

афиша
СОЛЯРИС

афиша
ЭМИНЕМ

афиша
№ 100

ФЕСТИВАЛЬ «МОДА И СТИЛЬ В ФОТОГРАФИИ»

афиша

афиша

ДЖЕТ ЛИ
НОВАЯ АРХИТЕКТУРА
ПОЛ МАККАРТНИ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

афиша
УДИВИТЕЛЬНАЯ МОДА

афиша
KING CRIMSON
6.00
КАБУКИ

афиша
МОБИ
ТЕРМИНАТОР-3
ВИННАЯ КАРТА МОСКВЫ

афиша
КАРТА
БЬОРК
НАКОЙКАЦИ | КНИГИ

афиша
ОДРИ ТОТУ В «ГРЯЗНЫХ ПРЕЛЕСТЯХ»
СТИВЕН ФРАЙ

афиша
СУБКУЛЬТУРЫ
ГЛЮКОЗА
ТЕХНИКА
ЛУЧШИЕ CD

ПЕЛЕВИН
03/04

BLUR

СЕЛЬМА ХАЙЕК
ИНДИЙСКОЕ КИНО

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ НОМЕР

МИР
РОББИ УИЛЬЯМС
РИМСКИЕ ПАПАРАЦЦИ
НОВЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ТЕАТР

афиша
наоми уоттс
vogue café
московские руины

афиша
УМА ТУРМАН

афиша
людивин санье
психотренинги
геллман

ЛУЧШЕЕ-2003:
КАК ВСЕ БЫЛО

ОТВЕТЫ ВИКТОР ПЕЛЕВИН

После четырехлетнего молчания Пелевин выпустил роман «ДПП (nn)» и впервые за многие годы согласился разрешить накопившиеся к нему вопросы. Где он при этом находится – непонятно: общается Пелевин исключительно по электронной почте. Главный российский писатель недоволен из-за того, что рецензия на роман в «Афише» вышла раньше, чем роман появился в продаже. «Валенки» и «полковник Най-Турс» – из «Белой гвардии» Михаила Булгакова. Разговор происходил в пятницу.

№112
от 12 сентября 2003 года
Лев Данилкин разговаривает
с Виктором Пелевиным

– Как только в русской литературе появляется писатель, сколько-нибудь внятно умеющий рассказать историю, все говорят: «О, новый Пелевин!» У вас есть ученики – в литературе или еще в чем-нибудь?

– Да, и довольно много. Я весь прошлый год жил в Берлине и каждый день рано утром ездил кататься на велосипеде в Грюнвальдский лес. Для этого мне надо было переехать Кудам – это такая большая улица с русскими суши-барами и пластиковыми медведями. В это время мало движения, улица пустая, но немецкие пешеходы все равно стоят на тротуаре и ждут, пока переключится светофор. Я, естественно, проезжал на красный. И тогда, переглянувшись и пожав плечами, немцы с виноватыми улыбками шли за мной – каждый раз! Нет ничего слаще, чем дарить людям свободу.

– Я знаю, что вы несколько раз ездили в Южную Корею, где по нескольку месяцев жили в буддистском монастыре. Мне почему-то кажется, что это было как в фильмах с Брюсом Ли – про вас ведь поговаривали, что вы знатный каратист. Я не прав?

– Как писал Набоков в длинном стихотворении «Слава», это тайна та-та, та-та-та, та-та, а точнее сказать я не вправе. Кроме та-та, та-та, та-та-та, та-та, я научился ценить бездуховную московскую жизнь, при которой можно спать до десяти, – в монастыре подъем в три пятнадцать утра. Что касается боевых искусств, то я давно потерял интерес к тем направлениям, которые принято называть внешними. Карате относится именно к ним.

– Можно спросить про какие-то ваши персональные ритуалы, которые вы практикуете сколько-нибудь регулярно, или это не тема для публичного интервью?

– Есть только один – в путешествиях по Москве я часто вижу из окна машины невзрачный автобус с этим словом. Ритуал заключается в том, что каждый раз мне делается не по себе.

– Я так понимаю, вы здесь, в Москве, нечасто бываете. Вы в России остаетесь только из-за языка или по принципиальным соображениям?

– Россия для меня – это тигр, который во мне сформировался. Поэтому уехать из России я могу только на время сна без сновидений. Ну и когда я не о чем не думаю.

– Меня интересует пелевинская Москва. Я знаю, что вы живете в Чертанове, что бывали в издательстве «Вагриус» на Цветном, знаю, где висит мемориальная доска с Жебруновым и Барбарой, которые упоминаются в «Чапаеве и Пустоте». Что еще? Можете провести короткую экскурсию по важным для вас местам?

– Я родился и вырос на Тверском бульваре, ходил по нему в школу, которая была за новым МХАТом. Тверской бульвар – это был лес, поле, стадион, все. Я там научился самому главному – кататься на велосипеде. Помню, лет в семь меня сильно напугали два каких-то деревенщика из Литинститута, которые стали говорить со мной на народном языке. Смешные бабы Тверского бульвара всегда казались мне суровым напоминанием об особом пути России. Сейчас функцию Тверского бульвара в моей жизни выполняет Битцевский парк.

«Немецкие пешеходы стоят на тротуаре и ждут, пока переключится светофор. Я проезжал на красный. И тогда, переглянувшись и пожав плечами, немцы шли за мной – каждый раз! Нет ничего слаще, чем дарить людям свободу»

– Вы все время педалируете тему велосипеда. Можете рассказать об этом подробнее? Вы на каком, кстати, ездите?

– Я ее не педалирую, я ее долгоню. Вы знаете стихотворение Набокова «Мы с тобою так же были»? Оно написано, кажется, в тридцать восьмом году, когда у нас вооружали армию бронесовками для волочения пехоты за танком. Там есть такие строки: «Если вдуматься, это – как дымка волны/Между мной и тобой, между мелью и тонущим./Или вижу столбы и тебя со спины,/Как ты прямо в закат на своем полугоночном». Здесь поэт ностальгически вспоминает свою юность и детство. Велосипедов у меня три – Centurion, Trek и еще один попроще, самый любимый, марку не называю, опасаясь сглаза. Все на разные случаи жизни. Только не спрашивайте меня, почему я педалирую тему Набокова, – просто в голову приходит. Кстати, в дневниках Тол-

– Какие романы вы не написали за эти четыре года – после «Generation П»? Это правда, что в середине 2001 года у вас уже был текст, в котором присутствовал эпизод падения башен-близнецов?

– Вы их хорошо знаете – это именно те тексты, на которые вы не написали рецензии. А насчет эпизода с падением башен – было дело. Не совсем башен, в одном моем отложенном проекте герой-демиург уничтожает два здания-близнеца, заметая следы создания нового мира из очень похожего старого. Я действительно написал это до сентября 2001-го, и меня это напугало. Но я не думаю, что программирую среду, – скорее, наоборот, среда программирует меня. Слава богу, сегодня пятница.

стого довольно часто встречается фраза «катался на велосипеде». У Набокова был Dunlop на дутиках, с карбидным фонарем, а вот Толстой наверняка катался на монстре с огромным передним колесом и крохотным задним. Представьте себе сцену – что-то вроде «Над вечным покоем» Левитана, тучи, простор... Только не река, а дорога через поле, и по ней катит граф Толстой, и борода летит на ветру. Русская литература обязана своим величием именно этим минутам.

– Если уж вы сами процитировали «Мы с тобою так верили»: мне кажется – по вашим письмам и роману, – что для вас важна тема дистанции между вами нынешним и «молодым Пелевиным». Или оба ездят себе на полугоночном, и разницы никакой нет?

– Я был очень старым в восемнадцать лет, просто жутко старым – жизнь кончилась, началась агония. Лет в тридцать я начал молодеть. Я не чувствую никакой дистанции между молодым и нынешним Пелевиным – хотя бы потому, что никогда этим Пелевиным не был. Тема дистанции для меня важна только при беге. А что касается двух Пелевиных на полугоночных... Мне кажется, что Мескалито здесь ясно дает понять – дозу следует уменьшить ровно в два раза.

– В «Омоне Ра» космонавты перед гибелью говорили о пластинке Pink Floyd, которую не успели послушать. О чем могли бы в такой ситуации говорить персонажи сегодня?

– О том, что летят к звездам за тридцать штук грина, в то время как их американские коллеги поднимаются в ту же черную пустоту за триста тысяч. Другими словами, темой разговора была бы непостижимая многомерность космоса.

– Если бы вам предложили нарисовать макет какой-нибудь русской купюры, какую символику вы бы использовали?

– Главной визуальной темой стали бы семейные ценности: футбол, нефть, алюминий. У меня есть об этом в романе.

– Давайте поговорим про роман.

Я не уверен, что до конца разобрался, почему одним из главных мотивов в «ДПП» стали гомосексуальные отношения. Вы можете прокомментировать, как выразился бы какой-нибудь американский рецензент, «сексуальное измерение» романа?

– Мы живем в культурной среде, где фаллическо-анальная пенетрация является базовым символом социального доминирования и победы. Эта уголовная символика проникла в фольклор и психологию и буквально пропитала собой культурные коды, поэтому гомосексуальные образы в массовом сознании являются скорее отражением черезжопности общественных отношений, чем проекцией эротического состава ума. Парадокс заключается в том, что такое состояние умов сосуществует со снятием всех табу на проявления гомосексуальности. Это образует дикий и взрывоопасный культурный коктейль, делающий возможным союзы вроде описанного в романе. Но я не ставил себе специальной задачи проанализировать эту тему. Реальная гомосексуальность не кажется мне существенной темой романа, ей уделено совсем немного места. Так что спрашивать, откуда у меня такие картинки, не стоит. Я просто позволил этой истории рассказать себя, и мне неизвестно, почему она оказалась именно такой, – герои со мной не советовались, какими им быть. Спрашивать надо у них, особенно у Ослика Семь Центов, но он, увы, уже слишком далеко. Когда стала прорезаться тема, о которой идет речь, я и сам был в некотором шоке. Но что было делать? Пушкинская Татьяна, если помните, выкидывала номера, удивлявшие Пушкина. Мы живем в иное время, у него другие Татьяны.

«Представьте себе сцену – что-то вроде «Над вечным покоем» Левитана, тучи, простор... Только не река, а дорога через поле, и по ней катит граф Толстой, и борода летит на ветру. Русская литература обязана своим величием именно этим минутам»

– Мне кажется, «ДПП» – роман про Путина. Что у вас с Путиным?

– Все путем.

– Мне показалась не совсем законченной, отыгранной история про Мюс, которая будто попала к вам из какого-то романа Джона Гришэма; вообще, это довольно частый упрек в вашу сторону – женские образы. Самый, пожалуй, впечатляющий у вас – это кошка из рассказа «Ника». Женщина – объект, настолько трудно поддающийся описанию?

– Мне кажется, что женщина настолько же трудно – и легко – поддается описанию, как генератор случайных чисел. А говорить о том, что выбранный писателем пример случайного числа по целому ряду причин малоубедителен, как раз и является главной задачей литературной критики.

– Есть ли писатель, которому вы бы хотели позвонить, как Холден Колфилд?

– Есть издатель, которому я бы хотел звякнуть, как полковник Най-Турс. Это подойдет?

– На отсутствие валенок хотите пожаловаться?

– Как раз наоборот, на их засилье во всех областях жизни.

– Вы все время задействуете ресурсы языка, связанные с зонами двусмысленности, – такие кротовые норы, по которым можно перебираться из одних декораций в другие, из ниоткуда в никуда. Это по-прежнему выглядит очень остроумно, но – вопрос: не кажется ли вам, что методологически этот способ – подходящий каламбур в качестве довода в пользу существования альтернативной реальности – исчерпан, поскольку выглядит изначально порочным.

Я к тому спрашиваю, что в «ДПП» каламбурные фрагменты мне показались не просто вторичными по отношению к «Generation», но уже и слегка устаревшими – по отношению к «экстралингвистической действительности».

– Рассуждать о методологии, о ее порочности или эффективности, можно при разборе какого-нибудь научного вопроса – например, общей теории кидания понтов в глянцевом журнале. Это, кстати, одно из тех направлений мысли, где мы за последние десять лет значительно обогнали всю планету. Тут можно говорить о технологиях. Например, об умении делать это таким образом, чтобы за ними (понтами) вставала видимость «реальных культурных констант» или хотя бы точно вычисленных переменных, в то время как в самом счастливом случае мы имеем пару упаковок пестрого лая-ля «псы вдали». Я это не о тех, кто зарабатывает себе на валенки, а о самих культурных констатациях. Художественные эффекты романа, с другой стороны, возникают в зоне полной свободы от методологии – при их анализе она существует только в глазах смотрящего. Что касается экстралингвистической действительности, то пространство между парой кавычек кажется мне не самым лучшим местом для заигрывания с ней. Действительность, на которую указывают слова, уже в силу этого перестает быть экстралингвистической. Что приводит нас к самому главному: отличие романа от глянцевого журнала в том, что роман никоим образом не претендует на отражение мира. Роман этот мир создает – на пару женских часиков. This is America – love it or leave it. Or Lev it. Извиняюсь за очередной методологически порочный каламбур.

– Есть какое-то место, где вы бы чувствовали себя дома?

– Да, это мой ум. Но там постоянно пожар, семь тысяч лет.

Вопросы: Лев Данилкин

КоммерсантъFM

93,6

НОВОСТИ
С ХАРАКТЕРОМ

kommersant.fm | kommersantfm936 | KFM936

16+ РЕК

ОДНА ДОМА

№3 («Афиша–Петербург»)
от 18 апреля 2003 года
Юлия Яковлева
о развлечениях на дому

текст Юлии Яковлевой

фотографии Юрия Молодковца

Ясно светит солнце, и все тревожнее в городе в связи с приближением его юбилея. Милиция уже переведена на усиленный режим несения службы. Подтягиваются первые президенты, и плачевна ситуация на дорогах. В ресторанах-клубах-театрах-кино — аншлаги и ажиотаж. Все куда-то несутся, суетятся, действуя на нервы себе и окружающим. В такой ситуации хочется запереться дома и выходить на улицу лишь в случае крайней необходимости. Тем не менее жизнь из-за этого же не останавливается. Развлекаться как-то надо. В преддверии 300-летия известно чего Юлия Яковлева по заданию редакции поставила эксперимент на себе и квартире. Смысл его — выяснить, какие развлечения возможно заказать себе на дом. Все указанные в тексте имена, отчества, фамилии, сценические псевдонимы людей, клички птиц, зверей и рептилий, имена кукол, а также номера телефонов — настоящие. Участвовавшие в эксперименте животные вроде бы не пострадали.

Татьяна Макарова *менеджер*, Сергей Коневега *директор*, Лариса Афонина *парикмахер-стилист*, Наталья Федорова, Алексей Кошарный, Дмитрий *клоуны*, Илларион Орловский *кукольный театр*, Вован *клоун*, Катя и Орландо *танцовщики*, Константин Аламарчук *байкер*, Игорь Тонин *дирижер оркестра народных инструментов*, Андрей *гитара*, Алан *глотатель огня и йог*, Кнопочка *клоунада и дрессура*, Розалия *клоунада и дрессура*, Миша и Гала *артисты*, Лидия *ассистентка фокусника-иллюзиониста*, Анжелика *медсестра-стриптизерша*, Евгений *дрессура*, Андрей *имитатор*. Также редакция благодарит собаку Чапу, крыс Фросю и Ириску, медведя Гошу, крокодила, двух удавов, трех обезьян, голубя и кролика.

Редакция выражает благодарность компании «Яркий Мир» за предоставленную фотоаппаратуру

Я знаю, чем занимаются взрослые самостоятельные работающие люди в своем уме и трезвой памяти, когда остаются дома одни. Тогда, когда ну вот решительно не хотят никого видеть и никуда наружу выходить. Я про это читала в одном журнале. По статистике, они разгуливают по дому, раздевшись догола, а иные в таком виде еще и убирают квартиру. Я как раз попадаю в описанную группу. Меня зовут Юля Яковлева, мне скоро будет 25, я работаю. И я в квартире одна.

По идее, я могу раздеться догола и убрать – это немного: коридор, две комнаты, кухня, ванная, туалет и большая прихожая с лестницей, по которой спускаются в квартиру, – обычная такая квартира. Но вообще-то, когда я одна, я не хожу голая со шваброй или пылесосом. Я прыгаю через скакалку. Но сейчас я подумала: зачем человеку опять прыгать через скакалку, когда я и так уже, к великой радости соседей этажом ниже, могу прыгнуть 600 раз подряд.

И в этот вот критический момент выяснилось, что можно не искать себе развлечений, они сами готовы прийти – домой, по первому же звонку. И жизнь на этом участке фронта услуг, как выяснилось, довольно бурная. Артисты-индивидуалы, такие как клоун, тамада, фотограф, парикмахер, плотно заселили газеты бесплатных объявлений типа «Из рук в руки»: сюда лучше обращаться со свадьбой или немноголюдным детским днем рождения. Если число желающих повеселиться критически велико, то этот острый случай лучше нести в агентство. Агентства не отказываются и от совсем уж безнадежных – тех, кто сам не знает, чего хочет. Как я.

Три самых крупных: «Солнечный город» (тел. 314 76 19, пейджер 005, аб. «Солнечный город»), «Максимилиан» (тел./факс 327 14 14) и «Калипсо» (тел. 449 39 41). «Калипсо» готова была вовлечь меня в разные разности вроде соколиной охоты, но для этого настойчиво пыталась выманить из дома, и ее пришлось вычеркнуть. На счет двух прочих советы такие. Во-первых, обязательно выслушайте их встречные предложения – репертуар вполне может оказаться богаче вашей собственной фантазии; во-вторых, берите развлечения пакетом – скидка выйдет

Самое глав… ное – люди о… крыты для инициа… тивы. Полистайте спра… вочник. Возможно, вы буд… первым, кто пригласил этих людей высту… пить на обычной кухне обычной квартир… Но они неожиданно соглашаются

и не исключены сюрпризы. Но самое главное – люди открыты для инициативы. Просто полистайте городской телефонный справочник. Возможно, вы будете первым, кто пригласил этих людей выступить на обычной кухне обычной квартиры, но они неожиданно соглашаются, и тут вы поймете, что вам всем одинаково интересно, что из этого выйдет.

Масса людей, впрочем, решили, … я обычная сумасшедшая. Или про… пьяна.

Первый вопрос – это, допустим, пос… Можно вызвать «Пиццу». На дом во… кстати, далеко не каждая: как прав… только в офисы, – и только в бли… шие. Домой возит, например, «Ма… пицца» (тел. 320 80 60). Но зачем … вращать свой выходной в будни про… го офиса? Когда, тем более, можно… звать еду из ресторана.

В ресторане «Кэт» подумали и согл… лись. Это «Кэт», который на Стре… ной (еще есть на Караванной), там п… вят грузинскую еду. Я звоню по теле… ну 311 33 77. Вместе с менеджером … читаем меню, я выбираю шашлыки… чапури и зелень, через два часа… привезут.

...Нет, я, конечно, верю в … дей, но поздно вечером … по улицам не шата… А тем более не отп… ваю дверь незна… цам, даже из … энерго. И сей… представляю, … ко мне прихо… с поздравле… ями, фокус… воздушны… шарами, а … дят, к прив… с серебряны… в и л к а м… В этом смы… приятно бы… обнаружи… что меня т… кто-то бои… В эротическ… и даже неэро… ческом – тайск…

Пауза. «Но у нас его делают девушки». – «Ничего! О'кей, о'кей, давайте!» Но я зря это сказала. Подозрительно вышло. На том конце провода, по-моему, решили: пошлют девчонок развлечь одинокую девчонку, а там не девчонка, а такое, такое... Эта мысль тешит меня до первого звонка в дверь. Своих первых гостей я долго изучаю в глазок.

Пока мы знакомимся, Наталья несколько раз смеется профессиональным смехом – залпами. Я вначале как хочу? Живот или клоунаду? Живот потом? Залп смеха. Только надо, объясняют мне они, дождаться третьего

– Вы Юля? – Да, а вы кто? – Кувыркающаяся собака из солнечного города.

Из «Солнечного города», в смысле... У женщины в руках чемоданы. В одном – Чапа. В другом – Фрося и Иришка, они крысы-акробатки. Чапа выходит из спальни, переодетый в нарядное платье с воланом. У его хозяйки – клоунессы Кнопочки – нарисованы карандашом веснушки. Чапа лохматый, черный, размером и формой похож на диванный валик – собак такого фасона обожают одинокие старушки. Фрося и Иришка выступают без концертных платьев – у них мужественный номер, требующий отваги и ловкости: они балансируют на двух вертящихся кольцах, держа розовые хвосты, как ось поплавка. Вокруг на задних лапах танцует Чапа и кувыркается, стуча когтями по паркету. Чапа к тому же не тупой физкультурник какой-нибудь: он образованный и считает как минимум до десяти, – больше я не выдерживаю его лай.

В дверь звонят клоуны – мужчина и женщина. Клоунесса Наталья к тому же исполняет танец живота. Я нашла их по газетному объявлению и клюнула именно на широту артистического спектра: «Клоуны, танец живота, 567 61 85». Пока мы знакомимся, Наталья несколько раз смеется профессиональным смехом – залпами. Я вначале как хочу? Живот или клоунаду? Живот потом? Залп смеха. Только надо, объясняют мне они, дождаться третьего – Митю, вы же помните Митю? – вы разговаривали с ним по телефону. Не помню я никакого Митю, засовываю клоунов в зал; там разберемся. Потому что ко мне уже пришли, чтобы научить танцевать сальсу. Катя и Орландо танцуют сальсу в ночных клубах, еще их приглашают на вечеринки. Катя еще и как бы продюсер, заказы она принимает на свой мобильный 8 911 242 42 57; Орландо – колумбиец. Он петербургский студент, инженером будет.

Мы растаскиваем из коридора мебель – чтобы глядеть на себя и свои телодвижения в зеркало, висящее между дверями ванной и туалета. А вообще, сальса мало места занимает. Ввиду клоунов и прочего прошу по сокращенной программе: обычно Катя и Орландо учат за час, но из меня сделают вундеркинда – всего за 20 минут. Катя, правда, разочарованно замечает, что за это вре… только базовые шаги и освоишь. И мы прилежно топчемся базовыми шагами. Бальным танцам Катя специально не училась – она училась только сальсе. Поэтому у Кати спина и походка, как у нормальных людей. Она танцует, потряхивая длинными черными волосами, Орландо – в шляпе, и вопрос – кто из них больше выглядит колумбийцем. Танцы прерывает телефон. Детский мальчишеский голосок с грузинским акцентом просит спуститься за шашлыком и зеленью через пять минут.

Прощаясь, мы с Орландо и Катей по-театральному звонко целуемся, издавая всякие восклицания и обнимаясь, – а вот так точно все танцовщики делают, абсолютно все.

Внизу у подъезда меня не встречает шустрый грузинский мальчонка. Посылку провожает серьезная полноватая женщина, она менеджер «Кэт».

Дома я только и успеваю, что приподнять фольгу, которой накрыта коробка, и потом облизнуть палец. Приехал еще один клоун, но не Митя, которого дожидаются уже переодетые коллеги. Это Владимир – старый клоун, он много лет работает в цирке, клоун-ветеран, минимальный гонорар – 100 у.е. Переодевшись, он идет обратно к входной двери, некоторое время мнется, надувает губы, водит глазами, вздыхает и спускается ко мне уже в образе. Голосом «в образе» он поздравляет меня с именинами. «Какой прекрасный сегодня день!» – говорит он. «Извините, – говорю, – телефон». – «Понимаете, мы тут в пробке стоим с животными...»

Я возвращаюсь. Старый клоун повторно входит в образ: «Сегодня именины нашей Юлечки!» Клоунесса Наталья, она же танец живота, профессионально смеется, а я, обогнув Владимира, открываю дверь: человек в шлеме говорит, что заехал за мной – покатать по городу на мотоцикле. От 50 у.е. – в зависимости от дальности расстояния. За эти деньги

жно купить босоножки и пройти расстояние пешком. «А как же пони?» – разумно замечает собеседник. Я отказываюсь наотрез: у меня еда и полно народу – два клоуна на листе ожидания, клоун Владимир, Кнопочка опять-таки переодевается. Не думаю также, что крысы будут в восторге. Человек в шлеме жалуется на профессиональные трудности. Клиенты часто капризничают. Закажет себе на день рождения, допустим, 16-летняя девчонка покататься с байкером по городу, а мама – против, мама не верит байкерам. «Байкер у нас интеллигентный», – твердо поручились мне в «Солнечном городе». И пояснили: с высшим образованием.

Байкер Константин говорит, раз я отказываюсь сейчас и на мотоцикле, то, может, я захочу попозже на лимузине? А нас бы с лимузином сопровождал эскорт мотоциклистов. То-то родственники удивятся.

Я не успела это обдумать, как в дверь позвонил юноша в очках. По черному чехлу женообразной формы я понимаю, что это приехали романсы. Андрей принимает заказы сам (тел. 311 45 73) или через «Солнечный город»; говорит, что может играть и петь хоть целый день – у него заготовлено несколько концертных программ. Мне, впрочем, столько не надо. Я хочу простенький романс – рублей за 500. «У меня, вообще-то, одна струна порвана...» – начинает Андрей, но я убеждаю его попробовать. Мы уходим на кухню в поисках уединения. Но там уже сидят клоуны, ожидающие Митю. «Ой, – говорит клоунесса Наталья, она же танец живота, – я у вас тут, кажется, все съела.» Протискивается гитара. «Алешка!» – клоун и гитарист заключают друг друга в объятия. «Где же ты сейчас?..» – «А ты где?..» – «Что я, вот лучше ты!..» – и так далее. Они вместе учились в Театральном институте и ужас как давно не виделись. Вот так-то.

Пошли дела помаленьку.

Звонит Анжелика. Она медсестра. Я-то чувствую себя хорошо – Анжелика стриптизерша. Она жалуется на пробки и говорит, что пятница – это вообще кошмарный день, а ей вечером еще в клуб – работать, но она страшно старается успеть ко мне. Подходит человек в шлеме, его шлем теперь под мышкой; делая большие глаза телефонной трубке, он спрашивает, может быть, я хочу кусок Луны? «Чего?» – спрашиваю, отрываясь от медсестры. «За сто долларов. Размером с футбольное поле». Одну минутку, говорю. Мы с медсестрой быстренько прощаемся, я бегу открывать. «Митя!!!» – кричат клоуны, глянув, кто пришел. Приехавший М переодевается со скоростью пожара и моментально заваривает игры. Мы дим хороводы, тягаем друг друга за и устраиваем эстафеты в коридоре. кер, очевидно вспомнив, что он с шим образованием, норовит отпасть веселья. «Вы просто мало выпили философски замечает клоун Митя. Я игрываю розовый блокнот, две р и калейдоскоп – приятно отметить, в соревнованиях и викторинах мне поддаются, учитывая смягчающие стоятельства: именины-то у меня. Звонят животные и говорят, что с д гами кошмар, пробки везде, еще кое о губернаторе, а едут они из Купчи

Я выигрываю розовый блокнот, две ручки и калейдоскоп – приятно отметить, что мне явно поддаются. Звонят животные и говорят, что с дорогами кошмар, пробки везде, еще кое-что о губернаторе, а едут они из Купчино

Звонят в дверь.

– Здравствуйте. Эксцентрический жанр, агентство «Ма милиан».

Вначале просовывают гигантские наклад ресницы, потом дит и сама женщ У нее несколько улов, в них что шуршит. Это дия. Я пока ваю ей, где п одеться. И на нец иду на р ню за рок сом. Ром про любовь Несколько нут спустя ридор, пока ваясь на гип ских лакиро ных платфор выходит Лид На некоторое мя коловраще в квартире замир Лидия прекрасна: у малиновые блестки губах, атласное а узкое платье и готки в сеточ Лидия на чет том месяце. кой она пер дически про гает по заст ке в области вота, чтобы диться, что на замке.

Я не знаю, что кое эксцентричес жанр, но мне кажет это не здорово полезно ременной женщине.

Я оттовариваю Лидию от номера. К с тью, муж ее – фокусник Роман – звони стоит в пробке, а без него показывать возможно. Лидия пробует выступить облегченной программе. Хотя личн

против, чтобы она даже просто ходила. У Лидии в баулах голубь и кролик. Кролик дожидается Романа: работа кролика – появляться из цилиндра. Белый голубь с красными глазами порхает, садясь на головы, руки, пальцы, плечи, цепляясь коготками, и, кстати, не гадит. Буквально ни капли. Это кажется мне ненатуральным. «В чем дело?» – спрашиваю. Но Лидия видела и не такое, она рассказывает истории о других подвигах артистического самоотречения. Я теперь знаю, как кастрировать хорьков. Ну мало ли, пригодится.

Звонит мобильный. «Алло? Юля? Это «Метелица», мы уже внизу». Я прижала трубку к груди и подумала, что все-таки надо бы выпить. Это быстрый способ смягчить контуры мира. Одна я не справлюсь. Это оркестр.

С этой минуты квартира уже не будет такой, как была. Пока я отсчитываю менеджеру Владимиру (тел. 276 46 68) 8000 рублей за концерт и аренду стульев, рабочие, приехавшие с оркестром, вносят стулья и пюпитры: в оркестре двадцать человек, дирижер, вокалистка, бас-балалайка, ударная установка. Они входят в дверь, входят, входят, с кофрами, костюмами, и никак не кончаются. «Круто!» – говорит Лидия, которая видела и не такое. В спальню и зал по частям утекает переодеваться оркестр. Двадцать человек: мужчины, женщины, солистка-вокалистка и дирижер. Извиваясь между стульями и пюпитрами, пролезаю через коридор. Коридор уже понемногу напоминает осенний лес: малиновые рубахи, дерево балалаек... «Хозяйка, что слушать-то будем? Из классики, народного или современного?» – «По обычной программе», – говорю. «Вивальди!»

Из «Солнечного города» приехал медведь, он, как и байкер, берет за визит 50 у.е. Его зовут Гоша. Увидев оркестр, Гоша не хочет идти дальше. Бог весть что ему это напомнило. Он жмется в углу и закрывает морду лапой, дрессировщик Евгений уговаривает Гошу, но Гоша стесняется. Я обнимаю Гошу, мы сидим в углу и слушаем «Весну» Вивальди в ураганном исполнении народных инструментов. Мне интересно, вызовут соседи милицию или нет. Оркестранты с полувзгляда понимают мои чувства и стараются играть как можно громче. «А давайте поставим в лифте усилитель», – осеняет дирижера. На русской народной песне про мороз я неожиданно успокаиваюсь. Я догадываюсь, что никто меня не побеспокоит, что соседи давно позакрывали вторые двери, задвинули щеколды, накинули цепочки, возможно, приставили швабры, и очень, очень боятся меня огорчить. Не выпуская из рук Гошу, открываю дверь. Это парикмахер. Она, между прочим, звезда в своем жанре. Ее зовут Лариса Афонина, у нее своя студия на Фонтанке, 41 (тел. 110 40 56), и она, как мне говорили, делает лучшие в городе прически оперным певицам и невестам – то есть нечто барочное. Сначала Лариса видит Гошу. Она еще на площадке слышала, куда идет. Но теперь еще и видит оркестр и – это ясно пробегает по ее лицу – понимает, что, к сожалению, не ошиблась: ей именно сюда. Гоша боится оркестра, Лариса боится Гошу, и только оркестр не боится никого, включая соседей и могущую от них воспоследовать милицию, – он перешел к авангардным пьесам. Я так и остаюсь непричесанная. Звонок в дверь. Это Миша и Гала, очень приятные пожилые люди, сотрудники «Максимилиана». Они мне по пояс. Рабочие с грохотом разбирают пюпитры, выносят на головах стулья, ребенок бегает, колотя в снятый барабан. Коридор напоминает перрон. Женщины вспоминают, как они носили. «Я на восьмом месяце в волейбол играла», – говорит одна. Они показывают друг другу фотографии детей. Поддерживать эту тему мне трудно, и женщины быстро теряют ко мне интерес. Беременная Лидия берет роль хозяйки салона на себя. «...а он спрашивает меня: а в воздухе вы это сделать сможете?» – только и успеваю я расслышать, потому что звонит телефон. «Не поняла», – говорю. – «Здесь нет Владимира Владимировича?» – «Вы по какому номеру звоните?» Но это действительно ко мне. Поговорив с имитатором голосов, возвращаюсь на кухню. «И тут он снимает трусы», – рассказывает Лидия. Мы решаем проверить ее баулы. Лидия аплодировала оркестру из кухни, но в баулах кролик и голубь; учитывая Гошу и парикмахера, – они-то уж могли умереть от разрыва сердца. Мы дружно проверяем, не обмочился ли кролик. «Если что, сразу же отбрасывайте от себя», – руководит Лидия, но только потому, что у кроликов исключительной силы задние

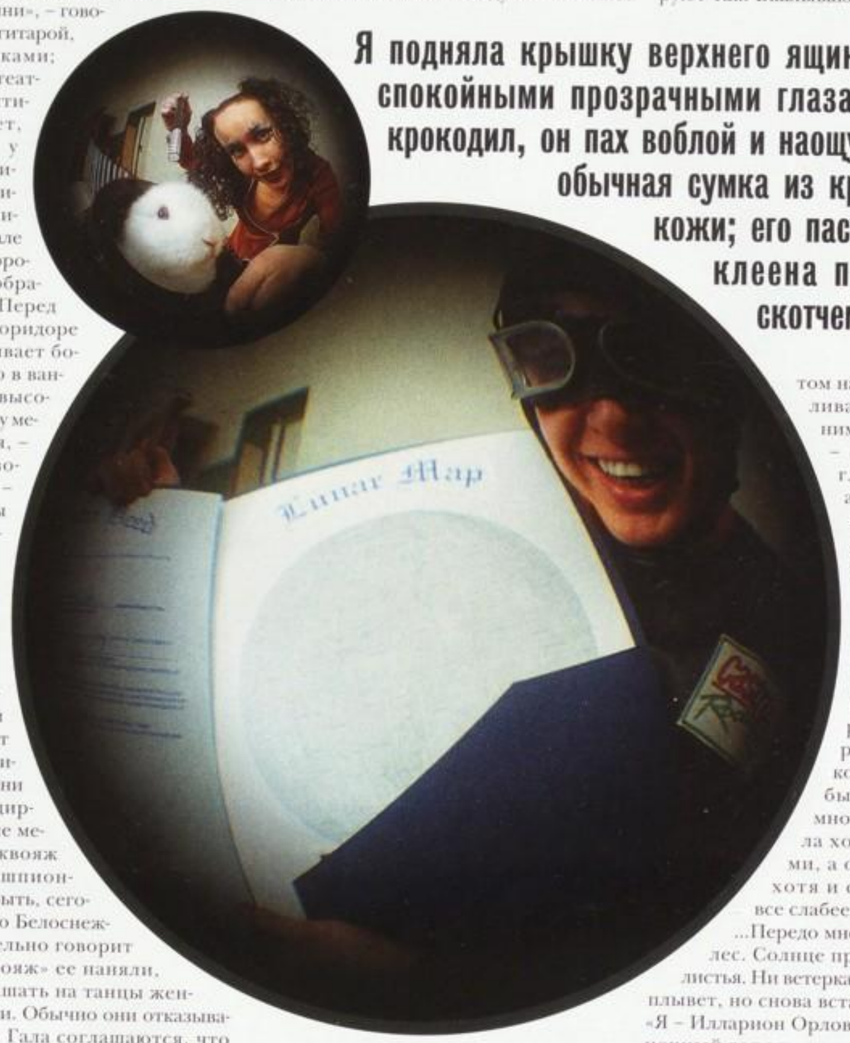
Я обнимаю Гошу. Мне интересно, вызовут соседи милицию или нет. Оркестранты с полувзгляда понимают мои чувства и стараются играть как можно громче. «А давайте поставим в лифте усилитель», – осеняет дирижера

ты и исключительной остроты когти на задних лапах. Кролик, однако, молодец, не подкачал. Он бел и сух. Даже удивительно. Ввиду опять-таки Гоши.

Я еще немного выпиваю.

Я болтаю с Мишей и Галой. Их работа обычно в том, чтобы просто шнырять среди гостей. Гости обычно говорят: «Это прямо Феллини». «Это прямо Феллини», – говорит юноша с гитарой, сверкая очками; он учился в театральном институте и знает, как бывает у Феллини. Миша одет американским полицейским, к Гале приделана борода – Гала изображает гнома. Перед зеркалом в коридоре она причесывает бороду, зеркало в ванной для нее высоко. «Какая ты у меня маленькая, – ласково говорит ей Миша. – Жаль, Гала, ты Чаплина своего не взяла». Мише жаль, что я не могу увидеть их с Галой в полном блеске: Миша-полицейский среди гостей бегает за Галой-Чаплином. Раньше они выступали в цирке. Сразу после меня едут в «Саквояж беременной шпионки». «Может быть, сегодня найду свою Белоснежку», – мечтательно говорит Гала. В «Саквояж» ее наняли, чтобы приглашать на танцы женщин из публики. Обычно они отказываются. Миша и Гала соглашаются, что легче всего работать в форме полицейских – публика делается отзывчивее. «Юлия, – подходит и драматически шепчет мне исполнитель романсов. – Юлия, вы знаете, что у вас в спальне – голый клоун?»

Медсестра Анжелика звонит сообщить, что уже точно ко мне не успевает – отпущенное на меня время растряслось в дорожной пробке, а уже пора ехать выступать в клуб. Это ничего, даже лучше. Мои 70 у.е., заготовленные на Анжелику, остались при мне, куплю все-таки босоножки. Я тихо вхожу в спальню и закрываю за собой дверь. Спальня – единственная комната, где никого сейчас нет, и мебель смирно стоит на четырех ногах. Я ложусь. У меня перед глазами плывут большие алые дуги, маленькие белые светлячки и одна серая обезьяна. Обезьян на самом деле три. Они сидят верхом на собаке. Собака печально на меня смотрит, у нее, как у всех больших лохматых собак, печальный взгляд исподлобья. Обезьяна задумчиво лижет



Я подняла крышку верхнего ящика. На ме спокойными прозрачными глазами смотр крокодил, он пах воблой и наощупь был к обычная сумка из крокодилов кожи; его пасть была з клеена прозрач н скотчем

дверную ручку. Я протягиваю руку, обезьяна ее пожимает. У нее горячие пальцы. Коридор, куда я вышла, был заставлен ящиками. На кухне пили пиво незнакомые мне люди. Я вернулась в коридор и подняла крышку верхнего ящика. На меня спокойными прозрачными глазами смотрел крокодил, он пах воблой и наощупь был как обычная сумка из крокодиловой кожи; его пасть была заклеена прозрачным скотчем. В высоких кофрах, стало быть, питоны. В коридоре, поднеся ко рту горящий факел, выдувал огненные столбы факир, отчего пейзаж выглядел прямо закатным. Одна из обезьян, спешившись, ела шашлык, том надрезают и вы ливают – если вы нимаете, о чем ре – как котов. главное и спе альное умени не раздавить этом мешо с жидкость Его тоже уда ют, чтобы хо мог выступа например, с дней. Одна сестра в цир раздавила неос рожно. Ужас, кой запах, говор был. Лидия мно много раз потом ла хорька с шампу ми, а он все пах и хотя и с каждым раз все слабее.

...Передо мной стоит осен лес. Солнце пробивает желт листья. Ни ветерка. Лес вздраги плывет, но снова встает вертикаль «Я – Илларион Орловский, меня «С нечный город» прислал», – говор кукловод, устанавливающий шир с картиной леса.

Волчонок: Простите меня, друз я понял, каким я был злым и над все смеялся. Я теперь совсем другим ст Я все-все-все понял.

Ежик *(примирительно)*: Ладно, ты уж бя не кори.

Лисичка *(протягивая голубой цвет)*: Возьми. И не слушай больше Ворону.

Ежик: Главное, что ты понял, что л бому делу учиться надо.

Лисичка: Ты самый лучший волчо на свете.

Волчонок: Я теперь все-все-все пон

Альтбир, пилзнер, кёльш, вайсбир, айсбок, мерцен, лагер, хелль, бок, бок.

Прежде чем писать о немецком пиве, пришлось в нем порядочно разобраться

Баварские музыканты во время Октоберфеста

ПУТЕВОДИТЕЛИ «АФИШИ» ПО СТРАНАМ И РЕГИОНАМ

Англия, Бельгия, Германия, Израиль, Ирландия, Испания, Италия, Прованс и Лазурный Берег, Швейцария, Япония

16+

Заказ и доставка (495) 785 17 00 • **shop.afisha.ru**

афиша

20 04

афиша
студенческий гид

афиша

о кактусах, шаманах и животном сексе
новый способ танцевать

афиша

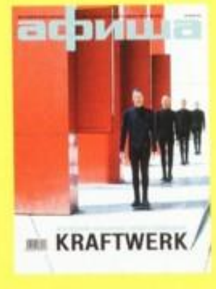
афиша

афиша
«страсти христовы»
«москва—берлин»
ремколхаз

афиша
500 главных людей в мировой культуре

афиша
кейт уинслет
джон зорн
ночное такси

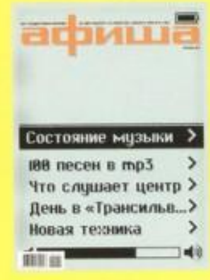
афиша
THE FUTURE SOUND OF LONDON
AMORPHOUS ANDROGYNOUS


афиша
KRAFTWERK

Пи Джей Харви

газель гарсия берналь

афиша
ночной дозор


афиша
Состояние музыки
188 песен в mp3
Что слушает центр
День в «Трансильв...
Новая техника

афиша
scissor sisters

афиша
Арт-Клюквы: искусство в кустах
04/05 расписание будущего

афиша
Ник Кейв
и Майкл Джира

афиша
рената

афиша
дженезис пи-орридж
состояние архитектуры
интервью со скинхэдом

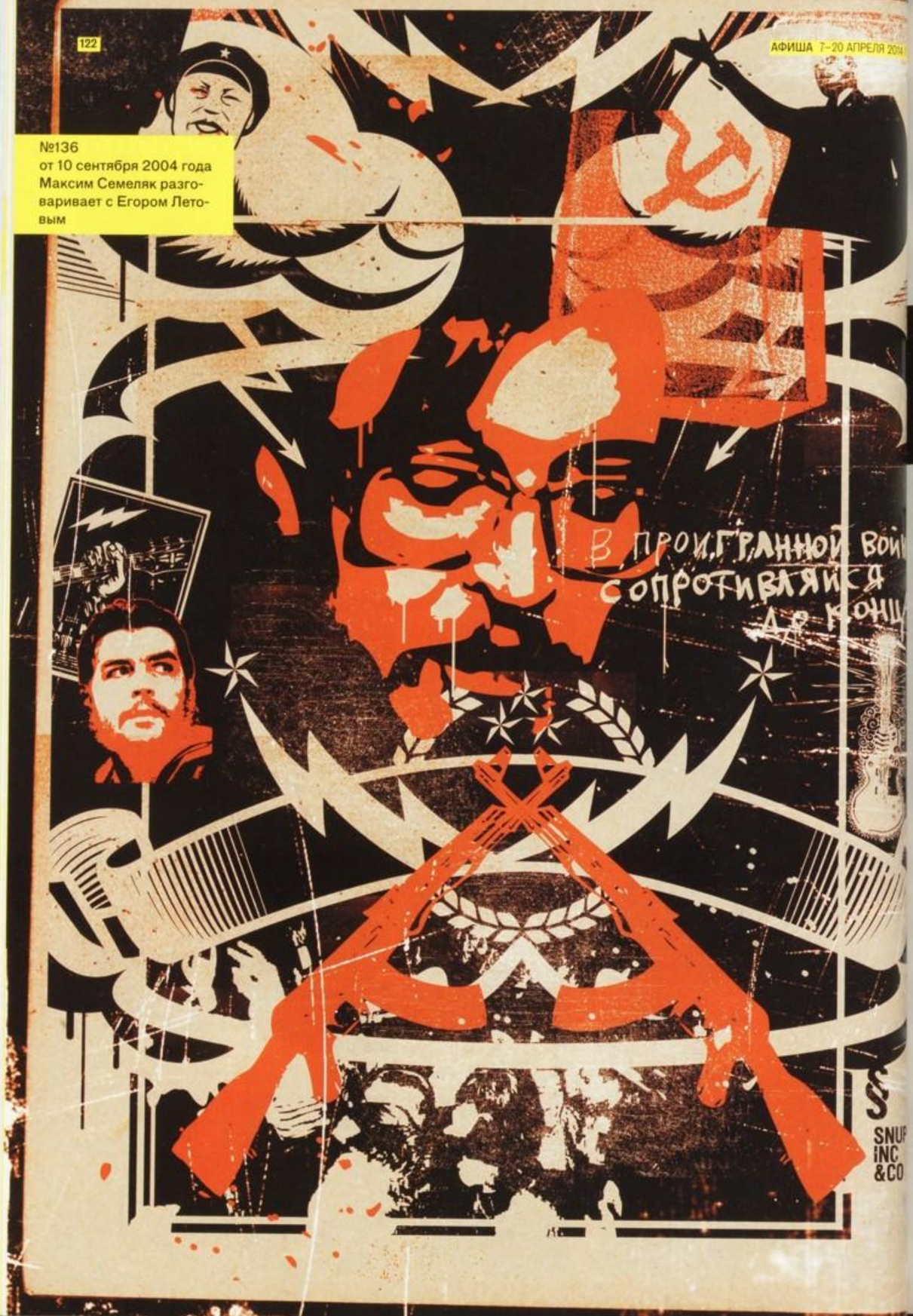
афиша

афиша

афиша
николай фоменко

афиша

афиша
с новым годом...



№136
от 10 сентября 2004 года
Максим Семеляк разговаривает с Егором Летовым

10 сентября выходит новый альбом «Гражданской обороны»

жизнь как чудо

Главная русская панк-группа «Гражданская оборона» не выпускала пластинок ровно восемь лет (если не считать дисктрибьют с советскими песнями «Звездопад»). 10 сентября «ГО» нарушает молчание: в этот день в продажу поступит пластинка «Долгая счастливая жизнь» – первая часть большого нового альбома. Максим Семеляк встретился с лидером «Гражданской обороны» Егором Летовым в маленьком московском кафе и расспросил его о смысле долгой счастливой жизни, а Сергей Снурник, Сергей Максимов и Максим Балабин нарисовали по плакату для главной панк-группы страны.

– Вы знаете, что такое «Долгая счастливая жизнь»?

– Нет.

– Так назывался последний сценарий Шпаликова, после которого он повесился.

– Вот это да. Ох... Это, может быть, даже... Это же фильм был такой, ну да, конечно! Кузьма (экс-гитарист «ГО» Константин Рябинов. – *Прим. ред.*) говорил в каком-то интервью, что у нас все творчество насквозь кинематографично, – так что это, видимо, из подсознания как-то...

– «Долгая счастливая жизнь» – это только первая часть большого альбома?

– По сути, это единый альбом, состоящий из двух частей. Это как бы определенные сны о войне, сны человека, который находится в состоянии постоянной войны. Впоследствии, когда альбом стал разрастаться, вещи примерно к четырнадцатой-пятнадцатой, концепция несколько изменилась. Получилось так, что альбом стал представлять собой одну длинную песню, состоящую из маленьких кусочков. Это 28 состояний человека, который, по концепции Станислава Грофа, спрыгнул, но еще не приземлился. Находится на третьей стадии рождения. Который родился, но еще как бы не вышел в реальность. И выходит в нее. И тут начинается огромное количество попыток выхода обратно, попыток вернуться, попыток идти вперед, стоически преодолеть, делать вид, что все здорово, что победили. Как на альбомах «Солнцеворот» и «Невыносимая легкость бытия» – самых трагических наших альбомах. Я считаю, что все, что я делал в течение жизни, максимально реализовалось именно в «ДСЖ». Ну и параллельно это выразилось в музыкальной части. Огромное количество всевозможных вещей – какие-то цитатные намеки на The Beatles, серф есть, веселые всякие вещи, стихи, огромное количество самоцитирования, собственно говоря.

– А что это вообще такое – долгая счастливая жизнь? Откуда такой образ?

– Песня, да и вообще образ, возникла после очередного посещения реанимации. В некий момент представилось, что однажды так случится, что станет физически, жизненно невозможно принимать, скажем так, вещества, способные изменять, расширять сознание, – а это, по-моему, вообще необходимая составляющая настоящего рок-н-ролла. Вот. И если возникает такое – то что дальше? Когда праздников нет. Тогда – Долгая Счастливая Жизнь. Каждому из нас. Навеки и навсегда.

– Вот это да, никогда бы не подумал.

– Это одна из самых мрачных моих песен, если не считать «Реанимации» – пожалуй, самого страшного нашего опуса, рожденного в ситуации, когда я лежал под капельницей в одноименном учреждении, а вокруг меня время от времени тривиально умирали люди – самоубийцы, передозники и проч. А я спешно записывал в блокнот обрывки их предсмертных бредовых речей – самую чудовищную, неистовую, невероятную поэзию, с которой мне довелось сталкиваться в этой жизни. Одних выносили, других заносили – а я записывал. В таком мглистом сумраке палаты. Собственно говоря, вторая часть альбома называется «Реанимация», и это соответствует действительности, потому что очень часто приходилось находиться в реанимации в это время – столько не было никогда. Вплоть до выхода из тела и таких всяких вещей. То есть сделано максимально возможное. Доведение человека до состояния критического. Даже не самоубийство, а то, где уже начинается бардо, смерть. В этих состояниях люди ведут себя по-разному. В этом состоянии, собственно говоря, и написано большинство этих песен. Я боюсь, что это, может быть, вообще последняя моя работа в этом поле. Потому что дальше, может быть, физически уже не потяну. Столько физических тягот я не выносил еще ни разу во время записи и во время сочинения особенно. Полтора года ушло на невиданное... то, что называется прыг-скок. У Введенского было такое понятие «опуподы» – опускаться-подыматься... Кстати, все, что касается моего понимания Правильного творчества, Правильного бытия, исчерпывающе содержится в книжке Макнила и Маккейн «Прошу, убей меня (Подлинная история панк-рока в ... сказах участников)». Это вообще лу... книга о рок-н-ролле, лучшее из всего... я читал за последние 15 лет. По-мое... обязательная настольная книга для ... Наших.

– Почему вы назвали «Солнцевор... самым трагичным альбомом?

– «Солнцеворот» – это нечто, конеч... Это, в принципе, тупиковый момент ... шего бытия, но тупиковый в прав... ном смысле. Любой предел – это туп... вый момент, из него нужно выбират... потому что если там оставаться, то ... и будешь до конца жизни повторять...

– А как этого избежать?

– Ну мне как-то хватает, видимо, чув... юмора каждый раз выворачивать ... и дальше вперед идти немножко об... ным путем. Я думаю, что народ до... пор не очень себе представляет, для... го, например, сочинена песня «Роди... что она собой являет.

– Что же?

– Это одна из самых трагических пес... которые я сочинил. Песня про то, ... поднимается с колен родина, котор... собственно говоря, и нет, которая н... что поднимается с колен, а увязает в... виданной жопе все глубже, и туже, и... зысходнее. И при этом петь о том, ... родина подымается, – это очень мощ... Эти альбомы – «Солнцеворот», «Не... носимая легкость бытия», – они соч... ны после событий 1993 года, октяб... когда, собственно говоря, реально ... торжествовал... не то что восторжес... вал – а, я считаю, было на весь мир по... зано, что такое есть вот наш, русский ... зистенциализм. Когда горстка отстре... валась, по ним там били из танков, а ... думали, что победим. Альбомы, с... ственно говоря, про это: когда чело... полностью проиграл – и он поет, как ... победил, и побеждает. Народ, как м... кажется, так до сих пор и не поним... ничего. Эти альбомы и записаны, со... ветственно, с таким звуком, который ... на что не похож. Он и не должен бы... ни на что похож! Мы сделали такую с... ну звука, которую так никто и не рас... пал. Потому что такого звука, собств... но говоря, нет ни у одной команды в ... ре. Я вообще предпочитаю вещи, ко...

«Я спешно записывал в блокнот обрывки их предсмертных бредовых речей»

рым аналогов в мире нет. Мы слушаем всяких там японцев, очень странные команды, перуанцев, греков, чехов и вообще то, что само по себе ни на что не похоже или стремится к этому.

– Кого, например?

– Acid Mothers Temple, Mainliner, Les Reines Prochaines, Reynols, Green Milk from the Planet Orange, Marshmallow Overcoat, Baal, Toro Sara. Много.

– Возвращаясь к «Родине». Интересно, что самая, в сущности, конкретная песня «Гражданской обороны» в результате оказалась самой же и загадочной.

– Да. Тем более это было сочинено в тот момент, когда считалось, что можно каким-то конкретным образом влиять, вот в чем дело.

– А сейчас?

– Сейчас я так не считаю. Потому что есть какие-то законы эволюционные – вот в последних альбомах ряд вещей именно про это. Допустим, «Небо, как кофе».

– Я не слышал.

– Ведь никто не возвратился оттуда объяснить наш щемящий отчаянный свет – значит, алые пузыри и небо, как кофе. Ведь никто не возвратился оттуда оправдать наш безобразный оскаленный стыд – значит, лишь дрянные костыли и небо, как кофе. Ведь никто не возвратился оттуда, чтоб унять наш коренной вопросительный страх, – остаются только желуди и небо, как кофе. Такая песня. Чем дальше я, в принципе, живу и смотрю вокруг себя, тем больше понимаю, что личность человека – я банальные вещи сейчас говорю – не просто не значит ничего, а об этом даже думать не стоит, я считаю. Происходят определенные эволюционные процессы. Эволюция к человеку не имеет никакого отношения. И вообще, все, что происходит, до такой степени непонятно и невнятно, что об этом рассуждать можно, только – я не знаю – если очень глубоко и сильно умереть или на определенном этапе практики ЛСД. А иначе... Я по сей причине, собственно, и интервью перестал давать, и с людьми общаться, потому что не о чем говорить. Бессмысленно. Для того чтобы говорить о каких-то вещах, нужно находиться где-то уже там. Либо просто видеть сразу огромное количество всяких вещей, которые происходят одновременно, и исходя из этого делать какие-то выводы. А это на самом деле занятие дурацкое, я считаю. Просто когда видишь какую-то картинку, движущуюся онлайн, то из этого выводов никаких и быть не может. Есть эта картинка, которая сама по себе вывод, собственно говоря.

«Я считаю, что мы лучшая группа в стране, однозначно. И были, и надолго останемся»

– Как вы вообще стали таким, каков есть? Как вы стали Егором Летовым?

– Что в жизни со мной происходило, это такая череда иррациональных всплесков. Я не могу сказать, что я, например, автор сам себя. Единственное, что я сделал, это привел в какой-то порядок все то иррациональное, что происходило со мной.

– А зачем вообще нужен порядок?

– Для того, чтобы из этого сделать что-то понятное другим. Если бы я этого не делал, я бы ничего не сочинял, а просто пережевывал бы внутри себя то, что со мной происходит, и двигался бы дальше каким-то своим личным путем.

Лет в шестнадцать у меня были такие вещи – я их называю озарения. Со мной постоянно происходили какие-то депрессии, всплески какой-то радости. Я находился внутри себя – как бы в большой зеркальной комнате, где были только одни мои личные отражения. Это сопровождалось время от времени чудовищными упадками духа и попытками все это разрушить, вернуться обратно: самоубийство или просто забыться – словом, вернуться в первоначальное какое-то состояние. И когда я реально дошел до этого состояния, со мной случилась очень странная вещь. Я однажды посмотрел на себя несколько со стороны. И понял, что я – это огромное количество очень конкретных частных представлений о том, как оно все есть. Они выглядят как ворох грязного тряпья, какой-то одежды, каких-то салфеток, разноцветные тряпочки, разноцветные стеклышки...

– Новая песня – «Множество» – про это?

– Да. И я взял все это внутри себя, поднял, вышел на кухню, посмотрел – а у меня стол такой голубой, как небо, – и я взял в голове весь этот ворох и швырнул куда-то в синеву. И в этот момент со мной произошло нечто. Я был совершенно трезвый, я никогда в то время не пил ничего, не употреблял. У меня открылся внутри душераздирающий глобальный поток. Впечатление было такое, что я стал не личностью, а стал всем миром. И сквозь меня, сквозь то, что я представлял как живой человек во времени, – а это такой отрезок маленькой трубы, – пытается прорваться со страшным напряжением, представляешь, весь мир. Огромный поток, а я его торможу. Меня разрывало на части, я вышел на улицу, там плакал просто. Я видел, как лист с дерева падает очень долго, как муравьи ползают, как дети копошатся, как качели скрипят, как там дедушка на велосипеде едет. Я одновременно видел это все. И видел в этом всем не просто закономерность, а глобальную какую-то картинку. И было совершенно явственно, что именно так все и должно быть. Не просто должно, а это движение, какая-то глобальная космическая... не то что игра... какие-то шахматы. Не знаю, у меня нет слов для этого. И не может быть слов на человеческом языке. Время остановилось, это очень напоминает элэсдэшное состояние или смерть. Оно сжималось, сжималось, в некий момент почти остановилось. Не знаю, как это объяснить. Было одновременно чудовищное мучение и состояние экстаза глобального. Я понимал все. Я шел – и был какой-то частью всего в целом. И одновременно был каждой частью, на что я обращал внимание. Потом это прекратилось, но очень долго во мне оставалось. Такие состояния были еще и еще какое-то время, но все меньше. Я понял, в какую сторону двигаться после этого. И что я делаю, собственно говоря, здесь. Вот с тех пор я это все и делаю.

– И насколько высоко вы оцениваете собственную деятельность?

– Я считаю, что «Гражданская оборона» – это единственная психоделическая команда на периметре нашей страны, которая делает настоящий психоделический гаражный панк. Я считаю, что мы лучшая группа в стране, однозначно. И были, и надолго останемся, потому что даже и альтернатив нет, и сравнивать не с кем. И народ это отлично зна-

«Хотя если бы на месте греков оказалась Латвия – было бы еще лучше»

потому и на наши концерты ходят. Мне и приятно, и грустно, что мы сделали какую-то очередную веху – и надо двигаться опять же дальше. Что (*усмехается*) грустно. Потому что уже, в общем-то, сорок лет, а то, что мы делаем, тяжело и невыносимо. С другой стороны, все это продолжается. Пошлое сравнение Гребенщикова: «Где та молодая шпана?» Ее нет. Да и не будет.

– Может, и бог с ней?

– Бог с ней, но все равно, честно говоря, грустно. Это означает, что мы несем на себе бремя эволюции, авангарда. Мы, сорокалетние, как начали, так все это на себе и несем. Нет общего потока, кто бы нас там обгонял. Мне грустно, что на глазах это все распалось и закончилось. Но для этого есть конкретные объективные причины. Не потянули. Приходится одному идти и делать. Это не очень приятное ощущение – быть каким-то авангардистом. Я гораздо комфортнее чувствовал бы себя – ну если как в футболе – не нападающим, а каким-то опорным полузащитником, чтобы от меня никто не ожидал голов. А так приходится отрабатывать в нападении. Причем все требуют: голов, голов, голов. Ну вот вам голы.

– А вы за кого болели на чемпионате Европы?

– Для профессиональных болельщиков я натуральный «кузьмич». То есть у меня нет какой-то одной команды, за которую я бы болел при любых обстоятельствах «по жизни». Для меня футбол – это такой вид экстремального искусства наврóде рок-н-ролла. Никакой это не спорт. Кроме того, надо сказать, что все, что интересует меня в жизни, – это необъяснимые, невообразимые вещи. То, что за гранью. То, что взрывает самым наглым, агрессивным способом правила, устои, обряды, системы, каноны, законы, всяческие инерции – проявления смерти. Поэтому я всегда и болею за команды, которые способны преподносить и преподносят подобные подарки «реализму действительной жизни». В данном случае порадовался за Грецию. Вообще, победу греков я считаю гениально удачной концептуальной акцией, которая нежданно-негаданно отстояла «проигранное дело поэзии», причем по-немецки рационально и прагматично. Хотя если бы на месте греков оказалась Латвия – было бы еще лучше.

– У вас репутация, скажем так, не самого приветливого человека. Вам, вообще говоря, не тяжело среди людей?

– Я когда начинал сочинять и вообще, собственно говоря, жить – я слушал Shocking Blue, Led Zeppelin. Братец привозил из Новосибирска. Ну Битлов, разумеется. Ну я книжки читал. Тогда со мной что-то такое произошло... В некий момент я понял, что либо идти с массой людей, то есть жить в этом комплекте людского общения, быть человеком, собственно говоря. Либо ты от этого уходишь – и тогда добиваешься того, сего. Это просто правила такие. Но ты платишь за это определенным... одиночеством. Лет по десять так. Для меня даже сомнений не было. Не то что выбора не было, а даже вопрос не стоял. Потому что для меня определенные вещи просто с детства были важнее. Мне, например, было важнее – то ли я родился таким, то ли я вообще какой-то нечеловек, – но запах земли у меня столько рождал всегда... Или когда солнце садится. Когда я по лесу ходил. Это было для меня всегда гораздо важнее, чем какие-то человеческие общения, чем всякая вот эта гомозня вокруг меня, городская. Я ее не боюсь, и не утомляет она меня. Она просто меня не очень интересует. Ну не затрагивает она меня. Я и без этого комфортно живу и отлично себя чувствую. Ну не реальность это для меня. Так, пустяки, что ли. Чепуха. Жизнь проходит не тут. И по сей причине я сразу поставил определенную такую вещь... как обращение к этим силам... Богу... я уж не знаю кому... я вот в последнее время говорю про цивилизацию и эволюцию. Вот этой силе эволюции я и согласен за все платить. Согласен платить всем. Вообще всем. Вот у меня песня «Любо, братцы, любо» про танк. (Речь идет о редком варианте «Любо, братцы, любо», который появится на альбоме «Реанимация». – *Прим. ред.*) Это в определенном смысле невиданной мощи вещь, вот она про это все. Поэтому, видимо, вокруг нас люди мрут, а нас обвиняют, что мы не умираем. А мы не умираем. Мы не умрем. Я вообще считаю, что я заслужил уже. Я так себя чувствую... таким вечным. То есть я бессмертный человек. Но за платится определенными вещами. И в дущем будет платиться. Просто сейч не представляю, чем можно еще плат что будет дальше. Потому что нагр идет все сильнее и сильнее. А путь равно все интереснее и интереснее, ственно говоря. Как там в «Алисе» сн но? Все ужаснее и ужаснее?

– Все страньше и страньше.

– Вот-вот. Я не знаю, мне это нрави Единственное, я боюсь старости – с ки зрения энергии и прочих таки щей. Потому что силы... Мне бы сей силы молодости, я бы просто стол еще наделал! А сейчас мы уже такие... чинаются уже болячки. Но это пут кой, правила игры. Мы играем, хор играем, я доволен. Самое печальное, не возникает компании в этом пути, чем дело. На определенном этапе, п 87-м, до девяностых, была все-таки музыкантов и людей. Каким-то образ то ли по молодости – они были близ способности, допустим, платить. тить за то, что получается. По раз причинам они сошли с дистанции. О зались платить в силу семейных отн ний, ну каких-то там, я не знаю... А но не появляется. А сейчас тем более. час поколение, которое идет, оно н что потребительское, оно вообще... сто дармоеды какие-то. Я не вижу ка то лютых ярких людей. В той же Япо они есть почему-то. Или в Штатах.

– А почему они там есть?

– Непонятно. Может, для того что что-то сделать самостоятельное и стоященское, нужна невиданная дикта ра, причем внешняя, на которую ну реагировать. Бог его знает. У меня в ний толчок, конечно, был оттуда. Но утренний не оттуда. Я не могу сказать, я какой-то политический музыкант. всегда было, по большому счету, на насрать глубоко, на все эти полит ские реалии, на все, что творится. П сто они олицетворяли собой опред ный, как бы это сказать, тоталитари причем не человеческий, а вообще, ж ненный. Потому что то, что из себя пр ставляет жизнь, – это, собственно го ря, самое страшное и есть.

18+ афиша реклама

Капков — о парках
Цукерберг — о лайках
«Афиша» — о музыке

«Афиша» представляет
новый сайт о музыке

ВОЛНА

volna.afisha.ru

Книги рецензируются бесплатно. Новые издания присылайте по адресу: 125009, Москва, Б.Гнездниковский пер., 7/28, стр. 1, «Афиша». Информацию присылайте по адресу books@afisha.ru. Рецензии на 741 книгу – на afisha.ru/books

Книги

№141
от 19 ноября 2004 год
Лев Данилкин о «Свя
ной книге оборотня» Б
тора Пелевина

СО ЛЬВОМ ДАНИЛКИНЫМ

Пора меж волка и собаки

Новые времена в новом романе Виктора Пелевина

Когда главную героиню, лису А Хули, отдавшую свое сердце фээсбэшному оборотню в погонах Сане Серому, спрашивают, что именно она больше всего любит в России, та отвечает: «Русский язык». Этой любовью и пронизана «Священная книга оборотня»; да только, кроме языка, оказывается, любить в России особенно нечего.

I.

Как и «ДПП (nn)» и «Generation», «Оборотень» – роман-передовица: фактически это пресс-конференция писателя по самым злободневным вопросам – от ЮКОСа до эмиграции в Англию. Виктор Олегович Заратустра генерирует злую мудрость спорными экономными движениями – будто собирает вслепую автоматы для немедленной отправки на фронт. «Ты спрашиваешь, как здесь дела. Если коротко, надежда на то, что обступившее со всех сторон коричневое море состоит из шоколада, тает даже у самых закаленных оптимистов. Причем, как остроумно замечает реклама, тает не в руках, а во рту». «Реформы... идут здесь постоянно... Их суть сводится к тому, чтобы из всех возможных вариантов будущего с большим опозданием выбрать самый пошлый». «Я давно заметила: ничто так не радует российского гуманитарного интеллигента, как покупка нового бытового электроприбора». «Что у нас здесь – флагелляция или изба-читальня?» – спрашивает как-то один из героев романа; тот же вопрос возникает, когда самый остроумный человек в России второй год подряд устраивает публичную порку.

Как и во всех своих предыдущих текстах, Пелевин является к читателю не только с кнутом, но и с пряной, а также чакрами, гимнами Ничто и прочим своим эзотерическим мамбо-джамбо. «Оборотень» – мощная электростанция, вырабатывающая ex oriente lux в объемах, достаточных, чтобы бесперебойно иллюминировать храм пустоты; и даже если реального загара под этими лампами не заработаешь, надо признать, что сеанс облучения стоит своих денег: у Пелевина по-прежнему очень остроумно получается доказывать, что загорать некому, да и никакого храма пустоты не существует.

«Что у нас здесь – флагелляция или изба-читальня?»

Фокусы с исчезновением реальности с самого начала были главным бизнесом этого писателя; но, может статься, в «Оборотне» не менее мощные ресурсы он инвестировал в новый этап своего исследования элитарных жаргонов. Пелевина всегда привлекало социально престижное арго, на котором изъясняется элита временщиков, местные «жрецы». Сначала это был позднесоветский язык (с его аббревиатурами-тетраграмматонами и «переходящими красными знаменами»), потом новорусский (с бандитскими «распонятками»), теперь – менеджерский (с «портфельными инвесторами» и «миноритарными акционерами»). Коронный номер Пелевина – изложение на актуальном жаргоне чего-то такого, для чего он в принципе не предназначен: вроде объяснения понятия «богоискательство» через термин «повышение кредитного рейтинга». Провоцируя комический эффект, Пелевин показывает, что любой элитарный жаргон на самом деле легко взаимодействует с другими и, в сущности, не отличается от всех прочих. Если и существует настоящий жрец – то это сам Пелевин, социальный полиглот, одинаково свободно могущий загрузить и развести кого угодно, используя как социально престижные, так и откровенно маргинальные дискурсивные практики.

Наконец, этот роман, как всегда, пронзительно трогательный: Пелевину дьявольски точно удается транслировать некоторые эмоции вроде переживания московского заката, ночной велосипедной прогулки с фонариком по Битцевскому лесу или любовного настроения, возникающего, когда два существа сплетаются хвостами и смотрят карваевский фильм. Но самая трогательная страница в романе – это когда Волк вот на череп Пестрой Коровы, прося ее дать нефть, – «чтобы кукис-юкис-юкси-пукс отстегнул своему лоеру, лоер откинул шефу охраны, шеф охраны откатил парикмахеру, парикмахер повару, повар шоферу, а шофер нанял твою Хаврошечку на час за полтораста баксов – и тогда...» В этом ритмичном заклинании есть какая-то душе-раздирающая, первобытная правда: может быть, что-то подобное получилось бы, если бы Проханова попросили написать текст для баллады Леонарда Коэна.

II.

«Оборотень» легко растаскивается на смешные и трогательные цитаты – горе от ума, постигающее все пелевинские романы. Растаскивается, но к ним – то есть к сумме сатирических, лингвистических, эзотерических и сентиментальных шуток, афоризмов и сцен – не сводится. В этом, между прочим, различие «ДПП» и «Книги оборотня». «ДПП» как раз был такой суммой и складывался в точно поставленный диагноз болезни общества. После «ДПП» становилось понятно, как все устроено; чего в «ДПП» не было – так это конкретного ответа на конкретный вопрос: и чего теперь со всем этим делать?

Именно для ответа на этот вопрос и написана «Священная книга оборотня», и это именно роман, а не сборник афоризмов.

Проблему можно сформулировать так: что делать крошечке-хаврошечке в стране, захваченной оборотнями в погонах? Или – в других терминах – как жить в стране, которая летит из ниоткуда в никуда, притом что либеральный способ решения этой проблемы абсолютно дискредитирован и вообще, кажется, не подходит к местной специфике?

Конфликт волков (оборотней в погонах) и крошечек-хаврошечек (населения) разрешается у Пелевина через фигуру Лисы.

Что такое Лиса-оборотень, профессионально морочащая клиентов? Аллегория Художника, то есть пелевинское альтер эго. Художник – тот, кто может услышать ответ на вопрос «как быть?» не в идеологии (которая всегда экспортируется и всегда сводится к махинациям элиты со своим жаргоном), а в языке (который автохтонен, имманентен этносу и включает в себя, кроме тезауруса, еще и фольклор и национальную литературу). Художник проникает в «секретный национальный гештальт» через радиоактивные зоны двусмысленности: омонимия, фразеология, общеупотребительные метафоры и литературные персонажи с двойным дном. Он умеет сопрягать – Аленький цветочек с портфельными инвесторами, Шарикова с Лолитой, а Блока с Пестрой Коровой. Просеяв мегатонны языковой руды, он добывает несколько грамм урана и закладывает их в реактор романа. Там вырабатывается вектор движения, соответствующего нравственному кодексу народа, ответ на вопрос – как жителю страны существовать внутри национального гештальта?

Ответ, следующий из «Священной книги оборотня», звучит так: с волками жить – по-волчьи выть. Именно он заложен в национальном гештальте; в конце концов сам язык подсказывает, что, раз уж ты живешь здесь, то изволь участвовать в этом вокальном упражнении и не мешать осуществлять Волку функции санитара леса. По крайней мере, волки – пусть и позорные – присутствуют в русском гештальте, чего не скажешь о кукисах-юкисах, лишающих крошечку-хаврошечку яблочка: их в сказке не было, они приблудные.

Если основной конфликт романа – это столкновение Художника с Властью, то разрешается он в сюжете об ожидании пришествия «сверхоборотня» – карнавального мессии, который должен снять диалектическое противоречие между волками позорными и крошечками-хаврошечками. На эту роль претендуют и Лиса, и Серый Волк. Хотя оба, кажется, вполне подходят на нее и оба претерпевают мистическую трансформацию, результаты последней не совпадают: Волк превращается в черную собачку, а Лиса – в радугу. Мотив превращения в радугу, несомненно, взят Пелевиным у Проханова: в «Господине Гексогене» в радугу – то есть в ничто, в пустоту – превращается Путин. Пелевин модифицирует этот мотив: в его системе координат превращение в пустоту есть несомненное благо; кроме того, превращаясь в радугу, Лиса как бы обманывает Волка/Путина, похищая у него свойственное ему превращение, – и тому приходится довольствоваться образом не то Шарикова, не то пятилапого Пса-Конца. Тогда как Лиса становится настоящим Сверхоборотнем – и ее статус мессии комическим образом подтверждают оставшиеся на месте происшествия трусы-неделька «воскресенье». Таким образом, Пелевин, в принципе, не отказываясь выть дуэтом, объясняет все-таки серьезные статусные различия, существующие между двумя представителями отряда собачьих: как сказано в одном фильме, а ты не путай свою шерсть с государственной.

В принципе, Пелевин не отказывается выть дуэтом

III.

Любопытно между тем, что на некотором этапе между Лисой и Волком – то есть Художником и Властью – возникает любовь – разумеется, комическая, с нелепыми сексуальными подробностями вроде наличия у Лисы вагины, устроенной по типу обезьяньего «х...удовителя». В этом что-то есть: один П явно дружелюбно машет хвостом перед другим; не зря generation «П» сначала естественным образом понималось как «Поколение Пелевин», а потом, с меньшим энтузиазмом – Поколение сами-знаете-кто (а впрочем, расшифровку П – Конец тоже никто не отменял; и Псом-то- Концом в этом романе все и заканчивается). Диалектика П/П состоит в том, что проблема вервольфа в средней полосе России, безусловно, существует, но волков бояться – негде на велосипеде будет кататься.

Тут надо сказать о том, с какой стати Пелевин вдруг выпускает хоть и жестко сатирический, но фактически коллаборационистский роман про с волками жить – по-волчьи выть. Дело в том, что Художник потому и «сверхоборотень», что у него есть право на принятие такого решения. И не Пелевин это право выдумал. На самом деле, в сюжете «Оборотня» воспроизведена известная матрица русской литературной жизни – встреча Художника и Царя, подробно исследованная в книге Соломона Волкова о Шостаковиче. Эта протоситуация – знаменитое свидание Пушкина с царем Николаем после восстания декабристов; после того разговора мятежный поэт гарантировал царю свою лояльность и эволюционировал в политических взглядах в сторону государственничества, надеясь, в свою очередь, смягчать естественную кровожадность тирана. Дальше в разных вариациях эта ситуация будет повторена Сталиным и Шостаковичем, Булгаковым, Пастернаком. Теперь тот же контакт происходит между Лисой и Волком – ну или, если пойти чуть дальше, двумя людьми на большое П, «Художником» и «Царем». Думаю, Пелевин, воспроизвел эту матрицу сознательно: иначе с какой стати он вдруг замечает, что его волк Александр похож на царя Александра, а позже – не то на Пушкина, не то на Дантеса; и не зря на ветровом стекле его «майбаха» висит цитата из Пушкина. Зуб даю: пушкинско-царская тема возникает здесь явно не случайно (я уж не говорю о том, почему у автора исследования о Художнике и Царе такая фамилия).

IV.

Именно эта способность решиться дать конкретные ответы на конкретные вопросы позволяет Художнику не превращаться ни в продавца, ни в покупателя, ни в товар. И спасибо, на самом деле, Пелевину не за сотню новых острот, а за то, что он не стесняется напяливать на себя шкуру лисы-проститутки, чтобы таким образом сообщить о самом главном: А Хули – Русский Писатель.

Единственное, чего я боюсь, – как бы эта Лиса – ну или для нас, скорее, священная пестрая корова – не плюнула на свой любимый русский язык и окончательно не уехала в страну Шекспира. Уж очень англизированным – по конструкциям и интонации – кажется русский язык «Оборотня»; и если Пелевин таки перейдет на английский, то это, конечно, будет утечка, сравнимая по масштабу с набоковской.

Пестрая корова! Слышишь, пестрая корова! Я знаю, совсем надо потерять стыд, чтобы просить тебя и дальше писать романы по-русски. Я и не прошу. Я знаю, что ты про нас думаешь. Мол, сколько ни пиши, все равно недотыкомзеры и бисинские объявят поверхностным мистиком, литературным ремесленником и постмодернистским клоуном. Ты права, пестрая корова, так оно и будет. И газоны там позеленее, и язык побогаче, и кукисы-юкисы не отбирают яблоки у крошечек-хаврошечек... Только знаешь что... Если ты разлюбишь свой язык и ничего больше не напишешь на нем, нам в самом деле будет плохо. Просто помни об этом, пестрая корова.

Виктор Пелевин «Священная книга оборотня»
ЭКСМО, Москва, 2004

№128
от 7 мая 2004 года
Алексей Васильев
о фильме «Егерь»

Егерь

Александр Цацуев, Россия, 2004
В ролях Игорь Лифанов, Андрей Федоруков, Виктор Степанов
Дикий таежный боевик со Свердловской киностудии

Отслужив в Чечне не без психотравм, спецназовец Вася Клищов (Лифанов) устраивается егерем, шатается по тайге в пятнистой военной форме, пугает браконьеров, приструнивает забаловавших в лесу бонз из районной администрации, чем и зарабатывает в местной многотиражке прозвище Рэмбо. В день, когда бонзы привезут к Васе богатого немца, который горазд поднять местную индустрию, но прежде – поохотиться в Васиных угодьях на кабана, с соседней зоны бежит зэк по кличке Зверюга, сам охочий, не до кабана – до фрицевских сбережений.

Хоть персонажа артиста Лифанова и зовут Рэмбо, напоминает артист Лифанов в ушанке с кокардой больше губернатора Калифорнии, кабы тот лет эдак через 15 снова сыграл Терминатора, у которого ключ в спине совсем перестал вертеться. Переминаясь на морозе, как медведь-шатун, егерь басит местному авторитету: «Бросьте оружие!» Авторитет (которому придано портретное сходство с г-ном Березовским; его начальнику, который появится позже, придано сходство с Б.Н.Ельциным) заходится на манер выкидного: «Пшел вон, козел!» «Предъявите лицензию на отстрел животных», – гундосит дальше невозмутимый егерь. Шестерки авторитета протягивают егерю сложенную вчетверо бумажку; на бумажке – нарисованный авторучкой кукиш. «У вас нет лицензии», – приходит к выводу егерь. Тогда выкидной стреляет. Егерь грузно валится: «Ох!» Шестерки бегут оттаскивать труп – егерь, который пошутил да и прикинулся мертвым, бьет их по лбу лбом, и те падают без сознания.

Еще фигурируют сплошь накрашенные под стать буфетчицам 1980-х или дамочкам из порнофильмов г-на Пряничникова разбитные бабенки, которые либо бухают, либо дуплятся (одна из них, кстати, представляется диктором Центрального телевидения). Только одна – невинная школьная учительница и сердечная зазноба егеря; та кружится в лугах и, напевая «ля-ля-ля», собирает шишки на таежных тропках. Чеченский след буравит раны в егеревской душе; группа «Сплин» стенает из-за кадра: «Сколько пройдено верст!!! Сломано все! Разрушено все! Сломано все!»; таксидермистский кабан тычет рылом в видоискатель; диктор ЦТ скидывает шубу и кричит: «Я пришла заниматься с тобой любовью!» Свердловская киностудия, которая при советской власти славилась как раз детективами про браконьеров и лирическими комедиями на тему «Снится мне деревня», после 20 лет простоя возродилась – неповоротливым и поеденным тленом зомби. Можно купить на «Егеря» билет в кино. Для достижения того же художественного эффекта можно поехать в субботу часов эдак в одиннадцать вечера в Печатники, встать посреди двора и крикнуть: «Я – пидорас! У меня с собой сто долларов!» *А.В.*

Байкал-Атлантис, Зарядье, Синема Парк на Калужской, Формула кино, Формула кино (в «Рамсторе» на Каширке), Формула кино (в «Рамсторе» на Шереметьевской), Художественный *чт 13 – ср 19 мая*

афиша

реклама

18+

Пелевин — о пустоте
Навальный — о жуликах
«Афиша» — о культуре

«Афиша» представляет
новый сайт о культуре

ВОЗДУХ

vozduh.afisha.ru

20 05

афиша
Чиза Шых
Дэвид Линч
Мэлитопол
мода и стиль в фотографии

афиша
русское:
эдуард лимонов
малая родина
новая московская музыка
роман «эвакуатор»

афиша

афиша

афиша
мода и стиль
в фотографии

афиша
«Аида» в Кремле
Дмитрий Быков
Леонид Брежнев
Киря Муратова
Братья Пресняковы

афиша
Хаматова и Серебренников
Открытый город
Никита Михалков

афиша

афиша
Franz Ferdinand
Звездные войны
Сэм Тейлор Вуд

афиша
город грехов

афиша
денис симачев

афиша
white stripes
война миров
джулиан барнс
тони крэгг

афиша
кто все эти люди?

афиша
все развлечения москвы на свежем воздухе
это – ваш бесплатный билет на пикник «афиши»

афиша
азия ардженто

афиша
ларс фон триер

афиша
девендра

афиша
алексей чадов

афиша

афиша

афиша
китайское вторжение
фэй вонг
shanghai tan
янг ливей

афиша

афиша
кинг конг!

афиша

№149
от 25 марта 2005 года
Юрий Сапрыкин
о новом застое

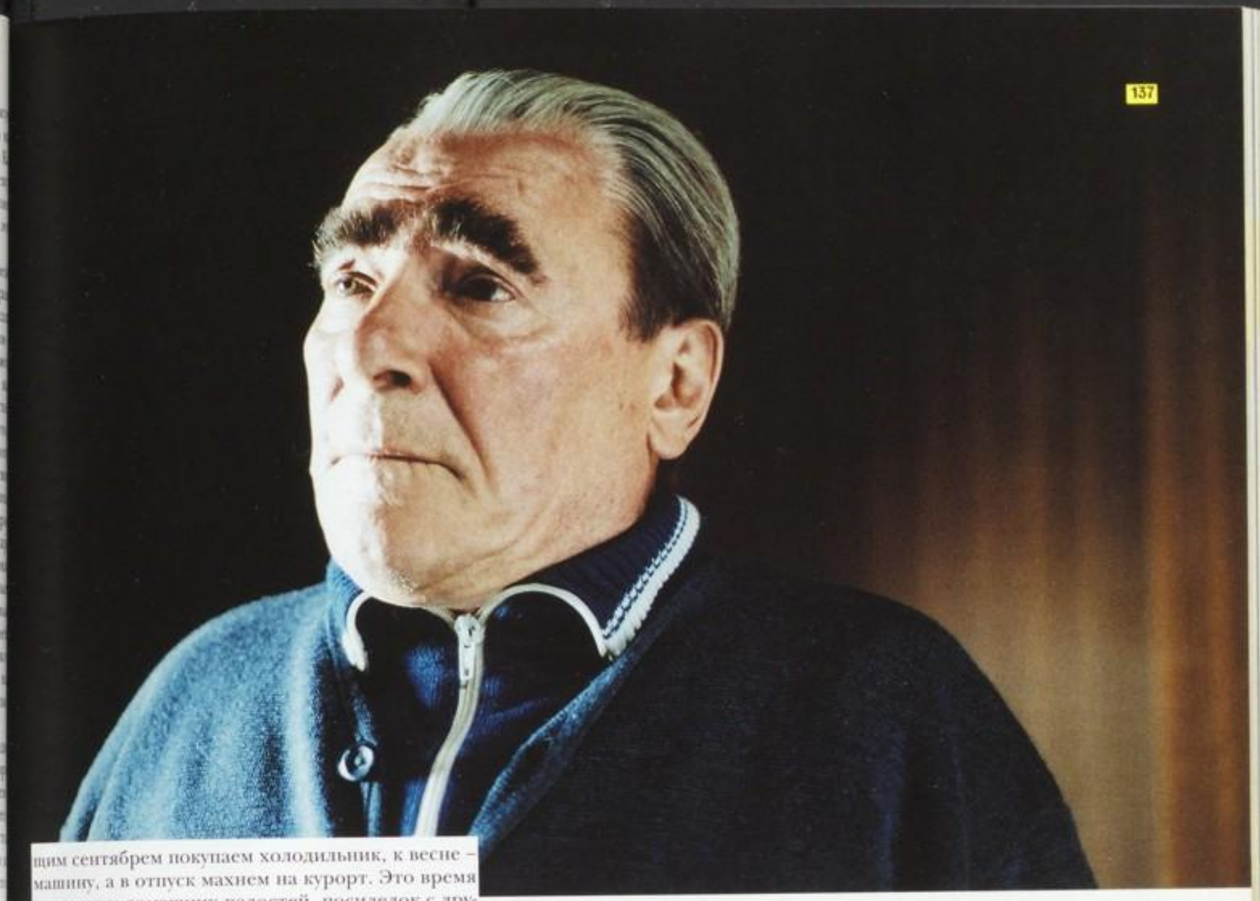
P.S.

Сначала это стало видно в телевизоре. В какой-то момент обнаружилось, что главная информационная программа страны – в девять вечера на первой кнопке – снова состоит из четырех неизменных компонентов: отчет о деятельности главы государства, новости из жизни каких-нибудь тружеников села, репортаж о неудачах американцев в очередной их заморской войне и какой-нибудь курьез на закуску – в далеком северном лесхозе родился олененок или там в Третьяковке выставка открылась. Временами туда еще прокрадываются сюжеты о маленькой победоносной войне на юге или о кознях агентов ЦРУ на наших западных рубежах. Если не обращать внимания на частности – ограниченный воинский контингент теперь называется Объединенной группой войск, а Лех Валенса обернулся Юлией Тимошенко, – все сходится.

Дальше – больше. На Тверской появились очереди. Внезапно расцвел хоккей, а фигуристы взяли моду выигрывать все золото. Цены на нефть перемахнули через очередной психологически важный барьер. В обиход вошло слово «банкет» (а слово «презентация», с которым так сладко жилось в 90-е, ушло куда-то в разряд инвективной лексики). Знакомые вдруг положили за правило собираться на кухнях, там они пьют водку и ругают правительство. В довершение всего Москву с ног до головы заклеили олимпийской символикой. Не стоит и говорить, что различий больше, чем сходств, – что очереди стоят не за югославскими сапогами на манке, а в ресторан «Гин-но таки» или на аэрофлотовск
распродажу, что хоккей цветет не оттого, что
ших не пускают в Канаду, а вовсе наоборот – из
нады все перебрались сюда, и нефтедоллары те
совсем в другие карманы, и Олимпиады, вер
но, нам не видать. Но все же, все же: где-то мы
видели.

Москва 1982 года возникает в фильме «Брежн
декорациями, необязательным фоном, где не р
глядеть деталей. Таким же макаром она проход
и в год 2005-й: начнешь придираться к мелоча
ничего общего, но на уровне фона... Возвраща
ся же не очереди и не олимпийские мишки – а
кое-то общее ощущение, что носится в возду
Возвращаются чувства: скажем, чувство, с ко
рым жители какого-нибудь Нижнего Тагила см
рят на Москву, что жирует на доходах от нефт
ки, – этакая странная смесь зависти и презре
Или вот я очень хорошо помню, как у мамы др
жал голос, когда старшего брата забирали в
мию, потому что, не дай бог, Афган, – и вдруг о
зывается, что голоса у моих вполне успешн
сверстниц могут дрожать точно так же: сынов
растут, надо срочно собирать справки у врач
или наводить мосты к военкому, потому что,
нечно, не дай бог. Некоторые жалуются также
чувство тоски – но это, возможно, оттого, что
ма никак не кончится.

В принципе, 82-й – не самое плохое время. Лю
наряжаются, ходят в гости, смотрят по телевиз
Юрия Антонова. В кинотеатрах идут отечеств
ные блокбастеры. Если кого-то сажают и прит
няют, то не часто, в общем, по мелочам: влас
имущие заняты какими-то своими проблемам
жутко напрягаются лишь на тему козней внешне
геополитического врага. Нефтедоллары опять
Вообще, во всем этом можно найти извест
приятность. Это стабильная эпоха, когда мож
распланировать жизнь на годы вперед: следу



щим сентябрем покупаем холодильник, к весне – машину, а в отпуск махнем на курорт. Это время маленьких домашних радостей, посиделок с друзьями и трепа за жизнь – не все ж по презентациям скакать. Это такая пора, когда можно позволить себе встать в оппозицию, клеветать на общественный строй и рассказывать анекдоты про Самого – и тебе за это ничего не будет, что ужасно, конечно, приятно. И даже если кому-то приходится отрабатывать литподенщину в газете или зачитывать вести с полей в телевизоре – а уж потом, за закрытыми шторами и при своих, клеветать и хулить, – это же терпимо, не бревна на лесоповале ворочать.

Обидно лишь одно: сужается горизонт возможностей. Заканчивая институт в начале 90-х, ты точно знал, что дальше может случиться что угодно – за исключением разве что работы по специальности. Заканчивая институт в начале восьмидесятых – или нулевых, – ты представляешь себе дальнейшую карьеру во всех деталях, и не сказать, чтоб от этого вырастали крылья. Ты точно знаешь, кто и в какой последовательности будет выступать в «Голубом огоньке», какой фильм выпустят к празднику и чем накроют стол на очередном банкете. В 82-м, конечно, не было интернета и загранпоездок – но за пределами Москвы их нет и в 2005-м. Я помню, как мне в первый раз попала в руки газета Melody Maker, и я просто выл от ужаса, сознавая, что всех прекрасных с виду людей, про которых там написано, от Eurythmics до Cocteau Twins, я, видимо, в жизни не услышу, просто нет такого шанса; так вот, у пятнадцатилетнего жителя какого-нибудь Нижнего Тагила этого шанса, по прошествии беспорядочных и непредсказуемых 90-х, снова нет. Меню составлено, прейскурант утвержден. Так и пойдет, год за годом: очереди, хоккей, банкеты, «Голубой огонек», Олимпийские

Лех Валенса обернулся Юлией Тимошенко

игры. И главное – это тягостное чувство, которое не отпускало даже поздним вечером 10 ноября 1982 года, когда вместо концерта ко Дню милиции по первой программе невесть с какого перепугу запустили «Ленина в Октябре», – что все это навечно, до конца наших дней, что это никогда, никогда не кончится.

Брежнев. Сумерки империи
Сергей Снежкин, Россия, 2005
В ролях Сергей Шакуров, Артур Ваха, Светлана Крючкова, Василий Ланевой, Владимир Меньшов
Первый канал, пн 28 – чт 31 марта

Ответы

Андрей Малахов, телеведущий

Ток-шоу Андрея Малахова «Большая стирка» выходило на Первом канале каждый будний вечер в течение трех лет. Темами для обсуждения одной из самых рейтинговых программ российского телевидения были «Нижнее белье не для меня», «Я родился не в роддоме», «Кто это – мужчина или женщина?» и далее в том же духе. Теперь Малахов на Первом канале ведет каждый будний вечер шоу «Пять вечеров», где он обсуждает проблему подпольных абортов, похищение девушек с целью вступления в брак и приглашает в гости президента Партии девственниц.

№151
от 22 апреля 2005 года
Ольга Уткина
разговаривает
с Андреем Малаховым

– Что с вами происходит сейчас – всем известно. А скажите, кем вы раньше работали, где учились.

– Кому интересно – и так знают, что я 7 лет работал, вел «Доброе утро», до этого 5 лет работал редактором, закадровым корреспондентом. Я на телевидении 15 лет!

– Что вы в таком случае о сегодняшнем телевидении думаете? Кажется, ни одной передачи не осталось, ради которой, скажем, вечером можно домой бежать.

– Не знаю. Я понимаю, что, наверное, я не делаю тот продукт на ТВ, ради которого люди могли бы бежать домой. Но я делаю тот продукт, от которого, если уж люди оказались у экрана в мой тайм-сет, они получают в течение недели: а – что-то интересное, бэ – что-то познавательное, цэ – что-то для ума и дэ – возможность раздумий о том времени, в котором они живут. Мы приглашаем тех, кто интересен моему поколению, кто интересен поколению моих родителей или поколению, там, восемнадцатилетних.

– Передача про человека, который в 30 или сколько там лет решил стать девственником, – это вы называете поводом для раздумий?

– Послушайте! Это, видимо, единственная передача, которую вы видели, когда один раз телевизор включили.

– Это правда. Я его вообще как можно меньше стараюсь смотреть.

– Так вот, а на следующий день мы обсуждали смертную казнь, а на этой же неделе у нас сидел Кашпировский, который не давал интервью последние 15 лет. Или вы считаете, что ситуация с эвтаназией в нашей стране, когда девочки в Волгодонске убивают свою соседку по ее просьбе, потому что она не может двигаться и никто из подъезда к ней не ходит, кроме этих девочек, – это не тема для обсуждения? Вы считаете, что фигуристка Оксана Баюл, которая зарабатывает 2 миллиона долларов в год и является чемпионкой мира, лечится от алкоголизма в клинике Бетти Форд, – это не тема для обсуждения?

– Вас послушать, ваши программы – чуть ли не «Намедни».

– Про «Большую стирку» я даже не хочу вспоминать. Что тут... Это закончилось, и то, что было в моей жизни, уже прошло.

– Жалеете, что занимались «Стиркой»?

– На каком-то этапе это было весело. Это было развлекательное шоу, которое не ставило своей целью заставить задуматься людей. Это был чистый энтертейнмент.

«Я отвечаю за тот тайм-слот, который мне доверен, вот и все!»

– Можете представить, что «Стирку» стал бы вести Парфенов?

– Ну Парфенову, во-первых, уже больше лет. В возрасте 45 лет я никого не могу представить, кто бы этим занимался, кроме Джерри Спрингера («Шоу Джерри Спрингера» – американский аналог «Окон». – *Прим. ред.*), который получал за это просто хорошие деньги. А вообще, если взять «Большую стирку» и сюжеты Леонида Парфенова – это были те же самые сюжеты и те же самые герои, что были в «Стирке» неделей раньше. Что, хотите записи поднимем? Мы же не просто разговаривали с людьми! У меня два высших образования! У нас работают, знаете, серьезные люди, а не дети из ПТУ.

– Вот и я о том же. Вы образованный, неглупый, судя по всему, человек. Так зачем заниматься всей этой ерундой?

– Почему ерунда? Почему мне должно быть стыдно? Все было рассчитано на тот же массовый вкус, выверено. Если у нас сидит бабушка «Тату», которая рисует картины, и мы устраиваем аукцион ее картин – та же бабушка на той же неделе сидит и у Парфенова! Если у нас про людей, которые выиграли миллионы в лотереи, идет сюжет, и у Парфенова тоже! Разница в том, как это упаковать, понимаете? Есть люди, которые ходят в «Седьмой континент» и покупают продукты, а есть, которые покупают на продуктовом рынке, но едят они одно и то же, поверьте мне!

– И вас это устраивает?

– Вы хотите, чтоб я ругал телевидение? А я не буду его ругать! Я не смотрю телевизор. Я отвечаю за тот тайм-слот, который мне доверен, вот и все! И меня Парфенов совершенно не интересует. Из не понимаю, почему в апреле 2005-го я должен обсуждать его! Мне от него ни холодно ни жарко! Я однажды увидел его на улице – он ловил машину, я в это место подъезжал, я отдал ему свою машину. Вот все, что связывает меня с Леней Парфеновым. Он сделал свой выбор.

– Вы тоже. Вы выставляете людей дураками.

– Нет, это вы сейчас пытаетесь выставить меня дураком! Вы пытаетесь прийти ко мне и меня учить! Я так и знал, что все этим закончится. Вы считаете, что вы работаете в журнале, который диктует моду: как вы скажете – так и будет! Ваш журнал скажет что-то только тем клеркам и идиотам, которые не имеют своего собственного мнения о том, что модно. Еще вопросы есть?

– Что вы после «Пяти вечеров» собираетесь делать?

– А вот об этом, я думаю, вы узнаете из других журналов и газет. *Вопросы: Ольга Уткина*

РЕКЛАМА

В ПРОДАЖЕ С 26 МАРТА.
WWW.INTERVIEWRUSSIA.RU
Interview

№154
от 3 июня 2005 года
Елена Егерева
о Денисе Симачеве

Шить не по лжи

Четыре года назад Денису Симачеву первому пришло в голову застолбить за собой русскую тему. С тех пор появились олимпийки «СССР», Путин в розочках и уголовные татуировки на футболках. Теперь ему принадлежит целый корпус газгольдерного завода на «Курской», на него работают 400 человек, а его вещи продаются в более чем 40 магазинах по всему свету – в том числе в Лондоне, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе и Токио. В 2005 году Симачев показал свою самую сильную коллекцию, окончательно убедив всех, что лучше одежду в России не делает никто. Елена Егерева отправилась к нему в студию, чтобы поговорить о моде и любви к Родине. Фотография Максима Балабина

В цеху газгольдерного завода на «Курской», между складом фирмы «Витёк» и заводской столовкой №9, фраером на диване сидит Симачев: руки в ссадинах, усы подковой, вокруг девочки суетятся. Одна белые ботинки принесла, другая малосольные огурцы из ресторана «Белое солнце пустыни». Рядом Брюс Ли метровый на стене, пес Белый и костыли – задрипанные, как у бомжа. «Да вчера грохнулся с мотоцикла – там внизу красный стоит. Что-то с коленом. Было сухо, хорошо – но песочек, не видно его – и сразу вылетает заднее колесо». Симачев позвонил знакомым сноубордистам – у одной девочки только срослась нога. Отдала костыли Денису, сказала: костыли не выбрасывать, потому что дурная примета – костыли должны быть заезженными.

Пришел какой-то парень в татуировках, сказал, что Нью-Йорк – говно и он оттуда сваливает. Симачев с дивана: «Сейчас все из Нью-Йорка валят». Парень сказал: «Два года в Нью-Йорке прожил, десять номеров в записной книжке появилось, в Москве я две недели – сорок телефонов записал». Я тогда спрашиваю: «А Москва не говно?» Симачев: «Москва? Да в Москве все бурлит. Вот этот завод, ему больше ста лет. Таких заводов с круглыми кирпичными газгольдерами – всего два в мире. Один в Голландии, один в Москве. Тут сжигали кокс – получался газ, газ по трубам шел на освещение Тверской». Симачев занял корпус 5а, аренду выбил дармовую. «Здесь склад был – я его напичкал всевозможными людьми: архитекторами, дизайнерами, фотографами. Это наш общий сквот, все друг к другу ходят в шлепанцах». В 5а – модельер Катя Гомнашвили, веб-дизайнер Зоран, два американских фотографа. Катя строит еще и кафе, в других корпусах скоро откроются клуб, галерея. Симачев вообще думает забрать себе всю территорию.

Я думала сначала: фуфло. Сейчас все кинулись открывать галереи и клубы в бывших фабриках и гаражах. Звучит здорово – выглядит так себе: слишком нарочито, что ли, без легкости и небрежности. В 5а были: замшевые сапоги на столе, свадебная казахская юрта, продавленные диваны с дачи, граффити-комиксы по стенам, фикус, барная стойка, майка-алкоголичка в углу, диджейский пульт, стеклянные стены, как в старых пивных, сваленная горкой какая-то мотня на диване и еще миллион раскиданных в беспорядке всяких штук. Какой-то американец бренчал чего-то себе под нос на пианино, швеи в белых халатах строчили, тетя Люба стирала желтой тряпочкой пыль. Люди не выпендривались, а были заняты делом – им в 5а было хорошо.

Симачев сказал: «Налейте мне клюквенного морса – он очень хороший». Симачев без костылей встать не может. Пришла директор Оля, сказала: «Давайте есть плов и беляши, это из «Белого солнца». «От Кейт Мосс есть новости?» – спросила она кого-то по телефону. От Мосс новостей не было. «Мосс начала диджеить, – сказала она. – Мы ее на after-party после показа хотим пригласить». Зазвонил телефон Симачева. «Нет. Да. Нет», – кому-то сухо отрезал он. И мы стали есть беляши.

«А Москва не говно?» – снова спросила я. «Москва – клановый город», – сказал Симачев. «В нем много небольших кланов, и в каждом считают, что они-то и есть Москва. Архитекторы делятся на кланы, художники, владельцы автомобилей и так далее – это все очень закрытые сообщества, и они ничего ни про кого знать не хотят. Вот мы общаемся с вами сейчас и думаем: мы – Москва. И мы должны себя как-то веселить, поэтому мы что-то придумываем для себя два раза в год. Две очень хорошие акции – мы ведь уважаемые люди, мы друг друга уважаем, ценим. И если ты принадлежишь только к одному клану – у тебя в год всего два события. Я катаюсь на сноуборде, на серфе – поэтому я вхож и в этот клан, и еще в несколько других. И вот ты уже перепичкан событиями, историями, делами, связями. Я у них многое забираю».

У Симачева – сверхпроходимость. У остальных в Москве – нахоженные тропы: из своей уютной квартиры все пересаживаются в свой уютный автомобиль – потом офис – потом два-три клуба или два-три ресторана – и две-три квартиры друзей. Тропы не пересекаются, и никто никого к себе не пускает. «Все сейчас сидят по кухням. Сейчас последняя тема – частные вечеринки». Почему все закрылись – непонятно. «Вот у меня здесь в студии фактически клуб для друзей – я их как бы на кухню к себе приглашаю. И не буду же я за то, что у меня из холодильника берут, требовать денег. Я не хочу на них заработать – это важная вещь, такая честность появляется. А в ресторане, кафе, клубе, в любом заведении, где есть коммерческая сторона, – тебя в Москве разводят. Потому что Москва считается городом богатых людей, которых надо разводить». Москва – плохой город, получается.

«Нет, – сказал Симачев. – В Москве все интересно. Я пытался проанализировать: в каком стиле одевается народ России. Представьте: американец, [illegible] зу рисуешь себе картину: футбол[ка], джинсы. Француз. Ну там рубашечка, брючки. А русский – что такое? Мы [его] обсуждали с ребятами и поняли, что русский – это такой тяжелый рок: все черное, черные джинсы, лучше, если кожаные. Куртка черная. Это вообще [все] бые русские – шоферы, грузчики, обе[зья]масса. Стоишь в метро – люди идут, [вся] шло сто человек, и ты понимаешь, что из ста вещей 50 на них идентичные». Метро – ладно, одинаково одеваются даже в клубах: UK Style вперемежку с кондом. «Стараются не отличаться от своего клана. Если я вдруг покажу [что] какой у меня внутренний мир, – [все] же потом замордуют. А так я буду [как] все и потихонечку проживу [свою] жизнь. Это от внутренней несвободы. Когда человек свободен, ему все равно, что о нем подумают, что с ним будет – он спокоен. Большое количество спокойных людей формирует общество красивых людей – они уравновешенные, одеваются в ту одежду, которая сегодня кажется нормальной. А не в ту, которую они должны надеть, потому что иначе их не пустят в какой-то клуб, на работе понизят зарплату, а девушка скажет: ты какой-то выскочка. Думаю, мы еще долго будем за наше детство цепляться, за то, что говорили родители, как они вели себя».

Я похвасталась: «Я могу черт-те в чем [ходить] – мне плевать». Симачев похвастался: «Я могу в шортах в «Галерею» [зайти]». Еще может в «Атриум» – в своем шелковом хохломском пиджаке. «Я с [детства] им студенчеством переборол все [свои] плексы, «Ассой» переборол – панковскими оранжевыми носками, галифе, выбритыми висками. Фриковство в России – подвиг, потому что все показывают на тебя пальцем, давят на тебя. Фриковство очищает».

Пес Белый, лайка, лег на мою ногу и [за]снул. Симачев потер раненую ногу. Я [по]смотрела на его кроссовки пэтэушника. «Секонд, фирма 70-х – какая-то «Дива», даже такую не знаю. Обычно я [ношу] свое ношу, кроме белья и часов, обу[вь] тоже свою». Обувь для Denis Simachev делают двое дядечек за пятьдесят – ру[ч]ники, владеют довоенной техник[ой]. Сначала Симачев нашел шестерых, тр[ое] были сильно пьющие, остальные – ис[чезли]. Одного в ортопедии перекупил, друг[ого] – в Большом театре. Тот, что из те[атра], не потянул: проморгал мастерство на дешевой театральной обуви. «Тала[нт] не пропьешь, а ремесленничество бе[з] ежедневной работы – легко». Запонки, прочие мелочи у Симачева – с «блошки». «Недавно нашел одно место: между Ми[ла]ном и Анконой есть третьеразрядн[ое] шоссе, я по нему езжу на свою фабри[ку]. Туда приезжают почему-то хохлы – пр[одавать]

«А русский – что такое? Мы долго обсуждали с ребятами и поняли, что русский – это такой тяжелый рок: все черное, черные джинсы, лучше, если кожаные»

Этот мужчина – «знаменитый итальянский режиссер Гвидо. Фамилию я забыл»

Сапоги – «настоящие офицерские, для скачек»

Штаны сделаны из павловопосадских платков

Модель – фотограф Егор Заика

«А это – костюм белочки»

На майке – текст гимна СССР и России в последней редакции Сергея Михалкова

«Этот парень с миланского показа – самая дорогая модель в мире»

Тельняшка нарисована на майке. «Пояс – тоже игрушечный»

Костюм «царевича-королевича в семейных трусах Denis Simachev»

Платье сделано под камин с гжельскими изразцами. «Гжель для меня – это хрупкость и фарфоровость»

Кардиган с калошоном, если его снять, превращается в матрешку

На платье нарисована избушка в заснеженном ле... Справа – надпись стразами: «Made in Moscow»

Керамические бусы из шаров, раскрашенных под гжель, хохлому, золото и серебро. «Во время миланского показа все шары побились»

Модель Лиза Соколова – возможно, будущее лицо марки Denis Simachëv

«В 70-х все женщины носили меховые шапки с утра до вечера. У всех была химия, и раз надев шапку, снимать ее уже было нельзя»

«Все очки – винтажные, 70-х годов, куплены в Лондоне на Портобелло»

Черный топик целиком сделан из бумаги. Воротник сложен по правилам оригами

Огромная коса, по Симачеву, – символ русской женственности

возят с Украины кто что нарыл: старые немецкие вещи, пряжки, часы, фотоаппараты трофейные, я много чего у них купил. Стоят в кустах с машинами».

Западные одежные компании отправляют своих работников с поляроидами в Токио, Нью-Йорк и Лондон – щелкать людей на улицах. Западные дизайнеры черпают многое с улиц. На московских улицах, кажется, с поляроидом делать нечего: там или симачевские люди в черном, или девушки с головы до ног в белом. Летом на конечных станциях метро в вагон могут зайти молодые люди с голым торсом и в черных пляжных трусах. В лучшем случае в Москве встречаются какие-то не самые выразительные упражнения на лондонские и токийские темы. На вечеринках тоже ничего интересного – все в одеты в то, что байеры привезли. А они, как и десять лет назад, привозят не то, что сейчас самое яркое, необычное, – то, что точно продастся.

«Да нет же – в Москве на улицах интересно. Я гонялся за многими бомжами – чтобы только посмотреть, что у них спереди. Потому что сзади все было гениально: с оторванными руками, со вставками из вязаных кусочков, брюки заправлены в галоши. Они не задумываются, как и что на них, – поэтому и получается здорово. И в то же время все это очень функционально. Если он под пятый слой что-то подложил – это потому, что на всех четырех верхних у него дырка. Бомжи – лучшие стилисты города Москвы, я считаю». Один из них его спас. «Очень долго мне не давался какой-то рисунок, я пересмотрел кучу книг – ничего не выходит. Вечер уже – мне надо отдавать людям в работу. Я ехал и думал об этом, и вдруг передо мной нарисовалась спина человека – с каким-то орнаментом. Это оказался бомж, который где-то нарыл это старое пальто. Я за ним шел до «Киевской» по всяким переходам – срисовывал узор».

У Литвиновой в «Богине» тоже есть бомжиха. Я, кажется, знаю, с кого она ее срисовала: с одной тетки с Пушкинской площади, у которой всегда целлофановый пакет на голове. Тетку Симачев вроде припоминает, а Литвинову – не смотрел. Поток информации у него ограничен: глянцевые журналы не листает, на недели моды не ходит, телевизор не смотрит. И это, говорит, однозначно его спасает: информацию надо отсечь по максимуму. «Тогда останешься самобытным. Если мне нужно понять, скажем, что сейчас с молодежью, – мне не нужно смотреть месяц MTV. Я спрашиваю: ребят, где сейчас туса? В Infiniti. Иду туда, смотрю на людей – откуда они все это взяли. На них, конечно, в очень большой степени действует MTV, выразитель всего этого R'n'B». В Infiniti у всех молодых людей – джинсы на бедрах, заправленные в высокие кроссовки, прическа, как у Бекхэма, вязаная шапка, напульсник. У девушек – крысиные сумочки под мышкой, открытый загорелый живот, дымчатые очки, шляпы Gucci. «Туда я как раз иду, чтобы понимать, в какую сторону мне нельзя двигаться. Но если бы я весь такой молодежный стал – типа там будущее, наркотики, «Фабрика звезд», – я бы постарался приблизиться к людям из Infiniti, и у меня тоже бы заправленные брюки появились».

«А что я могу сказать миру про Францию, к примеру? Ничего. Запахи на кухне, книги, которые в детстве читал, твой двор, сверстники – из этого все и складывается»

Следующий маршрут – «Пропаганда». «Там бывают фрики, и это всегда интересно. Иногда смотришь и думаешь: ничего себе, а я даже не мог представить, что это можно соединить». «А если в 12 ночи поездить в метро, – гово рит, – то такого нарыть можно! Хотя бы раз в неделю езжу по кольцевой. К тебе в вагон закидывают такие шары: то входят пьяные олигархи, которые там почему-то едут, то какие-то студенты, и ты слушаешь, о чем они говорят, смотришь, какие у них прически». Я говорю: «Как же вы будете ездить теперь в метро, после обложки этого номера?» Симачев с 2000-го не показывается фотографам. У него принципы: ему не нравилось, что в России все знают, как выглядит дизайнер, куда он ходит, с кем дружит – а одежду его никто не знает. Симачев захотел, чтобы было наоборот. Теперь у него – 40 с чем-то магазинов по всему миру, включая Токио, Нью-Йорк, Лос-Анджелес и Лондон, его одежда шьется на тех же фабриках в Италии, что и Ermenegildo Zegna, и Christian Dior. У него 400 человек в подчинении, студии в Москве и Питере, 600 тысяч евро оборота, 6 тысяч проданных вещей в год. Симачев только что сорвал всевозможные похвалы на Неделе высокой моды в Милане, в следующем году у него открывается магазин в Москве. Симачев решил: пора показываться. Один приятель мне сказал: «Жалко твоего Симачева, сейчас вы все его превратите в Машу Цигаль». Я говорю Симачеву: «Будете теперь висеть по всему городу с телевизором Samsung?» Даже Парфенов уже висит. «Да нам уже столько всего предлагали – всякие сигаретные и алкогольные дела. Мы от этого всего отказываемся». А если в метро будут узнавать – будет на Валдай, сказал, ездить. Или на дачу под Ярославль, где бабушки вяжут себе кофты из всего, что под руку попадается, и как бог на душу положит. Симачев потом эти кофты привозит на завод и копирует.

С русской темы он не слезает. «А что я могу сказать миру про Францию, к примеру? Ничего. Чтобы понимать культуру – надо не просто жить в этом месте, а быть ребенком и смотреть на все со стороны: на родителей, на их уклад. Запахи на кухне, книги, которые в детстве читал, твой двор, сверстники – из этого по крупицам все и складывается. И потом в какой-то момент ты понимаешь: это все наше. Мне говорили: ну сделал ты Путина в розочках, олимпийки с СССР. А что потом будешь делать – Касьянова? Но я-то понимаю, какая все это обширная история». У него недавно была майка «Среди нас хлюпиков нет» и сзади написано: «Галянова». «Так Гольяново называют местные братки. СПТУ такое-то, кулак со штангой – все это печаталось на телогрейке и было верхом: ты ходил по району в ней, и все знали, что ты сидишь в качалках, нунчаки там, и что ты бьешь люберов».

Последняя коллекция (та, что была в Милане и будет на показе в Москве 14 июня в Манеже) – про его любимый фильм «Свой среди чужих». «Как для меня то время выглядело в одежде: революционер хватал с генерала или буржуя фрак, надевал на босу ногу штиблеты, мужики надевали на руки и шеи женские украшения, папахи меняли на цилиндры. Люди, которые сейчас себя называют метросексуалами – те, что ярко одеваются, но не педы, – это как раз те самые революционеры. Метросексуалы говорят: вот мы основали новое течение. Но они уже были, и были намного честнее, и выглядели фриковее. Такие безумные сочетания вещей были – притом что мужики всегда оставались мужиками. А это для меня очень важно: я мужскую одежду делаю для мужиков, женскую – для женщин».

Симачев идет к своей мечте: «Чтобы поставили рядом Armani и Пупкина, и все бы сказали – а Пупкин-то лучше. Потому что он – наш. Это как с продуктами поняли недавно, что наши вкуснее, чем голландские, в них консервантов нет. Раньше такого не было, раньше говорили: «Фу, наше, в этих банках, неупакованное». Правильно, а теперь в Москве охотятся за кефиром в стеклянных бутылках. «То же самое, думаю, скоро произойдет с одеждой. Все начнут понимать: зачем мне итальянское с тройной накруткой – лучше куплю дешевое отечественное. А я знаю, что наша одежда вообще может быть лучше».

И Москва тогда не говно? Пес Белый залаял на плов – ему дали.

20 06

афиша
джейк гилленхол
порно
мода
москвичи свой выбор сделали
подмосковье
ROONEY
ликник «афиши» парк «красная пресня» суббота 29 июля 12.00–22.00
лучшие вещи лета
50 людей, которые объяснили мир
музыка
Скарлетт
бек
том уэйтс и еще 76 людей, которых нет на тв
алкоголь

№177
от 19 мая 2006 года
Дмитрий Борисов глазами современников

Эта фотография была сделана в 2001 году, когда Дмитрий Борисов еще работал в сети «ОГИ». Теперь Борисов выглядит немного иначе — но сфотографировать его никак нельзя

Интервью: Ольга Уткина
Фотография: Сергей Леонтьев

Митин журнал

Дмитрий Борисов глазами современников

В конце 90-х Дмитрий Борисов с группой товарищей открыл в Москве «ОГИ», явив городу доселе невиданный жанр интеллигентской распивочной. С тех пор Борисов сам стал довольно важной московской достопримечательностью. На днях к уже имеющимся борисовским заведениям прибавились кафе «Маяк» в здании Театра Маяковского и магазин еды «Жан-Жак» на Никитском бульваре. По этому случаю о Борисове рассказывают его друзья.

Александр Бродский, архитектор:

— Митя один из моих любимых друзей. Он за последние несколько лет сделался очень важной частью московской жизни. Не только потому, что открывает симпатичные и успешные места. Он всегда собирает милых и хороших людей, правильные компании. Все истории, которые случаются с ним, носят алкогольный характер, но это не депрессивно-алкогольные истории, там в самом лучшем оптимистическом ключе все всегда происходит.

Артем Васильев, продюсер:

— У Мити недавно родилась дочка, и мы отмечали это событие недели три. Приезжаем потом в «Апшу», подходит бармен и спрашивает: «А можно из меню снять коктейль «За девочку»? Митя (удивленно): «А что за коктейль такой, он разве был вообще?» Бармен отвечает: «Ну да, вы сами приезжали и попросили в меню внести новый коктейль «За девочку». «И что же туда входит?» — интересуется Борисов. Бармен: «Водка и Evian».

Дмитрий Ямпольский, ресторатор:

— Как-то уехал я в Исландию, а Митя исчез, его искали, два дня найти не могли. Оказалось, он надел мой самый дорогой костюм, взял денег, поехал в Питер, пошел в порт и стал договариваться, чтоб какой-то корабль в Исландию поплыл. Долго разводил капитана, говорил: «Да ты не морской волк, ты лох!» Ему говорят: «Тут другое море вообще!» А он: «Ничего, доплывем!» Так, конечно, и не поплыл никуда.

Леся Поташинская, актриса:

— Как-то мы вчетвером в компании Мити хорошо посидели, отправились уже ночью гулять, и тут вдруг Митя углядел поливальную машину и решил ее арендовать на ночь. И вот мы с этим поливальщиком впятером в кабине до утра катались и поливали Москву. Очень здорово было.

Илья Хржановский, кинорежиссер:

— Когда-то много лет назад, еще в «ОГИ», я познакомил его с Борисом Юхананом, и Митя с Борей заспорили, кто знает больше стихов. Игра была такая: Боря называл автора, Митя километрами читал стихи, а Боря с этими стихами импровизировал. И так до позднего утра они наперебой читали стихи. Вторая история была на банкете по поводу премии «Ника», где Борисов и я оказались за одним столом с таким Карстеном — продюсером «Русского ковчега» Сокурова с немецкой стороны. И этот Карстен, наивный, прекрасный человек, не очень много говорящий по-русски, сказал, что русские не очень-то умеют пить водку правильно. Дальше в течение двух дней его не мог найти никто. Митя сказал: «Ну тогда нам нужно поучиться». Звонили из посольства, из гостиницы, Карстен должен был улететь на следующий день, но очнулся только через два дня. Так Митя укрепил связи Карстена с русской культурой.

Севыч, музыкант:

— Как-то Митя у нас в Питере выпивал в одном китайском ресторане, под утро сильно подружился с охранником и начал читать ему Бродского. Охранник дико проникся. И в итоге в шесть утра Борисов извлек из кармана томик Бродского, открыл и на первой странице написал: «Коле — от автора».

Лаврентий Бруни, художник:

— У нас с Митькой вот какая история была. Помните Крышу? Они сняли помещение на Садовом кольце, и там был стометровый балкон, на котором все собирались. Митя попросил у меня мои работы, и я им украсил все помещения двухметрового размера полотнами с обнаженными девушками. А они как раз искали секретаря и взяли на работу девочку из моих моделей. Посадили ее в кабинет, где был стол, компьютер, а прямо у нее за спиной — картина, где она была два метра ростом и совершенно обнаженная. Посетители, конечно, с ума сходили.

Георгий Тотибадзе, художник:

— Как-то мы с моим братом и Митей решили поехать с семьями на Азовское море, в Кучугуры. В итоге вместе с подругами жен набралось четверо женщин и десять детей. Мы с братом в последний момент поехать не смогли, а Митя приехал на вокзал пьяный, не разобрался и поехал отдыхать с четырьмя женщинами и десятью детьми. Сначала пытался закрыться в купе, потом протрезвел и смирился. До сих пор вынашивает план мести.

Маша, ресторатор, сестра:

— В голодные 90-е годы Митя, будучи 14-летним подростком, поехал в Питер. В Москве продуктов не было, семья у нас была многодетная, и Мите было поручено купить в Питере яйца. Никто не знал, что он едет автостопом, ему были выданы деньги на поезд, которые он, конечно же, потратил. И вот ночью звонок из милиции, куда он загремел на обратной дороге. Мы долго объясняли, что он не бомж, едет к маме. Через двое суток в 7 утра — звонок в дверь. На пороге Митя, весь грязный, мокрый. В руках у него бумажная упаковка на сто яиц, и в ней — ни одного целого яйца. Мы, конечно, его даже не ругали.

Катя Метелица, писательница:

— Борисов очень любит врать про себя всякие истории, постоянно этим занимается. И у него есть несколько любимых — про то, как он снимался в «Ералаше». Хотя его там парадоксальным образом не снимали ни разу. Он этими историями восстанавливал историческую справедливость отчасти. И вот он однажды начал каким-то свежим людям рассказывать про «Ералаш», а его подруга Карина Кабанова спокойно так говорит: «Это Митя сейчас врет». У Борисова лицо стало, как у малыша, когда его по голове стукнут, леденец отнимут и еще скажут, что Бога нет. Никогда не забуду, правда.

№178
от 2 июня 2006 года
Алексей Васильев
беседует с Ренатой
Литвиновой

Интервью: Алексей Васильев
Фотография: Иван Пустовалов

С любовью и всякой мерзостью

Рената Литвинова про фильм Алексей Балабанова «Мне не больно»

В новом фильме Алексея Балабанова «Мне не больно» молодой человек влюбляется в женщину, которая не работает, живет без гроша в кармане в роскошной питерской квартире с видеонаблюдением и окнами на канал, ходит по дому в атласных платьях, а по улице — с матрасом, питается икрой, похищенной со светских раутов, и спит в обнимку с Никитой Михалковым. За этим взбалмошным образом жизни, оказывается, скрыта страшная тайна, а за фасадом постановки брутальной сельяновской студии СТВ — старая как мир мелодрама.

— Я всегда думал, что «серо-буро-малиновое» — это фигуральное выражение, но именно такого цвета оказалось «гнездо» на вашей голове в этом фильме. Как вы согласились?

— Я, в принципе, не питала никакой надежды относительно своего внешнего вида в этом фильме, потому что ясно же, что Леша (Балабанов. — *Прим. ред.*) понимает под красотой. Я все время настаивала на том, что он в лице моей героини какую-то свою мечту слепил; у меня тогда были короткие волосы, по-моему, мне шло, я думала, они меня так и будут снимать. А сделали какую-то… а-ля Кидман. Я была в горе.

— А что же вы не покачали права?

— Либо надо было соглашаться в данное путешествие идти, либо нет. Потом я подумала: «Я же режиссер! А ну-ка у меня какая-нибудь актриса начнет выпендриваться? Я ее, конечно, приструню». В данном случае надо проявлять смиренность. Обычно я снимаюсь в своей одежде — здесь мне не дали: мы вместе с художником по костюмам ходили по магазинам и прикупали. Не скрою, некоторые костюмы я забрала себе: это мой первый фильм, где я воспользовалась какими-то льготами, которые связывают с положением звезды. Но все равно они на мне все время экономили: «Ну-у, она же бедная, ну-у-у, Рена-а-ат, нельзя же ей покупать что-то совсем красивое!»

— Был ли у вас, кроме известной симпатии к Балабанову, иной стимул играть эту роль?

— Да что-то я, собственно, и не рассчитывала в данный период работать артисткой, тем более что у меня полно сейчас своих личных подробностей: ребенок и все такое прочее. А это нужно было уехать на два месяца в Петербург, там жить и сниматься. Я, правда, в этот раз жила в очень любимой гостинице «Астория» с окнами на собор, а не в какой-нибудь из жутких дыр, куда обычно засовывают кинематографических людей. Но все равно, если был съемочный блок больше чем в три дня, я начинала уходить в глубокую грусть. Это город не для радости. Я там в парализацию вхожу, начинаю тосковать и склонна не видеть просвета. Он, конечно, последний центр красоты на нашей родине — пока его не реставрировали, не исковеркали, не посносили. Но такое чувство, что однажды его все-таки затопит водой.

— И пьют там как-то по-другому — до омерзения. Вот я смотрел сцену пикника, или пьянки, в доме у Маковецкого в этом фильме, и вот объясните: мы пьем не меньше, а только хи-хи ха-ха. Что ж у них выходит так брезгливо, до ползанья, до полной остановки сердца?

— Это к Леше: мне кажется, ему не нравится снимать фильмы, где нет мерзотных моментов. Меня раньше Кира распекала за нелюбовь к таким моментам: «Я всегда люблю, чтобы была в бочке меда ложка дегтя. А вот вы вот не такая, у вас все мед, мед!» Это у нас был проект лет семь назад, который распался, «Злая Фаина, добрая Фаина», — она тогда не компромиссничала. Мы даже несколько лет не перезванивались. Зато теперь мы с ней — душа в душу. Как весело мы снимали этой зимой в Одессе: я со сломанной рукой, черт-те как одетая, а-ля Кабирия или «Шербурские зонтики», только в провинциальном украинском варианте, с челочкой и без каблуков.

— С Никитой Сергеевичем, судя по вашему смачному дуэту в «Мне не больно», вы тоже — душа в душу?

— Он такой трогательный, такой беззащитный, такой перфекционист, мне кажется. Как он репетирует, просит еще один дубль, входит в состояние… Я даже притихла.

— Одна актриса вашего примерно поколения, работавшая с Михалковым, тоже им восхищалась, но призналась, что он — самоигральная вещь, театр одного актера и дуэт с ним невозможен.

— С Михалковым?! Очень с ним комфортно! С ним нет неловкости, какая у меня обычно присутствует в более-менее интимных сценах; с Никитой Сергеичем я старалась, я была в пиететe, не хотелось ударить в грязь лицом, ну что-то такое. И не было у меня того, что вам ваша актриса сказала. Он всегда играет дуэтом, если он нужен, этот дуэт; он же не может быть столь прост, чтобы кого-то заслонять, перетягивать на себя.

— А когда артист Яценко вас в попу целует…

— Ну как — в попу?!

— Через комбинацию, но в попу.

— Не в попу!.. В нижнюю часть спины…

— Эта часть спины имеет отдельное название.

— Ладно вам! Я вас попрошу, я в таких моментах должна быть морально устойчива! И к тому же эти его действия были неожиданны для меня. У меня вообще протест против интимности в кино, мне не нравятся поцелуи и особенно эти вот дрыганья, на черта это надо? Ну если это не определенного жанра зрелище, конечно.

— Давайте тогда о другом определенного жанра зрелище поговорим. Я не пойму, эта мамина мелодрама: он полюбил женщину, глотающую жизнь залпом, а за этой спешкой любить и жаждой жизни скрывалась смертельная болезнь — как она вообще залетела в наши дни, да еще через этих мужланов от кино, Балабанова с Сельяновым?

— Сценарий написан не Балабановым, и достаточно давно написан — это же видно. Эта история лет 15 назад могла случиться, ну 10, когда еще только начинался вот этот… капитализм, да? Когда нельзя было заработать, селились по каким-то сквотам, таскались по открытиям галерей, чтобы хоть что-нибудь съесть и выпить… По-своему хорошее время, когда можно было пойти поворовать: нет ни денег, ни еды, никакой работы; я тогда только закончила ВГИК и все это прошла тоже. То время не предвещало ничего, кроме того, что станет еще хуже. И мне кажется, у Леши Балабанова в этом времени осталось какое-то счастье, он в это время, видимо, любил, и именно его он все эти годы живописует. Если он олицетворяет какие-то годы, то именно 80-е. Он меня всегда поражал своей блаженностью — в красивом смысле слова. В этой своей раздряпанной шапке, которой лет 70, вечно он то теряется, то меня не узнает, не берет гонорары за сценарии — просто дарит их. Нет таких балабановых теперь, он один такой. Иногда у него только 1000 рублей в кармане, и он не думает, что ему на что-то не хватит. В наше время, когда все только и хотят заработать в кино денег, он говорит, что не пролезет в игольное ушко. Или вот: «Пожарили картошку, и уже это одно — счастье». Или: «Приезжайте ко мне в Петербург, у меня там так много комнат!»

— Неужели он не получает дивиденды с переизданий и телетрансляций «Братьев»?

— Я не знаю, существуют эти дивиденды или нет, но они точно не попадают в его руки. Да они ему и не нужны, как я могла понять из всей его философии. Не нужны ему одежды, не нужны ему новые шапки, путешествия на острова, не нужно ему открывать свои рестораны. Нужна, наверное, только любовь и, я не знаю, пожарить там картошки. Я думаю: может, он опять какую-то новую моду задаст, будут все, как он, — в таких шерстяных шапках ходить и презирать деньги. С такой искренностью не ценить деньги, отпихивать их от себя, отрицать, почти сражаться с ними — это его отдельный балабановский талант, который очаровывает иной раз сильней, чем его режиссерский.

— А если вернуться к мелодрамам про любовь к смертельно больной…

— Мне из детства больше всего запомнился фильм Билли Уайлдера, который назывался женским именем… Ну вспоминайте, вы кинокритик!

— «Федора»? Но она там не болела.

— Ну как же! Он гладит ее по голове, и у него на ладони остаются ее волосы, и так он догадывается, что у нее рак, — я на всю жизнь запомнила!

— Вы путаете с «Жизнью взаймы», тоже с Мартой Келлер. Это не Уайлдер, это Сидни Поллак.

— Видите, я немножко более дикая, чем вы, в силу своей профессии. Как я могла не вспомнить? Мне эта героиня врезалась в память тем недоумением, которое она все время вызывала у Аль Пачино. Он постоянно обескуражен ею: она неуловимая, все куда-то исчезает, болтает с уличными торговцами, как со старыми знакомыми, — он не может ее уловить, вплоть до того, что ей даже погладить нельзя голову, — волосы на руке останутся.

— Еще была испанская мелодрама «Долгое возвращение»…

— Стойте, я помню: он замораживает ее в герметической камере, пока врачи не найдут лекарство. А когда размораживает — она молодая, а он старик.

— И как же эти мужчины за своими возлюбленными больными ухаживали! Пачино катает на воздушном шаре, Бернс замораживает… А ваш что? Тащит под дождем на День десантника в какую-то зябкую палатку, где все напиваются до качаний…

— Так вы что, не понимаете? В этом же весь Леша! Если б он не сводил ее на День десантника… Нет такой цели — ее экономить, чтоб она жила дольше, чем ей положено. Потому что такая мечта должна жить очень короткое время. Буквально как бабочка. Чтобы не успеть ничего в ней разглядеть негативного. Чтоб не успела раздражить.

«Мне не больно», Алексей Балабанов, Россия, 2006

Рецензию и расписание сеансов см. в рубрике «Кино»

Степан, 21 год, официант
«Это очень старый гриб — мой ровесник, вот почему он такой толстый. Один раз мы его на даче на месяц забыли — он обиделся и заплесневел, но мы его все равно вылечили»

Андрей, 19 лет, медик
«Нам бабушка этот гриб привезла. Раньше мы из него чай пили, а теперь он нам надоел и мы собаке даем его пить: у нее шерсть лучше становится»

№89 («Афиша–Петербург») от 10 ноября 2006 года
Люди с чайным грибом

Неели, 21 год, секретарь
«Гриб у нас живет, сколько я себя помню. Несмотря на все переезды — жив. Правда, пьет его только мама — все остальные его боятся»

Диана, 16 лет, школьница
«Водку в нашей семье никто чайным грибом не запивает. А вот как только у меня желудок заболит, я сразу к грибу обращаюсь: таблетки мне не помогают»

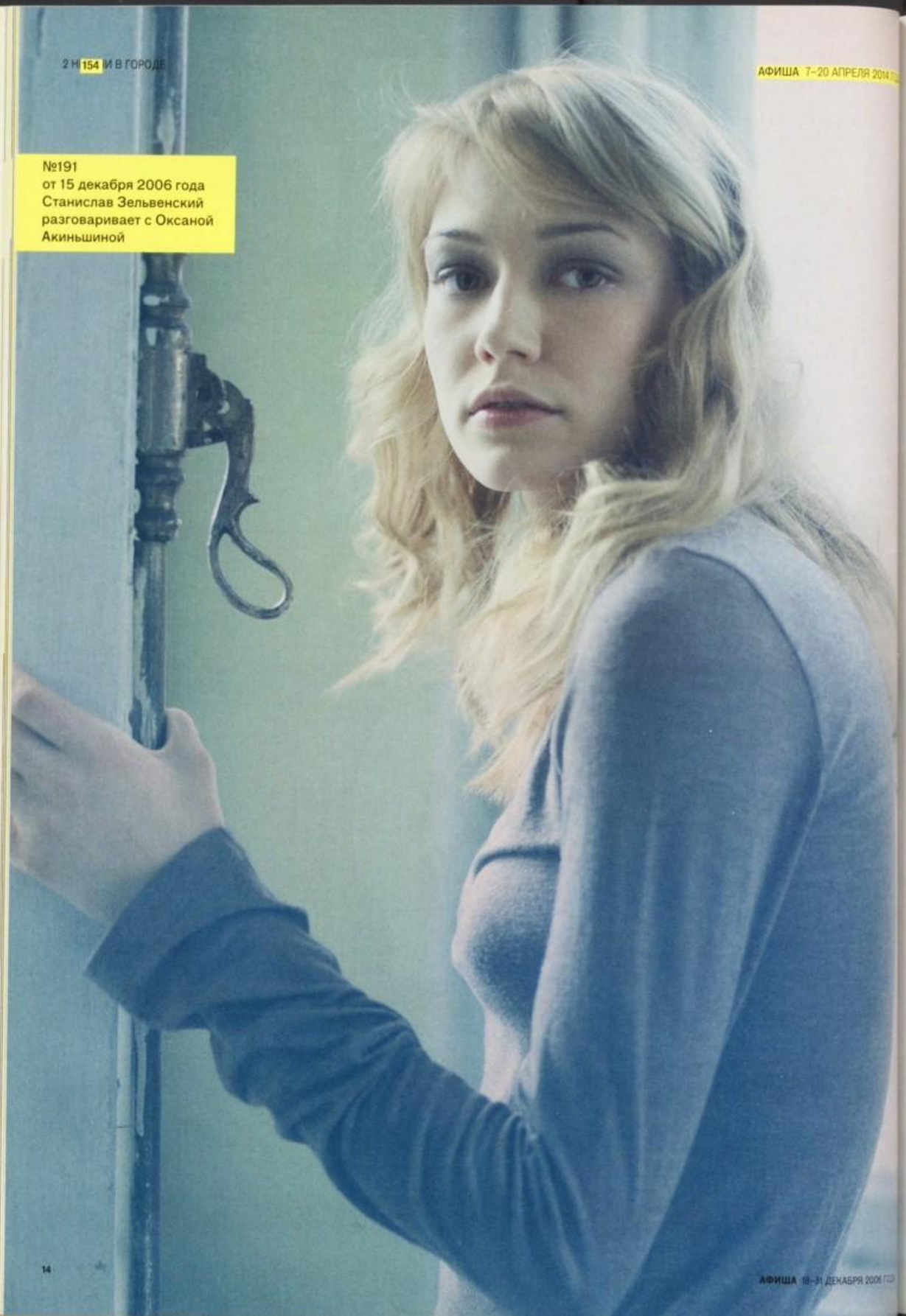
Артур, 22 года, студент
«У нас есть соседи из Рязанской области, мы к ним недавно зашли в гости, и я решил себе отросток грибка взять. Хорошо — напиток, который сам себя делает!»

Наташа, 22 года, помощник директора
«На самом деле это гриб моей сестры. Она считает, что это полезно для общего состояния организма. Но он очень уж сильно воняет, и я не рискую его пить — только ухаживаю»

ЛЮДИ ВЛАДЕЛЬЦЫ ЧАЙНЫХ ГРИБОВ У СЕБЯ ДОМА 03.11.2006

Вопросы: Ольга Уткина
Фотографии: Дмитрий Шубин

№191
от 15 декабря 2006 года
Станислав Зельвенский
разговаривает с Оксаной
Акиньшиной



Оксана Акиньшина едва ли не единственная русская актриса, из появившихся за последние годы, похожая на живого человека

Интервью: Станислав Зельвенский
Фотограф: Аня Чибисова

Агент 0.7

Оксана Акиньшина играет в «Волкодаве»

19-летняя Оксана Акиньшина редко снимается в кино, а в жизни ведет себя вызывающе — каким-то чудом оставаясь при этом безусловной звездой. С 28 декабря эту волшебную девушку можно увидеть в фэнтези Николая Лебедева «Волкодав».

— А ты «Волкодав» уже посмотрела?

— Ничего не видела, ни кусочка, видела только рекламу, которую по телевизору показывают. И афишу.

— Это ж как-то все бесконечно продолжалось?

— Ну да, долго очень. Я так понимаю, там какую-то компьютерную графику делали. А я как ушла со съемочной площадки — сколько, ну года два или два с половиной даже — и все.

— А Лебедев — он приятный?

— Нет.

— Жесткий?

— Нет.

— А ты там такая Василиса Прекрасная?

— Да, прекрасная. Принцесса... Ну там такая фантастическая история: есть я, есть Волкодав, который меня бесконечно спасает, ну у меня, естественно, волшебная кровь...

— Волшебная кровь?

— Ну да, если она там капнет, всему миру будет хорошо... Точнее, плохо. Ну естественно, все пытаются меня украсть. Одновременно с этим — любовь...

— А Волкодав — он же такой в летах мужчина.

— Да нет, ему лет тридцать, он молодой парень.

— Это на «Властелина Колец» должно было быть похоже?

— Должно, но сейчас это уже будет ни на что не похоже, мне так кажется. Потому что уже очень поздно. Вышли какие-то фэнтези наши, какая-то «Ведьма» — если бы выпустили хотя бы два года назад...

— А ты читала?

— «Волкодава»? Нет, конечно. В детстве, может, читала что-то такое...

— Ну ладно. А почему у тебя в фильме «Обратный отсчет» парик такой?

— Я не знаю. *(Смеется.)* Ну отстаньте от меня с этим вопросом, не я же гример этого фильма! Ну так решили, сначала показалось, что это будет нормально, потом выяснилось — иначе. Ну не переснимать же было полфильма. Все задают этот роковой вопрос...

— А за последние пару лет ты, получается, только в «Отсчете» снялась?

— Ну почему, я еще в Испании снималась, в фильме «Moscow Zero». Он уже вышел.

— У нас не выходил. А про что?

— Ну там какая-то фигня, я не помню, по-английски, я не знаю. Короче, они идут там по подземельям, разыскивают какие-то магические штуки, ну и я их сопровождаю как русская какая-то...

— Так, а почему так мало ролей?

— Ничего не нравится. Плохие сценарии, плохие режиссеры. Не хочется в каком-то говне сниматься. У нас в год один, ну максимум два стоящих проекта.

— А что тебе понравилось?

— Из сценариев? «Герой нашего времени» вот, «Княжна Мери».

— Это сериал Котта?

— Нет-нет, это будет фильм, режиссер — Олег Иванович Янковский.

— И ты княжна Мери?

— Ну да.

— А Печорин кто?

— Олег Иванович Янковский.

— Печорин — Янковский? Это какой-то постмодернистский проект?

— Да нет, почему... Там пока ничего не известно.

— А почему ты никогда в комедиях не играешь?

— Мне кажется, у меня не получится просто. Я не понимаю, как это делать. Я не понимаю юмора в сценарии.

— Я тебя по телевизору вообще никогда не видел.

— А я туда не хожу. Даю, конечно, интервью иногда, но они не такие, как дает там Мерзликин, или Леша Чадов, или Федя Бондарчук.

— А ты с ними дружишь?

— Нет, вообще ни с кем. Я не хочу жить такой жизнью. Мне это неинтересно. Мне это противно.

— А тебя зовут во всякие «Звезды на льду»?

— Звали, да.

— В первые или во вторые?

— Ой, слушай, я не помню. Ну они прислали предложение, я говорю: «Нет, спасибо». Я смотрела — ну это такая «Фабрика звезд». Либо ты снимаешься в этой программе, либо ты не нужен никому.

— Ну ладно, ты не снимаешься, а что ты делаешь?

— Домом занимаюсь, семьей. *(Смеется.)*

— Ну а разве кино не самое главное?

— Для меня нет. Если найдется куда, я легко уйду. Карьера — источник заработка, это не моя жизнь. Не то что я это ненавижу, но это не моя жизнь.

— А вы со Шнуровым куда-нибудь переехать не хотите?

— В Москву нет. А за границу... Ну знаешь, я всегда думала — нет, нет, нет, но вообще, если что-то заставит это сделать, то я не против.

— Кровавый режим?

— Ну например. А вообще, знаешь, мы ни разу в жизни никуда не ездили отдыхать. Один раз были в Риге, случайно. А так — он ездит на гастроли, я снимаюсь, а чтобы одновременно... Ну а как ты представляешь: чтобы в Египет, что ли, поехали отдыхать? Или в Париж — по улицам походить? Я уже походила... Я раньше много ездила, сейчас меньше. Не могу больше двух-трех дней. Три — максимум.

— Не учишься?

— Буду поступать. На культурологию, в Герцена.

— А почему вдруг на культурологию?

— Ну а куда? Придумай мне вариант, может, я его рассмотрю... Буду иметь разносторонние знания. Мне ж не надо, чтобы там...

— Ну ты ж наверняка не будешь туда ходить.

— Да. *(Смеется.)*

— А пьешь что?

— Портвейн пью.

— Крымский?

— Нет, обычный, порто.

— И сколько выпить можешь?

— Ой много. Ну сколько может выпить девушка моей комплекции? Пол-литра, ноль семь могу легко!

— Портвейна?

— Да нет, ну чего портвейн, портвейн — как вино. Я имею в виду коньяка.

— А тебя ГАИ останавливает?

— Вот недавно пьяные ехали, за нами гналась милиция. Очень-очень пьяные. Нам повезло, что мы просто ничего не понимали. Я кричала: «Мужчина! Возьмите денег, мужчина!» Ну взяли пятьсот долларов... Сережа бегал там вокруг: «Бу... Бу...»

— А он тоже был? Я думал, его не штрафуют.

— Да перестань, ты что. Это же живая приманка. Денег-то все хотят. Но вообще респект милиции — они всегда меня прощают.

— Узнают?

— Да. Ну мучить обычно начинают: как дела, семейное положение? «Едьте прямо... Ну чего, три часа будем писать рапорт? Сергеевна, едьте прямо».

— Давай тогда про Путина поговорим.

— Ну а чего, есть он и есть.

— Но противный ведь?

— Отвратительный. Но скоро это закончится.

— Да может, он еще двадцать лет будет.

— Ну перестань. Слишком они отважно начали провожать его. Я думаю, сейчас кризис и е...нет, точно. Слишком все сладко начали жить. Посмотри, сколько народу в кафе в субботу. Раньше ж такого не было. Поэтому надо обязательно, чтобы...

— Рвануло?

— Конечно. Ты видел, что по телевизору показывают последнее время? Ты посмотри, это ж вообще.

— А ты много смотришь?

— Все, да. От «Программы максимум» до...

— До «Чрезвычайного происшествия»?

— Ага. Страшно. Главное — туда не попасть.

— Революция, в общем?

— Я думаю, да. Ну может, не супер, но вообще должна быть, конечно.

— И кто ее возглавит?

— Пока не знаю. Ну может быть, Медведев.

— Медведев? Да ладно!

— Ну не знаю тогда. Может быть, Сурков... Ты посмотри, что они с народом делают. Вопрос, останется ли это правление или кого-то нового поставят.

— Шнуров, мне кажется, мог бы возглавить...

— Серега? Да перестань, я не отдам его. *(Смеется.)* Серега мог бы... Но думаю, сейчас уже нет. Зачем ему это надо?

«Волкодав», Николай Лебедев, Россия, 2006

См. рецензию и расписание в рубрике «Кино»

R°MEDIA

ОТКРЫЛАСЬ НОВАЯ ЗОНА

1-Я ТВЕРСКАЯ ЯМСКАЯ Д. 10
ВХОД С УЛ. 2-Я ТВЕРСКАЯ ЯМСКАЯ

1 — R° Медиа
2 — Республика
3 — Кафе с собой

РЕКЛАМА.

20 07

вторая жизнь
быстрые сны
солдаты warcraft

все вкусное в москве
секс в аварийной
дешевые парикмахеры
эмо-кидс и подонцы

КИТАЙЦЫ
ПИПИЛОТТИ РИСТ
МЭТЬЮ БАРНИ

ЖЕЛТЫЙ НОМЕР
ТИМАТИ О ТРЕХ СТВОЛАХ

фотомонтаж

мультфильмы для взрослых

«винзавод»
искусство
переживает

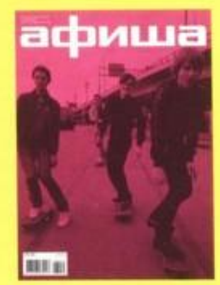
агния кузнецова

брюс уиллис

мумий тролль

пикник «афиши»
28 июля
лужники
12.00–22.00
билет на пикник

новые пираты
и бесплатное кино
через торрент-сети



Radiohead

ЮНОСТЬ

ЕСТЬ ЛИ БОГ/
ПОЧЕМУ ЛЮДИ УМИРАЮТ/
ПОЧЕМУ ДЕНЬГИ ПРАВЯТСЯ ВСЕМ

Что делать после 31 декабря

№202
от 1 июня 2007 года
Роман Волобуев и Станислав Зельвенский о Каннском фестивале

Текст: Роман Волобуев, Станислав Зельвенский

Каннские львы

Обозреватели рубрики «Кино» Роман Волобуев и Станислав Зельвенский в течение 12 дней смотрели фильмы 60-го Каннского кинофестиваля и писали о них в блог на afisha.ru. «Афиша» публикует избранные посты

иранские критики

иранские критики

Май 16th, 2007, Волобуев

Из каких-то нонконформистских соображений я никогда раньше не был в Каннах, поэтому мне тут все смешно. Дико много критиков из Ирана, притом иранские критики ходят строго парами — молодой и старый. Молодой носит за старым каталоги, расписания и лэптоп, потом они присаживаются куда-нибудь и старый диктует молодому заметки. Очень разумная система отношений, по-моему.

my blueberry nights

вонг

Май 17th, 2007, Волобуев

Кар Вая первый где-то час смотришь в полном ужасе. Ощущение, что человека, который всю жизнь делал воздушных змеев, посадили главным конструктом в КБ «Сухой», и он там сделал, в общем, ну тоже змея, но только из жести и с заклепками. Сидишь, думаешь, куда бы спрятаться, а через какие-то 60 минут появляется Натали Портман, которая тут типа такая Домино Харви, и на фиг рвет экран на тысячу маленьких медвежат. То есть так круто — даже вся первая половина каким-то концептуальным ходом начинает казаться.

изгнание

звягинцев, хлебница, «меченосец»

Май 17th, 2007, Волобуев

«Изгнание» страшно похоже на «Меченосца» — и, видимо, так же выигрывает, если не знать русского: все эти «я заберу моих детей» и «я погубил мою жену».

Вообще, это всегда страшно: когда смотришь, у тебя сводит челюсти, а англичане с китайцами выходят с просветленными лицами, начинаешь сразу задумываться, а вдруг Вонг ну или Пак Чан Вук так же лажают с языком и реалиями. Дико было бы обидно, если так.

«Изгнание»

Еще эта любовь мастера к ультрамарину — понятно, что это последнее дело указывать художнику, какой ему цвет любить, но у него на первом плане вечные вопросы и эти, как их, библейские аллюзии косяком, а сзади стоит такая лазурная хлебница, что ни о чем, кроме нее, думать нельзя. Я читал где-то, как тот же Финчер, когда в «Зодиаке» реконструировал 70-е, у него целая команда искала все эти приемники, выключатели, телефоны дисковые — а он потом каждый съемочный день отсматривал материал, и если в кадре оказывался, скажем, слишком красный телефон или какая-нибудь машина красивая слишком, он тогда эту сцену на следующий день переснимал. Живо себе представляю — Звягинцев смотрит на монитор, а потом с больным в голосе командует ассистенту: «Уберите хлебницу». И отворачивается, чтоб съемочная группа не видела его слез.

румыны

мунджу, лоза, «груз 200»

Май 18th, 2007, Волобуев

Все сходят с ума по румыну Мунджу — или как он правильно произносится.

Фильм называется «Четыре месяца, три недели, два дня» («4 luni, 3 saptamini si 2 zile») — про то, как студентки в восемьдесят каком-то году делают нелегальный аборт. Это часть какого-то румынского нацпроекта, цель которого — напомнить румынам, что такое коммунизм. Но фильм действительно мощный — и по сверхзадаче очень похож на балабановский «Груз 200», который здешним отборщикам, кажется, показывали и который им не понравился. Тоже 80-е, те же серо-зеленые цвета,

в конце практически Юрий Лоза играет, и центровая метафора коммунистического строя как изнасилования — причем такого, когда в живого человека тыкают даже не х...м, а каким-то неодушевленным, не предназначенным для этого предметом.

что-то смешное

лора дерн, кино 90-х, коэны

Май 20th, 2007, Волобуев

Главное удовольствие — по-прежнему кино 90-х ночью на море. То есть набережная, люди с детьми гуляют — а над ними на все побережье Лора Дерн говорит: «Fuck me» или голый Кайтел бегает (вчера показывали «Пианино»). Как-то отчетливо понимаешь, что несмотря на все эти корейские новые волны и прочие радости, самые главные фильмы для нас уже сделали, а то, чем их делают, сняли с производства.

Не знаю, что там сняли Коэны, — мне почему-то неинтересно. Вон, в общем, из профессии.

и еще

кончаловский, шубы

Май 20th, 2007, Волобуев

Перед единственным в Каннах магазином меховых шуб (не спрашивайте только, что я там делал) стоит А.С.Кончаловский и медленно поворачивается вокруг своей оси.

зайдль

зайдль, донецкая мафия

Май 21st, 2007, Волобуев

В новом фильме Ульриха Зайдля «Импорт/Экспорт», который тут в конкурсе, действие на треть происходит в Восточной Украине, треть в Западной и треть — в австрийском доме престарелых. В главных ролях русская медсестра и австрийский, если я ничего не путаю, грузчик; больше половины стариков, которые играют в кусках про дом престарелых, умерли во время постпродакшен: Зайдль полтора года монтировал, а они там совсем старенькие. Поразительны в этой связи две вещи. Во-первых, со всего это кошмара вылетаешь как на крыльях. Во-вторых, Зайдль (как и Мудиссон какой-нибудь) когда изображает постсоветские реалии, даже в плане интонаций и выражений лиц у героев лажает раз в 10 реже, чем собственно постсоветские режиссеры. То есть понятно, что он документалист и все снимал на местах — и его чуть донецкая мафия не убила за такое синема-верите, но фильм-то все-таки игровой, говорят по написанному, а в сто раз больше похоже на правду, чем даже то, что «Кинотеатр.doc» делает, не говоря уже о всяком русском артхаусе.

«Импорт/Экспорт»

параноид-парк

ван сэнт, ларри кларк

Май 21st, 2007, Волобуев

Ван Сэнту, по-хорошему, давно должны были запретить приближаться к школам — а то он уже, как Ларри Кларк, начал про скейтеров снимать. А это, как известно, последняя стадия: после скейтеров кинематографисты начинают уже банально штаны на детской площадке расстегивать.

Держа все это в уме — фильм совершенно замечательный. Такой третий лишний к «Джерри» и «Слону», притом (хотя опять про мальчиков и убийство) без самоповторов. Очень нежные фокусы со временем, совершенно очаровательные женоненавистнические детали — там у героя подружка все хочет потерять невинность, а потеряв, бежит к телефону: «Oh, we totally did it».

У Ван Сэнта последнее время каждый новый фильм похож не на «фильм Гаса Ван Сэнта», а на чей-то очень удачный дебют. Откуда такая свежесть взгляда, притом что он по одним и тем же темам ездит, совершенно непонятно.

my blueberry nights

памела андерсон, пукающая черепашка, фон триер

Май 21st, 2007, Зельвенский

Поланский ушел с пресс-конференции — и не просто так, а сказал: «Какие-то вы все тупые тут, я лучше похаваю пойду». Посетил показ фильма «Blonde and Blonder» с Памелой Андерсон («Блонда и еще блондее»?). Интересная работа. Памела и Дениз Ричардс играют двух дур-подружек, главная шутка в том, что они все время одинаково одеваются. Ну еще там есть пукающая черепашка — и все такое.

Поскольку тут вчера отмечали каннский ДР, вечером показывали сборник трехминутных фильмиков, который сняли к фестивалю разные великие (плюс — по разнарядке — пошляки типа Амоса Гитая). Ну вот, и поскольку этот фильм вряд ли будет широко показываться, я вам перескажу новеллу фон Триера. Кинотеатр, значит.

Идет «Мандерлай». Сидит Триер в идиотском парике, и рядом с ним какой-то чувак смотрят. В какой-то момент чуваку становится скучно, и он начинает приставать к Трие ру с разными дурацкими ремарками: «У меня восемь машин, я очень богатый кожей занимаюсь» — ну и т.д. Триер кривится, но кивает. Это продолжается, ну и ко конец чувак спрашивает: «А вы-то чем занимаетесь?» Триер смотрит на него, держит мхатовскую паузу и говорит: «I kill!!» Достает молоток и секунд пятнадцать молотит чувака по голове, превращая ее в кашицу. Такие дела.

death proof

Май 21st, 2007, Волобуев

тарантино, морские свинки

Смотрел нового Квентина, наверное, в самых идеальных для такого фильма условиях: сидя на полу между двумя потными чирлидершами из какой-то шведской, кажется, периодики, которые задирали коленки и хрюкали от счастья, как морские свинки. То есть все условия были созданы, жаловаться не на что и винить некого, кроме самого себя, — не вставляет.

«Доказательство смерти»

Возможно, короткая американская версия (здешняя шла 127 минут, у нас в прокат пойдет вроде бы какой-то промежуточный вариант) как-то работала в компании с цветочными трейлерами и при понимании того, что вторая часть «дабл билла» всегда должна быть помалобюджетней и поскромней первой. Но как отдельное кино это вообще не втыкает никак, возможно, потому, что Квентин — слишком хороший сценарист, а на таком материале половина удовольствия, должно быть, от кривых диалогов.

В конце показа была короткая, но самая мощная из всех слышанных мною тут оваций. Так что, повторюсь, винить некого, кроме себя, — не Квентина же винить, он — лучший.

утренняя роса

Май 22nd, 2007, Волобуев

джоли, ван сэнт, мальчики

Анджелина Джоли такая крохотная, что ее можно унести в кармане, и пахнет этой, как ее, — утренней росой. Гас Ван Сэнт из всех божьих тварей более всего напоминает енота. Русская критика на Ван Сэнта страшно кривится, потому что он любит мальчиков. Это, конечно, с православных позиций действительно не дико правильно. Но если он еще пару таких фильмов снимет, я тоже полюблю мальчиков, вот что.

режиссерская версия

Май 23rd, 2007, Волобуев

звягинцев, «щелкунчик», туртурро

Кончаловский анонсировал 65-миллионный мюзикл по «Щелкунчику». Тим Райс пишет слова к музыке Чайковского, мышиного короля играет Туртурро.

На программках, которые тут каждый день кладут в пресс-боксы в связи с тарантиновской пресс-конференцией, было написано: «Death Proof. Realisateur — Andrei Zvyagintsev».

Это, кстати, многое объясняет — и про жизнь в целом, и насчет конкретной кинокартины.

сокуров

Май 24th, 2007, Волобуев

сокуров, звягинцев, кислородная маска

Про Сокурова вчера развесили официальные бумажки, что он болен и не приедет. Притом заговорщическим шепотом рассказываются три варианта произошедшего: 1) что он приехал, но у него правда все плохо и его чуть ли не с кислородной маской погрузили в самолет в Москву; 2) что он в своей обычной стилистике расстроился, что Звягинцеву устроили такую арт-поддержку, а на него забили; ну и 3) самый вероятный — что он расстроился из-за Звягинцева вплоть до кислородной маски.

Как-то это все уже не смешно. Дай бог здоровья человеку.

du levande

Май 24th, 2007, Волобуев

андерссон, «городок»

«О живущий» Андерссона идет не в конкурсе, а в «Особом взгляде» — вроде потому что Андерссон до последнего момента продолжал полировать пуговицу у третьего пожарника с краю, а у конкурса более жесткие дедлайны (хотя на Вонга это в былые годы не распространялось, ну да ладно).

Кажется, будь Андерссон в конкурсе, он бы всех вынес к чертям — потому что, ну с одной стороны, все то же самое, что в «Песнях со второго этажа»: конец света глазами толстяков, духовой оркестр, собаки. И сначала даже кажется, что он мельчит,

потому что сценки все коротенькие и местами совсем уже в духе программы «Городок»: вышел, получил по роже, расплакался, ушел за кадр — все смеются. Но потом это как-то невероятно накрывает: я все думал, когда я на этом фестивале наконец уже плакать начну, — вот на Андерссоне в конце ревел.

Они у него еще петь начали, представляете!

we own the night

Май 24th, 2007, Волобуев

джон ву, фолкнер на маргарине, елена соловей, баптистские проповедники

«Ночь — наша» Грея — о-го-го. Я к Грею как-то всегда спокойно относился, потому что понятно, потенциально он типа большой режиссер и так далее, но и «Маленькая Одесса», и «Ярды» — они при всех выразительных и прочих худ. достоинствах какая-то все-таки клюква.

А тут он дает Джона Ву в лучшие его годы — то есть мелодраму-мелодрамищу про взаимоотношения, такого Фолкнера на маргарине, со стрельбой, с трупами, еще и мрачную, как пень. Фильм, как обычно у Грея, про русских. Крутится все вокруг противостояния братьев Грузинских, вора в законе Нежинского и какого-то еще Бабаевича или Бабаяна, точно не расслышал фамилию. Еще совершенно гениально вбегает Елена Соловей и в стилистике всех советских родителей пытается Уакина Феникса, у которого и так ряха ни в одну дверь не проходит, насильно накормить какими-то голубцами. Грей там всю дорогу использует ту же штуку, что Терренс Малик в «Новом Свете»: снято все — включая автомобильные погони и массовые перестрелки — на уровне человеческого глаза, никаких кранов, никаких, что называется, интересных ракурсов. В результате у него экшен-сцены выглядят не как экшен, а как драматические: когда Роберта Дювалла убивают, реально сидишь — как на «Крестном отце» (притом что Коппола как раз краны любил всегда).

Освистали страшно. То есть вот ничто не предвещало — а потом как крикнут хором: «Бу-у-у-у!» Тренируются они, что ли, по утрам. Притом это тот же зал, который визжал на новом Квентине (который, между нами, как ни страшно это признавать, — на уровне «Даже не думай-2» произведение, ну только написано получше). То есть понятно, что критики сейчас в очень тяжелом положении: раньше, чтоб соблюсти интеллектуальную вирильность, нужно было просто фильтровать жанры и имена. А сейчас — nobrow, иерархию отменили, низких и высоких жанров больше нет, любой чмошник может оказаться новым Квентином, и приходится думать самим. В итоге люди только лейблами спасаются. Если бы перед началом фильма было написано, что это, не знаю, Кроненберг (а он на «Историю насилия» местами похож немножко) или что он корейский, — сто раз бы подумали букать. А Грей (ни одного фильма которого они не видели, потому что слишком заняты были — Амоса Гитая со Звягинцевым смотрели во все глаза) — на Грея можно.

Это было бы забавно — если бы не было так незабавно в конечном счете. Потому что теперь каждая полевая мышка напишет в свой блокнотик про booed at Cannes — и все, как попки, начнут это повторять. Всегда так. Они тут кинематографическую картину мира смелыми мазками формируют. А мы потом ходи, как баптистские проповедники, по квартирам и рассказывай девочкам, что «Мария Антуанетта» на самом деле отличное кино. Зла на них, в общем, нет.

александра

Май 25th, 2007, Волобуев

чечня, сокуров, мордюкова, калашников

Сокуров между тем превосходный. То есть, конечно, у него там контрактники в Чечне друг другу говорят «поторапливайся» и чеченский мальчик хочет «в Мекку и в Петербург» (а кто в Москве не бывал, красоты не видал). Периодически вообще начинается чистый классицизм, когда герои садятся друг напротив друга и шпарят страницами из какой-то несуществующей русской литературы. Но в целом — странным образом — отлично работает.

Вишневская играет такой вариант Мордюковой из евстигнеевской «Мамы» — но это все в разы тоньше и местами прямо страшно. Там есть сцена, где она калашников берет, — мама дорогая. Понятно, в общем, почему всякая Russia Today не носится с Сокуровым, как носится со Звягинцевым. Потому что фильм, может, и не политический (что сам Сокуров все время говорит, хотя режиссеров слушать — последнее дело), но у нас другие сейчас стандарты любви к Родине приняты.

Еще, конечно, у Александра Николаевича, как и у некоторых других гениев, очаровательная есть совершенно черта: никогда не поймешь, когда он в маразме, а когда

тонко шутит. То есть я его не видел никогда, но все говорят: он истерик и страшно самовлюбленный и шуток на свой счет не понимает. Но вот эта Александра Николаевна (ей-богу, Николаевна) неописуемая, которая бурчит на всех, на танк лезет и по минному полю гуляет, — в общем, совершенно невозможно поверить, что это на каком-то из уровней метафоры не сам автор.

control

Май 25th, 2007, Зельвенский

феррара, вуди аллен, «мистер краб», йен кертис, венгерские контролеры

Да, забыл сказать, Феррара, на мой вкус, запредельно прекрасен — хотя предвижу другие мнения. И притом что органика совершенно ферраровская, он прямо Вуди Аллена местами дает. Там есть сцена: к стрип-клубу подъезжает автобус с японскими туристами, и Боб Хоскинс, который в клубе типа администратор, совершенно счастлив — они загибаются, а тут 60 японцев, — тащит их внутрь, а они все повторяют «мистер Краб», «мистер Краб». Хоскинс удивленно бормочет: «Да, да, я мистер Краб, заходим, заходим». И тут появляется какой-то идиот, одетый крабом, и японцы дисциплинированно за ним гуськом уходят в соседнюю дверь, где суши-бар, соответственно. А Хоскинс стоит на пороге и долго орет вслед: «Кретины!.. Ну что вы за люди!.. У нас такие девушки, а вы уходите с человеком, одетым в краба!!!»

«Контроль»

Ну и, кстати, что вы — «Контроль», «Контроль». «Контроль» как «Контроль». Хороший такой байопик: жил-был Йен Кертис, первая таблетка Йена Кертиса, первый концерт Йена Кертиса, женитьба Йена Кертиса — ну и так далее. Все так чинно, без выкрутасов, ч/б благородный. Смешного много, как ни странно.

Вот есть венгерский фильм «Контроль», это я понимаю. Там натурально про венгерских контролеров: в метро ходит страшный человек в худи и сталкивает пассажиров на рельсы. Во сюжет...

infernal affairs

Май 26th, 2007, Волобуев

члиянц, медузы

Ночью на пирсе встретил кинопродюсера Члиянца, который приплыл из открытого моря на чьей-то яхте и рассказывал, что из местного вивария сбежали медузы — самые маленькие, а щупальца полтора метра длиной, человека убивают с одного касания; сбежали и дико размножились. Члиянц в этой связи, прежде чем купаться, отходит на яхте на 50 км в открытое море.

america the beautiful

Май 26th, 2007, Зельвенский

фатих акин, люмет

Обсуждая с коллегой, как же так вышло, что и Фатих Акин превратился в Иньярриту, придумал интересный правовой механизм, который поможет таких вещей в будущем избегать. А именно: нужно законодательно ввести квотирование пленки (ну и этой, «цифры») для национальных кинематографий. Они же все ломаются не сразу, а фильме на втором-третьем-четвертом. Ну и вот, по закону, если ты не американец (и не англичанин), то у тебя есть право снять строго определенное количество фильмов. Китаец — пять фильмов, француз — два, мексиканец — один, русский — короткометражка на двадцать минут, кореец — четыре, итальянец — ноль, израильтянин — ноль, венгр — три, немец — один, ну и так далее. За превышение — сразу в клетку, где, к примеру, Абель Феррара сидит. Или фон Триер (о'кей, датчанам тоже безлимитка) с молотком.

Смотрел тут нового Сидни Люмета — ему, кстати, на днях 156 исполняется — с каким-то длинным названием. Там два брата, Филип Сеймур Хоффман и Итан Хоук, у них папа — Алберт Финни и мама — не помню кто. И вот братья решают ограбить родителей и...в общем, там дальше такие Коэны начинаются, очень жестко.

Смотрел и думал: какое же счастье. Ни тебе планов по двадцать минут, ни лодочек и деревьев метафизических, ни из Библии цитат (ну хорошо, из Библии есть как раз). Какой там Рейгадас, к черту, какой Звягинцев, когда Люмет есть?

люмет/михалков

Май 27th, 2007, Волобуев

джейн фонда, либеральная идея, михалков

Смотрел «Двенадцать разгневанных мужчин». Впечатления — самые удивительные. Во-первых, у меня за спиной сидела Джейн Фонда, трындела по-французски как на родном и много смеялась. Во-вторых, Люмета сейчас получается смотреть исключительно в свете надвигающегося михалковского ремейка. В каждом буквально герое видишь потенциального Михаила Ефремова. Ну и не только.

Если кто не знает, история в том, что некий мальчик некоренной нации зарезал отца — есть свидетели, мальчик уже кого-то раньше резал, присяжные уверены в его вине. И вот в комнате совещаний некий ангел сомнений (собственно, Генри Фонда в белом костюме) начинает их раскачивать: убеждая не в том, что мальчик невиновен, нет, — а в том, что существует reasonable doubt, вина не доказана. В конце все выходят счастливые на свежий воздух.

В этой связи интересно вот что. Пьеса, как сейчас сказали бы люди свободной воли, — вызывающе либерастическая. Каждый из героев символизирует одну из язв, мешающих обществу быть справедливым: есть расист, есть менеджер среднего звена, который думает, что все знает, есть быдло, которому вообще пох, оно на футбол опаздывает, есть обыватель, которого куда наклонишь — он туда и наклонится. И вот символизирующий либеральную идею Фонда (в белом, повторюсь, костюме) их всех постепенно просветляет: они перестают быть социальными архетипами, становятся людьми и один за другим шепчут «not guilty». При этом возможность того, что мальчик правда убил, не исключается.

В этой связи интересно: это что такое происходит? Это Никита Михалков — в стилистике первого министра в к/ф «Обыкновенное чудо» — взбунтовался, после того как ему Путин Звягинцева в пример поставил? Ну или нет — и там они чеченского мальчика к чертям собачьим засудят?

l'âge des ténèbres

Май 27th, 2007, Волобуев

ардженто, конкурс

У организаторов закончились фильмы с Азией Ардженто, так что мероприятие потихоньку сворачивается. На закрытии покажут «Век неведения», или как он правильно называется, Дени Аркана — мы его вчера вечером посмотрели в пустом совершенно зале: тут все или совсем устали, или уехали, или покупают футболки перед отъездом. Еще у кучи народа депрессия: на тротуарах вдоль Круазетт, не в силах пошевелиться, лежат люди, которые весь год жили мыслями о том, как они сюда приедут, и теперь вот столкнулись с необходимостью как-то жить до следующего года.

пальм-д'ор

Май 27th, 2007, Волобуев

звягинцев, конкурс, «пальмовая ветвь»

Мы тут с некоторым слегка мазохистским злорадством представляли себе, как Звягинцев получит сейчас Palm d'Or, — и свои вытянувшиеся в этой связи лица, но, кажется, не судьба. Звягинцев на открытие не остался. Остались в числе прочих Шнабель и Рейгадес — который, впрочем, каждый раз остается и ничего не получает.

UPD: Звягинцева вернули. Мама, что сейчас будет!

без рубрики

Май 27th, 2007, Зельвенский

румыны

Хо-хо-хо.

Ветка.....

Румыны!!!

Ура, товарищи!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

fin

Май 27th, 2007, Волобуев

шнабель, цой жив

По Пале катится нечеловеческий вой. Режиссер Шнабель пытается обратно зайти на сцену. Через динамики врубили на полную мощность группу Air. Прощаемся с вами до Международного кинофестиваля в Сеуле. Цой жив.

№195
от 23 февраля 2007 года
Интервью с Ильей Репиным

ОТВЕТЫ ИЛЬЯ РЕПИН, ХУДОЖНИК

В редакции «Афиши» состоялось очередное заседание «Клуба мертвых художников» Юлии Кисиной. Художники Юрий Альберт, Елена Елагина, Игорь Макаревич (а также галерист Елена Куприна, критик Екатерина Деготь и американский астронавт Николь Стотт) вызвали на спиритическом сеансе дух Ильи Ефимовича Репина и поговорили с ним о проблемах современного искусства. Полностью текст беседы можно увидеть на сайте www.kunsthalle-zoo.de.

— Дух Ильи Ефимовича Репина, приди к нам. Дух, ты здесь?
— Да.
— Вы в курсе последних событий в современном искусстве?
— Ржу.
— Вы довольны памятником Репину на Болотной площади?
— Да.
— Скажите, хорошо ли на том свете?
— Жесть.
— То, что делают нынешние художники — например те, что находятся здесь, — продолжает то, что делали вы?
— Да.
— А вот про видеоискусство вы слыхали? Как вы думаете, это искусство?
— Вуясовбр.
— Илья Ефимович, вас огорчает развитие искусства?
— Да.
— Есть ли в мире художники, идущие по правильному пути?
— Нет.
— А хорошие живописцы?
— Да.
— Вам не нравится в современном искусстве отсутствие ремесленного умения?
— Да.
— Вы продолжаете заниматься искусством на том свете?
— Конечно.
— Картины пишете?
— Да.
— А они каким-то образом доходят до нас?
— Да.
— Может, в виде кинофильмов?
— Да.
— Мы видим ваши картины во сне?
— Да.
— Скажите, а Путин вам нравится?
— Нет.
— Стоит ли эмигрировать?
— Нет.
— Илья Ефимович, а вы в раю? Существует ли рай?
— ... (неясный ответ. — *Прим. ред.*).
— А там, где вы находитесь, есть еще другие художники?
— Есть.
— Крамской там?
— Да.
— А Суриков?
— Да.
— Там, где вы находитесь, — одни художники?
— Да.
— Все художники после смерти попадают туда?
— Да.
— И плохие тоже?
— Да.
— Гитлер с вами?
— Нет.
— Может, ваша душа живет в музее?
— Да.
— В Третьяковской галерее?
— Да.
— А вам там нравится, Илья Ефимович?
— Да.
— А в Русском музее нравится?
— Нет.
— Это из-за куратора Боровского?
— Да.
— А коллекционеры там тоже есть? Третьяков, например?
— Нет.
— Но он продолжает покупать ваши работы?
— Да.
— А за деньги к вам попасть нельзя?
— Нельзя.
— Спасибо, Илья Ефимович, до новых встреч.

№216
от 28 декабря 2007 года
Станислав Зельвенский
о фильме «Ирония судьбы. Продолжение»

В некоторых кадрах фильма «Ирония судьбы. Продолжение» продакт-плейсмент совсем незаметен

Тепленькая пошла

«Ирония судьбы. Продолжение»

Накануне Нового года Константин Лукашин (Константин Хабенский) приходит в баню раньше отца, и Ширвиндт (играющий, судя по репликам, не себя, а Буркова), напоив, отправляет его в Петербург. Там Лукашин-младший просыпается, как положено, в квартире Нади-младшей (Елизавета Боярская) на 3-й улице Строителей. Квартира по-прежнему обставлена с советской тщательностью, но слегка облагорожена прошедшим евроремонтом.

Про героев мы знаем — благодаря тому что Ширвиндт почему-то считает необходимым лишний раз напомнить об этом Константину, — что тот рожден в несчастливом браке Лукашина и Гали, а Надя — дитя не менее кратковременного и прискорбного союза Нади и Ипполита.

Воздушные шарики в руке героя Сергея Безрукова — не просто шарики, а важный сюжетный механизм

На пороге немедленно появляется Ираклий (Сергей Безруков), менеджер некой сотовой компании, которая заставляет сотрудников ходить в шарфах пчелиной расцветки. Пока, впрочем, на Ираклии костюм, лиловый галстук и мобильная связь в ухе — последнее обстоятельство, во-первых, характеризует его как человека недостаточно душевного, а во-вторых, открывает путь водопаду комических реплик.

Ираклий намерен сделать Наде предложение под бой курантов, но мгновенно протрезвевший и сориентировавшийся Константин понимает, что Надя не будет счастлива с Ираклием, а будет с ним, Константином.

Тем временем Лукашин-старший (Андрей Мягков) вылетает спасать сына, а пришедшая к дочке Надя-старшая (Барбара Брыльска) делает вид, что не хочет его видеть. Появляется также Талызина — и сообщает, что Ахеджакова переехала в Израиль.

Израиль — о'кей. Хоть какая-то определенность. С героями, которые на экране, сложнее: единственный понятный — Ираклий; приехал из Владика, делает карьеру — чего тут непонятного (пользуясь случаем, хочется передать привет целевой аудитории). А вот чем занимается Надя, кто она вообще такая? Учится, работает? Добрая, злая? А Константин? Вроде доктор тоже —

На какие шиши Лукашины сделали евроремонт?

но вроде он про это наврал (и даже как ожоги лечить, не знает). За тридцать человеку — чего не женат? А почему ребята в родительских квартирах живут — а те где? Надя-старшая — она что последние тридцать лет делала? На учительской пенсии сейчас? Бюджетник? Выглядит неплохо для бюджетника. А Лукашин? Раз квартиры снова одинаковые, у них тоже, значит, евроремонт был. На какие шиши Лукашины сделали евроремонт?

Это я не придираюсь — правда интересно ведь! Не чужие ж люди, в конце концов. Но нет, чужие, чужие. Им ни слова не дают сказать человеческого. Брыльска хлопает ресницами, прическу поправляет — хорошо выглядит, и точка. У Мягкова в глазах пустота и ужас какой-то равнодушный — как во «Вторжении похитителей тел». У него даже монолог есть один — про счастье, с цитатами из классики. Не помню: типа любовь — не вздохи на скамейке. Хочется под землю провалиться. Ипполит вот зато не подкачал: брезгливое недоумение на лице Юрия Яковлева наигранным не кажется совсем.

С молодежью проще. Хабенский просыпается с похмелья, видит — телочка симпатичная, начинает разводить. Пошловато получается — ну так по-другому не научены; зато эффективно. Боярская бы, кажется, и сыграла чего-нибудь — но играть нечего; ладно, отметим блеск для губ. Безруков старается, но он человек-бутерброд: кроме шуток, полфильма проводит в большом желто-черном шарфе, а когда попадает в аварию на своей японской машине и ломает нос, появляется со словами вроде «А на другой бы вообще насмерть разбился».

После «Дозоров» казалось, что Бекмамбетов, возможно, и правда такой потенциально западного замеса режиссер, а что выходит пока кривенько, ну так бюджеты не те, развернуться не получается. Теперь совершенно понятно, что изобретательная — со спецэффектами — реклама майонеза (каковой, в принципе, новая «Ирония» и является) — это и правда его потолок. Что он не чувствует базовых для профессионала вещей — в первую очередь ритма. Не понимает, что бывают сцены, где короткий монтаж неуместен, что спецэффекты а-ля телевизионная заставка иногда выглядят дико. Что стремление ежеминутно «делать красиво» (в понимании Первого канала) превращает его фильм в самопародию. Что когда-нибудь эти телереформаторы отечественного кинематографа будут гореть в аду — за свой подмигивающий майонез и пивасик, за евроремонт и «живи на яркой стороне», за «Красную стрелу» и кремлевские звезды, за пьяного Ефремова в шубе Деда Мороза, за эти свои идиотские старые песни о главном.

Должен оговориться, что идея продолжения «Иронии судьбы» вовсе не казалась мне кощунственной — напротив, вполне остроумной. Во-первых, шаткие взаимоотношения героев и полуоткрытый финал рязановского фильма позволяли закрутить комедию ошибок при появлении детей еще туже, превратить действие в этакий французский водевиль: вполне, в сущности, достойный новогодний жанр. Во-вторых, открывалось широчайшее и совершенно непаханое поле для какой-никакой рефлексии по поводу слома времен: где, как не здесь, выяснить наконец отношения с совком, столкнуть поколение оливье с поколением суши, поколение супругов Никитиных с поколением Сергея Шнурова.

Нет, дудки — Хабенский возьмет гитару и исполнит «Если у вас нету тети». Какой конфликт поколений? У нас согласие и примирение. Другое время? Да вот же оно: мобильный телефон в ухе, национальный лидер по телевидению. А что, еще что-то изменилось?

Может быть, и нет. *Станислав Зельвенский*

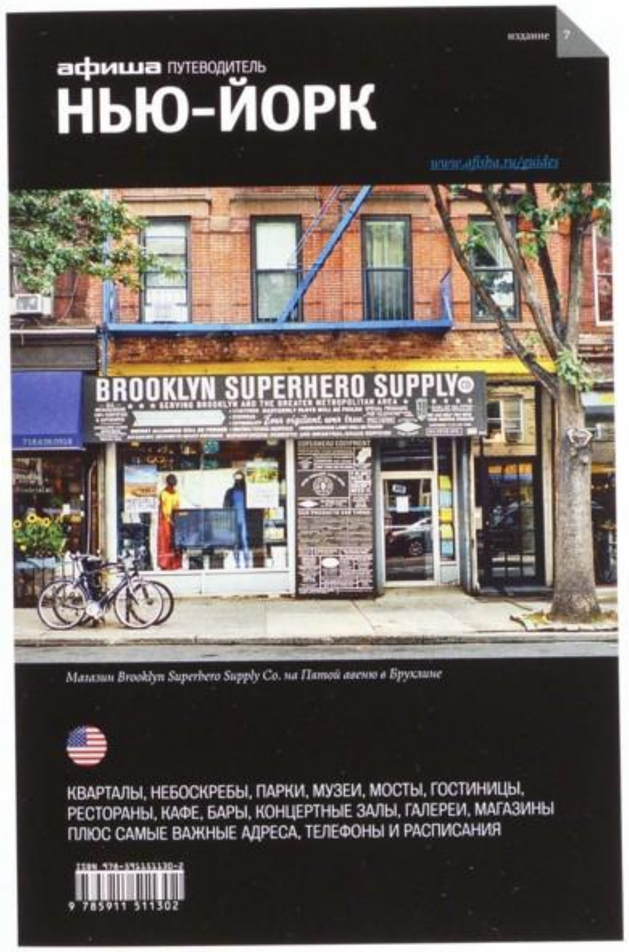
Ирония судьбы. Продолжение

Тимур Бекмамбетов. В ролях Константин Хабенский, Сергей Безруков, Елизавета Боярская, Андрей Мягков, Барбара Брыльска, Юрий Яковлев, Валентина Талызина, Александр Ширвиндт, Михаил Ефремов, Константин Мурзенко. Россия, 2007

с 31 декабря

См. расписание на стр. 143

Захвати Уолл-стрит. А также Гарлем, Сохо и Брайтон-Бич.
Инструкции — в нашем путеводителе по Нью-Йорку



Магазин Brooklyn Superbero Supply Co. на Пятой авеню в Бруклине

ПУТЕВОДИТЕЛИ «АФИШИ» ПО ГОРОДАМ МИРА

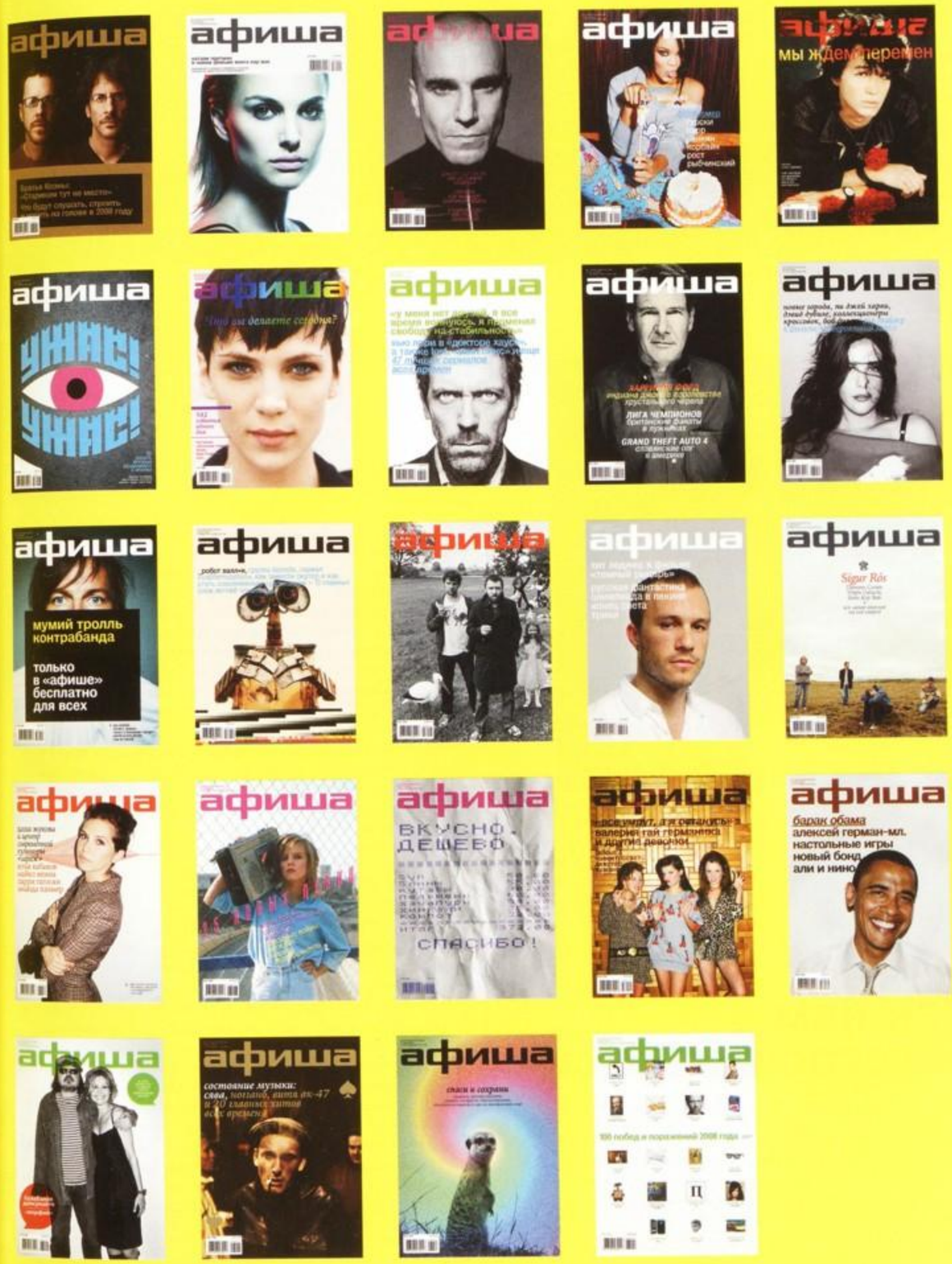
Амстердам, Барселона, Берлин, Будапешт, Вена, Венеция, Вильнюс, Гонконг, Киев, Лиссабон, Лондон, Мадрид, Милан, Москва, Нью-Йорк, Париж, Петербург, Прага, Рига, Рим, Стамбул, Стокгольм, Таллин, Токио, Флоренция, Хельсинки

16+

Заказ и доставка (495) 785 17 00 • **shop.afisha.ru**

афиша

20 08


афиша
Братья Кличко:
«Стадионом тут не место» –
что будут слушать, строить
и делать на голове в 2008 году
афиша
афиша
афиша
мы ждем перемен
афиша
УЖАС!
УЖАС!
афиша
«Что вы делаете сегодня?»
афиша
афиша
ЛИГА ЧЕМПИОНОВ
GRAND THEFT AUTO 4
афиша
афиша
мумий тролль
контрабанда
только
в «афише»
бесплатно
для всех
афиша
робот валли
афиша
афиша
Sigur Rós
афиша
афиша
ВКУСНО.
ДЕШЕВО
СПАСИБО!
афиша
афиша
барак обама
алексей герман-мл.
настольные игры
новый бонд
али и нино
афиша
афиша
состояние музыки:
афиша
спаси и сохрани
афиша

КИНО

№232
от 5 сентября 2008 года
Роман Волобуев
о фильме «Гитлер капут!»

СВЕДЕНИЯ ПУБЛИКУЮТСЯ БЕСПЛАТНО. ИНФОРМАЦИЮ ПРИСЫЛАЙТЕ ПО АДРЕСУ KINO@AFISHA.RU.
ПОСТОЯННО ОБНОВЛЯЕМОЕ РАСПИСАНИЕ — НА AFISHA.RU/MSK/CINEMA
БЛОГ СТАНИСЛАВА ЗЕЛЬВЕНСКОГО И РОМАНА ВОЛОБУЕВА О КИНО — НА SPOILER.AFISHA.RU

С РОМАНОМ ВОЛОБУЕВЫМ И СТАНИСЛАВОМ ЗЕЛЬВЕНСКИМ

«Гитлер капут!» перед выпуском на экран протестировали на президенте фонда «Холокост» Алле Гербер, и ей, говорят, понравилось

Как нам обустроить Россию

«Гитлер капут!» — автопортрет нации

Недоразвитый советский шпион Александр Исаевич Осечкин-Шуренберг (Деревянко) вальсирует по готовому пасть Берлину, подозрительно похожему на дружественный Минск и населенному артистами телевизионных передач «Аншлаг» и «Городок», наряженными в фашистов. Фашисты говорят на новорусской фене, пилят бюджеты, выводят рейхстранши в офшоры, напиваются в зюзю и горланят русские народные в немецком подстрочнике. Плюс к тому Борман (Стоянов) — гей, Мюллер (Гальцев) похож на свинью. Ксения Собчак, переодетая Евой Браун, просит накокаиненного Гитлера свозить ее в Дубай на майские. Сброшенная с парашютом под видом радистки певица Семенович трогательно покачивает грудью и печалится. Звучит джентльменский минимум любого непритязательного застолья — «Ленинград» (про офис), «Чунга-чанга» (на немецком) и Бритни Спирс в аранжировке Palast Orchestra, российский гимн.

Куда смотрит цензура: в широком федеральном прокате — главный антиправительственный памфлет года. Низовому масскульту положено быть кривым зеркалом эпохи, но мало найдется произведений, которые при столь оглушительно низком качестве исполнения, так безжалостно и по-снайперски точно отражали бы состояние общества, породившего их.

Режиссер «Гитлера» Марюс Бальчунас-Вайсберг (для титров комедии про фашистов мудро отбросивший литовскую половинку двойной фамилии) закончил ту же калифорнийскую киношколу, что и Джордж Лукас, снял в США два мало кем замеченных независимых фильма (в том числе — ремейк мельниковского «Старшего сына» со спорной юридической историей), в качестве своих ориентиров называет Мела Брукса и братьев Цукер, а про себя, очевидно, грезит (как, в сущности, и все в России сегодня) об аудитории «Комеди Клаба». Но — не в упрек калифорнийской киношколе — профессионально и культурно «Гитлер» несколько уступает не только Цукерам, но и «Комеди Клабу». Сюжета нет совсем, даже шуточного. Танцуют вяло и как-то неоправданно подолгу. Человеческих лиц на целый фильм всего два — Собчак и Семенович, притом первую показывают в общей сложности минуту, второй не дают разговаривать (хотя как раз это у нее выходит на удивление мило). Картина вообще сделана так незамысловато, что, есть шанс, плеваться от нее станут даже в тех районах, где искренне рукоплескали «Самому лучшему фильму».

Но отдельные недостатки, равно как и общая смотрибельность «Гитлера» (а смотреть его, мягко говоря, невозможно), не имеют особого значения ввиду грандиозного идеологического кульбита, который он невольно проделывает. Взяв за исходный материал такую вроде бы безобидную вещь, как анекдоты про Штирлица, создатели картины явно не учли, что в их основе —

Идиот — лучший медиум для общения с коллективным бессознательным

довольно мощный и неоднозначный культурный код. «Семнадцать мгновений» изначально были фильмом с двойным дном (Штирлиц среди врагов, как порядочный человек в СССР, гестапо — как КГБ, про это написана масса интереснейших текстов), анекдоты вывернули это дно наизнанку, авторы «Гитлера», сами того не ведая, вывернули еще раз. В итоге вместо востребованной рынком комедии для идиотов получилась вещь по нынешним временам практически подсудная — полнометражная экранизация так любимого на либеральном фланге выражения «путинский рейх». Карикатурные, навязшие на зубах приметы и термины современной русской жизни — вся эта чунга-чанга, взятки в баксах, Олейников со Стояновым, распил госзаказа, Рублевка, танцы под «Ленинград» и спонсорскую водку, пение старого гимна с новыми словами — все это радостно декорировано свастиками, зигхайлями и «мертвыми головами»; и пусть все остальное в фильме отклеивается и валится из рук, эсэсовская форма на участниках «Аншлага» сидит как влитая. То, что создатели фильма явно не догадываются, что именно они сняли (как не вполне догадываются они, видимо, кто такой Александр Исаевич), придает фильму дополнительную ценность. Оговорки не врут. Идиот — лучший медиум для общения с коллективным бессознательным. И если кому-то всерьез интересно знать, куда в долговременной перспективе движется страна, стоит купить билет на фильм «Гитлер капут!» и внимательно вглядеться в лицо актера Гальцева. *Роман Волобуев*

Гитлер капут!
Марюс Вайсберг. В ролях Павел Деревянко, Анна Семенович, Юрий Гальцев, Юрий Стоянов, Ксения Собчак. Россия, 2008
с 18 сентября
См. расписание на стр. 104

№235
от 17 октября 2008 года
Роман Волобуев разговаривает
с Валерией Гай Германикой —
а Алексей Киселев снимает
героинь «Все умрут, а я останусь»

В прокат выходит «Все умрут, а я останусь» Валерии Гай Германики — cinéma vérité про насыщенную жизнь русских старшеклассниц, получившее два приза в Каннах-2008.

Еще раз про любовь

В ролях:
Катя — Полина Филоненко
Вика — Ольга Шувалова
Жанна — Агния Кузнецова

Интервью: Роман Волобуев
Фотографии: Алексей Киселев
Стилист: Данила Поляков
Мейк-ап: Ирина Лаханская @TheAgent.ru, для MAC
Прически: Сюзанна Терюшкова @TheAgent.ru,
для Tecni.art L'Oréal Professionnel
Продюсер: Евгения Фишелева

Валерия Гай Германика в 20 лет получила приз на «Кинотавре» за короткометражку «Девочки», а в 23 — спецупоминание жюри «Золотой камеры» и приз Недели критики на Каннском фестивале за свой первый игровой фильм «Все умрут, а я останусь». «Афиша» поговорила с Германикой о ее месте в искусстве.

— Правда у вас есть татуировка в виде «Золотой пальмовой ветви»?

— Еще нет, я же ее не получила пока. И денег не было. Но я сделаю обязательно, поеду через два года, получу и тогда сделаю.

— «Пальмовую ветвь» получите?

— Да, я уже примерно поняла, как это делается. Надрочилась более-менее.

— А кто вам приз в Каннах вручал, вы помните?

— Там какие-то два дяденьки были, я их не знаю. Одного звали Деннис Хоппер, кажется, он, конечно, очень стремный. Они мне потом все сказали, что мне надо жить в Лондоне.

— А вы не знаете, кто такой Хоппер?

— Да, да, сейчас мне будете говорить, что я темная. Я не темная. Блондинка — добро, брюнетка — зло. Вообще, поеду в Лондон действительно. Там меня по крайней мере никто дразнить не будет и ущемлять.

— Мне кажется, вас как раз все любят. С таким легким недоумением, конечно, но любят. А расскажите, вы где учились?

— Я кинолог по образованию, селекционер, зоотехник — факультет зооинженерии это называлось. Я собак могу дрессировать. Мне в детстве вообще казалось, что, когда я вырасту, я стану собакой.

— Ну а кино?

— Кино — я сначала просто познакомилась с Мариной Александровной Разбежкиной, у нее тусила; потом она стала преподавать в школе «Интерньюс», и я там полгода проучилась, пока ее не закрыли. На нее, ну вы все знаете, Ходорковский дал денег. Когда его посадили, я ему письмо написала.

— А что вы ему написали?

— Ну я не знала, что писать, а потом подумала, ну он же мажор, он наверняка в центре жил, и тупо взяла страницу текста из «Романа с кокаином». Там есть такой момент, где Агеев пишет про старую Москву, чего-то там типа шарманщики ходят, стук рысаков по мокрому асфальту... Я ее переписала, а Ходорковский мне потом ответил: вот... вы так понимаете Москву... Еще написал, что его промышленные площадки — величиной с пол-Москвы.

— Разбежкина же документалистка, и про вас принято говорить, что вы как бы с документалистики начинали.

— Да, но в документальном кино сейчас очень вранья много — оно у нас толком и не игровое, и не документальное толком. Можно сказать, я ушла из документального кино, потому что оно сволочное и денег не приносит.

— Вы, я знаю, любите, когда при вас говорят, ну не знаю, «Тарковский», переспросить «кто-кто?».

— Нет, ну я могу, конечно, выделываться, но правда в том, что я довольно чужой для кино человек. Мне часто неинтересно его смотреть. Я скучаю часто. Вот Тарковский, я сейчас как раз «Мартиролог» читала — вот для него кино было его жизнью, и болью, и любовью. А мне на самом деле гораздо проще какие-то вещи через литературу объяснять. И любимые фильмы у меня — это что-то, чего я сама никогда в жизни не стала бы снимать. Вот есть, я его пересматриваю, пересматриваю, сто раз смотрела, «Еще раз про любовь» Натансона, а такого в жизни никогда не сниму.

— А все думают, у вас любимый режиссер Ларри Кларк.

— Ну мне все говорили, что я русский Ларри Кларк, а я так: «Да-да, я Ларри Кларк». А сама, конечно, не смотрела. А потом специально вот буквально на днях посмотрела фильм «Детки». Могу вам рассказать, в чем там основной косяк: у него девочки 13-летние рассуждают о сексе, как будто им за 40, как будто они опытные взрослые б...ди. Этого не может быть, девочки не так говорят, у них другое в глазах — там это оправдано логикой фильма, и актеры нормальные, да, — но этого просто не может быть.

— Ну притом Хармони Корин, когда сценарий «Деток» писал, был младше вас. Вы Хармони Корина не видели?

— «Гуммо» я смотрела два раза, мне Разбежкина прислала. Вот представьте, я сижу дома беременная, потому что меня мужчина бросил, и я никуда не выходила, думала, что надо мной все смеются, — а она мне присылала диски смотреть. В том числе «Гуммо», ну вы представляете. И еще «Класс» эстонский — так когда мальчик себе к голове пистолет приставляет в конце, я чуть не родила. А Разбежкина потом звонит такая: «Ну что, Лера, понравилось тебе кино?» Она мне потом еще Дарденнов — а их несколько, да? — они у нее любимые режиссеры, она мне прислала еще и их, лежат с тех пор, я вообще не дотрагивалась до диска.

— Кстати, Дарденны не страшные.

— Да? Ну так про «Гуммо». Считается же, что это такое антропологическое кино про подростков. А я все понимаю про подростков. Подростки ставят опыты над собой и над другими, чтобы взрослеть интенсивней, чтобы узнать жизнь, понять про себя, кто они. Он, подросток, никогда не перейдет определенную грань, не начнет себя вести, как в фильме «Гуммо». Там все-таки уже патология, все эти макароны с шоколадом. Они такие не потому, что они подростки, а потому, что у них родители уроды, а родители уроды, потому что ураган прошел и покарал их. Но это не мое. Мое кино — это «Еще раз про любовь». То есть я совершенно уверена, что в 1998 году это было очень круто, это, наверное, воспринималось, как рок-концерт. «Гуммо» ведь примерно про то же, про что Мэнсон поет; а Мэнсон, как бы кто ни считал его говном, он мой любимый. Он виноват во всех моих несчастьях, не было бы его, не было бы Германики. Мы с ним как Сократ с Платоном.

— Вы, я вижу, четко осознаете свое место в мировой культуре.

— Ну... Знаете, когда были сейчас итоги Венеции и Германмладший выиграл, я потом заснуть не могла — такая я завистливая тварь. Обидней всего было, что Алишер (Хамидходжаев, оператор «Все умрут, а я останусь» и «Бумажного солдата» Германа. — *Прим. ред.*) получил не за мой фильм, а за тот, с которого он на середине ушел ко мне.

— А он вас снимать ушел от Германа?

— Ну его умоляла страшно. Потому что он со мной правильно работает. Он не задает вопросов, во-первых. Он когда был у Германа занят, приходили люди, и начиналось: «Как вы видите фильм? А как это снимать? А какой вы тут цвет хотите?»

Ты вообще сценарий читал? Что вообще тогда спрашиваешь? П...дец, зае...ли, а звоню Алишеру — а он никогда вопросов не задает. Мы с ним какие-то моменты вдвоем снимали — он камеру держит, а становлюсь сзади и руками направляю. Фильм вообще на 90 процентов Алишер сделал. Там есть дыхание, вдох, выдох. У нас так никто снимать не умеет, как он.

— Это правда.

— Притом у нас так сложно со всем, потому что никто ни хрена не умеет. Мы с Алишером кучу каких-то фишек придумали: скажем, он там за Катей каждый раз с камерой прыгает в окно. А прыгнуть он, конечно, не мог, потому что за ним куча народу ходит, фокус там и так далее. В итоге пригнали кран, чтобы его опускать, а кран, б...дь, медленный... У нас потому так все х...во, что нет технических средств. И в душе средств очень мало. А вот Алишер, у него есть в душе средства. Он так любит кино, что может даже закрыть глаза на мое иногда хамское отношение...

— А вы по-хамски себя вели?

— Да ужасно вообще. Ну для меня это физиологично было, я беременная была. Меня, надо сказать, все очень берегли, в первую очередь босс, Толстунов, он, видимо, решил для себя, что это все надо терпеть, хотя я три раза уходила со съемок, и вообще. Две рации разбила. Подруге своей, самой лучшей, случайно журналом по лицу засветила — группа злорадствовала, потому что она, моя подружка, типа могла халявить, опаздывать на 10 часов, а тут и ей досталось. А она потом со мной сидела, как с маленькой, таблетки мне какие-то успокоительные для беременных давала, забыла название...

— А сейчас вы же в основном по фестивалям ездите?

— Да, уже. Была только что на «Киношоке» в жюри, такого насмотрелась. Этих людей надо, как в фильме этом... ну дяденька русский в Америке снял... Бекмамбетов! — как у него в фильме: связывать и п...дить ногами. П...дить и спрашивать все время: «Зачем ты здесь?! Зачем ты здесь?!» И я убегала с этих показов, потому что ну невозможно смотреть. Уехать хотела, а меня не отпускали, пока протокол не подпишут. И вот последний день, кому приз давать, непонятно, все говно, похмелье еще... А тут показали фильм Митты-младшего «Олег Кулик. Вызов и провокация». Мне про Кулика всегда казалось, что он хулиган, а не художник, а из этого фильма я поняла, что он — ну человек, герой. Мы ему дали Гран-при в итоге. Шейн, который Митту продюсировал, растрогался и разрешил мне «Инфанту» доделать.

— А там с «Инфантой» (Первый полный метр Германики, про будни садомазохистов, был освистан на прошлом «Кинотавре», в прокат не вышел. — *Прим. ред.*) **не получилось?**

— Мы ее делали, делали, а потом мне сказали, что хватит ее делать, надо везти на «Кинотавр». И неважно, что ее там засрали все страшно, главное, чтобы мне нравилось. Но когда ты фильм недоделаешь, он к тебе во сне приходит. Я сейчас советуюсь со всеми, с Борей Хлебниковым, с Шиловой Ириной Михайловной, и все советуют разное. Там проблема — что делать, если зритель не воспринимает героя, потому что этот герой для него совершено пустой. Там у меня никчемные совершенно люди, и никто не хочет видеть что-то похожее в себе. С другой стороны — это как зеркало. Я не понимаю, почему Ставрогину какому-нибудь, который говно и подлец, все сочувствуют, а моим героям — нет. Что, что у Достоевского получалось, а у меня не получается?

— Ну надо сказать, что как раз во «Все умрут...» вполне идентифицируешься с девушками, хотя, казалось бы...

— С девочками другая история. Это скорее Гоголь. Есть человек, в котором тебе ничего не может, не должно нравиться. Вот он любит, скажем, рисовать запятую, и на этой запятой понимаешь: он такой же человек, как и я. Для меня это самое важное — эти нюансы, я стараюсь все строить на психосоматике, чтобы про людей узнавались какие-то совсем мелочи, приметы. Может быть, пока не очень ох...нно получается, но мне всегда хотелось сделать фильм именно про это. Вот ты сидишь с человеком, и он тебе приятен, потому что он как-то говорит по-особенному или двигается. В него можно влюбиться не потому, что он умный или что-то еще, а именно из-за мелочей. Я когда пришла фильм делать, все говорили «стори» — а мы не будем, мы будем делать образы. Мы ведь сами себя так воспринимаем, да?

— Я как-то не думал, что вы все это так для себя формулируете. Мне казалось, у вас все скорее интуитивно.

— Не, я не могу. Я если начну формулировать, тогда мои фильмы никто смотреть не будет. У нас с пиар-отделом все согласовано — я тупо туплю, фильмы все смотрят.

— То есть у вас тупость как бы точка соприкосновения с потенциальной аудиторией?

— Просто денег на рекламу нет. Вообще, если люди поймут, что я нормальное домашнее образование получила, они меня сразу начнут задалбывать разговорами про цель искусства, а мне это на х... не всралось. Я ненавижу споры, полемику вообще любую терпеть не могу. А так — ну туплю. Я хочу сейчас камеру купить маленькую и снимать, как люди на меня реагируют.

— Так Каракс, кстати, делает.

— Кто?

— Да неважно, сейчас выйдет кино «Токио!», там у Каракса есть новелла про месье Говно, посмотрите, я уверен, вам понравится: там герой — непосредственно Человек-говно, живет в канализации, ест хризантемы и деньги и всех ненавидит.

— А-а-а-а-а, это мой муж будущий. Я раньше хотела выйти замуж за Человека-пингвина. Он идеал мой был. Это, видимо, такая получается эволюция мужских идеалов — Человек-пингвин, сейчас — Человек-собака, а потом будет Человек-говно.

— А вот у вас дочка маленькая, вас как-то материнство изменило в лучшую сторону?

— Да, я каждый день меняюсь в лучшую сторону.

— Я почему спрашиваю: у вас же фильм про то, как дети посылают на х... родителей. А вот вы уже понимаете наверняка сейчас, что ваша дочка к вам может лет через тринадцать легко прийти с такими же примерно словами.

— Знаете, когда я в детстве, впервые послушав группу The Cure, задавалась какими-то серьезными вопросами, мне говорили: вот тебе исполнится тринадцать, и это пройдет. А потом: ну вот менструация начнется, и пройдет. Пое...ешься в первый раз, и пройдет. А я вот вам могу сейчас сказать: ничего не проходит. Это к вопросу о взрослении и конфликте поколений.

См. рецензию в рубрике «Кино»

Полина Филоненко родилась в Петербурге, играла в сериале «Преступление и наказание» Соню Мармеладову

«Все умрут, а я останусь», Валерия Гай Германика, Россия, 2008

Ольга Шуклина
«Гранд», «Москва», играла
в «Итальянце»
и в «Часе пик»

Агния Кузнецова
родилась в Новосибирске, закончила Щукинское училище, прославилась после роли в «Грузе 200» Балабанова

книга без перемен

Леонид Парфенов выпускает «Намедни. Наша эра. 1961–1970» — первый том книжной серии, сделанной по мотивам одноименного телепроекта. «Афиша» поговорила с Парфеновым о 60-х, 90-х и 2000-х

Интервью: Кирилл Иванов
Фотографии: Владимир Васильчиков

№237
от 14 ноября 2008 года
Кирилл Иванов разговаривает с Леонидом Парфеновым

— Зачем вам эта книга? Вы ведь уже сняли очень успешный телепроект в общем-то про то же самое.

— Оказалось, что сейчас это все снова, но по-другому актуально. Советскость — это теперь не прежняя цивилизация, а основательница нынешней. Я для себя так объясняю: современная Россия — это слепок советской античности. Нет ничего другого, что помнится как свое. Сколько ни рассказывай про праздник 4 ноября, люди-то даже что такое 12 июня не могут понять. Это все называется «Мой дед видал, как царь едал». Ну, фарш невозможно провернуть назад. Россия слишком далеко, а СССР близко, да так и не кончился. И элиты, и широкие народные массы вот так продают углеводороды, вот так служат в армии, вот так грозят заграница, вот так лечатся в больницах, вот так смотрят телевизор, вот так поют гимн и еще раз грозят заграница — все это делается по-советски. Видно же было, с каким облегчением и радостью к этой роли вернулись во время грузинских событий. Можно что угодно говорить о пропаганде, но нельзя не видеть, что так большинству людей легче и проще, они так понимают себя. Нужно самоидентифицироваться. Ну как за Пушкина зацепиться? Ну какой он «наше все»? Это он для Аполлона Григорьева, который так сказал, для тонкого критика и автора «Две гитары за стеной жалобно заныли...», а для нас «наше все» — Советский Союз. Вот доска знатных выпускников юридического факультета Санкт-Петербургского университета. Там одни выпускники Ленинградского ордена Ленина и Трудового Красного Знамени университета имени Жданова — во главе с Путиным и Медведевым, а Ленина с Керенским нет. (*Смеется.*) Есть, конечно, люди и с другим историческим сознанием. У меня такая формула — лучше не придумал: «Слава богу, нет у нас никакой единой России, кроме той, что неспроста пишется в кавычках».

— А почему так? Сейчас же как раз выросло первое поколение молодых людей, которые родились уже в постсоветской России.

— Они росли как будто на первом этаже Пушкинского музея: везде расставлены эти слепки советской античности. Есть, конечно, явления, которых в принципе не было в Советском Союзе, почти все из потребительского гипербума. Но это американский президент Линдон Джонсон сказал: «Если мы можем послать человека на Луну, то можем помочь старушке с медицинской страховкой». У нас бы такое в голову никому не пришло. У нас же не человеком величие страны определяется!

— Почему вы именно так писали книгу — по принципу ревизии?

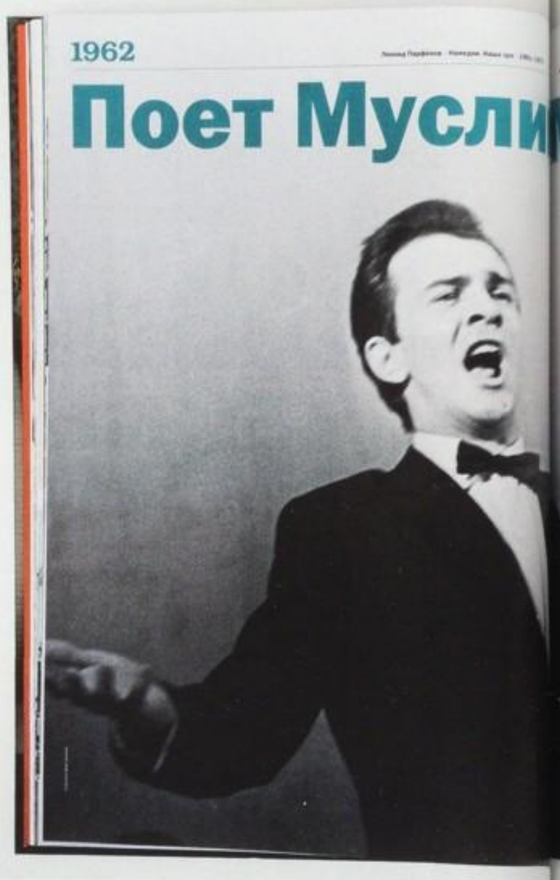
— Мне кажется, что так правильнее. Это набор феноменов. Я хотел передать не, как принято выражаться, «поступь времени», а цивилизацию. А она состоит из совокупности сегодня не очень точно представляемых жупелов. Ну, кроме того, эта монтажность, разномастность — это все от телевидения. Например, в 1966 году на одном развороте: визит де Голля в СССР после выхода Франции из военной программы НАТО, кинобум, когда у нас первое место в мире по посещаемости кинотеатров, запуски станции «Луна» и указ о борьбе с хулиганством. Это все так и жило, одновременно.

— Но есть ведь явления, которые трудно отнести к какому-то определенному году, они десятилетиями существовали.

— Мы старались найти какую-то датировку феномена. Вот, например, ничего не писала советская периодика про джинсы. И вдруг в «Комсомольской правде», которая и тогда была самой желтой газетой — ну желтой по тем временам, — большой, проблемный «подвал» про джинсы под названием «Монтана для плана». Первый текст, но поданный как само собой разумеющееся, по принципу «Ты в курсе — мать писала». Статья, что есть вот такие джинсы, которые давно требуются труженикам полей и ферм — нашей славной советской молодежи, но легкая промышленность не может удовлетворить все возрастающий спрос на эти брюки. И, мол, есть такие отвратительные проявления советской торговли, когда в конце месяца джинсы завозят для выполнения плана. Такие тексты называются «Нельзя не признать». Их много было в советской печати. Например, сорок академиков заклеймили Сахарова. До этого он не упоминался в прессе вообще никогда. И вдруг 40 академиков — от Басова до Энгельгардта — подробно пишут о человеке, о котором не слышал никто. А как же он пролез в академики, вражина такая?!

1962

1962



1962

1963

1965

— В предисловии есть благодарность сценарной группе телевизионных «Намедни. Наша эра». Вы пересматривали свои фильмы, когда писали книгу?

— Ну тексты в книжке, конечно, все написаны заново, потому что в телике сдерживало отсутствие картинки, много было не написать. И взгляд был как на уходящее, а теперь — на неушедшее. Вот я вчера писал про обмен партбилетов и специально перечитал, что было в программе. Обмен партбилетов — это ведь тоска смертная: ну меняют один корешок на другой, потом Брежнев выписывает партбилет №1 на имя Ленина, а Суслов — партбилет №2 на имя Брежнева. А надо было объяснять, что были слухи, будто грядет чистка рядов, и вообще какая тогда была эта партия, и что значило быть или не быть членом КПСС, и что — потерять партбилет.

— Вы говорите, что у современных россиян нет никакого культурного и социального багажа, кроме советского. Но вы ведь сами отчасти, придумав «Старые песни о главном», этому поспособствовали?

— Ну перестаньте. Это же семейный праздник. Во-первых, Мокроусов, Дунаевский, Блантер, Соловьев-Седой — это фантастические мелодисты XX века. Поставить «Порги и Бесс» — это же не значит призывать вернуться во времена Трумэна или кого-то там. Мы там играли в советские архетипы. Тогда ведь казалось, что приходит что-то другое, что все поменялось: люди иномарки покупают или хотят их купить, водка «Абсолют» в моде, «панасоников» дома понаставили, а праздник все тот же, традиционный. Мы играли в эту сусальность рождественских открыток. Пионэры будут смотреть на молодых певцов, пенсионэры — слушать любимые песни. И будет гармония — ее тогда очень не хватало.

— А Вайля и Гениса про 60-е вы читали? У них ведь книга примерно о том же, что и ваша, — и написана сильно до того, как вы стали снимать «Намедни. Наша эра».

— Я прочел ее точно после телесериала. И совсем не согласен с их углом зрения. У Вайля и Гениса, по-моему, слишком личный взгляд на эпоху. Я как раз пытался этого избежать. То есть, конечно, важно, чтобы это был мой текст с моей интонацией. Но мне там хотелось передать восприятие и других людей, и даже в первую очередь других. Я, скажем, не был поклонником Эдиты Пьехи. Но объяснить, в чем была притягательность вот этой интонации (*изображает Пьеху*) «Сберегу любовь от недобрых глаз», — это моя задача. Объяснить, почему это считалось эталоном изысканности. «С чего начиналось, чем бредило детство?/Какие мы сны получили в наследство?» Вот, кстати, в том же стихотворении Коржавина есть еще очень важные строки: «Годы, потраченные на постиженье/Того, что должно быть понятно с рожденья...»

— Я вчера пересмотрел ваш фильм 1989 года «Дети XX съезда»...

— О господи!

— Так вот, там последняя часть называется «Уроки». Она начинается с того, что вы в кадре говорите, мол, надо извлекать уроки из последствий XX съезда, что они могут быть очень полезны для перестройки...

— Ну тогда были определенные эфирные требования. Это же делал штатный работник Центрального телевидения СССР. А вообще, интересно извлекать уроки. История России же объясняет, например, что никаких уроков не будет, что будут опять те же грабли. Ну так лучше знать, что будут те же грабли, и они вот так вот бьют, и тут нечего расстраиваться... Но если впрямую резюмировать, то это ужасное неуважение к читателю и к самому материалу. Знаете, так вот откашляться и сказать: «А теперь выводы...» Типа: что же хотел сказать автор этим произведением?

— Вы могли бы сейчас, работая на федеральном канале, снять документальный фильм про 2000-е годы?

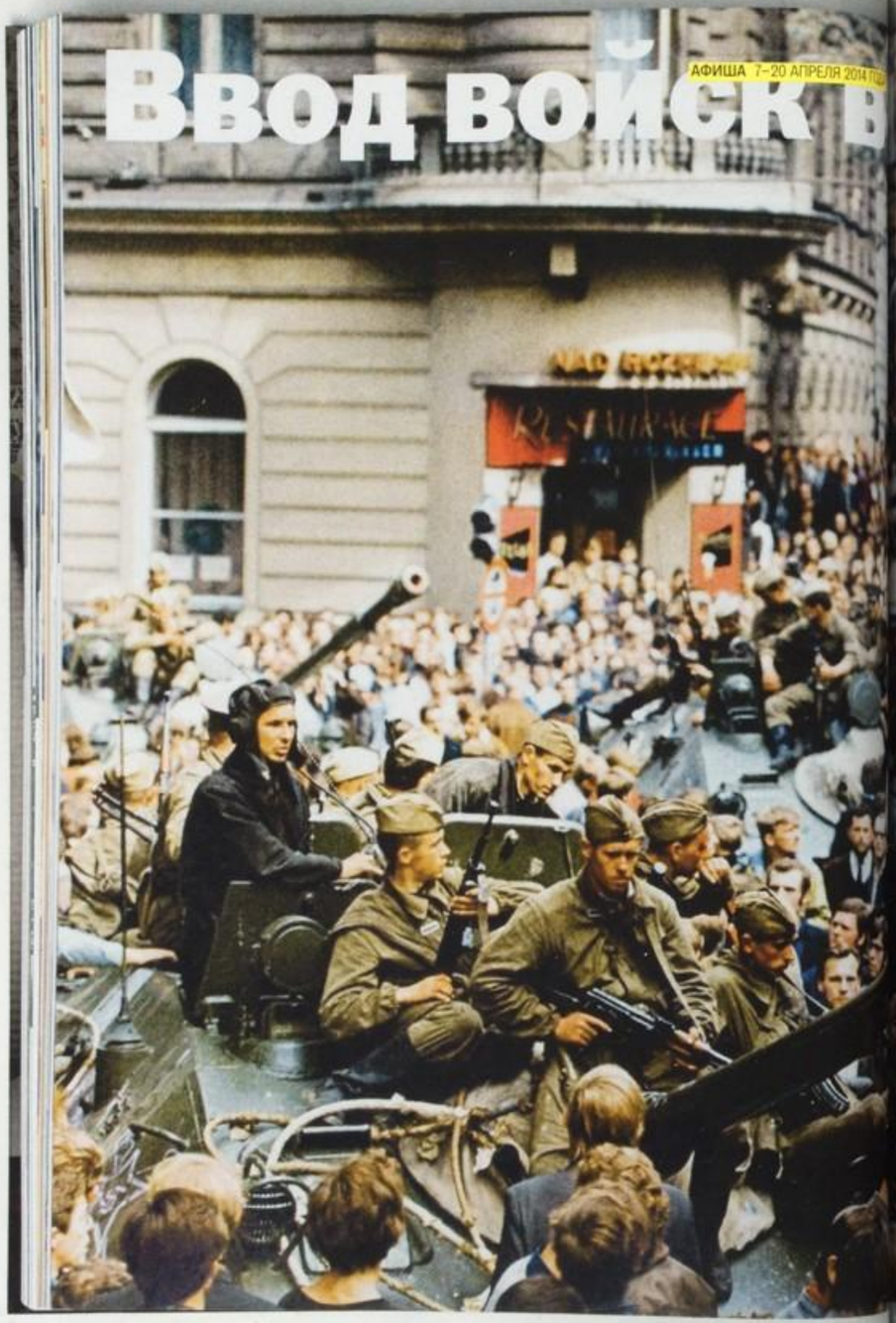
— Нет, 2000-е сейчас — еще актуальность. Это эпоха нынешней власти, когда родиной принято только гордиться. И объективный взгляд для эфира невозможен. Нужно бороться с «проклятыми девяностыми».

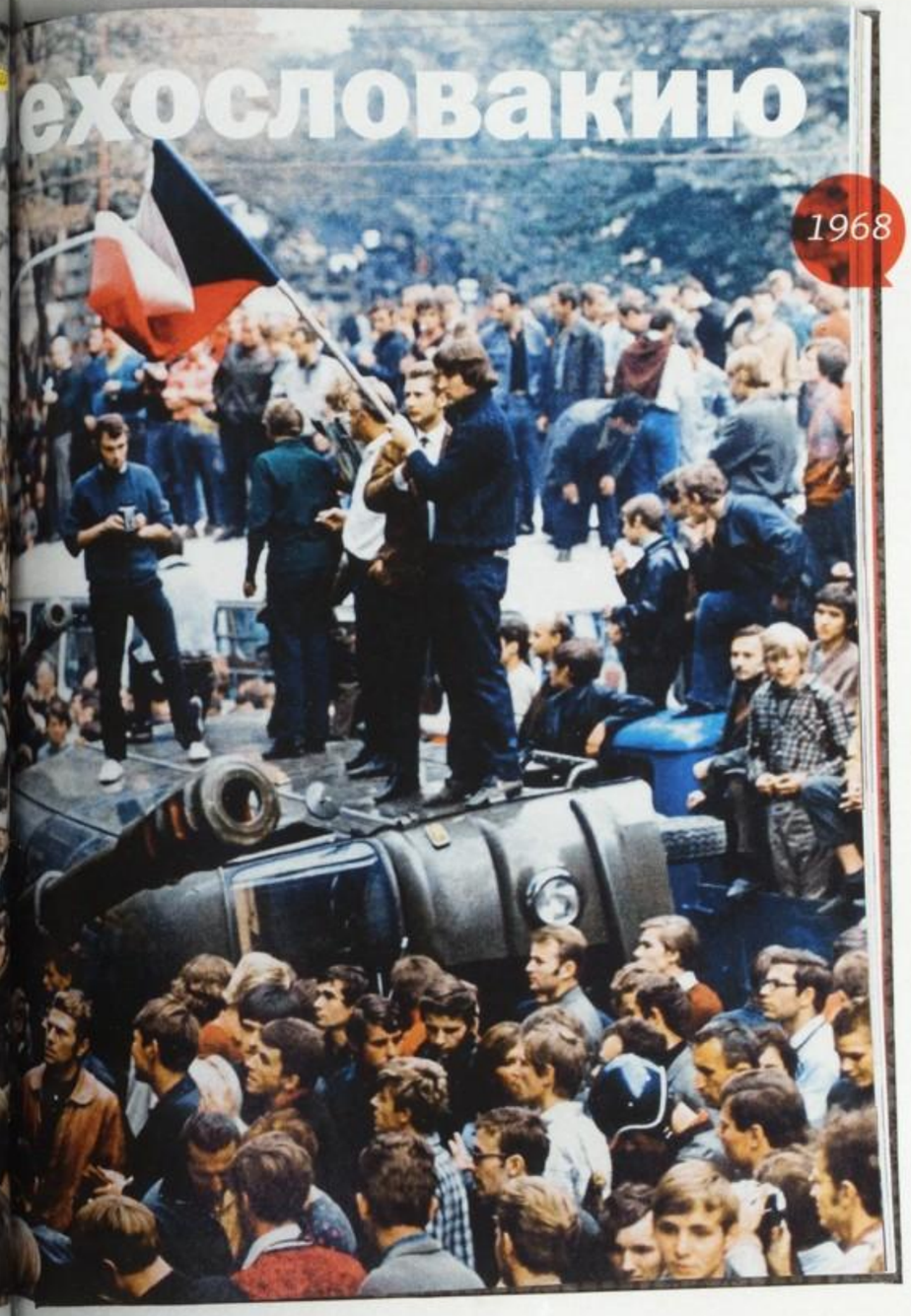
— А откуда вообще появилась эта терминология: девяностые, которые до этого считались самым свободным временем, вдруг стали «лихими», «проклятыми», «так называемыми»? Откуда эта риторика взялась?

— Ну, чтоб больше ценили благословенные 2000-е. Людям предложили такую формулу: девяностые — проклятое время. Они и согласились, потому что от советского стереотипа, на который путинская модель очень похожа, ведь трудно отказаться. Потому что — а что тогда будет? Вообще ничего! Кроме советского великодержавия — нет никакого другого идеала. Ведь не было никакого антисоветского Нюрнберга, никто же не расквитался с прошлым. И оно осталось «нашим славным», а непохожие на него 90-е — бесславными.

Ввод войск в Чехословакию

1968





— **Многие считают, что у нас сейчас такое телевидение именно благодаря вам. То есть если бы не было программы «Намедни», то и программа «Максимум» никогда бы не появилась.**

— Это, может, программа «Максимум» любит так считать. В программе «Намедни» был так называемый отдел адского трэша, который состоял из одного человека. Но было еще 6 человек-отделов. А что трэша в русской жизни много — кто же в этом сомневается... В условиях, когда белый и черный брать нельзя, ребята берут желтый — и что? Я не вправе требовать от них какого-то подвига. Ведь нынешняя тележурналистика вся живет не по законам этого ремесла, она только так называется. Чего ждать от репортера, если главный ньюсмейкер является начальником его начальника? Какая тут может быть журналистика?

— **К слову, о телевизионной журналистике: у вас в книжке во всю обложку советский телеприемник...**

— В каждом следующем томе будут меняться телевизоры и интерьер. То есть 70-е, например, — цветной телевизор «Рубин», а сзади фотообои. А потом — видеодвойка Funai или Akai.

— **...а в телевизоре — вы крупным планом.**

1968

— Нужно же было представить какую-то преемственность с телепроектом. Трудно предположить, что кто-то купит книгу, деньги потратит, а тот проект раньше и задарма не смотрел... Это не от вопиющей нескромности. А как иначе это сделать?

— Последний телеканал, в эфире которого вы регулярно появлялись, — это ведь «2х2»?

— Так уж и появлялся — только озвучивал «Monkey Dust», переименовав его в «38 обезьян». Отличный сериал, обыгрывающий чуть ли не все фобии и филии маленького человека большого города. Едкий, жесткий и смешной. У нас ничего подобного и близко нет.

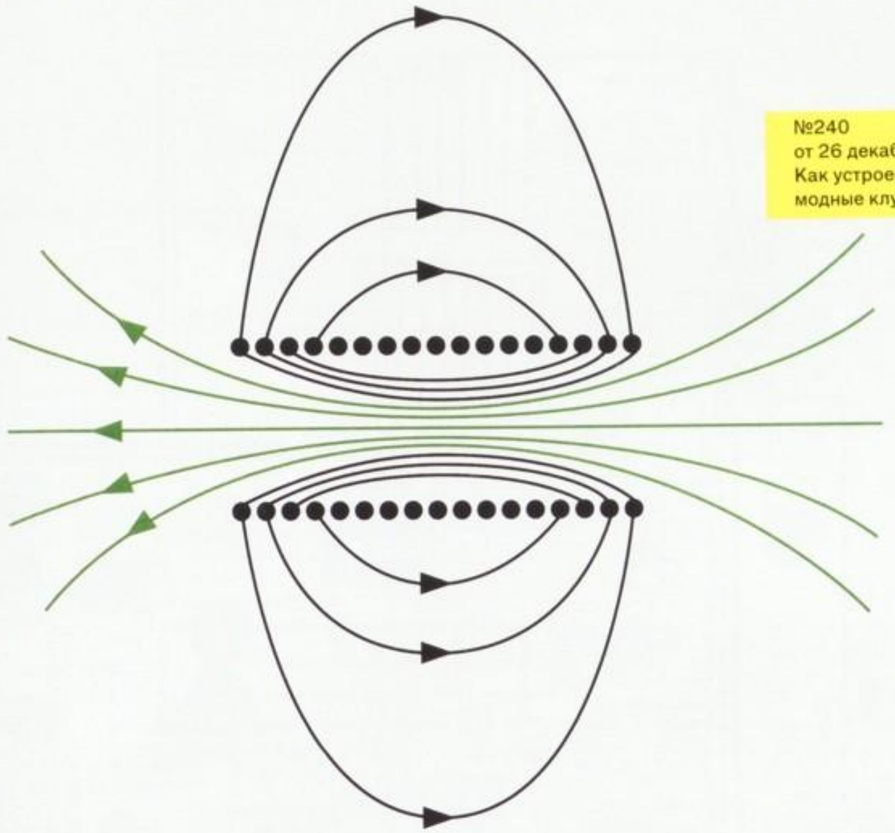
— А как вам история про то, как «2х2» пытались закрыть?

— В кои-то веки пресловутое гражданское общество проявилось: отвязные поклонники «Южного парка» вступились за свое право его смотреть, и власть на конфликт не пошла. Она ж всегда пробный шар сначала забрасывает. Не заорали бы — прихлопнули. А уж как ветеран главной редакции программ для молодежи Центрального телевидения СССР я хорошо помню, что такое правильная молодежная эфирная политика, на которую хотели было заменить «2х2». На титрах программы «Мир и молодежь» тогда как-то показали группу «Автограф» — это была неслыханная дерзость. И я спросил у Сагалаева: «Эдуард Михайлович, а есть какая-то музыкальная политика в эфире?» Я рассчитывал еще кого-нибудь пропихнуть... Лауреат Государственной премии СССР грустно посмотрел на меня: «Какая музыкальная политика, если председатель Гостелерадио так и не понимает, почему я, в общем послушный главный редактор молодежной редакции, все не выполню главного социального заказа — не передам в программе «Мир и молодежь» песню «Мы — молодая гвардия рабочих и крестьян». Вот они, видимо, чего-то такого хотят. Я же говорю: повсюду реликты советской античности.

Леонид Парфенов «Намедни. Наша эра. 1961–1970», КоЛибри, Москва, 2008

См. материал в рубрике «Книги»

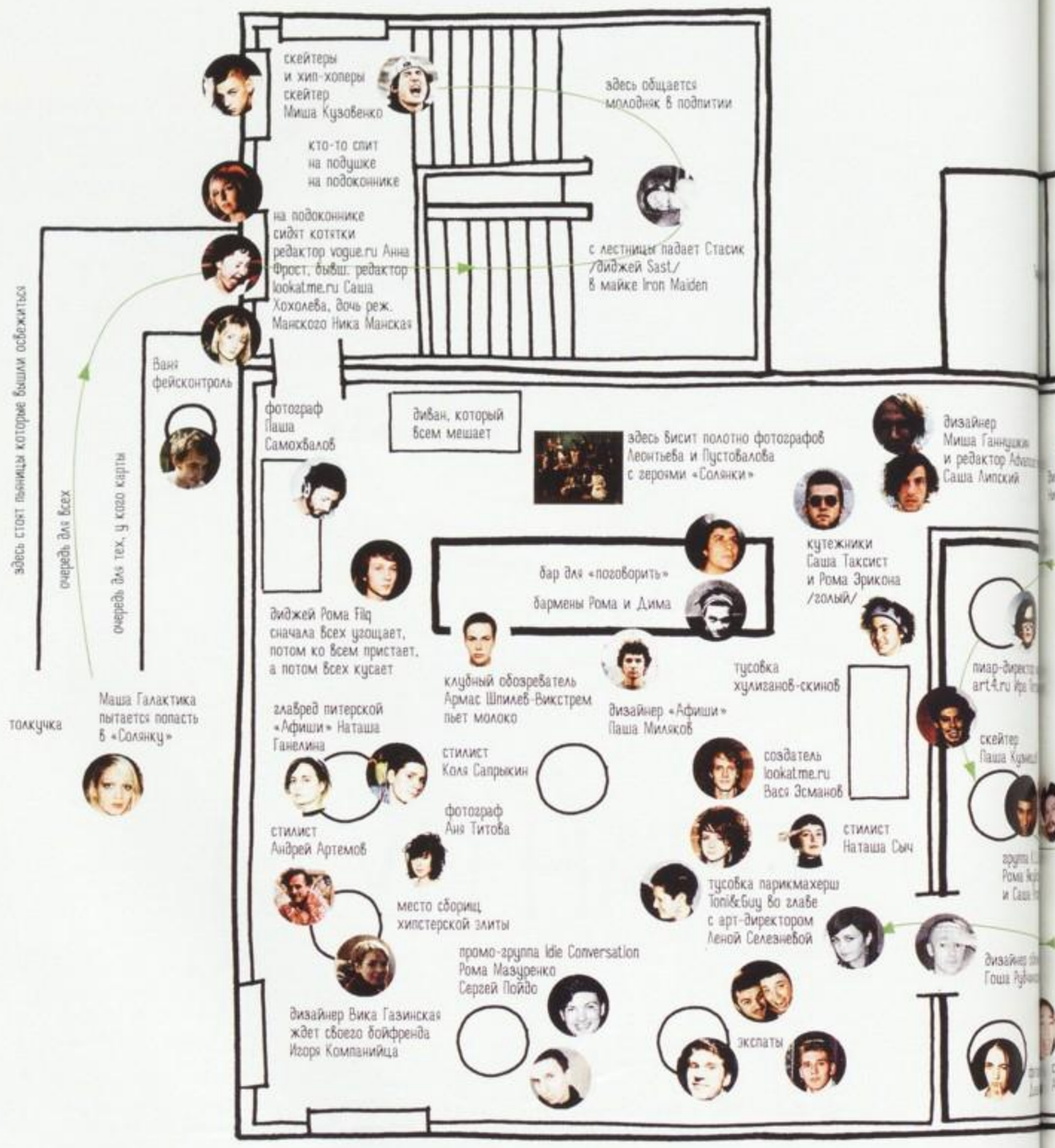
№240
от 26 декабря 2008 года
Как устроены московские модные клубы



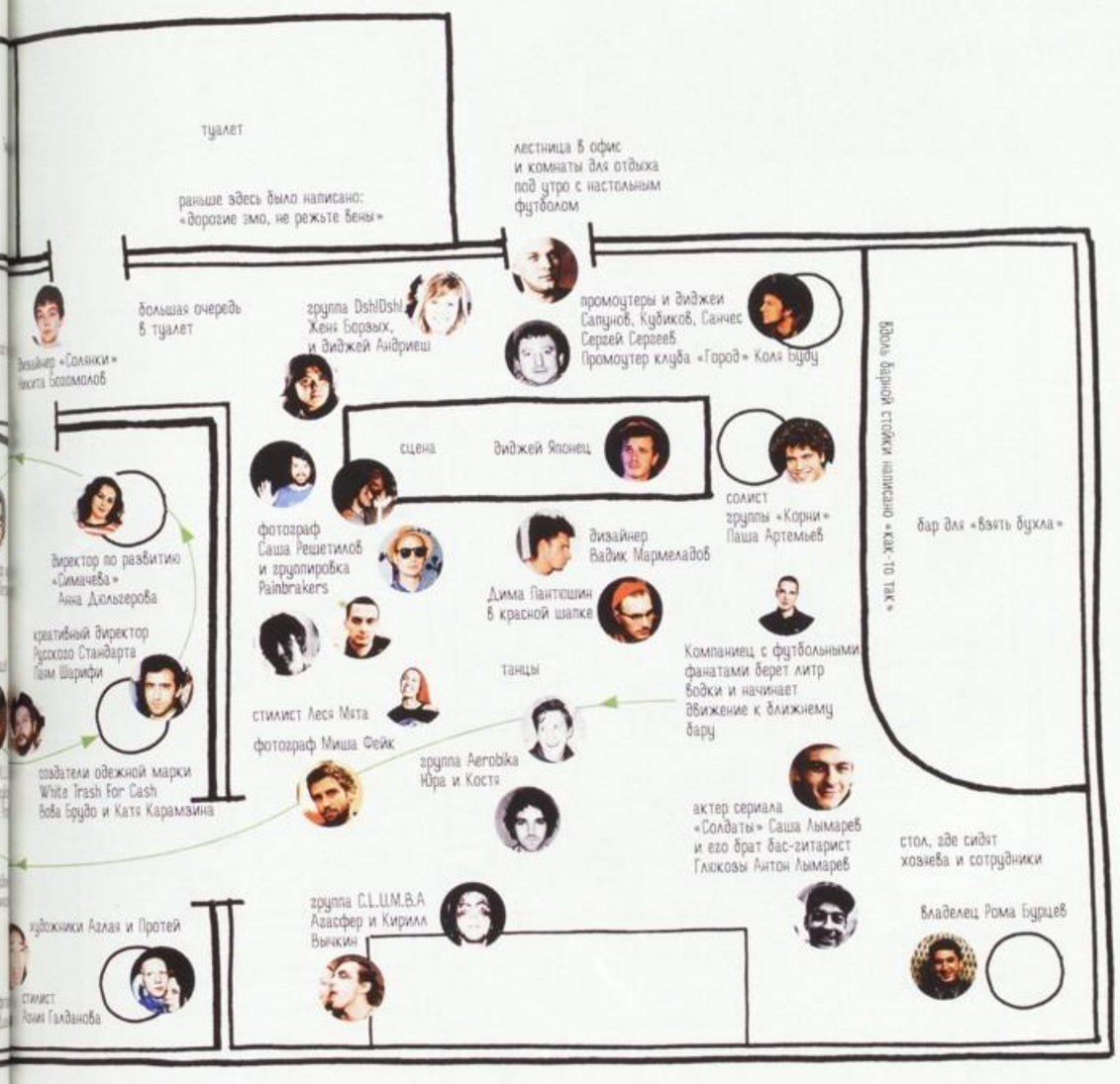
ПЛАН ПУТИ

В Москве, как и в любом другом городе, легко напиться в дым без смысла и пользы. Между тем московский алкотрип можно превратить в нечто среднее между социологическим исследованием и этнографической экспедицией в гущу столичной жизни. «Афиша» составила схемы самых живых заведений и самых многолюдных маршрутов выпивающей Москвы. Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Текст: Евгения Куйда
Графика: Сергей Громов



«Солянка»
хипстерский рай



Памятка

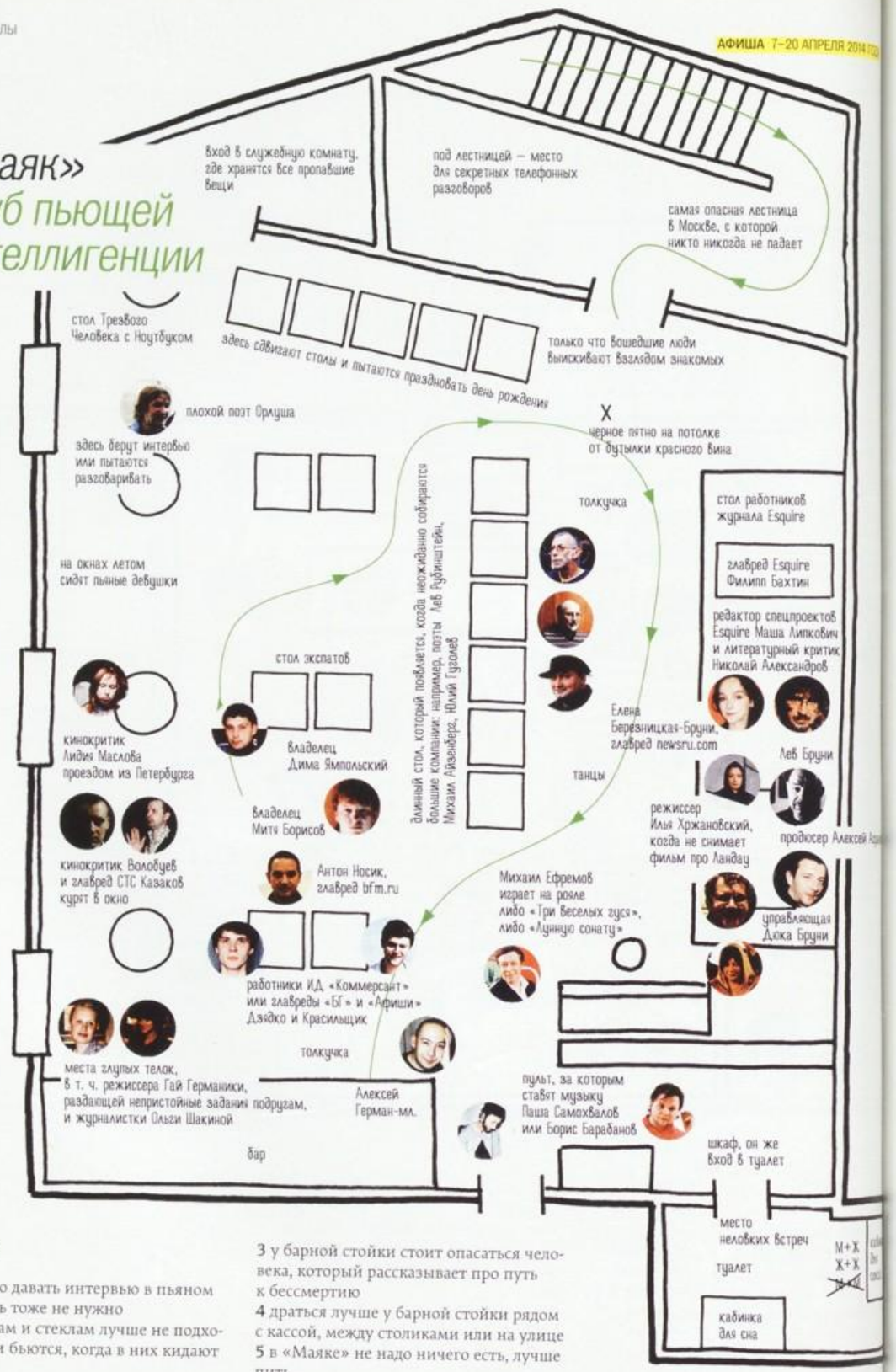
1 если у вас нет клубной карты, попадание в «Солянку» обязательно связано с унижением. Либо вас развернут на входе, либо потребуют 500 рублей за вход, либо заставят стоять долго в очереди

2 как войдете, сразу берите любимый напиток завсегдатаев — коктейль «Колян», водка с тоником в пропорции 50 на 50

3 не надо вставать и садиться на тумбы и столы. Они в «Солянке» антикварные, охранники тут же попросят слезть

4 в «Солянке» можно спать на кожаных диванах и креслах — тебя не только не выгонят, но и накроют одеялом. Это официальная политика клуба

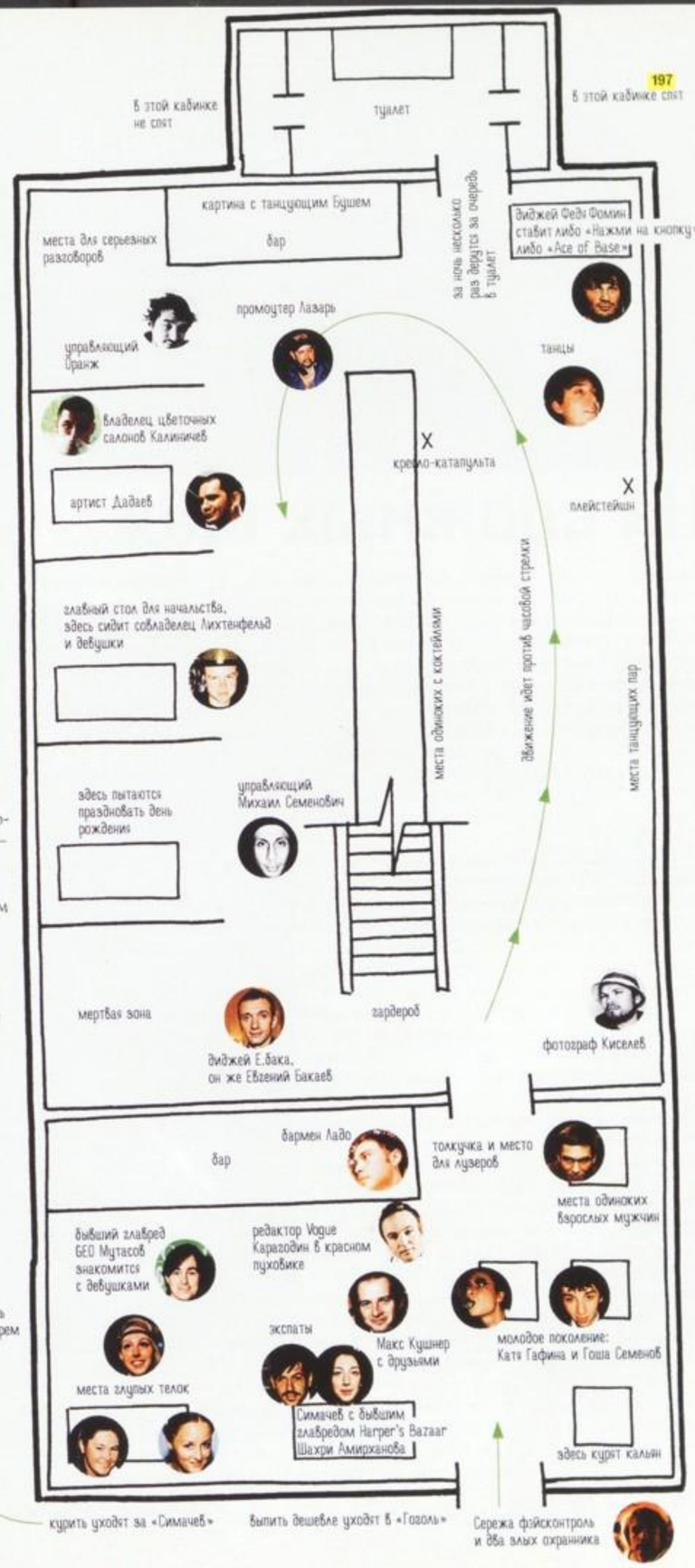
«Маяк»
клуб пьющей интеллигенции



Памятка

1 не нужно давать интервью в пьяном виде, брать тоже не нужно
2 к зеркалам и стеклам лучше не подходить — они бьются, когда в них кидают посудой
3 у барной стойки стоит опасаться человека, который рассказывает про путь к бессмертию
4 драться лучше у барной стойки рядом с кассой, между столиками или на улице
5 в «Маяке» не надо ничего есть, лучше пить

Simachev
рюмочная для богемной буржуазии



Памятка

1 не стоит поддаваться на провокации в очереди в туалет, это всегда кончается драками
2 нельзя портить отношения с длинноволосым человеком в вельветовых штанах — это управляющий Миша
3 не ходите по бару по часовой стрелке, движение происходит только в обратном направлении
4 зимой алкоголь брать лучше в баре на улице, а летом — внутри
5 за выпивкой лучше ходить в «Гоголь» через дорогу, выйдет дешевле и быстрее

№232
от 5 сентября 2008 года
Юрий Сапрыкин вводит
в русский язык слово
«хипстер»

ЮРИЙ САПРЫКИН О ДУХЕ ВРЕМЕНИ
НЕНАВИСТЬ К МОДНИКАМ

На сложных щах

Последний Пикник «Афиши», как известно, побил рекорды посещаемости (55 тысяч человек, не шутка), но основная (или по крайней мере самая заметная) часть публики осталась прежней — и нет, это не те же самые люди, что ездят на «Нашествие». Эти люди носят узкие джинсы или цветные лосины, отращивают челки, надевают большие очки без диоптрий, в прошлом году у них были в ходу геометрические принты, теперь их сменила клетка и футболки старых рок-групп, их (то есть нас, чего уж там) регулярно можно застать в «Винзаводе», магазине «Республика» или клубе «Солянка» (это если в Москве), в кармане у них молескин, в руке пленочная мыльница — в общем, понятно, о ком идет речь, хотя подходящего слова в русском языке для этих людей так и не появилось: инди-киды? хипстеры? модники? Факт наличия в больших городах людей с лосинами и молескинами — давно не новость, но вот дикое раздражение, которое они начали вызывать у всех вокруг — и не только в российских столицах, — это что-то новое.

Нью-йоркский Time Out печатает специальный номер под заголовком «Почему хипстеры должны умереть» (по версии Time Out, если хипстеры этого не сделают, Нью-Йорк превратится в вялое болото). Журнал Adbusters (тоже вполне себе цветнолосинный) печатает огромный злющий материал «Хипстеры: тупик западной цивилизации»; смысл в том, что хипстеры — первая в истории Запада молодежная субкультура, которая ни к чему не стремится, ни о чем не мечтает, не протестует, не бунтует, не изобретает, не меняет жизнь; хипстеры — самовлюбленные твари, которым вообще ничего не надо, кроме как следить за потоком новых трендов и снимать себя, любимых, на пленочную мыльницу. В русской блогосфере к посетителям Пикника предъявляют претензии менее философского толка; и гламопидорасы — еще не самое жесткое выражение, каким описывают эту трудноопределимую субкультуру.

Справедливости ради, хипстерам тоже много чего не нравится. Цветные лосины, как правило, подразумевают позицию неучастия, желание в известном смысле жить не по лжи — дескать, мир во зле лежит, кругом гламур, пиар, бабло, вертикаль власти и принуждение к миру, а мы от этого загородились молескином и потихонечку пляшем под спейс-диско. Люди, принадлежащие к миру бабла и гламура, самовлюбленны и неискренни, они судят других по моделям машин и маркам сумок, они состоят из понтов и стремления перещеголять друг друга, они дико пафосные и ужасно невеселые — конечно, с такими нам не по пути, уж лучше к своим в «Солянку».

А теперь посмотрим, какие пункты обвинения предъявляют хипстерам. Они самовлюбленны и неискренни. Судят других по моделям айподов и маркам очков. Состоят из понтов и стремления перещеголять. Дико пафосные и ужасно невеселые. Вчера я наткнулся в одном журнале на беседу одной важной светской красавицы с художником Куликом: красавица в основном говорила о том, как для нее важны позитив и креатив, новые яркие впечатления, внутренняя гармония и прочее, в принципе под этими словами могла бы подписаться любая девушка, покупающая в «Республике» книжку Паланика и всей душой ненавидящая гламур. Единственное отличие между Ксенией Собчак и условным модником в том, что Собчак никогда не будет отрицать, что принадлежит к миру бабла, а модник-индивидуалист ни за что не согласится, что он — один из ЭТИХ.

Никто не презирает хипстеров больше, чем сами хипстеры.

Набор предметов, которыми пользуются хипстеры в разных странах, приблизительно одинаков. Отличаются только названия журналов: в Нью-Йорке эти люди почему-то читают Time Out

Авиньон, Фрежюс, Бандоль,
каланки, пастис и петанк.
Каникулы на юге Франции
с нашим новым путеводителем

ПУТЕВОДИТЕЛИ «АФИШИ» ПО СТРАНАМ И РЕГИОНАМ

Англия, Бельгия, Германия, Израиль, Ирландия, Испания, Италия, Прованс и Лазурный Берег, Швейцария, Япония

16+

Заказ и доставка (495) 785 17 00 • **shop.afisha.ru**

афиша

20 09

афиша

афиша
даша ястребова
дэнни бойл
гоша рубчинский
империя ала
лыжники
джонатан коу
лили аллен
twitter
моррисси

афиша

афиша

афиша
мик-
ки
ру-
рк

афиша

афиша

афиша
Наука & жизнь

афиша
Юэн Макгрегор

афиша
Hasta la vista, baby

афиша
Литвинутс

афиша
Шарлотта Генсбур

афиша
Рублевка

афиша

афиша
17

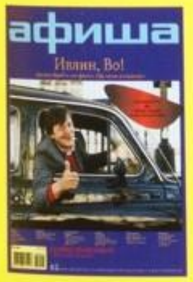
афиша
АЛИСА ХАЗАНОВА

афиша

афиша
Обмани меня

афиша
500
CIRQUE

афиша


афиша
Иллин, Во!

афиша
Леди Гага

афиша

С НОВЫМ ГОДОМ!
афиша

Каналы Сообщество

2 НЕ202 И В ГОРОДЕ

uTube!

ыбра ...ески): Русский

Предложения

procrastination animation
procrastination spongebob
procrastination song
procrastination chart
procrastination amy winehouse

АФИША 7–20 АПРЕЛЯ 2014 ГОДА

ример, Лидер
е в верхней ч
ть ролики со

закрыть

№241
от 23 января 2009 года

ДАНИИЛ ДУГАЕВ О МИРЕ БУДУЩЕГО

БОРЬБА С ПРОКРАСТИНАЦИЕЙ

Партия лени

Наверняка ваши планы на этот год поражают размахом — вы собираетесь освоить укулеле или вывести активы на Балеарские острова. Я же потрачу ближайшие месяцы на борьбу с прокрастинацией — главной причиной, по которой на земле все еще не наступил мир будущего.

Прокрастинация — объясняю на всякий случай, потому что этого слова, как выяснилось, не слышала половина редакции «Афиши», — это психологическое состояние, когда важные дела откладываются на потом, а вместо них время тратится на мелочи, которые на самом деле никому не нужны. Когда вместо того, чтобы встать и вынести мусор, вы полируете айпод — это прокрастинация. Когда вместо того, чтобы ответить на рабочие письма, вы читаете Google Reader — это прокрастинация. На прокрастинацию у человечества уходит в два раза больше времени, чем на собственно работу, и ситуация ухудшается с каждым годом.

Причин прокрастинации много. Кто-то может действовать только под адреналином и подсознательно ждет, когда его стукнет по башке дедлайн. Кто-то боится ответственности и никак не может принять решение. У кого-то просто забился дрянью мыслительный водопровод. Но это даже и не важно.

Важно то, что на прокрастинации построена половина современной цивилизации. Например, популярность социальных сетей — прямое следствие этой пагубной привычки. Нормальному человеку новости нужно читать один раз в день, заглядывать в LiveJournal — раз в неделю, смотреть телевизор — раз в год. А что происходит на самом деле? Миллионы занимаются этим без передышки — просто потому, что не могут заставить себя написать какое-нибудь письмо клиенту.

Наши внешние и внутренние враги делают все, чтобы прокрастинировать было удобнее. Они расставляют нам ловушки — «Похожие видео» на YouTube, «Популярные записи» на «Яндексе». Но здесь не поможет даже полное отключение интернета. Даже у Чехова были моменты, когда он, посидев две минуты за «Палатой №6», вскакивал к буфету за рябиновкой. Проблему надо решать иными методами.

Методов этих придумано немало. Есть, например, такой «подход (10 + 2) x 5». Идея такая: сначала ты ставишь себе задачу — например, написать абзац текста. Потом честно, не отвлекаясь и сжав зубы, тратишь на это десять минут по секундомеру. Потом две минуты бродишь по комнате, куришь, пьешь кофе, обдумываешь планы эмиграции в Бутан. Потом все начинается сначала. К концу часа у тебя на руках образуются пять абзацев — неплохой результат для зомби.

Но такие способы работают редко, потому что они подразумевают наличие силы воли, а у многих из нас сила воли давно атрофировалась. Именно поэтому борьбу с прокрастинацией надо записать в цели года, и добиться к следующему декабрю снижения посещаемости ЖЖ на 80%, курения на 40%, поиска в интернете собственной фамилии процента на 3. Как минимум.

Я, честно говоря, даже представить себе не могу, что будет, если население земли одновременно бросит прокрастинировать. Мир, каким мы его знаем, перестанет существовать. Немедленно выяснится, что все, чем мы занимаемся, можно делать в два раза быстрее. Что будет дальше — удвоится ли ВВП, рассосется ли кризис, — я не знаю. Но если у меня наконец найдется время на сериал «The Wire» — я запишу это в свои маленькие победы.

Photo 7.jpg

Великий Сансон, Франсуа Вийон, негр Замор, Аллан Кардек, Картуш и Равашоль.

Герои старого Парижа в новом издании путеводителя «Афиши»

ПУТЕВОДИТЕЛИ «АФИШИ» ПО ГОРОДАМ МИРА

Амстердам, Барселона, Берлин, Будапешт, Вена, Венеция, Вильнюс, Гонконг, Киев, Лиссабон, Лондон, Мадрид, Милан, Москва, Нью-Йорк, Париж, Петербург, Прага, Рига, Рим, Стамбул, Стокгольм, Таллин, Токио, Флоренция, Хельсинки

16+

Заказ и доставка (495) 785 17 00 • **shop.afisha.ru**

афиша

Суд ланча

№245
от 20 марта 2009 года
Евгения Куйда
устраивается официанткой в «GQ-бар»

Текст и фотографии:
Евгения Куйда

Корреспондент «Афиши» Евгения Куйда неделю проработала официанткой в «GQ-баре».

Воскресенье

При приеме на работу задают четыре вопроса: умею ли я разделывать рыбу, могу ли открывать бутылки нарзанным штопором, пользуюсь ли косметикой и есть ли с собой черные штаны. Правильные ответы — да, да, да, да. Хотя на самом деле не умею, не могу и не пользуюсь. Только черные штаны у меня и вправду с собой. Так начинается первый рабочий день.

Сразу официантом стать нельзя — вначале работаешь помощником, потом сдаешь меню и получаешь карту. Работа у всех —два через два, зарплата — 5400 р. в месяц плюс чаевые. Раньше устроиться официантом в GQ было практически нереально —ни в одном ресторане не зарабатывали, как здесь; самые бойкие получали по сто тысяч в месяц. Сейчас в среднем выходит тысяч сорок-шестьдесят. Тоже хлеб.

Самое приятное в работе, конечно, форма. Форму — черную рубашку Pal Zileri с логотипом, фартук с карманом и кроссовки Fila — выдают сразу же; кроссовок на меня, правда, не оказалось, пришлось взять мужские, на пять размеров больше. Мне достается простая позиция — самая безлюдная часть зала. Моя обязанности — следить, чтобы в стейшене, главном ящике с приборами и тарелками, все было на месте, ставить хлеб на стол, приносить скатерти и менять пепельницы. Сложнее всего с хлебом — нужно поставить одновременно и хлеб, и масло на блюдце, и соль с перцем. Носить в два подхода нельзя — оштрафуют; в результате руки трясутся, как у эпилептика.

Вторник

Хотя GQ и открывается в полдень, официантам надо приходить строго к десяти. То есть в 10 уже надо быть в форме и в зале; а до этого еще успеть в дикой тесноте переодеться (раздевалка занимает где-то пять квадратных метров, в нее надо попасть одновременно полусотне человек). До одиннадцати нужно полностью сервировать столы, протереть пыль, подмести пол, поставить в стейшены посуду и приборы и расставить в творческом беспорядке (строго регламентированном — пять лежат, три стоят под углом 45 градусов к стенке) журналы GQ в шкафу.

Самое муторное занятие — сервировка, она же — главный повод оштрафовать официанта. У Новикова драконовские правила — расположение приборов, посуды и салфеток выверено по линейке: три пальца там, два сантиметра тут, пепельница повернута ручкой к окну и так далее. Помимо этого у официантов есть свои законы (например, начинать сервировать с вилок —плохая примета): сделать все идеально практически невозможно.

В одиннадцать начинается планерка: менеджер зачитывает меню бизнес-ланча и объявляет новое правило — гостей перед уходом надо приглашать на Восьмое марта, будет петь Марк Артур. Официантка Катя интересуется, не тот ли это красавец, что пел в прошлом году, — оказывается, он самый. Больше ничего про Марка Артура не известно, кроме того что предстоит «элегантный VIP-концерт».

До полудня официанты уходят завтракать. Если хочешь выйти на улицу — проверяют металлоискателем, чайные ложки все равно приходится докупать чуть ли не каждый месяц. Внутри единственная доступная зона отдыха для персонала — узкая кишка подвала у служебного входа. В нее набито все что ни попадя: вешалки с одеждой, коробки, не поместившиеся на складе, огромные мусорные ведра. Там же к одной из стен прибита полочка; это вроде как стол. В гигантском котле при-

носят овсяную кашу; особый восторг вызывает поднос со сливочным маслом — масло к каше дали в первый раз.

Новичка здесь вычисляют в момент — официанты никогда не говорят «посетители», только «гости», это краеугольный камень официантского сленга. Есть еще «алкашка» (алкогольные напитки), «курсы» (первое, второе, компот), «накрутить» (сложить салфетки или конвертики для палочек), «нулевой стол» (не оставивший чаевых), «наперон» (скатерть, которую надо менять после каждого гостя, предварительно погладив), «получить карту» (стать официантом), «поставить на прибор» (в наказание разжаловать официанта в помощники) и «гарбич» (странная транскрипция английского слова «мусор»).

В полдень всем надо быть на позиции, иначе штраф. Пока никто не видит (штраф за разговоры в зале — 30 долларов), обсуждаем Абрамовича: бригадир Андрей уверяет, что видел его в GQ с молодой блондинкой. Девушки-официантки яростно накидываются на Андрея — в том смысле, что все мужики одинаковые, в том смысле, что сволочи.

Первый клиент — итальянец, похожий на пожилого Паваротти. Заговорщически просит меня подойти поближе, раздвигает ноги и показывает внутреннюю сторону бедра: порвалась, говорит, штанина, нельзя ли заштопать. Приходит Маша Малиновская, заказывает мохито, бокал белого вина, водку, лимонный и апельсиновый сок. Начинается время бизнес-ланча, который в GQ никто никогда не берет (говорят, с момента введения его заказывали раз пять), при этом официанты обязаны помнить все 8 позиций текущего дня. Любимое развлечение директора — отловить зазевавшегося официанта и спросить, что сегодня в бизнес-ланче; незнание карается штрафом.

Вечером на нашу позицию усаживают Ксению Собчак с подругами — празднуют чей-то день рождения. Официанты тяжело вздыхают — говорят, Собчак все время требует что-то, чего нет в меню, ей ничего не нравится, и она все время обещает позвонить Соркину (совладельцу «GQ-бара»). Больше Собчак официанты ненавидят только Оксану Робски. Но на этот раз с Ксенией обошлось без жертв — роллы «Калифорния», крабовый салат и никаких звонков Соркину.

Пятница

Прибегаю к шести, заламывая руки, рассказываю жуткую историю: трубу прорвало, всех залило, соседи снизу грозятся в суд подать. Бригадир Андрей меня жалеет и приносит чай. Все-таки официанты в GQ — святые люди.

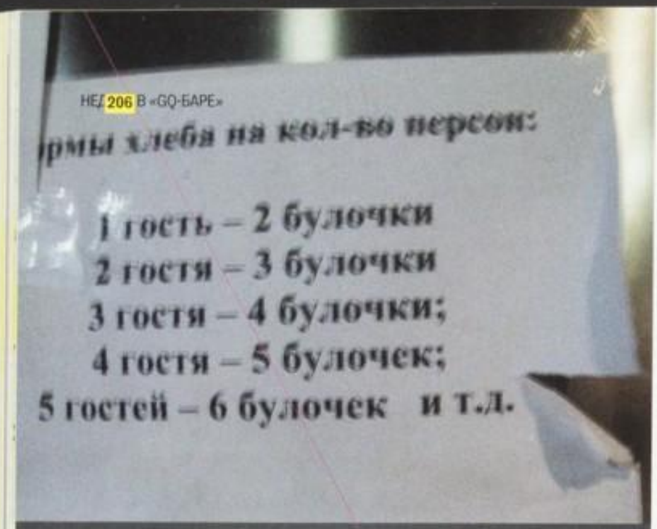
Работы до позднего вечера нет вообще. Рядом со мной ужинает Карло. Карло каждый вечер поет под пианино итальянские песни — его притащил, кажется, Соркин из гостиницы в Порто-Черво. Карло страшно несчастен и жалуется мне на жуткую тоску: говорит, что не может больше смотреть на эти рожи и что его личный ад — ежедневно исполнять репертуар Тото Кутуньо и Ricchi e Poveri. Пока никого нет, с надрывом поет пару песен Патти Право и Васко Росси и выпивает бутылку вина.

К десяти зал заполнен. Меня просят принимать заказы у иностранцев, потому что я говорю по-английски. Иностранцев в GQ — каждый второй. С официантами ведут себя вежливо, только чаевые оставляют мизерные, поэтому отношение к ним смешанное.

Неподалеку от итальянцев усаживаются женщины, ищущие легкого заработка. Отличить их легко — они усаживаются

«Правила поведения сотрудников кухни GQ-BAR

Сотрудники обязаны:
1. Приходить на работу вовремя
2. Все свои проблемы, связанные с уходом в рабочее время куда-либо, решаются до работы!
3. В связи с интенсивной работой в вечернее время с 19.00 до 0.00 часов сотрудники имеют право покинуть рабочее место на время не более 5 минут с оповещением предварительно об этом»



«Правила поведения сотрудников кухни GQ-BAR

Запрещается на кухне персоналу:
1. Завтракать, обедать и ужинать (в том числе и напитки)
2. Употреблять алкоголь, наркотики и пр.
3. Громко разговаривать (особенно матом и не по делу)
4. Пользоваться мобильным телефоном

Сотрудники, замеченные за отдачей блюд «НАЛЕВО», не относящихся к рабочему процессу, будут оплачивать сие творчество из собственной з/п в конце месяца!»

не друг напротив друга, а уголком, чтобы лучше видно было. Поскольку со времен открытия Vogue Café новиковские рестораны — основное рабочее место девушек в поиске, с ними давно научились договариваться. У менеджеров существует соглашение: девушки не привередничают при рассадке и обязательно заказывают еду, а не просто чай на двоих разливают. Кроме того, действует система карточек, как в футболе: нельзя слать записки и подходить к другим столам первыми, без сигнала – за это желтая. За две желтые — удаление, таких просто ставят в блек-лист и больше не пускают в ресторан. Красную сразу можно получить в экстренном случае: говорят, одна как-то быстро показала грудь мужчине за соседним столом. Мои девушки устраиваются за угловой стол у итальянцев на виду и томно пьют просекко. Итальянцы реагируют вяло — девушки просят у меня ручку и салфетку, долго совещаются, что-то пишут и просят передать на соседний стол. Извернувшись, умудряюсь заглянуть: округлым, как в прописи, почерком написано «600х2» и знак евро поверх перечеркнутого доллара.

Тащу на мойку доску из-под суши, официант Игорь хватает с нее имбирь, одновременно умудряясь выловить недоеденные гренки из супа в руках у мальчишки-помощника. Доедают за гостями почти все официанты — на мойке остатки перекладывают в жестяные миски, из которых положено есть персоналу. Менеджеры за это должны штрафовать, но на самом деле сами с удовольствием делят трапезу с официантами. То, что не доедают официанты, достается посудомойкам.

В самый час пик приходит Оксана Робски с подругой. Долго думает, заказывает устрицу. Меня отправляют на поиски устричной вилки, специального блюда со льдом и нужного соусника. Еле нахожу все в последнем экземпляре на мойке, слепо прошу помыть и натереть, уламываю бармена порезать лимон, подаю устрицу. Робски тут же съедает ее и задумчиво говорит:

— Пожалуй, еще одну, только побольше и пожирнее.

Проклиная все на свете, повторяю процедуру. И еще раз. И еще. Робски четыре раза подряд методично заказывает по одной устрице.

Суббота

Выхожу в вечернюю смену. С шести вечера и до последнего – в азиатском зале, переоборудованном в кризис под караоке.

Прибегает менеджер, просит засервировать все столы, на это уходит час. Менеджер возвращается:

— Хм, было лучше... Рассервируйте!

Менеджер Саша зовет на дегустацию: с сегодняшнего дня работает постное меню — а когда вводятся новые блюда, их дают пробовать официантам. Нам предлагают какую-то постную гадость из чечевицы с грибами-вешенками и еще козинаки. Постную гадость сметают за пять секунд руками; козинаки не дают, пока не выбивают из официантов обещание не называть их козинаками, а то никто не будет заказывать.

— Запомните: это не козинаки — это ореховый грильяж!

Меня просят отнести воды директору. Приношу бутылку Evian и бокал — директор берет бокал за ножку, долго крутит, обнюхивает и пьет из бутылки.

— Я в этом ресторане из стаканов больше пить не буду. Плохой опыт.

В принципе, его можно понять: в GQ нет ни одной легкодоступной официантам раковины с мылом и полотенцем — при этом двадцать часов подряд они раскладывают, убирают обратно и снова раскладывают одни и те же вилки и ножи.

Начинают подходить первые клиенты. Мне достается банкет: празднуют восемнадцатилетие блондинки Кати в макияже а-ля театр кабуки. К Кате приходят друзья-ровесники и два часа подряд произносят тосты, называя именинницу «высокодуховным, моральным человеком». Высокодуховная именинница хлещет ром-колу пополам с текилой и через два часа уже блюет в туалете. Еще через час выясняется, что у Кати был лимит — сто тысяч рублей, о котором она благополучно забыла, теперь денег едва хватает, чтобы заплатить по счету, значит, чаевых не будет вообще.

Возвращаюсь в караоке — менеджер обещает оштрафовать за отсутствие на позиции. В GQ штрафуют вообще за все — отсутствие на позиции, телефон, опоздание, курение, сидение на гостевых стульях, незнание вин по бокалам, грязную пепельницу, использование гостевого туалета, сон на рабочем месте или плохо убранный зал. Самые большие штрафы — за невыход (1500 или 2900 р.) и за пьянство на рабочем месте (1500 р.). В штрафном табеле встречаются и загадочные провинности — например, «жует на хостес» (1000 р.) или «очень мягкое кресло» (150 р.): в первом случае официант жевал жвачку, встречая гостей, во втором — положил на кресло две подушки вместо одной.

К пяти утра остается один стол — за ним огромного размера мужик с седым хвостом и подарочным пакетом в цветочек. Завладев микрофоном, он исполняет весь доступный репертуар Высоцкого: «Спасите наши души», «Кони привередливые», «Гимнастика» и дальше по списку. В шесть доходит до «Паруса» — дальше еще час мы слушаем раз десять подряд: «Парус, порвали парус!» В семь утра певец уходит, попросив завернуть с собой козинаки.

Воскресенье

Приезжаю к вечеру: моя цель — сдать меню, чтобы получить карту. Сдать меню — значит, выучить 140 позиций; из чего готовят, технологию, подачу, вкус и время. Обычно меню сдают через месяц-полтора; я иду с опережением. Несу полную чушь, добавляя во все блюда грибы-вешенки и лук-резанец, менеджер слушает вполуха. На оригинальном рецепте горохового супа с копченостями из грибов-вешенок меня обрывают:

— Молодец, меню знаешь, но звание официанта надо заслужить!

Пока убирала зал, пришел совладелец GQ Bar Соркин — просит обслужить его водителя. Про водителя Соркина в офисе висит строгое указание: «кормить из гостевой посуды персональной едой». В подвале набираю из гигантского котла оставшийся после обеда борщ; в борще плавает муха.

Водитель Соркина — единственный, кто за все время работы в «GQ-баре» сказал мне спасибо.

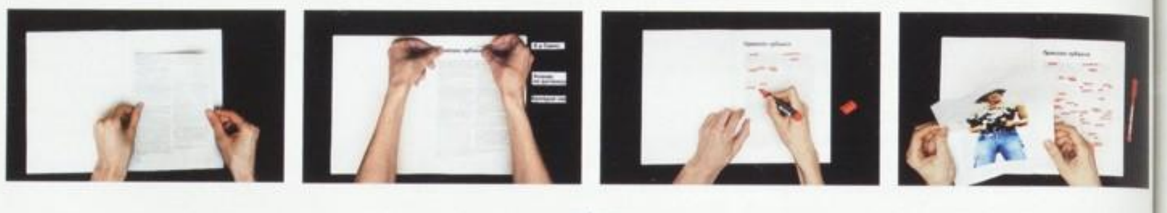
«Расписание режима дня сотрудника, работающего на кухне:
10.00–11.00 Приход на работу, составление списков забора продуктов, забор продуктов
11.00–11.30 Завтрак
11.30–15.30 Нахождение на позиции, отдача блюд, заготовка
15.00–16.00 Обед всех позиций строго по очереди 1–2–3
16.00–19.00 Нахождение на позиции, наведение чистоты и порядка на позиции, заготовка
19.00–19.30 Ужин всех позиций строго по очереди 1–2–3
19.30–1.00 Нахождение на позиции, отдача блюд
1.00 Ждем завершения рабочего дня, уходим с разрешения менеджера
Уходим с рабочего места только с разрешения су-шефа! (в туалет и прочее)»

№246 (10 лет «Афише») от 3 апреля 2009 года
Как сделать идеальный журнал

100 советов, как сделать идеальный журнал

На основе собственного десятилетнего опыта и наблюдения за окружающим миром «Афиша» составила пошаговую инструкцию, позволяющую в кратчайшие сроки и со стопроцентной гарантией изготовить журнал мечты.

Фотографии: Наталья Гафина



— 1 —
Снимите офис в центре.

— 2 —
Наймите в штат людей со странными фамилиями.

— 3 —
Прекратите нанимать людей со странными фамилиями, когда обнаружите, что самая странная фамилия в редакции — Иванов.

— 4 —
По возможности не берите выпускников журфака.

— 5 —
Не берите также людей, которые на собеседовании говорят, что хотели бы писать о кино и музыке.

— 6 —
Выберите для названия журнала простое, короткое и часто встречающееся слово.

— 7 —
Закажите рекламную кампанию журнала креативному агентству.

— 8 —
Выбросьте в мусор все, что принесло креативное агентство, и придумайте рекламную кампанию сами.

— 9 —
Выберите официальную распивочную при редакции. Выбирайте по принципу «чем хуже, тем лучше».

— 10 —
Заведите в редакции спортивный снаряд (теннисный стол, самокат, бейсбольную биту).

— 11 —
Если журнал издается в Москве — поставьте на обложку девушку в декольте.

— 12 —
Если журнал издается в Санкт-Петербурге — поставьте на обложку мудрого старика.

— 13 —
Если нет подходящего персонажа — поставьте на обложку фоторедактора.

— 14 —
Если нет фоторедактора — поставьте на обложку Брюса Уиллиса: журнал с Уиллисом всегда хорошо продается.

— 15 —
Человек на обложке должен смотреть вам в глаза.

— 16 —
Звери на обложке кажутся остроумным трюком только сотрудникам редакции. Если, конечно, вы не издаете журнал про зверей.

— 17 —
Если вы не можете придумать обложку — не соглашайтесь с тем, что вы сделаете плакат.

— 18 —
Цифра на обложке — это всегда хорошо.

— 19 —
Придумайте слово, которым на языке редакции называются журнальные материалы (статья, заметка, текст, фичер, бигмат и т.д.).

— 20 —
Журнал должно быть интересно читать, начиная с последней полосы.

— 21 —
Начиная делать материал, сначала придумайте дизайн, потом пишите текст.

— 22 —
Получив все компоненты материала, придумайте дизайн заново.

— 23 —
Если не можете придумать структуру материала, не соглашайтесь с тем, что вы сделаете материал из кусочков.

— 24 —
Составьте список запрещенных слов. Например, такой:

элитный	люксовый	чарты	буфера
изысканный	эксклюзивный	гламур	мидл-класс
вкусняшки	тусовка	извиняюсь	быдло
непостижимым образом	заразительные хитяры	сфоткать	арт-проект
барышня	стильный	прекрасный	культовый
на диком топе	жесть	а-ля	бенд
знаменитый	педик	решительно невозможно	обаятельный
креатив	концептуальный	дискурс	хочется надеяться

— 25 —
Выберите фирменные цвета — например, циан и маджету.

— 26 —
Выберите внутри журнала места, где используются циан и маджента, и не используйте их нигде больше.

— 27 —
Выберите внутри журнала место, где вы будете исправлять ошибки, допущенные в предыдущем номере.

— 28 —
Обращайтесь к читателям на «вы».

— 29 —
Не используйте в тексте местоимение «мы».

— 30 —

Использовать в тексте местоимение «я» разрешается после трех лет непрерывной работы в редакции.

— 31 —

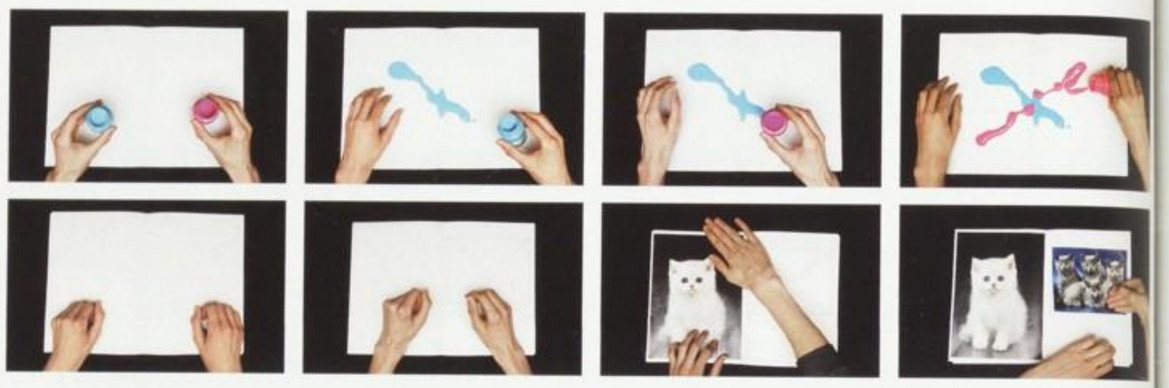
Самый маленький журнальный текст строится по тем же законам, что и самый большой киносценарий.

— 32 —

В тексте должны быть начало, середина и конец.

— 33 —

В тексте должна быть одна мысль. Или ни одной.



— 34 —

Вычеркните из текста столько прилагательных, сколько получится. Желательно все.

— 35 —

В любом случае никогда не пользуйтесь словами «самый», «лучший» и «главный».

— 36 —

Не используйте также обороты «возможно, лучший» и «пожалуй, главный».

— 37 —

Текст, например, про альбом Мадонны не должен начинаться со слов «Вышел очередной альбом Мадонны» и заканчиваться словами «Посмотрим, что покажет Мадонна на своем следующем альбоме».

— 38 —

Названия иностранных групп, киностудий, художественных объединений и проч. должны быть написаны по правилам родного для них языка. Группа The Beatles называется The Beatles, а не Beatles, «Битлз» или «битлы».

— 39 —

Имена людей любого гражданства и национальности должны писаться и склоняться по правилам русского языка — даже если это нечеловеческие псевдонимы.

— 40 —

Кулинарно-гастрономические термины можно употреблять только в текстах о еде.

— 41 —

Никогда не называйте одежду и еду «дорогой» или «дешевой».

— 42 —

Использовать прилагательные в сочетании с названиями музыкальных стилей (например, «колючий IDM», «вальяжная индитроника», «ершистый синтипоп») категорически запрещается.

— 43 —

Журнал, который не вводит в русский язык новые слова (даже если это слово «худи»), — плохой журнал.

— 44 —

В тексте интервью обращайтесь к собеседнику на «вы».

— 45 —

Задавайте умным собеседникам глупые вопросы. И наоборот.

— 46 —

Если герой интервью просит согласовать окончательный текст, будьте готовы, что он откажется от всех своих слов.

— 47 —

Если в редакции нет человека, способного взять интервью, — предложите сделать это потенциальному герою другого интервью.

— 48 —

Если нет и такого — предложите сделать это Тине Канделаки.

— 49 —

Никогда не пишите о своих друзьях и знакомых. В ста случаях из ста они после этого перестанут быть вашими друзьями и знакомыми.

— 50 —

Никого не бойтесь.

— 51 —

Сформулируйте принцип, по которому придумываются заголовки. К примеру, называйте все статьи цитатами из Гребенщикова, односложными существительными или названиями научных теорий. Как только надоест (то есть примерно через месяц) — поменяйте принцип.

— 52 —

В крайнем случае — у Гребенщикова хватит цитат для заголовков на много лет вперед.

— 53 —

Не придумывайте заголовков, используя названия фильмов или книг, о которых вы впервые узнали из свежего номера журнала.

— 54 —

Составьте список идеальных заголовков для еще не написанных статей (например, «Подросток Совенко» — для статьи про молодую сову).

— 55 —

Если вы не знаете, как назвать статью, — назовите ее «Живет такой парень».

— 56 —

Если вы не знаете, как назвать интервью, — назовите его «Короткие встречи».

— 57 —

Никогда не соглашайтесь, если автор предлагает написать цикл статей.

— 58 —

Придумайте материалы, которые вы сможете делать регулярно — скажем, раз в год. Это поможет, когда закончатся все остальные идеи.

— 59 —

Если материал не получается — не соглашайтесь с тем, что его можно спасти дизайном.

— 60 —

Материалы, сделанные на основе «Википедии», — плохие материалы.

— 61 —

Никогда не делайте групповую фотографию редакции.

— 62 —

Не позволяйте снимать редколлегию на видео — вы будете выглядеть идиотами.

— 63 —

Хорошая редакция — та, в которой пьют.

— 64 —

Никогда никому ничего не обещайте.

— 65 —

Если у обозревателя есть труднообъяснимая маниакальная привязанность (писатель Проханов, группа «Комба БАКХ», фильм «Хранители» или финские музыканты) — это хороший обозреватель.

— 66 —

Придумывайте новых героев.

— 67 —

Не забывайте через некоторое время развенчать придуманных вами новых героев.

— 68 —

Имейте совесть.

— 69 —

Проводите редколлегии быстро. Не существует тем, которые можно обсуждать в составе более чем семи человек в течение более чем часа.

— 70 —

У ответственного секретаря не должно быть нервов.

— 71 —

Если в журнале в момент сдачи в типографию оказалось десять пустых полос — поставьте на десять полос фотографии котят и скажите, что так и было задумано.

— 72 —

Реклама в журнале должна выглядеть как реклама. Любые попытки замаскировать ее под редакционные материалы — обман и надувательство.

— 73 —

Редакция делает журнал для читателей, а рекламный отдел продает этих читателей рекламодателям.

— 74 —

В конечном счете рекламодатели — такие же читатели, как и все остальные.

— 75 —

Придумайте гибкую систему скидок для стриптиз-клубов.
Их реклама украшает журнал.

— 76 —

Пишите рекламодателям письма. Например, такие:

Самые ничтожные недоразумения имеют тенденцию провоцировать глобальные кризисы.
(Иоников А. Полное собрание сочинений. Т. 13. — М.: «Кащенко», с. 587)

Уважаемые господа!
А вот еще из нашей — в вашу коллекцию.
Ветеран трамвайного депо «Мастер и Маргарита» Зинаида Евлампиевна
Борщ, 76 лет, с прицелом глаз минус 8, второй этаж типовой панели, в
теплый июльский полдень, сверив цифры с ходиками, откуда до первого
космонавта еще вылезала кукушка, и обнаружив гандикап в 5 минут перед
«Мечтами с улицы разбитых фонарей», откинула очки на газету по
причине их веса, сгибавшего ее при передвижении, выудила из-под
раковины бутылку пепси (подарок внука) с полезно отстоявшейся для
цветов водой, направилась к подоконнику с геранью, забытую полить
с Пасхи, на котором мирно лежал калач серого облезлого существа дикого
нрава. Промазанные без бинокля мимо горшка полтора литра ошеломили
спящее животное, которое, злобно мяукнув от неожиданности и перепутав
направление, стремглав подпрыгнуло в сторону, противоположную от
бабуси, сбив в полете, подобно мессершмитту, ничего не подозревавшую
ворону, заботливо несущую червя для многочисленного потомства.
Обреченное питание выпало, попав точно в купюрное отделение от
Hermès юной Клавы Н., куда она укладывала сдачу на выходе из «Дольче и
Габбаны».
Придавший хрупкой даме силы ужас
забросил пухлый кошелек на метров десять под «девятку»,
которую как вкопанную встал таксист-бомбила,
плохо говорящий, но, как все горцы, зорко различавший
полет красивый денежных купюр.
Вослед ему КамАЗ шел пятитонный,
но он успел свернуть налево,
как раз навстречу «Интуристу»,
набитому гостями с Тель-Авива,
которые, когда машины сбились,
поняв друг друга преизрядно,
на помощь бросились кавказцу
банкноты отбирать себе.
Тем временем охранник Клавы Вова,
увидев происшествие с хозяйкой,
вдруг ощутил на темени клюв, когти.
То ворон был, спикировав за червем.
Вован, не видя, кто там тюкнул сверху,

схватил макаров из-под мышки
и одиночными истратил всю обойму,
при этом громко выражаясь вслух.
Услышав выстрелы, охрана из «Обмена денег»
подумала, что это нападенье,
и начала палить как для защиты.
Обменное окошко враз закрылось,
оставив евро тысяч двадцать без возврата,
чему валютная хозяйка возмутилась
и мужа позвала, что пиво пил неподалеку.
А он спортсменом был по вольным видам спорта
и Вову сразу придавил к бордюру.
Тем временем кот Васька приземлился
на голову барменше тете Дусе,
которая шла в загс в обнимку с дирижером из оркестра
подать прошение о браке.
Парик на Дусе был,
и вот его не стало, как и работника культуры,
которого скосило от картины
возлюбленной в таком несчастном виде.
Меж тем по тротуару ехало три рейсера на вело,
спешили, кто приедет первым.
Под первого попала Клава,
второго занесло в «Габбану»
на полной скорости в витрину,
на третьего упал горшок с геранью,
кота хвостом перед прыжком задетый.
Практически такая же картина
шла по экрану перед бабой Зиной, на втором канале…
Что вынести имеет смысл отсюда? А то, что любое незначительное,
на наш взгляд, действие может иметь весьма серьезные последствия…
Так, кто-то, например, забыл включить «Афишу» в план, послать ГП,
а далее — вы в курсе… Закончим здесь и скажем лишь, что пять осталось
номеров «Афиши» в году текущем, очень важном.
С приветом поэтическим впервые,
чтоб к плану нашему привлечь вас,
Александр Иоников,

— 77 —

Чем больше фоторедактор смотрит на чужие фотографии, тем лучше для журнала (даже если он смотрит на них во френд-ленте).

— 78 —

У фоторедактора должно быть много подружек. Если у фоторедактора мало подружек — пусть ходит по клубам и знакомится с девушками.

— 79 —

Подружек фоторедактора нужно использовать для съемок колготок, футболок и нижнего белья.

— 80 —

Подружки фоторедактора ведут себя на фотосессии более естественно, если их подпоить.

— 81 —

Если фотосъемки нет за час до сдачи номера в типографию — значит, она вот-вот появится.

— 82 —

Если съемки нет за полчаса до сдачи — склейте коллаж и скажите, что так и было задумано.

— 83 —

Если бюджет на обложку в десять раз меньше, чем стоит фотография Терри Ричардсона, а вам нужна именно она, — торгуйтесь. Три часа переговоров снижают цену втрое.

— 84 —
Не пытайтесь сделать портрет, фотографируя человека ночью на темном фоне при естественном освещении.

— 85 —
Если нужно сфотографировать красивую девушку, не придумывайте ничего сложного. Она и так красивая.

— 86 —
Если герой фотосъемки просит согласовать с ним фотографии, будьте готовы, что он не утвердит ни одну.

— 87 —
Подружитесь с девушками из фотоагентств — им придется объяснять начальству, почему вы не оплатили счета за март, хотя уже октябрь.

— 88 —
У людей должна быть возможность читать журнал, не читая текстов.

— 89 —
Из подписей к фотографиям, подзаголовков, выносов и прочих служебных элементов должно быть понятно, о чем идет речь в тексте, к которому эти элементы прилагаются.

— 90 —
В подписи к фотографии должно говориться о том, что изображено на фотографии, обо всем, что изображено на фотографии, — и ни о чем больше.

— 91 —
Из выносов — фрагментов текста, выделенных крупным шрифтом, — должно быть понятно, о чем этот текст. Или наоборот — до такой степени непонятно, что даже интересно, о чем он.

— 92 —
Корректор всегда прав.

— 93 —
Если вам кажется, что корректор не прав, — пройдет полгода, и окажется, что он был прав.

— 94 —
В крайнем случае отвечайте на претензии корректоров: «Мы должны устанавливать лексические нормы, а не тянуться за ними».

— 95 —
Прежде чем сдать журнал в типографию, распечатайте его целиком и развесьте на стене. Вам тут же захочется его переделать.

— 96 —
Как только в журнале все начинает более-менее получаться — сделайте редизайн.

— 97 —
Если накопилось много полезного контента, который хочется использовать еще раз, — начинайте издавать книжки.

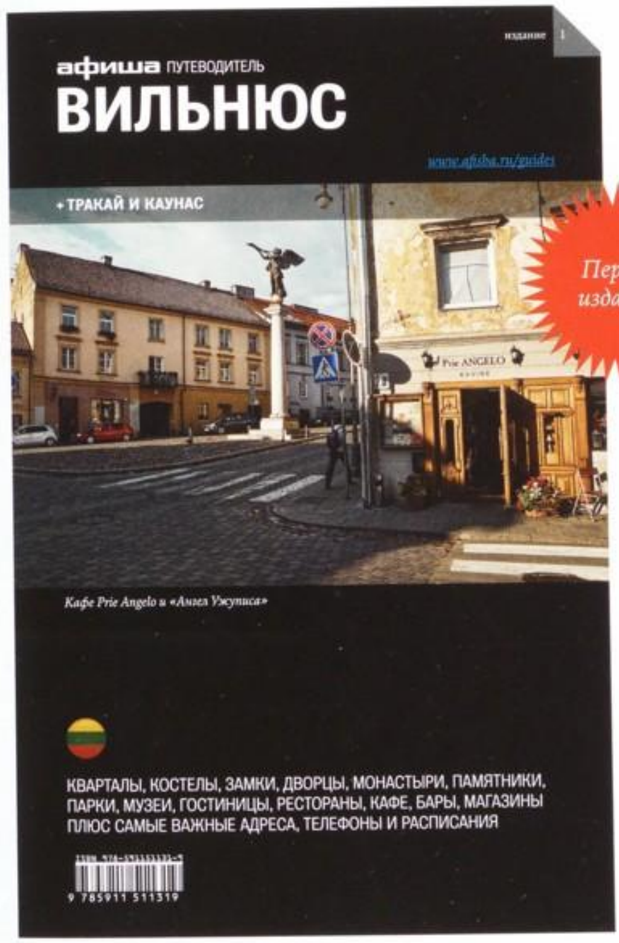
— 98 —
Нарушайте все правила.

— 99 —
Придумывайте быстрее, чем у вас воруют идеи.

— 100 —
Делайте или не делайте — и не надо пробовать.

THE END

Чюрленис, шакотис, Ужупис, казюкас, Шнипишкес, Сабонис и Някрошюс.
Теперь у нас есть путеводители по всем столицам Прибалтики



Первое издание

ПУТЕВОДИТЕЛИ «АФИШИ» ПО ГОРОДАМ МИРА

Амстердам, Барселона, Берлин, Будапешт, Вена, Венеция, Вильнюс, Гонконг, Киев, Лиссабон, Лондон, Мадрид, Милан, Москва, Нью-Йорк, Париж, Петербург, Прага, Рига, Рим, Стамбул, Стокгольм, Таллин, Токио, Флоренция, Хельсинки

16+

Заказ и доставка (495) 785 17 00 • **shop.afisha.ru**

афиша

№145 («Афиша–Петербург») от 6 марта 2009 года
Груди петербурженок (из номера про секс)

Для этой съемки «Афиша» попросила полсотни знакомых девушек зайти в редакцию. Поскольку половина приглашенных не явилась, в поисках красоты фотографы журнала обошли клубы Achtung Baby, XXXX, Mod, Bubble Bar и забрались в лофт «Этажи»

Фотографии: Лена Насибуллина, Аня Шиллер

Ксения Собчак

«Афиша» поговорила о философии зарабатывания и траты денег с девушкой, которая считает, что они — если не главная, то одна из самых приятных вещей на свете

Интервью: Роман Волобуев
Фотографии: Алексей Киселев

№263
от 11 декабря 2009 года
Роман Волобуев разговаривает с Ксенией Собчак

Ксения Собчак говорит, что раздала 648 интервью, снялась на 120 обложках, 2190 раз участвовала в телесъемках, провела 153 радиопрограммы Ксения Собчак написала три книги: «Стильные штучки», «Как выйти замуж за олигарха» (совместно с Оксаной Робски), «Маски, блески, бигуди. Азбука красоты»

— У вас в «Русском пионере» была интересная колонка про то, что деньги мера всех вещей. К вам это осознание в какой момент пришло?

— Просто с течением жизни. Ты анализируешь какие-то жизненные ситуации и постепенно понимаешь, что все важные вещи, которые с тобой происходили, так или иначе, хотим мы этого или нет, связаны с деньгами. Точнее, с тем, как человек через деньги показывает свое отношение к тебе. Деньги — лакмусовая бумажка, которая очень точно и показывает, кто есть кто. Мы стесняемся говорить о них, как стесняемся говорить и о том, чего нам на самом деле хотелось бы от жизни. А разговор о деньгах экономит массу времени. Не нужно тратить годы, вглядываясь в глаза и пытаясь что-то про человека понять. Примитивный пример — какой-нибудь поклонник со стихами и вот этим всем «ах ты… ах я… ах ты для меня…». Спрашивается: встречаемся в Graff или не встречаемся? И все понятно.

— Действительно.

— У меня есть мои собственные истории, где я, как Настасья Филипповна, могла сжечь кучу денег в камине или выбросить дорогущее кольцо в окно.

— А дорогущее ведь приятней выбрасывать?

— Конечно. И важна в данном случае не вещь, а вложенная в нее энергетика — эти страдания, труды, заработки. Когда человек это все в конкретной точке времени отдает тебе, важен сам факт передачи, а не то, что у тебя потом колечко останется.

— То есть это как у Грэма Грина в «Разрушителях», когда дети находят матрас с чужими сбережениями и их сжигают?

— Безусловно. И самое приятное, когда ты человека подталкиваешь. Даже у людей с состоянием в миллиарды часто так бывает: то, чему их учили в детстве, какие-то жизненные принципы — может быть, отчасти правильные — не дают им перейти какую-то черту. Какой-нибудь олигарх может сказать: «Слушай, я психологически не могу купить вещь, которая дороже определенной суммы».

— Может, она ему не очень нужна.

— У меня в этом смысле есть любимый фолкнеровский рассказ — не помню, как он называется, совсем недлинный, про галстук. Когда деревенский мужик приходит в магазин и видит в витрине невероятной красоты галстук, который стоит, кажется, 200 долларов, огромные деньги. А заказать его стоит, допустим, тысячу — вообще сбережения всей его жизни. И он заходит и заказывает себе галстук, который даже не надевает ни разу, а просто ставит дома под

«Ты постепенно понимаешь, что все важные вещи, которые с тобой происходили, так или иначе, хотим мы этого или не хотим, связаны с деньгами»

колпак как символ того, что он себя преодолел, что он в тот конкретный момент был героем. Всю жизнь пахать в поле, чтобы потом все заработанное, грубо говоря, просрать, — в этом тоже есть невероятная крутость. И невероятное рыцарство. И показатель широты души. А люди без широты души — лично мне они неинтересны.

— То есть завтрак Абрамовича за $47000 — это, получается, преодоление?

— Тут понятные возражения: лучше бы больным детям отдал. Но мы в любом случае все встроены в мировую экономику. Каждая копейка, которую ты платишь за чрезмерно дорогой автомобиль, или костюм, или за тот же завтрак, таким образом возвращается в экономику. Вкладывайте деньги — пусть даже в такую инфернальную х…ню — и они в конечном счете возвращаются к тем же работягам на заводе.

— Мне почему-то кажется, деньги за тот завтрак в Nello's долго будут к заводским рабочим идти.

— Я так не считаю. Современная экономика — кризис это хорошо показывает — рассчитана на то, чтобы люди тратили деньги. Когда они перестают тратить, все останавливается. И если ты тратишь, пусть даже таким странным образом, ты питаешь систему, и по итогам деньги окажутся там, где должны быть. Это, кстати, не значит, что я сама так живу, — чтобы у нас не возникала сейчас эта пелевинская ситуация, когда не очень богатые люди рассказывают совсем бедным, как в их представлении живут совсем богатые. И я не уверена, что могу с целью преодоления себя купить бутылку вина за 30 тысяч долларов. Тем более я не люблю вино.

— То есть вы считаете, что…

— …что деньги очень важный фактор, важное мерило и то, к чему мы все равно должны стремиться. Опять-таки понятны возражения: «А как же тракторист, а как же бедный творческий человек…» Но мне кажется, мир устроен вполне справедливо, хотя все и любят говорить о его несправедливости. Чтобы зарабатывать на нормальную жизнь, не нужно быть суперталантливым. Достаточно минимального набора вполне стандартных способностей: быть дисциплинированным, иметь силу воли, быть работоспособным. Можно не стать Фридманом или Абрамовичем, но пригласить женщину в ресторан, купить ей сапоги и съездить с ней в Таиланд — если человек и этого не может, он либо лентяй, либо му…ак, либо лузер.

— Если от экономических единиц перейти к отношениям, это же очень типичная ситуация, когда в 30 лет человек начинает обедать и ходить на детские утренники к людям, с которыми никогда бы не стал дружить в двадцать. Потому что они ему нужны — или как потенциальные работодатели, или как деловые партнеры, или как посредники.

— Ты прав. У нас была недавно история: подруга привела знакомиться бойфренда — он богатый человек, чиновник очень крупный. И другая моя подруга потом говорит: «Ты же понимаешь, для него этот вечер с нами — чистая трата времени. Он же в это время с кем-то важным мог бы помыться». И эта чиновничья история — с кем-то важным помыться, выпить — неотъемлемая часть жизни. И у меня таких людей тоже много, и в этих знакомствах правда легко утонуть. К сожалению, это вещи, которые ты обязан себя заставлять делать. В моей системе координат единственное, что ты не должен себя заставлять делать, это жить с человеком ради денег. Это, по-моему, самый ужасный итог жизни — спать, обнимать и вообще находиться рядом с человеком, которого не любишь, — если ты к этому придешь, это очень неутешительный финал. А во всем остальном — ты просто обязан себя заставлять.

— Зачем?

— Чтобы жить с кем хочешь, где хочешь и иметь некоторый круг свободы. Хочешь после Нового года поехать с друзьями куда-то и, может быть, пригласить с собой тех, кто не может за себя заплатить? Будь тогда добр раз в неделю поужинать с тем, с кем надо, чтобы получить какой-то контракт. Это плата. И, если подумать, не такая большая плата. Послушать чей-то бред в течение вечера — это все-таки лучше, чем когда люди тратят свою жизнь и красоту, чтоб жить с какими-то инфернальными му…аками за десятку в месяц, выданную кэшем.

Ксения Собчак снялась в шести кинокартинах: «Воры и проститутки» (журналистка-психолог), «Самый лучший фильм» (проститутка №1), «Гитлер капут» (Ева Браун), «Никто не знает про секс-2» (Арабелла), а также в эпизодах фильмов «Артефакт» и «Европа–Азия»

— Я понимаю про путешествия и как можно выпить бутылку ценой в ползарплаты. Но вот часы, которые стоят как дом, это же не освобождение и не преодоление себя, а такая абсолютно классовая побрякушка, нет разве? Зачем вообще часы, если все смотрят время на телефонах?

— Я тоже смотрю на телефоне. Могу сказать: мне важны и часы, и машины, и шмотки. Это не самое важное и не единственное, что есть для меня в жизни, но это очень важная часть. Объясню почему. У меня есть синдром отличницы. Пятерки в школе, красный диплом в институте, кто бы что ни говорил, — я вкалывала, училась как сумасшедшая. И получала невероятный кайф от ощущения того, что я по существующей системе ценностей могу быть лучше, чем все остальные. Мне до сих пор важно, что моя программа по рейтингу лучше других, — и если она хуже, я расстраиваюсь очень искренне. И если у меня часы — мне нужно, чтобы

«Деньги дают тебе столько всего, столько свободы, столько счастья, столько возможностей»

это были лучшие часы из существующих. Мне важно это ощущение отличности. Моя психика устроена таким образом, что я не создаю свою систему координат. Есть люди, для которых важно подняться на гору Фудзи или повесить дома красно-черно-белую картину. Я же люблю прийти в некую игру, изучить правила и выиграть. Не сметая фигуры с доски, как Остап Бендер, и не придумывая свои правила. Это, повторюсь, устройство психики — мне нравится достигать высот в заданных рамках, я не очень люблю и умею задавать эти рамки сама.

— Когда мы говорим про деньги, понятно, встает вопрос цены конкретного человека. Помните «Непристойное предложение», где Редфорд предлагает Вуди Харрельсону миллион, чтобы переспать с его женой?

— Замечательный фильм, да, в детстве, в период увлечения наивным кино, был один из моих самых любимых. И да — я уверена, что у любого человека есть та или иная цена. И доброта нашего мира как раз в том, что большинству людей эту цену никогда не предлагают. Есть, понятно, люди, которые — не ради жеста, а искренне — могут не соблазниться. Я таких людей страшно уважаю — но их мало. И подозреваю, что я, поскольку люблю благополучие, сама себя уговорила на такое небольшое количество правил, которые не могу нарушить. Деньги тебе дают столько всего, столько свободы, столько счастья, столько возможностей, что каждый в итоге приходит к выводу, что лучше три минуты потерпеть, а потом год наслаждаться. С другой стороны — что в фильме и показано, — ты можешь потом это наслаждение и не получить, тебя может эта уступка настолько разрушить изнутри, что ты станешь другим человеком. Вообще, говорить, что ты не стал бы спать с кем-то за миллион, бессмысленно, пока рядом не стоит чемодан с деньгами. И я если чему-то учусь, то тому, что людей надо понимать и любить, даже зная, что каждый в итоге возьмет чемодан.

— Но мы берем слишком художественные примеры — обычно же, чтоб кто-то кому-то дал, не предлагают миллион, верно?

— Обычно нет.

— Речь о тысячах — в лучшем случае.

— О поездке в Милан на шопинг. Если уйти от темы давания, моя любимая история из петербургской политической практики: когда один знакомый предложил другому три тысячи, чтобы он за него проголосовал, а тот потом приходит и говорит, что ему штаб конкурента предложил пять: «Ты накинь, а то чувствую — могу бл…дануть». И вот это «могу бл…дануть», оно же все практически объясняет. Как у Марка Твена было: страшно не само предательство, потому что предадут в какой-то момент все, страшно бессмысленное предательство. Вот за что я люблю фильмы Коэнов — они показывают, что самые адские преступления происходят по причине идиотизма. Из-за ерунды, ничтожной суммы, кредита на машину.

— Мне всегда казалось, что битвы в высших сферах, когда сталкиваются денежные массы, властные структуры и все такое, на самом деле по жанру — как раз такая коэновская черная комедия, где люди друг друга лупят сковородками. Даже в случае с Ходорковским в этот вариант больше верится, чем в пропагандистскую или в либеральную версию событий.

— Ну развитие сюжета там, правда, совершенно как у Коэнов происходит обычно: в неправильный момент кто-то что-то ляпнул, кто-то что-то передал, и началось. Как с Чичваркиным. Конечно, потом все хотят выглядеть людьми, несущими демократию и свет, но на самом деле… Самое удивительное — история ведь текучая вещь: представляю, как через пять-десять веков историки, раскапывая останки Москвы, будут сообщать людям будущего, что Церетели был любимым архитектором своего времени, а Ходорковский — мучеником совести. И никто им не объяснит, что мы не очень любили Церетели и Никаса Сафронова. А Ходорковский, я не знаю и не берусь утверждать, но вполне возможно, совершил часть тех преступлений, которые ему приписывают. Если вернуться к деньгам — ну это же ежедневный вопрос: будешь ли ты делать говно, но за большие деньги, будешь ли ты сидеть в жюри «Минуты славы», как делают у нас очень уважаемые люди. Это такой регулярный выбор, который каждый раз меняет дальнейший алгоритм нашей жизни. В конечном счете, как в фильме «Антихрист» показано: человеку не с кем сражаться, кроме самого себя.

20 10

афиша
18
LOST

афиша
90-е

афиша
Бенисио Дель Торо в «Человеке-волке»

афиша
11★
Софья Карпушина

афиша
ЛУЧШИЕ КАДРЫ, ФОТОГРАФЫ И ВЫСТАВКИ МОСКОВСКОЙ ФОТОБИЕННАЛЕ

афиша
Места и вещи-2010: Adish, Le Form, Dries Van Noten, ЦУМ, «КМ20»

афиша
ПАС ДЕ ЛА УЭРТА

афиша
НОЧЬ В МУЗЕЕ 2010
Скарлетт Йоханссон в «Ночи в музее-2»

афиша
10

афиша
8
Красный Октябрь

афиша

афиша
M.I.A.

афиша
20

афиша
0311
ПИКНИК

афиша
U2

афиша

афиша
HBO
Стив Бушеми в «Boardwalk Empire»

афиша
7

Новая Москва: жизнь медом не покажется
афиша
БЕН АФФЛЕК

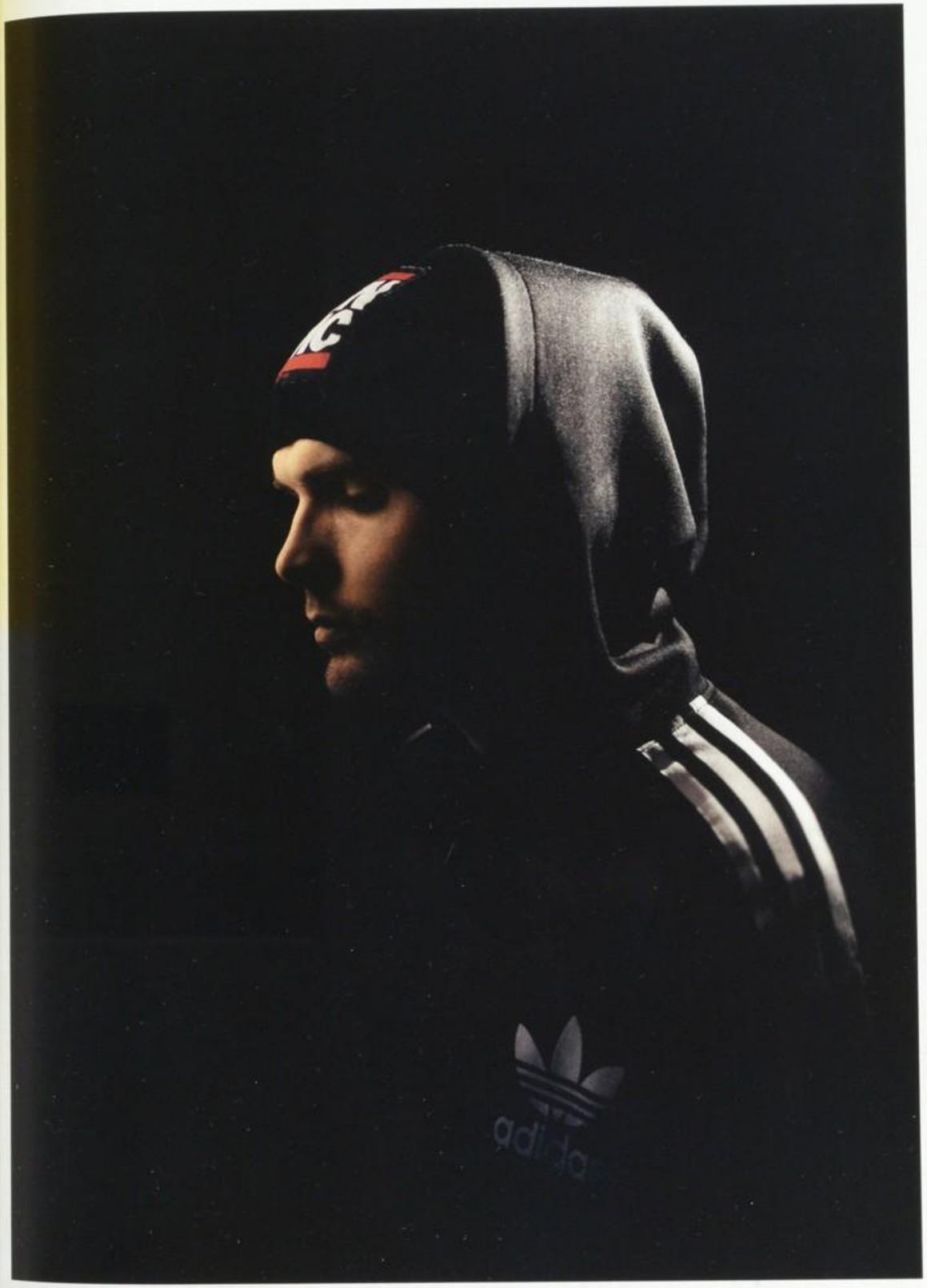
афиша

афиша
София Коппола

афиша
МОСКВА

афиша
Животные в городе

афиша
Что это было?
2001 – 2010



NOIZE MC

Хип-хоп, рок-н-ролл и драм-н-бейс на злобу дня. Самая яркая и востребованная новая группа последних лет, возглавляемая автором трека про «Мерседес» Баркова рэпером Иваном Алексеевым, в конце мая выпускает второй альбом

№273
от 14 мая 2010 года
Александр Горбачев
о рэпере Нойзе MC

Александр Горбачев съездил с Алексеевым и его музыкантами в Архангельск и провел с ними день в их московском бункере
Фотографии: Александр Гронский

С заднего сиденья мне виден экран «Макинтоша». На нем — двухоктавная клавиатура и написанное мелким шрифтом название трека: «Mikrovolnovka». Автобус едет из архангельского аэропорта в город, и Иван Алексеев, он же Нойз эмси, сидит в наушниках и сочиняет новую песню. Ровно так же он сидел в самолете, пока музыканты спали, ровно так же он будет сидеть в гримерке, пока будут настраивать инструменты, в ресторане, пока будут нести обед; потому что больше времени у него не будет. У гостиницы Нойза встретят три подростка с гитарами; они же до утра будут кричать под окнами: «Ваня, спокойной ночи!» После концерта Ваня сорок минут будет сидеть на сцене и раздавать автографы — на билетах, на флаерах группы «Би-2», на груди восторженной 15-летней школьницы. За весь день он не откажет никому.

Биография Нойза — даже слишком голливудская success story; у него и имя-то образцовое — Иван Алексеев, как у какого-нибудь героя Твардовского. Он родился в Ярцево — угрюмом местечке в Смоленской области, медленно хиревшем вместе

«Оттого что информация более доступна, крутой пластинке даже легче взорвать мозги»

Иван Алексеев

с градообразующим зиловским заводом. «Адски мрачный город. Там было очень много наркотиков. На данный момент оттуда свалила практически вся молодежь, причем многие — на тот свет». Учился на пятерки. Начал слушать музыку — кассеты The Beatles и Nirvana, переписанный у папы дэвид-боуиевский «Earthling». Увлекся. Поступил в музыкальную школу на отделение классической гитары. Переехал с мамой в Белгород. Перешел на брейкбит, джангл и хип-хоп. Собрал первую группу. Приобрел локальную популярность. Закончил школу с золотой медалью. Поехал поступать в Москву.

—

Алексеев и сейчас выглядит как человек из 90-х. На одной стороне его шапки имеется логотип Run-DMC, на другой — Public Enemy; на каждой руке — по напульснику The Prodigy. В том, что едва ли не самый яркий герой российской музыки конца нулевых полностью завязан на предыдущем десятилетии, есть своя странность — но есть и логика: его слушатели родом оттуда, это они сидели за «Денди» и смотрели «Крепкий орешек» с гнусавым переводом, и это они теперь пляшут на вечеринках под 2Unlimited и песню «Я буду жить». 90-е для Нойза не просто прошлое, но позиция. «Двухтысячные — сытые, жирные годы, но в музыке же ничего нового не происходило. Если не брать в расчет самое начало, когда стал популярен рэпкор и всякий кроссовер и казалось, что сейчас что-то случится. Что на смену-то пришло?» Я пытаюсь возразить, что что-то все-таки происходило, что появился, например, дабстеп, да и вообще — условия изменились. Ваня перебивает. «Подполье — оно есть всегда, но я-то говорю о революции. Вот когда вышел «Nevermind» — и все ох…ли. А потом — «The Fat of the Land», и опять то же самое. В нулевых не было такой пластинки. И в отмазки про то, что альбомы не продаются, все скачивают mp3, я не верю. Фигня. Оттого что информация более доступна, крутой пластинке было бы даже легче взорвать мозги. В 90-х же все равно работало сарафанное радио, люди менялись кассетами — просто не было соцсетей, поэтому все происходило медленнее». И что — такую пластинку запишет он? «Было бы нечестно сказать, что я к этому не стремлюсь. Но мне хочется не тащиться от ревущего стадиона, а дух времени выразить: чтобы потом слушать и понимать, что — ну это был полный пи…дец. Как когда Винни-Пуха спросили, что он любит больше всего, он ответил «мед», потому что не знал, как называется состояние, когда собираешься открыть банку. Вообще, проблема многих музыкантов в том, что они зацикливаются на одном подходе. Я очень люблю Дельфина, но мне кажется, он замкнулся в какой-то луп. Постоянная вот эта депрессивная эмоция его доконала. Музыкально он меняется, но это все дальше от людей. А «Глубину резкости» слушала вся моя школа. И это было нестыдно; то есть по-своему попсово, но в этом был серьезный месседж. И для меня вот это ориентиры — штуки, которые, с одной стороны, сделаны против всех канонов, а с другой — обладают абсолютно мейнстримовым потенциалом. Меня интересуют парадоксы».

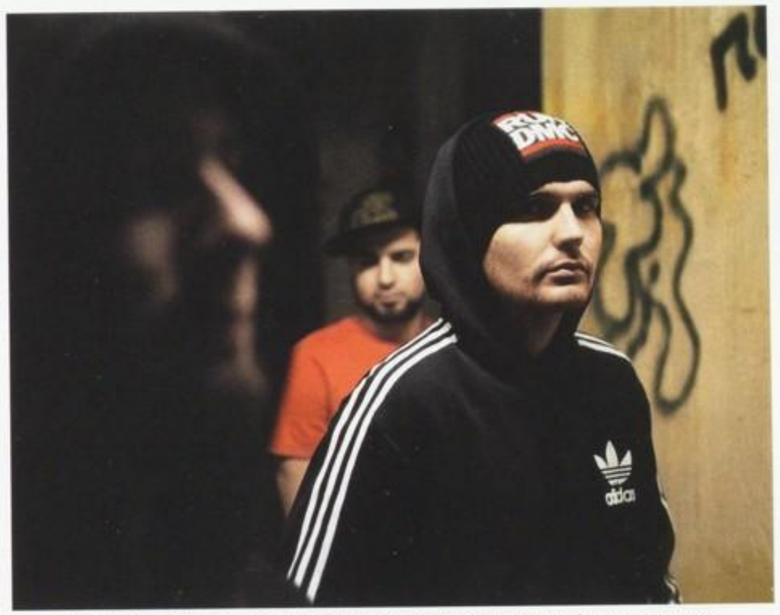
—

В предыдущий раз я был в Архангельске два с половиной года назад как раз с Дельфином. Он играл ровно в том же клубе — и между публикой и темной фигурой на сцене явственно вставала стена отчуждения. С Нойзом иначе. В первом же фристайле он рифмует про поколение, рожденное в 80-е и 90-е, которое не понимают взрослые, «потому что мы говорим на странном языке» — и этот язык у него с залом общий. Он читает под семплированную тему «Секретных материалов», исполняет кавер на «Поговорим о сексе» «Мальчишника», переводит на язык хип-хопа джоан-осборновскую «One of Us», и рефрен гласит: «не сомневайтесь, я действительно один из вас». Публика в тысячу глоток орет в протянутый в зал микрофон фразу «менты ох…ли». По клубу бегают восторженные девочки, юноши в кепках набекрень качают воздетыми руками в такт ритму — этих людей объединяет скорее возраст, чем прическа, одежда или надпись на балахоне.

—

Поначалу, впрочем, никаких людей не было. «Я когда приехал в Москву, тут же напек десять болванок и пошел по лейблам. Никто не ответил вообще». Медалист Алексеев поступил в РГГУ на факультет информатики. «Мне казалось: ну как, я же сочиняю песни на компьютере, в детстве программы на бейсике писал; наверное, это так же интересно, как и музыка. Оказалось — ни фига». Дальше, собственно, начался этап, который в фабуле искомой success story должен обозначаться как «испытание». Запись на чужих компьютерах в комнатах соседей по общаге. Еженедельное участие в подпольных битвах эмси. Попытки собрать группу. Безденежье. «Я помню, как ощутил дуновение перемен, когда после какого-то выступления на Арбате понял, что можно положить сто рублей на телефон». Шальные подработки. «Я один раз пытался куда-то устроиться, связано это было с кредитными картами. Но уже на собеседовании меня вскрыло: е…ть-копать, и вот этим люди занимаются до пенсии?! Так что единственная работа, которая у меня была, — всякие студенческие халтуры: когда сидишь на складе и собираешь 10 тысяч бритв». Уличные концерты, гастроли по подмосковным клубам. Прогулы, пересдачи, ночные бдения под дешевое пиво и «Роллтон» — все время от переезда в Москву до подписания контракта с Respect Production Ваня жил в общежитии РГГУ, сером 16-этажном здании на юге Москвы; на одном этаже с будущей группой. Первым появился басист. «Впервые о Саше я услышал, когда кто-то из окна стал гроулингом декламировать песню «Ленинграда» «XXX» (рефреном коей служит шнуровский крик «побрей п…ду». — *Прим. ред.*). Потом я встречал его в коридорах в майке с серпом и молотом, бухого в дрищ; каждый раз мы с ним знакомились — и в конце концов решили вместе записаться». Именно в общаге был придуман весь первый альбом Нойза, амбициозно озаглавленный «Greatest Hits, Vol. 1»; собрание дерзких песен про легкие наркотики, негостеприимную Москву и шоу-бизнес. «Мы у Саши в комнате подключались к двум компьютерам: в один — голос и гитара, а в другой шел бас и пердящие барабаны, заранее записанные». А потом Нойз переехал в дешевую комнату на Арбате — и целое лето вокруг выходившей на улицу группы собирались десятки и сотни людей. А потом стал выигрывать конкурсы эмси. А потом подтянулся мейджор-лейбл. А теперь у них выходит «Последний альбом».

«Последний» — в кавычках, конечно. Подразумевается диск, сделанный музыкантами, которые случайно выжили на репетиционной базе после ядерного удара, — одновременно с пластинкой появится книжка барабанщика группы Павла Тетерина, инспирированная, равно как и несколько песен на альбоме, романом Глуховского «Метро 2033». Но не только им — бытие определяет сознание: база, на которой альбом сочинялся, тоже провоцирует на апокалиптические ассоциации. Дверь в советском здании, глядящем на достраивающийся Сити, ведет в катакомбы, построенные на случай воздушной атаки. Рядом со студией — разрушенный авиационный цех. Комната Нойза и его команды — в самом конце бомбоубежища; группа уживается в одном помещении с жестяными резервуарами для воды; в соседней комнате в углу валяется пыльный стенд с надписью «Будь готов к гражданской обороне».



Когда Иван Алексеев подписал первый контракт, ему предлагали уволить музыкантов и выступать в одиночку. Он отказался. Так что Noize MC — это в полном смысле слова группа. На фотографии слева направо: Александр Кислинский, бас; Максим Крамар, клавиши, гитара; Иван Алексеев, вокал, гитара

«Поперла общественная ярость. Ну невозможно уже дальше хамить»

Иван Алексеев

С гражданской обороной у Нойза все в порядке. Второй альбом Noize MC — мощная во всех отношениях вещь, и по части драйва, и по части злободневных заявлений и вечных тем, и по части гарантированных хитов, и по части музыкальной эрудиции; но понятно, что в последние месяцы об Алексееве говорят в связи с песней, которой на пластинке не будет. Записанный за полдня во Владивостоке трек «Мерседес S666» про чиновников с мигалками и конкретно про вице-президента «Лукойла» Баркова, — пожалуй, самая эффективный музыкальный акт гражданского сопротивления в России за последние 10 лет. Нойзу, впрочем, не впервой. Была у него и песня «Наше движение» — ответ на попытку движения «Наши» заказать Алексееву гимн. Во время фестиваля, устроенного производителями коктейля «Ягуар», Нойз пел со сцены «добро пожаловать на героин-фест», уподобляя энергетики тяжелым наркотикам, и шприцем распрыскивал содержимое банок по залу. Но история про ДТП с участием Баркова, в которой погибли родственники близкой подруги Алексеева, — отдельное дело: «Эта пуля гораздо ближе просвистела». Он доволен тем, чего удалось добиться? «Вроде как достучались до Медведева — но непонятно, чего ждать. Вот сейчас пошли акции против мигалок — то есть всковырнулся такой гнойник, из которого поперла общественная ярость. И это должно было произойти, потому что ну невозможно уже дальше хамить. Правда, сейчас уже стандартная формулировка: «Noize MC, рэпер, скандально прославившийся песней про «мерседес». Как будто никто не слышал песню «В рот я ... ваш Первый канал».

Разумеется, слышали. Спрос на Нойза понятен; и история его взлета — на самом деле отражение общих симптомов. За последние годы русский рэп превратился едва ли не в самую популярную музыку в стране, встал рядом с шансоном — и даже в каком-то смысле его заменил. «Урбан», который 15 лет назад заклинали Влад Валов и Михей, к концу нулевых стал неотъемлемой частью массовой культуры среднего класса; такой же важной, как боулинг и кальяны. В том, что музыка злых улиц в России превратилась в музыку, звучащую из недорогой иномарки, нет никакого парадокса — потому что тот, кто слушает песни про разборки на районе и пацанские понятия, сам зачастую на этих понятиях рос; а те, кто слушает исповеди офисных рабов и монологи счастливых обладателей новой тачки, сами сидят в офисе и отдают кредит за новую машину.

У Нойза, впрочем, своя теория популярности местного рэпа. «Я вот был недавно в Нью-Йорке — там стагнация, жанр изжил себя. Но у нас же моложе хип-хоп гораздо, и золотая эра только начинается. Мы же отстаем от Америки лет на 15 где-то — ну вот сейчас, считай, 95-й». То есть скоро, говорю, Тупака убьют? «Получается так — через годик где-то. Хотя, может, и нет. Потому что до того Кобейн же должен застрелиться». Пауза. «Вот не знаю — кто сейчас Кобейн».

Нойз, конечно, не Кобейн: слишком двужильный, слишком смешной. И не Тупак. И не Цой. И даже не Шнуров. Во времена, когда потребность в больших личностях как будто бы иссякла, он потому и становится героем, что им не является. Свою внешность он в одной из песенок определяет как «гондон с небритым злобным лицом», и поверьте, его непросто снять на обложку журнала. В нем есть цоевская прямота — но нет мессианства. В нем есть кобейновский надрыв — но нет обреченного вельтшмерца. В нем есть шнуровское наплевательское отношение к табу — но нет показного артистизма: Алексеев ругается матом совершенно будничным образом. Его музыка сочетает энергетику рейвов 90-х и правдорубскую честность русского рока — и при этом напрочь лишена пафоса. Если Нойз на кого и похож, то на самом деле на Майка. Он как зеркало. Он свой в доску. Он говорит на языке миллионов, он пишет песни про мобильники, пьянки, вечеринки и разбитое сердце, он почти ни к чему не относится до конца серьезно — но он готов разорвать любого, кто будет мешать ему жить. Бунт Нойза — это и правда повод задуматься тем, против кого он направлен, потому что это бунт, лишенный идеологии. Бунт обывателя, которому «невозможно уже дальше хамить». Когда спрашиваешь его про амбиции и финансы, Нойз отвечает: «Я зарабатываю нормально, но при этом фигачу, как папа Карло. И если говорить про планы… «Олимпийский» не «Олимпийский», но, надеюсь, через годик квартира в Москве у меня будет».

Не сомневайтесь — он действительно один из вас.

Noize MC «Последний альбом» («Монолит»)
Павел Тетерин «Последний альбом» («АСТ»)

Гуляш, паприкаш, лангош, халасле, пёркёльт, турош-чуса, добош, эстерхази и и шомлойские галушки.
Не всегда получается выговорить, но всегда хочется съесть

ПУТЕВОДИТЕЛИ «АФИШИ» ПО ГОРОДАМ МИРА

Амстердам, Барселона, Берлин, Будапешт, Вена, Венеция, Вильнюс, Гонконг, Киев, Лиссабон, Лондон, Мадрид, Милан, Москва, Нью-Йорк, Париж, Петербург, Прага, Рига, Рим, Стамбул, Стокгольм, Таллин, Токио, Флоренция, Хельсинки

16+

Заказ и доставка (495) 785 17 00 • **shop.afisha.ru**

афиша

№288 (Итоги 2000-х: разговоры с героями десятилетия) от 24 декабря 2010 года Илья Красильщик разговаривает с Ильей Осколковым-Ценципером

Илья Осколков-Ценципер

43 года, президент института «Стрелка», вице-президент компании Yota, основатель «Афиши»

Создал журнал «Афиша», а вместе с ним — образ жизни московского среднего класса. Не по своей воле покинув «Афишу», основал институт «Стрелка» — единственное образовательное учреждение мирового уровня в области архитектуры и дизайна и просто одно из самых приятных мест в Москве. Сделал нас такими, какие мы есть.

Интервью: *Илья Красильщик*
Фотография: *Алексей Киселев*

— Когда вы начинали в 1999 году делать «Афишу», кажется, у вас было совсем иное ощущение от города, в котором мы живем. Что сейчас вы его совсем измените. Где-то к середине нулевых это ощущение ушло. Что случилось?

— Когда это все начиналось, нам казалось, что мы живем в каком-то аду, населенном болельщиками, которые сегодня громили Манежную площадь, и борисами березовскими. Потом в какой-то момент всего стало становиться больше и больше. При этом сам город чудовищно деградировал в смысле качества жизни, и это причина постоянной фрустрации. У нас сейчас все есть, но мы сами себя запихали в безнадежную культурно-интеллектуальную провинцию. Наша цивилизация оказалась на обочине, у нас слишком мало культурных героев.

— В 2001-м как это все выглядело?

— В 2001 году мы с изумлением обнаруживали, как всего много, — и когда появлялись Земфира или Пелевин, было ощущение, что за ними будут еще Земфира и еще Пелевин. А потом в какой-то момент это изменилось. Отчасти это связано с тем, что конкуренция стала глобальной, но еще и с тем, что, выбрав путь нефти, мы отказались от разных других путей как общество. Мы выбрали путь, когда мы живем за счет того, что выковыриваем что-то из земли и продаем. Больше мы как общество ничего не производим.

«Сколько там нефть при Ельцине стоила? 9 долларов? Вот стоила бы сейчас нефть девять долларов — как бы мы хорошо жили»

— Нефть так влияет на людей, которые сидят в условном московском клубе или в провинции?

— Да. Нефть совершенно разрушительна, потому что если у тебя есть нефть, тебе не надо ни с кем конкурировать, не надо ничего уметь, не надо учиться и понимать, что ты живешь в глобальном мире. Почему у нас нет промышленного дизайна? Потому что у нас нет промышленности. Почему нет промышленности? Потому что, как говорит один мой товарищ, у нас есть вредные ископаемые. Почему у нас с вами есть деньги? Что мы производим как общество и как культура? Нефть. Сколько там нефть при Ельцине стоила? 9 долларов? Вот стоила бы сейчас нефть девять долларов — как бы мы хорошо жили. С другой стороны, в Москве сейчас расползается негероическая культура в прямом смысле слова: мест, где люди культурно себя ведут, где культурно сделан интерьер и культурно готовит еду культурный повар, вдруг сейчас взрывным образом оказалось, что в Москве не меньше, чем в большинстве приятных городов на свете.

— То есть нефть все-таки определяет не все? Что-то происходит?

— Конечно. Но это все касается сферы услуг и продажи чего-то, что сделано не здесь (*смеется*).

— Копирование западных образцов?

— Вы знаете, русский контекст сам по себе очень странный и очень героический, здесь все само по себе очень сложно — и поэтому какая-то история, которая выглядит абсолютно нормально в какой-то заграницe, — хипстерская забегаловка — в России начинает значить сильно больше. Смешная мастерская по тюнингу мотороллеров превращается вдруг в культ. Я сейчас живу в Лондоне, и одна из вещей, которую я понял, которая вообще нас отличает от европейцев, — это невероятная страстность, то, о чем Достоевский писал. Страсть является одним из определяющих элементов нашей культуры. И когда что-то все-таки делается, количество эмоций и энергии, которые ты получаешь, — это довольно удивительно. Другими словами, сделать «Гараж» в Москве — это не то же самое, что сделать «Гараж» в Абу-Даби.

— Когда ничего не было, казалось, что вот отменят визы или сделают пару хороших ресторанов, появится пара клубов — и жизнь станет другой, наступит Европа. А когда все появилось, оказалось, что этого недостаточно, что…

— …Европу делает Европой не это.

— И что культура сейчас великая будет, а она тоже не случилась. И кажется, что нулевые — это путь от большой надежды…

— …К большой безнадежности. Все это правда, но это более длинная эпоха. Самая большая надежда была в 89 году — ее потом колбасило в разные стороны, иногда было очень страшно, наличие надежды не означало победу светлых

сил, — но была надежда. А сейчас смотришь вокруг и думаешь: что же с этим делать? Кажется, что это въелось, вкопалось, забетонировалось, зацементировалось в мозги, проникло хуже советской власти. Вот мы сделали «Стрелку», вот есть наши выпускники. И меня спрашивают: «Что они потом будут делать после твоей «Стрелки»?» Вот люди получают замечательное образование — что, их будут с руками отрывать?

— Уедут?

— Ну что значит — уедут? Понимаете, с ума не надо сходить. Там совершенно обратная ситуация. В России есть феноменальная возможность для молодых людей что-то значительное делать. Это везение — мне так повезло или вам, но на Западе как бы вы или я делались главными редакторами? Поучились бы на журналиста, посидели бы по каким-то интерншипам, поработали бы

«В Москве 10 лет назад не было ни одного суши-ресторана, а сейчас для детей суши — это чуть ли не более обыкновенная вещь, чем пельмени»

младшим обозревателем того-сего и лет в тридцать доползли бы путем невероятного жульничества до каких-то постов. Мы же живем в мире, где такой конкуренции нет и судьба бросает пироги тебе в руки. В нулевые — это у них общее с девяностыми — было удивительное чувство пустоты и свободы, потому что все, что делалось, делалось в первый раз. От «Афиши» столько всего отпочковалось — через отрицание или через продолжение. Сейчас гораздо более плотная среда: тем, что ты откроешь ресторан какой-либо кухни, вряд ли кого-то удивишь. Ваше поколение начинает работать в обществе, в котором больше понятно, какие есть пути. Можешь быть бедным, но гордым, можешь — быть богатым, но говном. И все структурировано. И состояния будут делаться уже не такими способами, какими они делались в 90-е или в нулевые. Возникло понятие карьеры, которого раньше не было. Даже если вы пойдете в чиновники воровать, то сразу вам воровать не дадут столько, сколько хочешь, — придется по карьерной лестнице двигаться.

— Раз уж вы упомянули образование — кажется, оно за 10 лет невероятно деградировало.

— Деградировало все, к чему прикасается государство. Где все более-менее ничего, там его нету. Где все ужасно, например, в образовании, там оно есть. Куда ни плюнь, ты упираешься в одну и ту же историю. Энергия у людей есть, желание что-то делать есть. В тех точках, где ты можешь прилагать какие-то усилия, из-за государства эти усилия прилагать либо слишком сложно, либо невозможно. Или не хочется. Есть некоторые героические люди, у которых что-то на эту тему получается. При этом если бы государство уменьшило свою вовлеченность во все, уже было бы хорошо — я даже не прошу, чтобы оно помогало.

— Бытовые же вещи в нашей жизни тоже совсем изменились.

— Ну да. Вот вы понимаете, что в Москве 10 лет назад не было ни одного суши-ресторана, а сейчас для половины детей суши — это чуть ли не более обыкновенная вещь, чем пельмени и уж точно чем блины. Сложилась целая куча типажей, которых не было. Общество произвело на свет средний класс — фигуру человека с семейными ценностями, который копит деньги. Или давайте посмотрим на то, как изменились семейные отношения или секс. Люди стали трахаться в презервативах. Мне ужасно интересно, как интернет-порнография повлияла на сексуальную жизнь россиян. Повсеместная эпиляция у женщин, которая сейчас распространяется и на мужчин, — это точно результат просмотра видеороликов и фотографий; не в бане же они научились.

— Интересно, откуда вы про повсеместную эпиляцию у мужчин столько знаете?

— Ребята рассказывали. Или еда, которая превратилась из маргинального хобби, чего-то, чем занимается ваша бабушка или мама, во что-то, на что вас зовет с большим пафосом инвестиционный банкир и вкручивает вам целый вечер гайки в мозг про то, откуда этот ингредиент и откуда тот. То же самое произошло с фитнесом. Были спортивные люди и десять лет тому назад, но для подавляющего большинства спорт был чем-то, чем ты занимался когда-то в молодости. Вообще, девяностые — это про «Live fast, die young». Внимательно относиться к своему здоровью было пошло, глупо и буржуазно. В начале нулевых казалось, что люди чуть ли не на подоконниках нюхают кокаин, а сейчас не то что наркотики не употребляют — курить стали меньше, люди меньше напиваются. Вернее, напиваются, но по-другому. Они слегка поддамши каждый вечер, но в зюзю — этого стало гораздо меньше. Появилась мужская косметика, которой еще недавно не пользовались даже гомосексуалисты. Сейчас треть любого магазина косметики посвящена этому. Идея прически для мужчин как массовая вещь появилась в нулевые. Люди стали чаще мыть голову. Пахнуть перестали. Исчезли золотые зубы. Исчезли люди без зубов. Исчезли люди, у которых пахнет изо рта. Исчезли люди с желтыми зубами и с железной фиксой. Сейчас это признак люмпенов. Общество хочет видеть себя здоровым. А еще интересно, что мы живем в культуре страхов. Дети больше не играют на улице, потому что родители боятся их туда пускать. Люди живут за высоченными заборами, они уже даже не ловят такси, а вызывают его. Постоянный страх. Это, кстати, глобальный феномен — исчезновение публичного пространства. Исчезают места, где бедные встречаются с богатыми. Везде это в равной степени, в Китае это совсем вульгарные формы принимает, но американская сабурбия — это же оно и есть. В какую сторону ни поглядишь — везде одинаковые белые домики с лужайками, везде живут белые люди. И в голову тебе не придет вечером поехать в американском городе в центр, где

ходят страшные негры. Детей водят в школу за руку до двери, родители впадают в панику уже не из-за того, что мальчика в двенадцать ночи еще нет дома, а из-за того, что он не вышел из школы через пять минут после того, как закончились уроки. Люди боятся даже там, где совсем не страшно. В ресторанах, например. Вы часто видите, чтобы охрана выводила кого-нибудь из ресторана? У нас охрана везде. Это наша культурная установка.

— А с развлечениями что произошло?

— Да, возник интерес к архитектуре, дизайну, урбанистике, моде, представление о которой сильно поменялось за последнее время, технологиям. Мне кажется, журналу «Афиша» ужасно мешает его рубрикатор — и наоборот, рубрикатор сайта Look At Me ему очень помогает. Дизайн был и десять лет назад, а театр есть и сейчас, но тогда дизайн был тем, чем занимаются графические дизайнеры, а теперь все дизайн и всем про него интересно, а театр, который еще десять лет назад владел умами и определял дух времени, сейчас такой роли не играет. Очень сильно изменилось в культуре положение искусств и развлечений. Посмотрите, как изменились наши отношения с телевидением за 10 лет. Мы же все его действительно смотрели, а потом перестали. И сейчас вдруг телевидение опять кажется жутко живым и интересным — только не то, которое показывается по ТВ, а в виде сериалов. За 10 лет Оля Свиблова превратила фотографию из хобби в тот вид искусства, с которым так или иначе ассоциируют себя почти все. Оно стало самым массовым из всех искусств, популярнее музицирования. Если об этом начать думать, то окажется, что в этом очень мало московского, это все глобально.

— А как Москва изменилась?

— Она превратилась в азиатский город. На протяжении 300 лет в Россию ехали люди с Запада: евреи, поляки, литовцы, латыши, украинцы, немцы, шведы. А сейчас происходит обратный, очень мощный процесс: евреи все уехали, уехало очень много русских, и на их место едут азербайджанцы, армяне, таджики. Сейчас мужчины, когда встречаются, часто обнимаются и хло-

«Мы вам даем жить, вы нам даете воровать» — эта сделка больше не работает»

пают друг друга по плечам. Этого не было 10 лет назад. Мужчины при встрече только пожимали друг другу руки. Это влияние кавказской культуры. Что-то берем с Запада. Вот у вас обручальное кольцо есть. Раньше идеи обручального кольца с бриллиантом в России не было, это подсмотрели на Западе. Знаете, как это там появилось? Это в 30-е годы придумали маркетологи компании De Beers, чтобы продавать больше бриллиантов.

— Это глобализация?

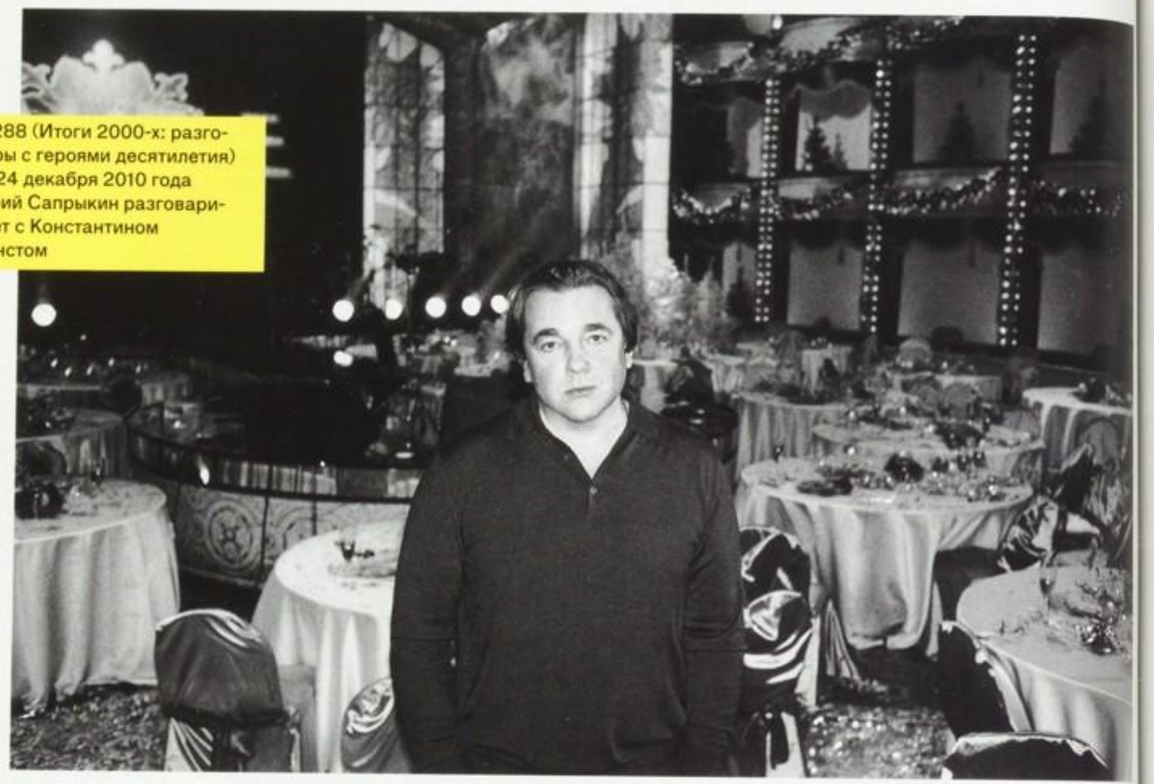
— Это глобализация, но интереснее всего, как эта глобализация выглядит у нас. В 90-е самыми крутыми ребятами были экспаты — они знали, как устроен мир, у них была куча денег, и все девицы были их. А сейчас кому они нужны? Еще стало возможным жить на несколько городов. Еду стали покупать в супермаркетах. Быт изменился кардинально. Совершенно изменилась роль религии. 10 лет назад практически любой человек, с которым ты встречался, был агностиком. Теперь почти каждый идентифицирует себя как христианин, мусульманин и так далее. Меня абсолютно поражает, что вся эта средневековая жуть лезет обратно. Вещи стали временными. Ты раньше покупал ботинки на всю жизнь. Мы сейчас от вещей другого ждем. Раньше, если вы покупали вещь в дорогом магазине, вам казалось, что она должна быть качественной, а сейчас вы покупаете только дизайн и статус. Если она развалится на куски после двух стирок, это вас не удивит совершенно. Возникла идея лайфстайла — что ты можешь переорганизовывать свое жилье и свой быт по советам каких-то экспертов. Нулевые — это эпоха, когда люди сначала перестали ходить друг к другу в гости, а сейчас снова начали. За эти десять лет в наш быт вошли палочки для ковыряния в ушах. Исчезли вата и марля — они же были в каждом доме. Появилось огромное количество людей, которые делают себе татуировки. Машины теперь есть у всех — даже у молодых людей без богатого папы. Подавляющее большинство людей побывали за границей. Появились линзы. Появились офисы и работающие в них клерки. Все это бесконечный список побед глобальных компаний на российском рынке.

— Когда в 2008 году ударил кризис, мы с вами сидели и обсуждали, как в новой реальности делать журнал «Афиша». И вы тогда сказали, что вот сейчас произойдет удивительный сдвиг. Все попрет, гражданское общество начнется, гражданская борьба, и демшиза перестанет быть маргинальной.

— Так и получилось.

— И поэтому есть ощущение, что сейчас должно начаться что-то совсем другое.

— Абсолютно. Рухнул договор, который был заключен режимом с обществом. Его гениально сформулировал Дэвид Ремник, главный редактор The New Yorker: «We let you live, you let us steal» — «Мы вам даем жить, вы нам даете воровать». Эта сделка больше не работает. С одной стороны, потому что темпы обогащения замедлились, с другой, все-таки так много вещей, которые нельзя купить за деньги, находятся в жутком состоянии. Явно что-то происходит — эта демшиза, этот Химкинский лес, этот Юрий Шевчук, это было не слышно, а теперь снова слышно. И это хорошо и прекрасно. И с одной стороны, надежды нет, а с другой — и стабильности нет. Вот, знаете, бывает такая безнадега, когда кажется, что так будет всегда. Мне при советской власти казалось, что я умру, а все Брежнев будет править. А сейчас же нет такого ощущения. Есть ощущение, что очень шатко, все на соплях.



№288 (Итоги 2000-х: разговоры с героями десятилетия) от 24 декабря 2010 года Юрий Сапрыкин разговаривает с Константином Эрнстом

Константин Эрнст

генеральный директор Первого канала, 49 лет

Превратил канал в мощнейшую медиамашину с самыми эффектными шоу, невероятным политическим влиянием и неограниченными возможностями для экспериментов. Попутно спродюсировал несколько фильмов, изменивших устройство русского кинобизнеса.

Интервью: *Юрий Сапрыкин*
Фотография: *Алексей Киселев*

— Я посмотрел сегодня программу ОРТ 2000 года. Единственные шоу, которые там присутствуют, — «Поле чудес», «КВН» и «Что? Где? Когда?». В субботу вечером идет сериал «Коломбо». Такое патриархальное телевидение.

— Люди не в состоянии отследить скорость изменений, а за десять лет изменения на телике произошли абсолютно радикальные. Людям, которые рассуждают об этом — в «Афише», в частности, — кажется, что телевизор перестали смотреть. Но арифметика сообщает другое. Абсолютное количество людей, которое смотрит телевидение, к концу десятилетия выросло. Это парадоксальный факт. Даже люди, которые говорят, что «не смотрят зомбоящик», загадочным образом в курсе всех изменений, которые там происходят.

— Ну то есть это теперь стартовый пункт трубопровода, где нефть заливают.

— Всех интересует место, в котором делают контент, по каким трубам его разольют — уже не важно. Если этому контенту нужно будет сделаться интерактивным, многовариантным, раздающим деньги или целующим зрителей, дело и до этого дойдет. А противопоставление с интернетом — это от общего раздражения. Огромное количество журналистов ненавидят телевидение, зачастую потому, что у них не получилось что-то сделать на ТВ. Все же понимают, насколько это аудиторно выше любого радио или печатного источника, — это максимальное внимание, максимальная возможность реализации. Я, конечно, не говорю про всех, я про большинство.

— Не соглашусь. У многих пишущих людей амбиции находятся в другой плоскости по сравнению с той, в которой оказалось телевидение. Телевидение в нулевые осознало свою миссию так: нужно дать людям возможность отдохнуть. Мы пережили сложное, травматичное, время, потом отпустило, нужно отдышаться. Помимо историй про цензуру и контроль сверху — телевидение выполняло такой социальный заказ.

— Абсолютно согласен. Я телекарьеру начал во «Взгляде», который для разрушения коммунистического строя в России сделал больше, чем кто-либо. Невозможно сейчас создать медийный феномен такого уровня. Но запросы меняются. Есть запросы на революцию, есть запросы на созидание, есть запросы на расслабление — и это было основным мотивом, во всяком случае, первой половины нулевых. Телезритель говорил: «Я стал солдатом капитализма. Я борюсь за свою семью, свою зарплату, свои перспективы. Не грузите меня! Я хочу прийти домой, и чтобы мне отмассировали пятки, иначе я вас смотреть не буду». Телевидение часто обманывает себя, выступает в роли какого-то горлана-главаря, а на самом деле это такая специфическая сфера обслуживания населения вроде службы быта или общепита. Был общественный запрос, телевидение довольно эффективно на него отвечало, а к концу нулевых началась другая история.

> «Человечество достигло такой скорости в получении информации, что стало, как компьютер, зависать»

— Кстати, вы знали заранее о речи Парфенова? И что думаете о ней?

— О том, что будет говорить Парфенов, я не знал. Да и не интересовался. У него как у лауреата было право на любое высказывание. А что я думаю по этому поводу, я говорить не буду: читатели, как и зрители, никудышные исповедники.

— Так что же началось в конце нулевых?

— Произошел мощнейший культурный кризис планетарного масштаба. Человечество достигло такой скорости в получении информации, что стало, как компьютер, зависать. Даже скорость физического перемещения человека к началу третьего тысячелетия стала глубоко антифизиологична. Вы не должны через 10 часов оказываться на другом континенте, хомо сапиенс на это не рассчитан. И всех одолело некое беспокойство. Человек приходит к концу дня домой, ему тяжело и страшно, он давно не понимает этот мир и все, что там происходит. Все основные ролевые модели капитализма, поведения себя в обществе, подверглись чрезвычайной критике, даже те люди, которые пытаются им соответствовать, подспудно понимают, что в этих моделях что-то не то. Это, с одной стороны, приводит к зависти по отношению к персонажам 90-х, которые отхватили скважины, бабки, позиции, места…

— …и вообще весело провели время.

— А нам не досталось ничего, эти суки все заняли. Но это ложные размышления, те, кто в 90-е весело время проводил, они такие же объекты этого кризиса, просто более укоренившиеся. Но во время шторма плотно сидит твой якорь либо никак не зацепится за грунт — это уже небольшая разница. Шторм такого уровня, что снесет все корабли, если они не поймут, как встать по ветру. Главная проблема в том, что люди пока не в состоянии проартикулировать время. Никаких мощных высказываний по поводу текущего времени в современной культуре нет. Существует глубокое непонимание не только того, что должно произойти, но и того, где ты сейчас находишься. Поэтому интернет помимо прикладной функции получения информации стал местом выхлестывания боли, озлобленности и других форм непонимания себя в этом мире. Существование в блогах — это попытка карнавальной реализации: я хочу выглядеть так-то и так-то, потому что такой, какой я есть на самом деле, я даже сам себя не устраиваю. И это уже целое поколение. Я, конечно, интересуюсь достижениями этих людей, пытаюсь взять их на работу, дико раздражаюсь их поверхностностью. Когда идет дискуссия по важному делу, в которое я так или иначе интегрирован, — я вижу, что люди не о том говорят. Они обсуждают поверхностные, незначительные детали, даже не пытаясь заглянуть глубже.

— Но это же всегда так было. Герои песни Высоцкого «Диалог у телевизора» тоже не выходят на высокий уровень анализа. Просто раньше этих Ваню и Зину никто, кроме Высоцкого, не слышал — а сейчас им включили микрофон.

— У Вани и Зины было гораздо меньше информационных поводов и гораздо больше времени, поэтому можно было ожидать более глубинного осознания. От отдельных вань и зин.

— Для Вани и Зины основным источником мемов был телевизор. А сейчас среди генераторов мемов телевизор в лучшем случае занимает место в первой тройке. И вот появляется вирус, допустим, «Россия для русских, Москва для москвичей», который сам не пройдет, изнутри сетевого сообщества от него нет противоядия. Но кроме телевидения, некому заняться его терапией.

— Я думаю, национализм свидетельствует о глубоком несовершенстве хомо сапиенс. Национальные выплески были всегда, это не связано с текущей политической ситуацией. Что такое глобализация? Это такой панамериканский национализм. Мы самая богатая страна, живем лучше всех, живите как мы. Это попытка экспансии своего способа видения жизни на остальных.

— Но они со своими национальными проблемами начиная с 60-х как-то разобрались.

— Они поверхностно подавили проблемы, которые в 50–60-е были просто зоологическими. Когда негры ездили в отдельных автобусах, сидели на отдельных скамейках, и висели вывески: «Собакам и неграм вход запрещен». Ну что ты

скажешь? Что большинство белых американцев страстно любят черных американцев?

— Они хотя бы соблюдают приличия.

— Но эта договоренность очень поверхностная. У негров свой темперамент и свой взгляд на жизнь. И человеку, приехавшему с Кавказа, кажется, что здесь бабы ведут себя совершенно паскудно, мужики — слабые козлы, и это неправильно. И когда у него появляется малейшая возможность поправить положение дел в своем микрокосмосе — он это делает. Это вопрос не политический. Это вопрос глобальной культуры, и вовсе не в смысле образования. Я в Америке часто бываю, и даже внутри огромной шоу-бизнесовой телевизионной киноимперии, в которой огромное количество евреев, дикий антисемитизм! Если в офисе крупной американской компании по случайности сидят три американца неиудейского происхождения и они выясняют, что ты не еврей, дальше ты выслушаешь массу антисемитских шуток и жестких высказываний. При всем при том, когда подъедут люди для следующих переговоров, и это окажутся сплошь евреи, все будет дико политкорректно. Ничто никуда не ушло. Просто люди научились в определенных ситуациях держать себя в руках. А пьяный Мел Гибсон? Что у трезвого на уме…

— А президентом негра избрали.

— Но это же не настоящий негр. Только наполовину. И если ты восторгаешься тем, что негра

> «Козлы! Вы по-русски не можете в блогах своих писать, диктант не можете сдать. Что вы прикопались?!»

избрали, — это знак того, что у тебя есть националистические идеи, ты уже признаешь искусственность этой системы. На самом деле тебе должно быть все равно. Я вот лет до двенадцати вообще не думал, кто какой национальности.

— Это специфика советского детства.

— То, что у людей разных национальностей отличаются коды поведения, — это объективный факт. Ты знаешь, все, что ты ешь до пяти лет, ты будешь любить всю жизнь? Дальше пойдут фуагра, «Мадам Клико», но от того, чем тебя кормила бабушка, ты спустя тридцать лет все равно будешь получать острое удовольствие, так устроена физиология. И в этом нет ничего плохого. Одного кормили только что зарезанной на его глазах бараниной, а второго — сарделькой с пюре. Строить на этом что-то глобальное и агрессивное нельзя. Но не учитывать это тоже невозможно.

— На самом деле люди, которые выходили на Манежку, — это в огромной части герои сериала «Школа». Те методы успокоения и примирения с реальностью, которыми мы пользуемся, для них не работают. Как и аудитория Ассанжа, они живут с ощущением глобальной несправедливости, и на это еще накладывается миллиард местных проявлений несправедливости.

— В первую очередь они чувствуют себя опоздавшими родиться. Как мальчики в Советском Союзе переживали, что не были достаточно взрослыми для участия в испанской войне, сегодняшние мальчики переживают, что не были взрослыми в момент приватизации и раздела имущества. Это для многих создает фон, на котором очень болезненно воспринимается любая несправедливость. Все не так. Все расхватали. Где наше место?

— Ксенофобия — просто один из ответов на вопрос о справедливости, который их терзает.

— Знаешь, справедливость — важнейшая категория в России, но она, как и правда, у каждого своя. Это очень субъективная категория, в первую очередь завязанная на культуру, в которой тебя воспитали. И в традиции одной культуры что-то справедливо, а для другой это что-то — последнее паскудство. Общей планетарной справедливости не существует. Это категория общая лишь для людей, практикующих культурные коды, сформировавшиеся в определенном месте в определенное время. Для русских, выросших в средней полосе, справедливо одно, а для дагестанцев, выросших в горном селении, зачастую справедливо другое. Если честно, подавляющее число блогов невозможно читать из-за тотального озверения! Мутко написал себе квадратными буквами спеллинг. И огромное количество людей высказываются с такой ненавистью об этом, как будто они все флуэнтли инглиш спикинг. Мне хотелось сесть и написать: козлы! Вы по-русски не можете в блогах своих писать, вы диктант не можете сдать, ни пунктуации, ни орфографии, ни хера нету. И не потому, что это олбанский, а потому что вы плохо учились в школе. Что вы прикопались?! Удивительно, когда победа твоей страны и получение права на проведение чемпионата мира вызывает огромное отторжение, — это говорит об искажении психики. Для моего культурного кода это идиотизм, а для их — нет.

— Ну а что с этим новым общественным заказом делать? Вы же не можете сказать: ребята, а вот с этим вы сами как-нибудь разбирайтесь.

— Это огромная проблема. Во-первых, они являются глубоко психически нестабильными людьми, они чувствуют себя обворованными, недоцелованными, попросту несчастливыми.

— И это становится источником новой пассионарности. В тех людях, которые в нулевые машину в кредит покупали, никакой пассионарности не было. Их в общем все устраивало.

— Люди, реализовавшиеся в 90-е годы, дико упирались. Практически все олигархи — это люди, которые во многом преодолели моральные табу. Они были дико работоспособными, они были смелыми, абсолютные десперадос. А у новой генерации есть деньги на хороший компьютер и всякие другие гаджеты. И конечно, их многое не устраивает. Но они не готовы упираться. Очень важная вещь — это подлинность желания. Если желание подлинное, то вся твоя нервная и человеческая энергия направлена на реализацию этого

Журнал «Афиша»
Теперь и на iPad

Скачайте приложение и получите один номер «Афиши» в подарок

Реклама

afisha.ru 16+ Доступно в App Store

желания. Поэтому ты либо тотально проигрываешь, либо выигрываешь все. Но у новой генерации желание не подлинное. Их одолевает «смутное томление». Большинство из них не способно реализовывать себя в качестве лидеров. Они могут быть только субъектами толпы. Это двадцатилетние люди, которые брюзжат как старики. Когда мне было двадцать лет, вокруг меня брюзжащих не было, все о чем-то мечтали, во что-то упирались, все были счастливы осознанием своей физиологической молодости! А эти могут брюзжать сколько угодно. Они через двадцать лет станут главными в стране, просто по физиологии

«Они страстно нам завидуют: «Ну вы там позажигали в 90-е!» Да, зажигали по-настоящему. А чего это стоило многим? А сколько мы работали?»

возраста займут ключевые позиции. И тогда нас могут ждать разные проблемы. Это будут малоквалифицированные, глубоко несчастные, даже тем, что поздно получили все рычаги — уже не порулишь в свое удовольствие, — люди. Вот это футурологический прогноз, который меня пугает. Травма 90-х, людей, находившихся тогда в раннем возрасте или хотя бы в раннем пубертате, — никто еще не исследовал специфику этой психологической травмы. Но мы пожнем ее результаты очень скоро.

— Те, кто был взрослее, никакой особенной травмы не получили. Проскочили это время весело, на лихом коне.

— И они страстно нам завидуют: «Ну вы там позажигали в 90-е!» Да, зажигали по-настоящему. А чего это стоило многим? А сколько мы работали? Я когда монтировал «Матадор», меня поставили на неделю раньше в эфир, а мы прилетели только что из Испании, и мы с моим монтажером к концу третьих суток потеряли цветное зрение! И у нас не было даже в мыслях, что мы можем сорвать эфир. Сейчас человек говорит: «Да я не спал, я работать не пойду». «У тебя завтра эфир!» — «А я не спал!» И все остальные люди из его страты понимают, что конечно, он не спал, ему надо уходить, а какой там эфир — это пофиг. Не в работе счастье. Это во многом похоже на историю с Францией. Франция — великая страна, ее создали великие, гениальные, страстные французы. А потом их потомки занялись продажей вещей этих доблестных французов. Они стали сквалыжными, ленивыми, с плохим характером, заточенными только на то, как бы поотдыхать, не хрен напрягаться. Я думаю, мы движемся примерно в том же направлении.

— Риторический вопрос: а что с этим делать? Может ли с этим что-то сделать телевидение или большая политика? Или это где-то во вселенной форточку открывают-закрывают?

— Для того чтобы лечить, надо проговорить диагноз. Но я не вижу активной дискуссии в медиа по этому поводу. Одной из важнейших составляющих российской культуры является отсутствие в now-and-here. Русский человек находится либо в прошлом, либо в будущем. Для него болезненно невозможно проговаривать свое существование сегодня. Мы всегда копим деньги, откладываем на время, когда мы будем жить хорошо, морально, трудолюбиво, заниматься здоровьем, худеть, бросать курить — все в будущем. В прошлом было либо все хорошо, либо все плохо — это глубоко индивидуально. А в сегодняшнем дне ты живешь в основном неправильно, осознаешь эту неправильность, но у тебя нет ни сил, ни воли это изменить, и ты обманываешь себя тем, что ты изменишь это в будущем. И это поколение завидует уже даже не своему прошлому, а чужому, и обсуждает, как бы этих людей вы-пи…дить отсюда, чтобы обеспечить свое будущее. Мне кажется, ребята, вы нас должны холить и лелеять, кроме нас, вам это будущее никто не обеспечит. Других таких ишаков, продолжающих ишачить до смерти, вы не найдете. Интернет раскрывает огромные возможности. А что вы вылили туда, кроме своей желчи и домашней пернухи? Большинство этих людей — чистые консюмеры. Они перед друг другом хвастаются профессиональностью своего консюмеризма. Они большие виртуозы по скачиванию — обязательно самыми первыми, по отслеживанию последних марок и моделей. Они покупатели-профессионалы высокого класса. Проблема в том, что их активность, с точки зрения созидания, никуда не направляется. Это вопрос той спермы, которую ты извергаешь в окружающий мир. А у них и сперматозоидов в большинстве своем нет, они все время эякулируют секреторной жидкостью.

— Поэтому невозможно создать консенсус, который влиял бы на что-то — на кассовые сборы или на состояние умов.

— Абсолютно! Я считаю, что мы поставили блестящий эксперимент с «Чужой», которая не рекламировалась на Первом, но активно рекламировалась в интернете. Я обнаружил, что эти люди не являются субъектами похода в кинотеатр. Потому что, во-первых, «и так скачаем, че туда ходить», а во-вторых, этот акт связан с выходом в окружающую среду, которая для многих враждебна, дискомфортна и вообще говно. А вдруг мне не понравится? Мне не только денег жалко, я еще буду чувствовать себя обманутым. По исследованиям прокатчиков, реклама для кинотеатра эффективна только на двух каналах: на Первом и на ТНТ. Там есть аудитория, которая ходит в кинотеатры. Есть на НТВ гиперхит «Глухарь», на сто процентов понятно почему. Это абсолютный фрик, ведущий себя так, как ты бы себе не позволил, но страстно бы хотел. Это очень современный тип героя, и не только для России, «Доктор Хаус» — то же самое. Понятно, что никто не может стать суперменом, но сейчас никто не может позволить себе даже быть фриком. И героем сейчас является фрик, человек, ведущий себя как хочет, насрав на все остальное.

— Такое высвобождение внутреннего дурака.

— И когда НТВ выпускает киноверсию «Глухаря», на нее никто не идет. Да, они готовы посидеть посмотреть это дома, но не готовы поднять жопу. И это даже не эффект интернета, это эффект специфической аудитории.

— Что вообще с кино происходит? Вот «Дозоры» — очень странный фильм, тоже экспериментальный, но включилась ковровая бомбардировка Первого канала, и на него пошли.

— Ковровая бомбардировка может привести людей на первый уикенд, на второй бы они не пошли. Значит, мы попали. В первой серии попали на демонстрацию профессии — можем не хуже, чем они. До этого аудитория лишала отечественных кинематографистов этого права. На вторую пошли как на продолжение истории. Мне подарили три или четыре философских книжки, посвященных «Дозорам», — значит, это было культурным феноменом.

— Так или иначе, на втором «Дозоре» было ощущение, что появился русский мейнстрим.

— Я скажу смешную вещь. «Дозоры», как ни странно, дали толчок американской кинематографии вернуться к вампирской тематике. Все американские кинематографисты, от последнего левака до Кэмерона, которого я лично спрашивал, все знают «Дозоры». Это понятная история: люди ищут тренд, тренды приходят из разных мест. Русские двумя картинами устроили вампирский ренессанс в американском кино. Это просто по времени понятно: через два года пошел первый вампирский фильм, потом второй, третий…

— А вот бокс-офис 2010 года, рекордный по цифрам, но русских фильмов там нет.

— Виноваты козлы-коллеги с «Яйцами судьбы», «Гитлерами капут» и всем остальным. Все пошли собирать бабки. Решили, что поле уже унавожено, пора собирать урожай. А его надо было еще лет десять разрабатывать, культивировать.

— А что же вы с этого поля ушли?

— В тот момент случился большой кризис, надо было спасать телик. А тем временем ракеты трэшака уродовали площадку, довели ее до того, что люди не хотят идти на русские фильмы, потому что их столько раз уже обманули, а новое поколение и так напряженное, они все время боятся, что их обманут, и поэтому очень сильно страхуются. Чтобы затащить их в очередной раз в кинотеатр, придется изобразить нечто эдакое.

— А что сработало из экспериментов — «Школа», американские сериалы?

— «Школа» сработала как информационный повод, с точки зрения рейтингов у нее были хорошие цифры, но совершенно не рекордные. Переход на вертикальное программирование придется временно приостановить. Мы поняли, что перейти на вертикалку единственными трудно. Для следующей попытки нужно будет как минимум сговориться еще с двумя каналами и поточнее угадать продукт, который для этого нужен. Но в науке не бывает неудачных экспериментов. Любой эксперимент удачный. Он дает тебе информацию. И все наши эксперименты с радикальными проектами и американскими сериалами — они не от желания понравиться, а от желания кинуть камень в пруд, а вдруг оттуда…

— …выплывет сом.

— Кстати, я как раз в этот момент про сома подумал сам.

20 11

афиша
Сет Роген

афиша
Детский мир: маленькие победители большим
Хейли Стайнфелд

афиша
хавьер бардем:
«бьютифул»

афиша

афиша
Саймон Пегг
&
НИК ФРОСТ

афиша
Джейк Гилленхол

афиша
МСК vs СПБ

афиша

афиша
ЛЕДИ ГАГА

афиша
Arctic Monkeys

афиша

афиша
история русских медиа

афиша
ПИКНИК «АФИШИ»

афиша

все самое лучшее в городе на год вперед
афиша
СВЕТЛОЕ БУДУЩЕЕ ПАРКА ГОРЬКОГО
всеобщая джентрификация
123 события
КТО? ГДЕ? КОГДА?

афиша
St. Vincent

афиша
50
ГЛАВНЫХ ЛЮДЕЙ В СОВРЕМЕННОМ ИСКУССТВЕ

афиша

афиша
НАУКА И ЖИЗНЬ

афиша
НАМ НУЖНА ДРУГАЯ РОССИЯ.

афиша
РИАННА

афиша

афиша
Состояние анимации

афиша
ПОП
1991–2011

СВЕДЕНИЯ ПУБЛИКУЮТСЯ БЕСПЛАТНО. ИНФОРМАЦИЮ ПРИСЫЛАЙТЕ ПО АДРЕСУ CD@AFISHA.RU

№292
от 4 марта 2011 года
Александр Горбачев
о музыканте Муджусе

ТЕКСТ: АЛЕКСАНДР ГОРБАЧЕВ
ФОТОГРАФИИ: ГОША РУБЧИНСКИЙ

Шифт на небо

27-летний москвич Роман Литвинов, также известный как Муджус, записал лучшую русскоязычную пластинку за последние 5 лет. Александр Горбачев выяснил, как у него это получилось

Роман Литвинов смотрит на меня и улыбается своей обычной улыбкой — застенчивой, кокетливой и обезоруживающей. «Ты знаешь, — говорит он, — я решил назвать альбом «Downshifting».

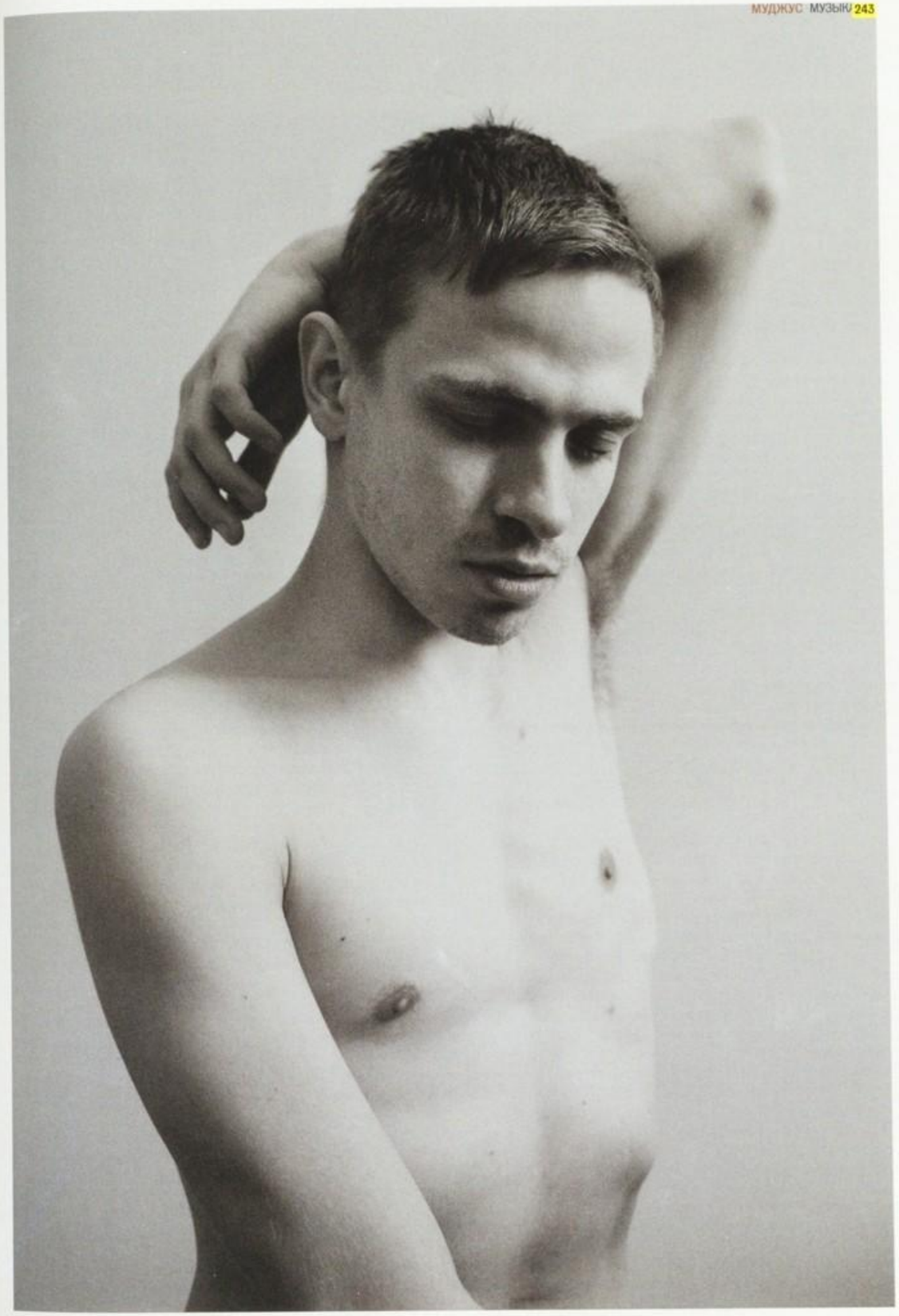
Мы сидим в Роминой квартире в доме между ГЦСИ и зоопарком, за окнами минус 20, по комнате разбросаны вещи, бумаги и журналы, в одном углу стоит старый советский синтезатор «Поливокс», в другом — обклеенная яркими стикерами V-образная гитара, как у Джими Хендрикса; на небольшом телевизоре, который, кажется, очень давно не включали, лежит пачка искусственных сосисок. Под потолком болтается большой дискотечный шар, несколько блестящих пластин держатся на честном слове — месяц назад шар упал Литвинову на голову, было больно, пришлось подвесить повыше. Я тихо недоумеваю. Что происходит? За последние пять месяцев я послушал этот альбом раз сто пятьдесят; я бил себя по рукам, чтобы не отправить его всем родным и близким; я выучил эти песни наизусть — до последнего вздоха, до мельчайших звучков перкуссии; я придумал ему миллиард восторженных эпитетов — и вот теперь мне сообщают, что все это называется «Downshifting». Какого черта?

Стоит, впрочем, объясниться. Рома Литвинов, он же Mujuice (он же Муджус — все равно придется склонять на разные лады, так что воспользуемся кириллицей), романтический московский блондин с неправильным прикусом, электронный музыкант огромного ума и таланта, былая надежда русского техно, наш делегат в лайнапах европейских фестивалей и статьях американского вестника передовой культуры Pitchfork, записал диск, без которого непонятно, как мы жили, — и до которого ни Европе, ни «Питчфорку» дела, скорее всего, не будет. 10 бешеных и нежных вещей о любви и боли, юности и смерти, новостройках и электричках, костях и черепах, звере, что рвется под кожей, и мире, что сходит с ума вокруг. Грандиозный рок-альбом, где вместо

«Морская» XXI века. «Группа крови» для поколения нулевых. Вот только название — название, кажется, подкачало

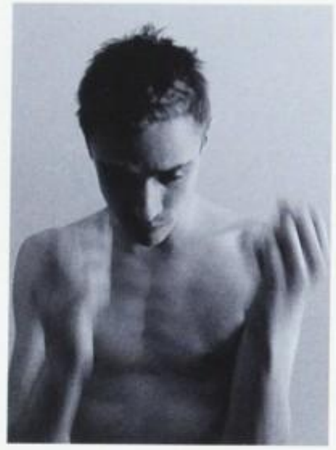
гитар — терменвокс и визгливые синтезаторы, лазеры и сирены, колокольчики и пистолетики, бас-барабан, который бьет точнехонько под сердце; новая электроника, непредвиденно становящаяся средством лечения внутренних растрав. Не «треки», но песни — те самые, что укладывают жизнь в пять стремительных минут. «Морская» XXI века. «Группа крови» для поколения нулевых. Вот только название — название, кажется, подкачало.

«В контексте должно быть понятно, что это не про Ford Focus в кредит», — как бы извиняясь, объясняет Муджус и показывает мне обложку: все те же кости и черепа на темном фоне. «У меня есть большая тетрадь, там давно было записано —



Надолго умолкать после «Downshifting» *Роман Литвинов* не собирается: сейчас он одновременно пишет саундтрек к детскому фильму и сочиняет инструментальную электронику — как всегда, тонкую и нежную, по звуку чем-то похожую на последний альбом Caribou

использовать ванитас, позднее барокко, натюрморт, напоминающий о бренности существования. Для меня дауншифтинг — это какая-то очень жизненная штука, которая касается вообще всего, что с тобой происходит: карьеры, отношений, друзей, взросления. Сам этот альбом — это результат дауншифтинга». Литвинову было с чего переключаться. Четыре года назад он выпустил диск «Cool Cool Death», на котором его трепетная электроника как-то вдруг повзрослела, обрела внутреннюю уверенность и стать — и на котором у Ромы впервые прорезался голос, но как-то робко, сплошными полунамеками. «После «Cool Cool Death» я сошел с ума и не понимал, что делать. С одной стороны, он был достаточно успешный, мы стали много ездить, и это поначалу было, ну как детская мечта — тур и все такое. С другой стороны, в какой-то момент мы очень жестко играть перестали — потому что я понял, что больше не могу. Не могу петь эти слова, имея что-то в виду. Не могу делать так же — хотя, если есть голова на плечах, ничего не стоило использовать тот же алгоритм, петь какую-то бурду, подделываясь под самого себя. Все перестало получаться, и ты сидишь и думаешь: что же изменилось? А то и изменилось, что ты сидишь в самолете с бокалом вина, не спав трое суток, и у тебя просто нет внутри места. И чтобы снова создать среду, в которой ты бы мог существовать, надо все это сломать, снова писать, как в детстве, когда хочется делать что-то большое и важное для себя, а не быть частью механизма. Поэтому я все бросил — решил, что для меня важнее какие-то внутренние ощущения, чем, грубо говоря, кэш. И если у Саши (Холенко, он же DZA, музыкант, продюсер и постоянный партнер Литвинова. — *Прим. ред.*) была какая-то работа, то у меня на тот момент не было ничего. Вот это и есть дауншифтинг. Этот альбом вырос из него — из скуки, из ожидания, из стресса, из неравномерного графика». При всем при том в конечном итоге «Downshifting» не кажется разрывом с «Cool Cool Death» — скорее его радикальным продолжением: цветущая сложность уступила место святой простоте, песни перестали стесняться сами себя. «В «Cool Cool Death» была определенная инерция от музыки, которую я делал раньше; я будто пытаюсь что-то сказать — но побаиваюсь, манерничаю, где-то пытаюсь обмануть. Здесь у меня была задача сделать очень прямую и внятную вещь — я больше стирал, чем писал; удалял, вычищал. Я почувствовал, что что-то в прошлом недосказал. Это, кажется, в сказке какой-то было — когда ты называешь имя монстра, он исчезает. Если ты озвучиваешь что-то правильно, ты это одновременно уничтожаешь, решаешь внутри себя какую-то проблему». Решая проблему внутреннюю, Литвинов одновременно решил проблему внешнюю: отчаянной нехватки мелодий в эпоху тотального избытка звуков. В новогоднем интервью «Афише» Сергей Шнуров вполне справедливо жаловался на то, что российскому человеку нечего промычать в душе, кроме Веры Брежневой; песни с «Downshifting» я лично последние



месяцы мурлыкаю себе под нос в самых разных бытовых ситуациях. «На самом деле меня отчасти спасло то, что я стал заниматься рекламой: тебе надо написать 15-секундный трек, у которого есть начало, середина и конец, тема и настроение, — это очень организует. Когда я учился

«Что-что? — песни грустные пою»

в Институте дизайна и графики, там часто говорили про функцию, про потребителя, про послание и его считываемость. Тогда я считал, что все это ерунда. Но в «Downshifting» мне было очень важно понять песню как функцию. Это не треки с голосом, не стихи с музыкой — это именно песни. Мне хотелось, чтобы по ощущениям все звучало так, будто это можно сыграть на гитаре, хотя сам я на гитаре играю неважно. Чтобы не возникало вопросов, как с «Cool Cool Death»: «А что это?» Что-что? — песни грустные пою».

Откуда вообще взялся этот Муджус? Вопрос не праздный — в сущности, эффект, который производят эти песни, отчасти объясняется происхождением и биографией их автора: это как если бы воин ЦАО как следует покопался в собственных внутренностях и сумел их дифференцировать (если уж мы о функциях) единственно верным образом. Он учился в школе в Дегтярном переулке: «Там был такой абсолютный московский Бронкс. Я сильно попал в граффити-дела — дом напротив школы был разрисован от первого до последнего этажа. Ты сидишь дома, пишешь музыку, тебе становится скучно, ты идешь к школе — и там в любой момент будут люди, даже зимой. Было чувство какой-то большой семьи. Соседи часто туда вызывали копов, но они приезжали, выходили из машины, смотрели и уезжали». Слушал Nirvana, Sonic Youth, The Prodigy и Beastie Boys, потом перешел на Warp, играл хардкор в школьной группе, параллельно что-то писал на компьютере. Поступил в Высшую

академическую школу графического дизайна. «Мне нравится, что я получил такое образование. Оно мозги на место ставит, приводит тебя в чувство — ты можешь вдохнуть и разобраться, что главное, что декорация, каков эстетический алгоритм. Хотя если бы я на первом курсе от себя такое услышал, мне бы захотелось себя убить — я думал, что все абсолютно по-другому». Сочинял порывистый неразборчивый IDM, в котором скорее угадывался талант, чем чувствовалась мысль, потом подался в техно, был замечен и выпущен Антоном Кубиковым, начал играть в клубах. «Почему я в техно дернулся? Во-первых, тогда, в середине нулевых, оно правда пошло волной, это была не просто мода, казалось, что это часть чего-то большого, некая универсальная площадка. Во-вторых, IDM начал превращаться в спорт, техническое соревнование. Это очень круто, и мне это до сих пор интересно — музыка, которая развивается по законам научно-технического прогресса. Но иногда теряется то, с чего все и начинается. Есть много продюсеров, которых я слушаю, чешу подбородок и думаю: «Ого, очень круто». Но я никогда не буду это слушать в плеере». В общем, все как у всех — и все не как у людей: Муджус почти не ходил по клубам, кроме как чтобы сыграть самому; Муджус до сих пор пишет все в немодной программе — той самой, с которой начинал в 13 лет.

Логичность его творческого, так сказать, пути (ну типа начинал с черновиков, обрел уверенность и структуру в техно, остепенился и решил запеть) — тоже мнимая: запел Литвинов не от избытка амбиций, но от недостатка, от потребности в диалоге. Он и до сих пор считает, что петь не умеет, хотя его вкрадчивый, шепчущий голос, успокаивающий и тревожащий одновременно, сейчас уже узнается на раз. «Мне кажется, где-то с середины двухтысячных возник огромный дефицит — нет песен на русском, которые ты можешь процитировать, спеть. Для меня очень долго за это отвечал «Мумий Тролль», но все же двигается — ты меняешься, они меняются. Я не хочу говорить за поколение, мы все очень разные, но вот из-за того, что все стали петь не по-русски, из-за того, что испортилась поп-музыка, — мы потеряли собеседника. Того, с кем ты заодно, того, кто говорит о вещах, которые тебя касаются. И чтобы сказать об этом честно, чтобы избежать фальши, приходится преодолевать себя. Потому что самый легкий путь — встать в позу, либо шутить, либо жестить. Мы все в этом очень сильно завязли — вроде скажешь честно, а звучит как отстой. Но нужно, чтобы был какой-то диалог. Чтобы ты мог пойти в магазин и купить диск с грустными песнями. Для меня это и было мотивацией».

Ну вот и получились — грустные песни человека, которому на голову упал диско-шар, и слезы льются на танцпол, и звезды сыплются из глаз. Главное тут — даже не своевременный синтетический звук, даже не слова, но именно Песни, которые хочется писать с прописных. Поразительно, но именно Муджусу, технарю за пультом, меланхолику за клавиатурой, удалось поймать

Муджус: дискография

«Super-Queer» (2004)

Хрупкий, робкий, заикающийся и очень красивый IDM, где треки зовутся «Кристаллы не плачут» и «Пьяные феи», а вместо ритма — только позвякивания, похрустывания да порезанные на атомы голоса. Первый официальный релиз Литвинова — в сети можно найти и более ранние работы, но они все-таки не в счет.

«Still» (2005)

Романтическое техно с треками по 7–8 минут, выпущенное интернет-лейблом Fragment. Впрочем, какую бы музыку Муджус ни играл, в ней всегда есть некая томительная застенчивость, очень отдельная интимность — и даже здесь щелчков и вздохов больше, чем бас-барабана.

«Sets» (2005)

Результат совместных сессий с переехавшим из Владивостока битмейкером Александром Холенко (он же Dzhem, он же — по состоянию на сейчас — DZA); своего рода импровизационный электронный джаз — несколько аморфный, но по-своему очень изящный. Это стало началом большой дружбы: с тех пор Муджус играет с Холенко повсюду, также вдвоем они сделали рейв-проект Cut2Kill; на презентации «Downshifting» Дизза на сцене тоже будет.

«Cool Cool Death» (2007)

Своего рода квинтэссенция всех предыдущих записей Муджуса: здесь есть и техно, и все та же морозная, нервная красота, и — впервые — песни с вокалом, поток сознания по мотивам бурной юности 90-х. Как теперь получается — переходный этап от первых опытов к «Downshifting».

«Down-shifting» (2011)

10 песен на века: первый по-настоящему большой русский альбом 2010-х; песни, удивительно точно — и без всяких спекуляций — транслирующие происходящее в головах и душах нынешних 20-летних и без объяснений понятные в том числе тем, кто никогда не выходил из клуба под утро.

и воплотить какую-то очень русскую мелодику — простейшую, прямую, четкую и эффективную; и Лагутенко с Цоем здесь неслучайно приходят на ум — Литвинов и сам вполне рефлексирует эту связь. «Да, альбом очень русский по мелодике

«Мы все в этом завязли — вроде скажешь честно, а звучит как отстой. Нужно, чтобы был какой-то диалог»

и по звуку, я даже проводил для себя такую проверку внутреннюю — представлял, что это звучит в каком-нибудь условном детском фильме. Вообще, если ты начинаешь пользоваться языком с точки зрения песни, он сам тебе эту мелодику диктует: где ты прерываешься, где продолжаешь. И она очень отличается от европейской: там фразы

короче, тут песня течет. С Цоем я всегда держал дистанцию, но он феерически поймал эту русскую напевную манеру. А Лагутенко сумел поломать язык под себя, показал, как с ним свободно обращаться». И с текстами у Муджуса то же самое — они существуют помимо бумаги; слова-символы, слова-элементы, слова-раны складываются в кардиограмму сердца, бьющегося изо всех сил, несмотря ни на что. «Я слова пишу в графическом редакторе — потому что их там можно двигать, составлять. У меня куча семплеров, каких-то бумажек, у меня по сто раз записано, что я должен сказать, я сажусь и вырезаю — и это сложно, мучительно, 90 процентов работы остается за кадром. Мне вообще кажется, что смысл песен в том, чтобы ласкать и жалить. Давать яд и противоядие. Такие качели — с одной стороны, это позволяет тебе чувствовать себя не таким одиноким, с другой, терзает, потому что это вещи, которые тебя беспокоят».

«Downshifting» — это дауншифтинг, отказ еще и вот в каком смысле. Понятно, что Муджус — человек, который едва ли не ежемесячно ездит с концертами в Европу, который в прошлом декабре играл на отдельной площадке французского фестиваля Transmusicales, лауреат международного конкурса Red Bull Music Academy, ездивший по его стипендии в Лондон, герой материала о русских музыкантах на «Питчфорке» — понятно, что Муджус с его-то умом, талантом и чутьем давно уже мог переехать куда-нибудь в Берлин и встроиться в тамошнюю систему. Вместо этого он сидит в Москве и пишет альбом русских песен. Он говорит: «Я очень заторможенный — иногда думаю, что если бы сидел в Европе, вообще ничего бы не играл. Москва подталкивает — хотя здесь, конечно, странный расклад. С одной стороны, тотальный дефицит всего — и если ты понимаешь, что нужно, ты можешь очень быстро сделать карьеру. С другой, в Европе есть все остальное, что обеспечивает связный процесс». Так что — его никогда не подмывало уехать? Он ждет, что что-то изменится? Муджус морщится: «Еще когда выходил «Cool Cool Death», помню, мне казалось, что что-то произойдет. Что этот застой не может продолжаться вечно. И что-то, конечно, произошло. Стали открываться клубы, та же «Солянка» — это прорыв. Стали открываться магазины. Стал развиваться интернет. И все были на волне — будто это признаки чего-то большого и настоящего. А в итоге оказалось, что это был просто блеск. На этом все и закончилось. И да, теперь ты можешь пойти в Москве в Starbucks

Благодаря окружающему абсурду, фальши и равнодушию у поколения Starbucks и Topshop теперь есть с кем поговорить

и выпить кофе за 10 долларов, и если ты не будешь после этого чувствовать себя обманутым — ты теперь человек, поздравляю. Но кроме этого — почти ничего не случилось».

Литвинов, конечно, прав — но вот какой момент. Из всего этого, из несбывшихся надежд, неслучившихся перемен ведь и появился «Downshifting», который может, должен стать музыкой, одинаково универсальной для тех, кто подъезжает к «Солянке» на такси, и тех, кто заблаговременно распивает недорогой алкоголь в круглосуточном магазине поодаль. Благодаря окружающему абсурду, фальши и равнодушию у поколения Starbucks и Topshop теперь есть с кем поговорить. У них — у нас у всех — теперь есть этот альбом. И будь я проклят, если это того не стоило.

И, в конце концов, черт с ним, с названием. ●

Mujuice «Downshifting» («Восход»)

Презентация альбома состоится 19 марта в московском клубе «Солянка»

№312 (99 хитов: История российской поп-музыки) от 23 декабря 2011 года Екатерина Дементьева разговаривает с Жанной Фриске и Андреем Грозным о «Блестящих»

Девичий бенд нового поколения, «Блестящие» были придуманы как местный ответ Spice Girls — но получились, конечно, очень российской группой. Отечественная поп-музыка во второй половине 1990-х вообще почему-то была помешана на космосе, солнце, облаках, тучах и прочих небесных явлениях — и ранние «Блестящие» оказались самой яркой манифестацией темы: лирические девочки в коротких платьях и смешных шапках, танцевавшие и перемигивавшиеся в кислотных клипах с допотопной компьютерной графикой, они и пели, и выглядели как дивные пришельцы откуда-то оттуда, где магнитные поля и лиловая земля.

Андрей Грозный продюсер, композитор

«До «МФЗ» я был классическим гитаристом, работал на студии аранжировщиком. Я даже в армии делал свой коллектив джазовый. У нас был прогрессивный дирижер с дипломом Московской консерватории, вот он и сделал такое ответвление при духовом оркестре. У меня были кумиры — от Колтрейна и Паркера до Стиви Уандера и Майкла Джексона. Я помогал делать «Кар-мэн», сделал «МФЗ». Мы с Кристианом спорили, кто из нас первый возьмет «Грэмми» — он или я. (*Смеется.*) А когда у тебя есть какое-то любимое дело, тебя вдруг посещает мысль — в чем же исчисляется ценность твоего труда. И я подумал, что успех будет в числе концертов и проданных дисков. Посчитал и решил, что самое коммерческое, что может быть, — это какая-то интересная легкая музыка и женский коллектив.

В то время был в моде легкий транс, рейвы молодежные. Я вообще в этом не разбирался. Поэтому стал ходить в клуб «Титаник», стоял в углу под колонкой, потрясывал головой, пытался врубиться. И увидел, что главное — не вокал, а антураж, приятная энергетика и простые, но запоминающиеся семплы. А главное, выглядеть все это должно призывно

и симпатично. В том же «Титанике» я впоследствии встретил Жанну Фриске, но первой в нашей тусовке появилась Оля Орлова, бойфренд ее был нашим другом. Она очень музыкальный человек. У нее интересный тембр. И она вся была в рейв-движении — разноцветные волосы, короткие блестящие юбки, рюкзачки. Мне показалось, что это будет интересно, в противовес какой-нибудь Апиной и всей этой советско-эстрадной попсе. «Там, только там» написана как раз под влиянием рейв-движения. Малиновые очки и все такое. Я авторам текста приблизительно объяснил, что нужно: девичьи мечты, немножко нереально-потусторонние. Алиса в Стране чудес, будем так говорить. Оля практически одна пела за весь коллектив. Первый альбом целиком записали в кладовке в двухкомнатной квартире. Завешивали все куртками и пальто, чтобы была нормальная звукоизоляция, а оборудование стояло в спальне. Бабушка снизу приходила и жаловалась: «Выключите ваш компрессор, вы что здесь, деньги печатаете?» И я думал: «Пожалуй, да, именно что печатаем».

У любого артиста, который начинает с чего-то интересного и своеобразного, наступает момент, когда он должен становиться более классическим — иначе можно съесть самого

«Как выглядели концерты на Чукотке: сцена посреди снежной равнины, а зрители вместо цветов кидают колбасу в полиэтилене»

себя в своей одежде. То есть можно прыгать под рейв до 40–50 лет и быть смешным и счастливым, но я решил иначе. Когда мы стали петь более классические песни, стали более сексуальными — мы стали более доступными, более эстрадными. Начали уже работать по законам жанра».

Ольга Орлова солистка «Блестящих» (1995–2000)

«Я действительно была самой первой в «Блестящих» и отчасти участвовала в наборе состава. Но каких-то историй с тех пор не вспоминается — все-таки прошло больше 15 лет, а явных казусов никаких, слава богу, не было. Разумеется, «Блестящие» были тогда очень яркой новинкой. На тот момент наша эстрада была, скажем так, возрастной — и когда три шестнадцатилетние девочки вышли в коротких юбках и с наклеенными ресницами и начали петь легкие песни, которые не грузили никаким драматизмом, это сработало. Другой вопрос, что самыми сильными хитами я считаю все-таки «Где же ты, где» и «Чао, бамбино!». Да, «Там, только там» была одной из первых — но с этими мы проехали по гастролям о-го-го как, а это все-таки показатель. А что касается того, что было дальше… Я бы не хотела это обсуждать. Для меня «Блестящие» — это «Блестящие», в которых пела я».

Жанна Фриске вокалистка (1996–2003)

— Вы сейчас про «Блестящих» что в первую очередь вспоминаете?

— Это большая часть моей жизни — и она такая светлая, добрая. Вот если сейчас мне дать такие перелеты, такие переезды, такие гастроли — не думаю, что могла бы это все выдержать. А тогда за копейки, порой бесплатно, пять часов езды из Нефтеюганска в Нижневартовск по снежной целине, в пазике, где ни сесть, ни лечь нормально. Не есть, не пить, не высыпаться сутками, неделями, месяцами. Проехать всю Сибирь, всю тайгу, через Эвенкию и Чукотку на Дальний Восток, останавливаясь во всех мало-мальских ДК. Пятьдесят три концерта в месяц! И все это было страшно интересно: мы же были совсем молодые девчухи. Я самая старшая — 22 года, Поле Иодис едва 17 лет исполнилось.

— Школьницы, в общем.

— В общем-то — дети! Мы с Полей еще самые высокие, а остальные девочки совсем маленькие, крошки. Костюмы были синтетические, ты их после концерта в комок — и в чемодан. Пока доедешь из одного сибирского города в следующий, все эти наряды в багажнике замерзнут, и ты свой мокрый, заледеневший костюм должна на себя надеть и опять выйти на сцену. Мы не видели Москвы, мы не слышали родных, забыли, что такое пойти в парикмахерскую, но мы не уставали и, главное, научились выживать. Как, например, тогда выглядели концерты на Чукотке: сцена стоит посреди снежной равнины, а зрители вместо цветов кидают тебе закрученную в полиэтилен колбасу. Потому что цветов, пока Абрамович там не навел порядок, на Чукотке, ясное дело, не было. Да что цветы — ты иной раз минеральной воды не мог попить, потому что она не продается в этом городе. В буфете нет ничего — кроме Yupi, березового сока и соленых огурцов.И вот ты растираешься хорошенечко водкой, потому что нужно работать на морозе, а на тебе, образно говоря, только майка, шортики да кеды. Но без этой школы я бы вряд ли научилась общаться с публикой. Мы и записки из зала зачитывали, и какие-то сценки разыгрывали, и по 10 бисов, и по 25 ремиксов, и «а сейчас мы вам споем русскую народную песню». Перед кем мы только ни работали! Бывало, что вместо сцены стоял грузовик, как на войне. Один борт откидывается, нас туда поставили, магнитофон включили — танцуй, выступай.

— При этом со стороны казалось, что вы должны порхать на каких-то приемах, скажем, у Сулеймана Керимова.

— Нет! Тогда это все еще не началось. Хотя у нас был исполнительный продюсер, Андрей Шлыков. Он мог продать воздух. Мы снимали какой-то клип, время — пять утра, он говорит: девочки, у нас концерт. Мы уже никакущие. Какой концерт в пять утра ты придумал, дорогой? Оказывается, пришел человек, не буду имени называть, то ли к режиссеру, то ли к оператору. И наш продюсер умудрился продать ему концерт. А у этого человека был свой закрытый клуб для определенного круга людей. Не бордель, а именно закрытый клуб. Мы выходим на сцену, он один сидит в кресле — и мы перед ним одним отрабатываем полноценный концерт. Я думаю, ему не совсем понравилось наше выступление — молоденькие девчонки не оправдали его ожиданий. Так понемногу стали появляться закрытые вечеринки. Казахстан очень любил нас. Мы туда летали по три раза в неделю. Причем в следующем составе: мы вчетвером и наш директор, он же звукорежиссер. И больше никого.

— Кто вообще отвечал за переговоры с трудными заказчиками?

— Директор, конечно. Мы научились очень красиво улыбаться и молчать. Потому что понимали, что капризничать — себе дороже. Были времена, когда устроителями концертов были бритоголовые серьезные пацаны. Но с ними было договариваться как-то проще, чем с организаторами, которые просто пытались собрать кассу, продав концерт за 3 месяца вперед. Нам говорили — выходи на сцену при полном зале, а мы отвечали — мы без гонорара не можем, нам московский продюсер не разрешает. А они тогда: не понимаем такого

В одном из последних своих сочинений Сергей Шнуров поставил Жанну Фриске в один ряд со Стасом Михайловым — и был, конечно, неправ

слова, вы на нашей территории и должны наши законы исполнять. И уже вязались какие-то полотенца, баррикадировались гримерки, и мы уже были готовы бежать через окно второго этажа. И было такое, что, девочки, либо вы выходите, либо у вас будут большие проблемы. Ну и ты понимаешь, что не хочешь иметь отрезанный палец — в лучшем случае. И выходишь на сцену, потому что да, такие были правила, такие были законы суровые. Зато ты сейчас прекрасно понимаешь, что ты можешь договориться абсолютно с любым

«Выходишь на сцену в военной части — и весь зал встает. Что ты там поешь — без разницы, уже такой тестостерон витает в воздухе»

человеком. Для воров в законе, кстати, выступали. Мы смотрим — а лица-то тревожные. И ни одной женщины в зале. Потом уже сказали, что это был один очень серьезный человек, который решил с товарищами культурно провести вечер. А бывало и так: выходишь на сцену в военной части — и весь зал встает. Что ты там поешь — без разницы, уже такой тестостерон витает в воздухе.

— А у вас когда нечто вроде профсоюза в «Блестящих» появилось — или хотя бы райдер?

— Само понятие «райдер» появилось намного позднее. А без него — вот тебе икарус, живи в общаге, где туалет на первом, а общий душ на третьем, а ты живешь на втором. Это, наверное, нужно увидеть своими глазами. Я почему-то хорошо запомнила поездки по шахтерским городам. Где в шахтах уже ничего не добывают, а люди там остались. Они живут впроголодь, им не до шоу, они приходят с такими измученными лицами. Это страшно, больно. Или когда нас отправили к ребятам во время очередной чеченской в Бурденко. Послали по палатам — не петь, общаться. А ребята лежат без рук, без ног, им не в кайф было на нас смотреть. Это как благотворительность такая, но никакая это была не благотворительность. Лежат парни лет двадцати, без рук, без ног. И тут заявляются молодые, здоровые девчонки: «Здравствуйте, вот мы к вам пришли!» Что еще можно было сказать? Мы рыдали как белуги. Очень быстро лечится звездная болезнь, все короны сразу сбиваются.

— Я про смену имиджа хотела спросить. Ведь первые «Блестящие» — это такая абсолютно хипстерская группа девушек, которые витают в волшебных мирах, а потом вы стали излучать такую напористую сексуальность.

— Я могу на себя взять ответственность за все эти огромные ботинки и блестящие штанишки, в которых мы сначала выступали. Мы в таком виде объездили практически все стадионы и ночные клубы страны. Андрей потом переключился на «Амегу». И вот мы потихонечку стали приунывать и потухать. Девочки из подростков превратились в молодых женщин, и поэтому, естественно, натягивать на них легинсы и огромные платформы было бы нелепо. Нужно было этот продукт несколько переупаковать. Именно тогда я поехала в Штаты и привезла нам наряды, такие, что — эх! Просто караул. Я сейчас смотрю: боже мой, мы выступали перед Путиным в прозрачных платьях, почти топлес.

— Это когда уже ушла Ольга Орлова?

— Да, хотя проект создавался, конечно, под нее. Она писала потрясающие песни. Ушла Ольга, мы сначала выпустили «Белым снегом», потом «За четыре моря», и дальше пошли «Бананы-кокосы», «А я все летала», бомбовые суперхиты, после которых новая волна уже других «Блестящих» и пошла. И шоу-бизнес пошел в несколько другое русло, артисты стали зарабатывать на частных вечеринках. Насколько я знаю, старая школа — Валерий Леонтьев, к примеру, — эти артисты работают только по залам, до сих пор ездят в туры. А мы, так называемое молодое поколение, не брезгуем… Хотя зачем так говорить? Ведь это, пожалуй, основной заработок наш: корпоративы, частные мероприятия, выступить-поздравить. Я в больших концертных залах уже очень давно не работала. Если честно, по этой атмосфере я сильно скучаю, потому что именно там проходят выступления настоящих артистов. Мы стараемся сейчас это исправить, ищем новый музыкальный материал, и задача номер один для меня — это реализовать в будущем мое шоу. Но сейчас я, конечно, больше такой корпоративный исполнитель. ●

Интервью: Екатерина Дементьева

«Ведомости» — Доренко против Лужкова

№300 (История русских медиа: 1989–2011) от 24 июня 2011 года Олег Кашин беседует с Сергеем Доренко

Сергей Доренко в офисе радиостанции РСН, главным редактором которой он работает последние 3 года

Доренко против Лужкова

1999

сентябрь

Вскоре после назначения Владимира Путина премьер-министром, за несколько месяцев до думских выборов и за полгода до президентских, в субботний вечерний прайм-тайм на Первом канале начинает выходить «Авторская программа Сергея Доренко». Доренко рассказывает о том, что Евгений Примаков болен и ему вот-вот отрежут ногу, и вводит в русский язык выражение «Казалось бы, при чем здесь Лужков?», обвиняя мэра в коррупции и убийствах. На выборах в Думу блок Лужкова–Примакова «Отечество — вся Россия» проигрывает свежесозданной «Единой России»; от президентских амбиций и тот и другой в итоге отказываются. Доренко проработает на ОРТ еще год — и будет со скандалом уволен после программы про Путина и утонувшую подлодку «Курск».

Сергей Доренко
ведущий «Авторской программы Сергея Доренко», главный продюсер Дирекции информационных программ ОРТ (1998–2000)

— Для вас самого 1999 год — главное, что с вами случилось?

— В 1999 году я с гигантским интересом работал, тем более что я был невероятно обижен лично, потому что меня травили до этого. Примаков–Лужков, меня травили вместе они. В 1998 году я был директором информации Первого канала и вел программу «Время» ежедневную — и меня последовательно выгнали отовсюду. Начался же кризис страшный, люди без денег, ко мне подходят Березовский с Бадри (Патаркацишвили, партнер Березовского. — *Прим. ред.*) вдвоем и говорят: «Старик, ты понимаешь, что у людей нет зарплаты?» Я говорю:

«Прискакивает Боря: «Старик, мы всех трахнем! Ты в команде». Я говорю: «Боря, только давай изменим одну позицию. Позиция простая — мы идем на смерть, физическую»

Сергей Доренко

«Понимаю». «Но ты понимаешь, что нам через Примакова надо получить 100 миллионов долларов на канал?» — «Понимаю, но что я должен сделать?» — «Ну ты уйди тихо — и все, тогда у людей будет зарплата». Первый транш 20 миллионов, я ухожу с директора информации и из ведущих программы «Время». Сажаю эту, Андрееву, на свое место — она сидит до сих пор на нем. И начинаю делать еженедельную аналитическую программу, как я ее раньше делал когда-то. Январь, второй транш. 20 миллионов долларов и вопрос от Примакова: а почему у вас Доренко-то на канале? И мне тогда говорят: «Уйди вообще в жопу, вообще уйди». Хорошо, но за кадром я могу работать? Люди мои все, 500 человек, и они получают зарплату, и я вижу, что я правильно жертвую ради народа. Я за кадром, сидит парень, читает мои тексты. Третий транш в марте или в феврале, мне говорят: «Слушай, старичок, ты не мог бы из России вообще убыть? Вот ты какой-то такой квадратный, мы тебя в коробку и так кладем, и так, но никак не получается, а ребята сказали тебя убрать». Начинается уголовное преследование мое по поводу того, что я недоплатил налоги. Всех моих друзей, подруг жены таскают в налоговую полицию и спрашивают: «Как он живет? А день рождения он как праздновал? А на какой машине ездит?» Потом меня вызывают. «Ну как ты праздновал?» — «Никак». — «А как ты жил?» — «Ну вот я хожу в сраной майке и в сраных джинсах, так и живу». — «А машина?» — «Nissan, да и он-то не мой». — «А чей?» — «А Ромы Абрамовича, на Сибнефти числится». Они мне говорят: «Ага, вот здесь-то ты получил машину в пользование, как если бы это был дар услугой, а 13 процентов ты заплатил?» Нет, говорю, я не знал, но я заплачу, время еще есть до 1 мая, спасибо, что наколку дали. И, конечно, я валю в Штаты, и, конечно, я через две недели возвращаюсь, потому что мне трудно там, в Штатах.

— И в сентябре вы вернулись в эфир.

— Сюда-то я вернулся в мае. Допросы продолжаются эти дурацкие, каких-то моих бывших бухгалтеров допрашивают. Потом меня вызывает офицер Кормилицын и говорит: «Сергей Леонидович, знаете, вы переплатили налоги. Как вам вернуть переплаченное, в кассе или зачетом в следующие налоги?» Я говорю: зачетом в следующие налоги, до свидания, я пошел, идите в жопу. И все — я никто и звать меня никак, я нигде не работаю. И меня приглашает Гусинский. И я могу развернуть судьбу медиа.

— Судьбу страны, я бы сказал.

— Ну может быть. Меня приглашают Гусинский и Добродеев, туда, к Гусю, в книжку сэвовскую (здание на Новом Арбате, где располагался офис Гусинского. — *Прим. ред.*). Добродеев говорит: «Давай ты будешь делать «Итоги», но только экономические». При этом Боря (Березовский. — *Прим. ред.*) ничего мне не говорит, Первый канал про меня забыл, им надо еще какой-то транш получать. А ведь уже нет Примуса (Примаков был уволен с поста премьер-министра 12 мая 1999 года. — *Прим. ред.*), но надо сказать, что в то время ведь нет и Бори! Его уже слили. Это мало кто понимает, но Борю слили еще в 1998 году. Все его друзья, все его партнеры так обрадовались, что Примус против него открыл дело, и все поняли — Рома (Абрамович. — *Прим. ред.*) понял, что можно забрать бизнес и так далее. Все были happy абсолютно, Таня-Валя (Юмашевы. — *Прим. ред.*) были абсолютно счастливы, все были счастливы, потому что Боря — антисистемный такой элемент, он странный, он все время что-то шебуршит, шебуршит, шебуршит… Май 1999-го — сняли Примуса, но никто не хочет, чтобы Боря вернулся. Уголовное дело продолжается.

— А что потом изменилось?

— Летом Степашин идет, и потом начинается ситуация паники, когда Таня-Валя заявили, что Степашин ведет закулисные переговоры с Лужковым и сдает папу. Неизвестно, правда это или нет, но они верят в это, и сама вера становится фактом. Что делать? Всем кранты с высшей очевидностью. Все губернаторы стоят в очереди на прием к Лужкову. Он делит посты в будущем правительстве. Он делит страну. Степашин пасется вокруг Лужка, все пасутся вокруг Лужка. И в Кремле начинается дикая паника, Кремль понимает, что земли под ним нет, что он висит в воздухе. Мне насрать, я их ненавижу со всей своей пролетарской ненавистью, а Лужка тем более, потому что он меня преследует. Гусь меня зовет к себе в июне — а Гусь-то победитель, а мы растоптаны, пьяный папа где-то валяется в Барвихе, и все, Степашин с ними.

Доренко занимается не только журналистикой: в 2005-м он выпустил роман про Путина «2008»

Я Гусю говорю: «Володя, дай подумать. Я разочарован, мне не хочется к вам идти — вы с этой падалью, эта падаль меня бьет. Подождите немножко, я погуляю, оклемаюсь». И я толкусь, работы нет, ничего нет, перебиваюсь как-то. В августе прискакивает Боря: «Старик, старик, скорее! Старик, мы всех трахнем!» Я говорю: «Ну пожалуйста, я-то тут при чем?» Он: «Ты в команде». Я говорю: «Боря, только давай изменим одну позицию. Позиция простая — мы идем на смерть, физическую. Чтобы было понятно — эти люди будут стрелять, Россия стоит дорого, во всяком случае — дороже, чем жизнь пары м…даков, нас грохнут. Поэтому, говорю, дело простое — эмиграция или проигрыш со смертью, у меня другого нет варианта. Он говорит: «Ну так ты что решил?» Я решил, что я не еду в эмиграцию и выбираю расстрел на Красной площади, пошли. И он бежит куда-то, звонит Тане-Вале, опять всем мешает — а его же уже слили, и он же уже пошел в жопу, и все так счастливы были без него.

— Слили, но канал-то его.

— Ну как его, папин канал по существу. И вот паника, и он возникает, как какой-то сперматозоид посреди вагины, и начинает кричать, что он тут, конечно, один остался, но он козырной. Носится по этой вагине взад-вперед, крича, что звать его Березовский. А все остальные такие мальца притухшие, и я в том числе, но я гибельно притухший, я такой как бы Остап Бульба: «А я хочу на смерть!» А он бегает, у него одно слово: «Всех вые…ем». Я говорю: «Боря, ну можно обосновать?» А он: «Мы всех вые…ем. Ничего не обосную, но мы всех вые…ем». Ну чокнутый. И я начинаю эту программу, знакомлюсь с Путиным. Первые его слова были: «А вы знаете, что в нашей организации вас не очень любят?»

— За скандал с Литвиненко?

— Не с Литвиненко, с Гусаком, начальником его отдела. Литвиненко — мартышка, больная мартышка. И Путин говорит: «У нас в организации вас не очень любят». Я ему отвечаю: «Владимир Владимирович, организация ваша теперь называется Россия, и вот в ней меня очень любят». В 1998 году весной у меня рейтинг доверия в Тюменской области выше, чем у Русской православной церкви. Поэтому давайте про организацию уже не будем, о России надо говорить.

— «Полно ребячиться, ступайте царствовать».

— Ну да. Ну и пошли дальше. Дальше мне Лужков уже сам помогал, потому что он реагировать начал. И Примаков. Примаков звонил Киселеву: «Евгений Алексеевич, вы видели программу Доренко? Я вам сейчас расскажу!» Представляете, да? Премьер-министр, пусть бывший, рассказывает ведущему мою программу — твою мать, вот дожили-то! Реально неопытные люди, не умеют. Лужков кричал, что он срать не сядет на один гектар с Доренко, — это неправильно, ну нельзя себя сравнивать с журналистом. Журналист в принципе – цзян-ху в Древнем Китае, внесословный элемент. Журналисты, актеры, бандиты — люди рек и озер. Они не приписаны ни к чему, ни к какому месту. Они не платят налогов, они не несут повинностей, но зато любой может их убить, потому что они никто. Как может политик, визирь связаться с цзян-ху? Не может никогда, это глупость!

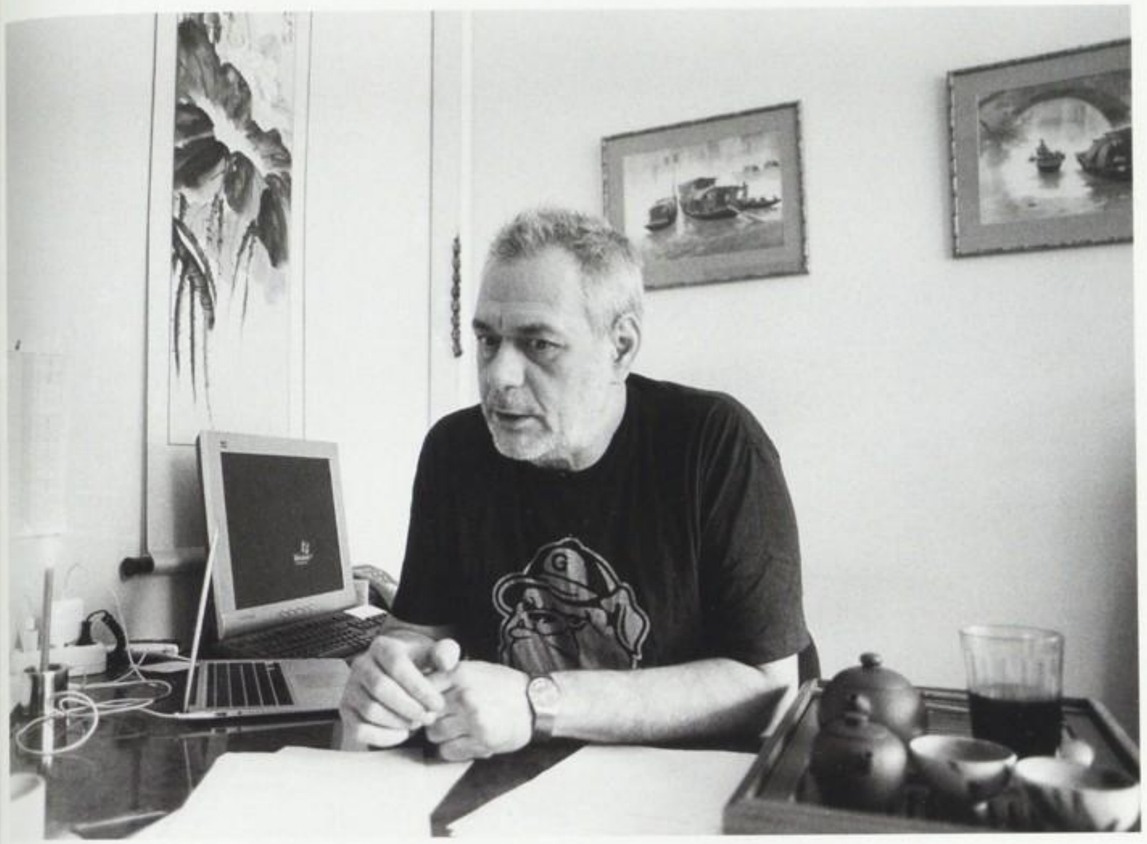
— Вы же тогда на ОРТ не работали, программу канал у вас покупал?

— Да ОРТ ее делало, но поскольку у Кости (Эрнста. — *Прим. ред.*) были сложнодружественные отношения с московским правительством по поводу, кажется, ресторана «Пушкин», Костя предпочел писать в титрах, что программа делается по заказу канала. Но реально я был его замом. Костя мне сказал — напишу, что по заказу. Зачем? Чтобы не нервировать. А что нервировать, все ведь уже понятно — оторвут бошку, оторвут яйца, все оторвут. Приходил, по словам Бори, Музыкантский (тогда префект ЦАО. — *Прим. ред.*), за шесть моих программ до выборов, предлагал деньги, чтобы я уехал просто на 6 недель. Уже после того как я отпилил ногу Примакову. На самом деле мы просто показали операцию у женщины, все очень интеллигентно. Вы хотите чего? Старый гамадрил всем надоел? Да. Мне тоже, мне тоже. Давайте снимем старого гамадрила? Давайте. А кого вы предлагаете? Вы предлагаете нам такого же старого гамадрила. Этот старый гамадрил в июне в Швейцарии делает операцию. Какую? Вот такую! Мы просто показали: вы хотите снять больного и поставить здорового, но давайте разберемся, какой ваш здоровый. А если он нездоровый, тогда чего вы его нам ставите? Давайте поставим спортсмена, у нас же есть спортсмен. Роскошный спортсмен. Уже было дзюдо и все на свете.

— Примаков — это вопрос жизни и смерти для вас, как вы говорите. А «Геи за Явлинского»? Это ведь точно был не вопрос жизни и смерти.

— У меня этого не было, это было в программе «Время» у Кошкаревой (Татьяна Кошкарева — директор информационного вещания ОРТ. — *Прим. ред.*). Костя (Эрнст. — *Прим. ред.*) молодец, это очень важно не забыть любым историкам прессы, что Костя встал и вышел с гневом. Это абсолютно красит Костю. Он сделал в своей жизни много

Доренко против Лужкова



1 июля Сергей Доренко вернется на телевидение с программой «Русские сказки» на канале РЕН-ТВ

интересного в сфере шоу, но мало кто знает о том, что он сделал несколько очень ярких, мужественных поступков по совести. Выборы в 2000 году были 26 марта, это воскресенье, а 22-го, в среду, было заседание у Волошина в Кремле. По средам сидели всегда, еще с Чубайса, с 1996 года. И был Костя, и была приглашена Кошкарева. И кто-то говорит: «Надо сделать так, чтобы пидорасы были за Явлинского». И все так: «Ну как-то, наверное, Костя, это тебе, потому что у тебя более народный канал». И Костя встает — а это реально могло стоить ему карьеры! — и говорит: «Мой. Канал. Этого. Делать. Не. Будет». Разворачивается жопой к ним и хлопает дверью. Встает Кошкарева (или даже не встает): «Мои ребята это сделают». То есть программа «Время». Типа Костя пошел в жопу. Потом меня Путин спрашивал: «Вот Костя, как он, чей он?» И я ему сказал, помня об этом поступке: Костя охренительный, Костя правильный чувак. Я мог бы сказать: Костю в жопу, я сяду. И я б сел. Но я сказал: он охренительный. И когда Костя меня выгонял потом, он подошел к двери и шепотом сказал: «Nothing personal». То есть дал понять, что это не он и что у нас нормальные отношения. Костя в какие-то ключевые моменты взвивается от ощущения неправды и поступает совсем правильно, молодец. А какие-то отдает.

— Вы еще раньше много рассказывали, как Путин вам сказал, что со вторым сроком у него проблем не будет: еще одна маленькая победоносная война — и все.

— А сейчас я с ним дружу и ничего не буду говорить такого. Про Путина я вам расскажу другое свое воспоминание тогдашнее. Мы с ним подолгу, конечно, болтали, у нас было для этого время. И мой был призыв, и вопль, и писк, и визг, и что хочешь: разбомбить Чечню. Я говорил Путину: «Быстро надо входить, Владимир Владимирович, умоляю, ну хотя бы по Тереку, Наурский и Шелковской районы заберем». И он так улыбался, глаз у него лучился, и он мне говорил: «А вы собираетесь это сказать в программе?» Я говорил: «Я? Собираюсь? Да я ору об этом, ору! Снарядов не жалеть,

залить напалмом, сжечь на хер до грузинской границы, я ору об этом в каждом эфире. До реки хотя бы заходите!» Я человек, выросший в гарнизонах. Если спрашивать, какой политической партии я придерживаюсь, — ответ простой: русское офицерство. Я не люблю этих шестидесятников всех говенных московских. Все по-простому, говорю же. Бить, бить, бить и добить. Предательства надоели, девяносто четвертый и девяносто шестой год, предательство на предательстве, Владимир Владимирович, дайте слово, что вы не такой. Я к нему с этим приставал, все время приставал. Я сам в окопах был и, что важно, никогда там не видел никого — ни Женю Киселева, ни кого-то еще. Я первый гражданский человек, который после боев вышел на площадь Минутка, делал стендап. Я же и погорел из-за офицеров — программа о «Курске». Меня слили, и я думаю, что слил не Путин. А я дурак, надо было ему позвонить.

— А кто слил?

— Волошину все доложили, что я выбился из подчинения. Путина проинформировали обо мне, и он кивнул, он не принимал обо мне решения. Волошин меня слил, Волошин. Навешали, что я каких-то проституток нанимал, чтобы они изображали вдов «Курска». Девчонки, вдовы, были одеты в легкие ситцевые платья. У них нет траурных нарядов. У жены офицера, я это знаю по гарнизонам, никогда не было никаких траурных нарядов. Хотел бы я увидеть мою мать, которая бы ездила с траурными нарядами нарочно на случай, если батя погибнет, — ну что это такое, дурка полная. А русская девка с юга в этом возрасте — как она одевается? Она одевается в короткое ситцевое платьишко, в которых их и сняли, когда они ехали, плача. И это сочли предательством — ну хорошо, значит, так.

— С Путиным вы с тех пор не виделись?

— Нет, нет. От меня шарахались все, как от больного. Это был страшный период — со мной разговаривали шепотом. Со мной, помню, Йордан Боря встречался в кафе на втором этаже: надо было так зайти, чтобы никто не видел, что он со мной виделся, этаж этот отсекали. Я такого вообще не видел никогда!

— Йордан хотел вас взять к себе на НТВ?

— Он сказал: я пойду говорить. Еще Саша Любимов (тогда первый заместитель гендиректора ОРТ. — *Прим. ред.*) говорил: «Старик, надо тебя вернуть любыми силами, приезжай на остров (реалити-шоу «Последний герой». — *Прим. ред.*), на этом острове ты должен есть тараканов, жить с девками с какими-то». Я говорю: «Сань, я до такой степени еще не дошел. Я гордый, я не хочу через тараканов въезжать на Первый канал».

— Вообще как получается: вы несколько лет были буквально под запретом, потом вас стали пускать на «Эхо», а потом вам позволяют прийти на «Русскую службу новостей», и это такое УДО, и вы теперь такой человек, который будет готов, скажем, мочить Навального.

— Навальный — интересный перец, но он царь горы. Я не сектант. Я не принадлежу к секте хороших. Мое дело — Навального трахнуть, а его — стать царем. А что, я должен ему поддакивать?

— Одно дело — вам его трахнуть, и другое — вам звонит Сурков и просит трахнуть. Такие вещи чувствуются очень.

— Я вижусь с Сурковым самое редкое раз в месяц. Он ни разу не сказал слово «Навальный». Вообще ни разу, клянусь. Обычно как: я рассказываю ему что-нибудь охренительное, он рассказывает мне что-нибудь охренительное, потом я говорю, слушай, вид у тебя уставший. Он говорит, да и у тебя уставший. Ну и в смысле аппаратных игр — я в приемной засветился, меня человек пять видели, до хрена сделано, расползаемся. Зайти к Славе… Фишка в том, чтобы в приемной посидеть, желательно дольше. Один зашел, второй зашел, поздоровались, потом группа людей вышла, группа зашла, а я сижу, пью минеральную воду. Потом я захожу к Славе, говорю: все, дело сделано, меня 50 пидорасов видели у тебя в приемной, достаточно, я пошел. Человек не может быть использован механически для всего. Есть какие-то вещи, которые я говорил на «Эхе» и сейчас продолжаю. Что Немцов — кудлатый пудель, я это и тогда говорил, и сейчас.

— Я помню ваш текст про революцию после Майдана — его другой Доренко писал, не тот, с которым я сейчас говорю.

— Ой, я им и сейчас горжусь и повторю каждое слово.

— Так повторите же.

— Я и повторяю. Буржуазно-демократическая революция — то, в чем нуждается Россия. Но в России, к сожалению, не будет буржуазно-демократической революции. Потому что в России будет архаистическая революция, типа иранской. Поэтому Путин наш президент. Все. *Интервью: Олег Кашин*

Реклама

Чикаго. В мастерской Optimo Hats можно не ждать своего заказа и купить готовые федоры и хомбурги

Custom Hats
* Felt - made from the finest wil
Smooth Finish $65
Satin Finish $75
Long Hair Beaver $79
* Straw - hand woven from finest
Legendary Montecristis
Authentic Milan Braid
Hat Services
Cleaning & Blocking $35 ↑
Complete Renovation $100 ↑
Flange & Brush $10
New Ribbon $25
New Sweat
New Linin

Места знать надо
mir.travel

афиша МИР

16+

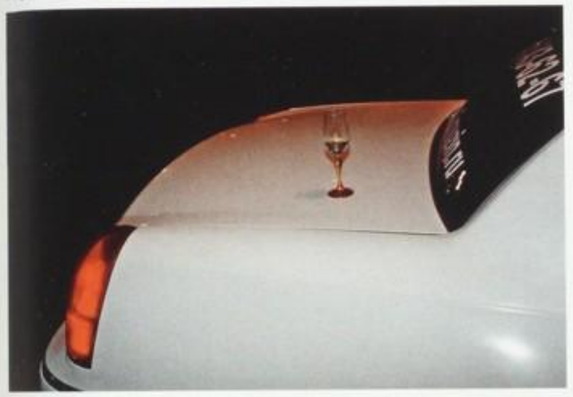
№295
от 15 апреля 2011 года
Москвич Роман Волобуев и петербуржец Станислав Зельвенский меняются городами

две твердыни

ЧТОБЫ НАКОНЕЦ УЖЕ ВЫЯСНИТЬ ЗАПУТАННЫЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ МОСКВОЙ И ПЕТЕРБУРГОМ, ПЕТЕРБУРЖЕЦ СТАНИСЛАВ ЗЕЛЬВЕНСКИЙ И МОСКВИЧ РОМАН ВОЛОБУЕВ НА ОДИН УИКЕНД ОБМЕНЯЛИСЬ ГОРОДАМИ.

Воробьевы горы, традиционное место встречи подвыпивших москвичей

Лимузин — самый разумный способ передвигаться по Садовому кольцу



Пить в московском лимузине что-то, кроме шампанского, считается моветоном

Зельвенский Мск

День первый

18.30
Прямо с «Сапсана» отправляюсь в «Винзавод» — вернисаж Даши Ястребовой никак нельзя пропустить. Плутаю вокруг Курского вокзала. Стрелы железнодорожных путей, изгибы трамвайных. Вывески с преобладанием желтого. Люди на корточках. Горячие пирожки. Охранник выпускает счастливого человека из похожего на сортир домика, который оказывается секс-шопом. Тревожная атмосфера середины 90-х, клубок частных инициатив, суета мелких дел. В Петербурге, чтобы такое увидеть, надо очень долго ехать на метро, а лучше даже на электричке.
Наконец выхожу к фабричному зданию из красного кирпича. Людей становится все меньше, а шарфы на них — все красивее.

19.00
Местный кафетерий называется как-то типа «Цап-царап», но с модным в Москве восточным акцентом. Вокруг люди искусства. За соседним столом ухоженный мужчина пьет латте с сыном лет пяти. Он что-то показывает ребенку на экране айпэда, второй айпэд лежит у него на коленях. Потыкав в устройство, младенец спойлерит: «А ты знаешь, что Снейп и Дамблдор договорились, что он его убьет? Потому что у Дамблдора неизлечимая болезнь».

Вскоре появляется и второй сын — постарше, как две капли воды похожий на Дадли Дурсли. В соответствии с образом он громко чихает и плаксиво объявляет: «Накурено!» Папа флегматично отвечает: «Ну извини», отдает ему свой айпэд и углубляется в извлеченный из кармана айфон.

20.00

Выставка Ястребовой «Солянка. Храм былой любви» проходит в галерее «Меглинская». В центре стоит арфа, рядом — женщина в фиолетовых лосинах, которая под «минус один» мурлычет «Summertime». В зале и на стенах люди примерно одинаковые; возможно, даже те же самые. Но на фотографиях они черно-белые, кажется, пьяные и почему-то, как правило, в разорванных колготках. Живьем они просто бледные, очень тихие и одеты аккуратно. Все фотографируются на фоне фотографий, на которых они сфотографированы фотографирующими.

21.00

В метро уныло прохаживаются военные патрули. Мужчина в дутой куртке в ожидании поезда отрабатывает боксерские приемы. Подросток на ходу смотрит в ноутбуке что-то с субтитрами. На стене цитата из Фрэнсиса Бэкона проиллюстрирована матрешками. Обращает на себя внимание реклама «Цикорий в каждый дом!».

21.30

На входе в ресторан «Цвет ночи» банкир Фридман интересуется, придет ли Потанин. У Фридмана свой столик; еще в зале человек 50. Все они заплатили — кроме, наверное, самых богатых — по 700 рублей, чтобы посмотреть на Альфреда Коха, который как раз выходит к микрофону.

Кох с несколько искусственной самоиронией рассказывает о своем жизненном пути. В планах у него книга интервью с Гитлером и Сталиным (ответы, как я понял, он собирается придумать). Публика уважительно слушает, сдержанно ест и задает интересные вопросы.

Выставка Даши Ястребовой, летописца увлекательного досуга столичной молодежи

Кох оказывается среди прочего составителем монографии о холокосте. Она отрицает его отрицание. Кох обнаружил, что никто до него не удосужился подробно подсчитать, сколько именно евреев было убито. Тогда он профинансировал соответствующие исследования и написал к сборнику предисловие. Удачным образом, подсчеты Коха примерно совпали с теми, которые можно найти, например, в «Википедии».

22.15

Добегаю до «Джона Донна» уже на втором тайме «Спартак» — «Аякс». Паб забит — в основном экспатами, — голы тоже: «Спартак» ведет 3:0, многие переключились на экран, где бьется «Динамо-Киев». Гигант у стойки пристает к робеющему иностранцу: «Вот кайнд оф спорт из популар ин ер кантри? Футбол, баскетбол, мэйби джиу-джитсу ор джудо?» «Ду ю ноу джудо?» — пищит иностранец. «Оф корс», — расплывается в доброй улыбке верзила.

Все, что не попадает в перекладину, тащит героический Дикань. Подтягиваются зрители следующих матчей. Интеллигентные юноши в футболках «Ливерпуля» обсуждают трансфер Суареса, любовно называя тренера Кенни. Тут же взрослые, серьезного вида фанаты ЦСКА. Главный берет всем пива, мотивируя тем, что он только из Парижа. «И как в Париже?» — «Негров много. И наглые такие!» Из «Солянки», где компатриоты болеют за «Зенит», приходит СМС «Все кончено». «Кони» поглядывают на триумф «Спартака» и, не понижая голос, отпускают презрительные ремарки. «Вот в пердях сегодня праздник будет», — подытоживает один из них.

23.00

Короткий ужин в «Маяке». Узнаю от подсевшей знакомой совершенно лишнюю для моих ушей биографическую информацию интимного свойства; иначе говоря, сплетню.

24.00

Бар «6/2» мне рекомендуют как «хипстерскую помойку», «по московским меркам — трэшачок» и в целом наиболее петербургское место. На стене из нулей и единичек составлен портрет Ноя, над стойкой стоят два его бюстика (было десять, но восемь уже украли). Подтягиваются знакомые. В разгаре вечеринка «Копов в огне»: музыку ставят

Слева: наглядная хронология в институте «Стрелка»; справа: велосипед И.В.Осколкова-Ценципера

коп Козульски и коп Яблонски. Яблонски явно первый раз за пультом, но компенсирует это популистским плейлистом: звучит чуть ли не «Луч солнца золотого», под «Sabotage» Beastie Boys люди уже валятся на пол. Окончательно понимаю, что книжку взял в поездку зря.

День второй.

11.00

«Старбакс». «Старбакс» как «Старбакс».

12.00

Завтрак в новом кафе Kitchen на Покровке. Заведение, сразу видно, столичное: зеркальная стойка, на одной стене что-то вроде геммы в человеческий рост, на другой портрет гамбургера в рамке. Над стойкой висят 23 колбасы. Поскольку две дамы ушли, еще две сбежали, почитав меню, а моя компания опаздывает, я тут единственный клиент.

15.00

Под Пушкинской площадью по-прежнему продают китайские бюстгальтеры. Заглядываю в журнал «Афиша» как раз на те полчаса, которые попадают в новостные ленты: редакционный директор Юрий Сапрыкин собирает всех, чтобы сообщить, что он переходит в бастион либеральной журналистики, выросший на «Красном Октябре». Отправляюсь туда посмотреть.

Алексей Егоров

В Петербурге: *инженер*
В Москве: *финансовый аналитик*
Причина переезда: *деньги*

Есть такая вещь — патриотизм города: мол, я из Питера, но буду жить в Москве и буду ее ненавидеть. Ничего подобного! В Питере я был никем, а здесь я селф-мейд, человек, который строит сам себя. Не думаю, что там я бы смог заработать на квартиру в центре. Я с трудом представляю, чем в Питере нужно заниматься, чтобы позволить себе сходить в ресторан вечером в пятницу. Возвращаться у меня даже мысли нет. Москва — это не конечный пункт. Это трамплин, и подкидывает он очень высоко. В Питере я уходил с работы в шесть, здесь ухожу в восемь, и мерило моей работы — деньги. Как поработал, так и заработал. Помню, мне один человек говорил, что Москва не любит людей, которые не успевают за ее темпом, — она, как центрифуга, их выкидывает. Я потом эту теорию додумал. Люди все делятся на два типа: одних Москва выкидывает прямиком в Куршевель, других — на периферию. Я из первой группы.

Бар «6/2» во время диджей-сета человека, известного как кол Яблонски (на фотографии — в подтяжках)

17.00

Завороженно хожу по дворику, принадлежащему институту «Стрелка», который вот-вот начнет делать московские архитектуру, медиа и дизайн еще лучше, чем они есть. Видимо, выпускники превратят город в маленькую (или, наоборот, очень большую) Скандинавию: дворик пуст, геометричен и обнесен располагающими деревянными реечками, на земле ни пылинки. Людей тоже нет. За стеклянными стенами видны белые аудитории. Проходящая мимо очаровательная девушка лет 20, занимающая в «Стрелке» один из руководящих постов, немедленно соглашается провести экскурсию. В «аудитории раз» (так написано) над ноутбуком корпит одинокий кореец. Во второй я слышу с каких-то антресолей голос — говорят, это голос архитектора Григоряна. Повсюду доски и планшеты, на которых написаны важные слова. «Идеи пойдут в народ» (народ — подчеркнуто). «Balalaika industrial stereotypes». На огромном ватмане значится лишь «Что и зачем?» и «Как?». Очевидно, что здесь решаются задачи, масштаб которых мне оценить не под силу.
Словно я недостаточно уже исполнен трепета, Вергилий показывает мне изящный, идеально белый, нетронутый, кажется, московской пылью велосипед президента «Стрелки» Ильи Ценципера, припаркованный у входа в административные покои. На заваленном бумагами столе директора бросается в глаза книга «Как привести дела в порядок». По словам руководства, самым волнительным моментом были каникулы: они подозревали, что студенты с них не вернутся. Но те вернулись, и я со спокойной совестью отправляюсь в бар «Стрелка», где можно в свое удовольствие полистать журнал по дизайну на японском языке. Заходит мужчина — говорят, это архитектор Григорян.

18.00

Экскурсия по либеральным СМИ. Все они защищают общие ценности, и единственное, что вносит легкую смуту в эти ряды, — условия труда или, проще говоря, офисы. Лучше всех устроился Slon.ru — прямо на сайте сообщается, что офиса у них нет. Направляюсь на телеканал «Дождь», благо либеральный охранник даже не спрашивает пропуск.

Анна Пиотровская
В Петербурге: *издатель журнала «Афиша»*
В Москве: *исполнительный директор фонда «Династия»*
Причина переезда: *интересная работа*

Как сказала мне одна моя лондонская приятельница, Москва и Питер — это яблоко и апельсин. Тут какие угодно фрукты и овощи можно подставить, смысл в том, что города очень разные. Например, в Москве дышится труднее. Это с темпом жизни связано — тебя иногда суета просто душит.
А в Питере даже в самый разгар рабочего дня можно спокойно посидеть, поесть, выпить даже. Еще по Питеру хочется все время гулять, а в Москве такая мысль даже в голову не приходит. Еще в петербургских ресторанах намного вкуснее кормят, чем в московских, — даже не знаю, с чем это связано. Но зато в Питере очень плохо с работой. Особенно это стало заметно после кризиса, когда все заморозилось и застыло — как будто стоп-кадр нажали. И я думаю, что в этом не только отсутствие денег виновато. У жителей Петербурга не хватает воли. Идей у них много — все эти кухонные разговоры, во время которых придумываются гениальные проекты, — а воплощать их некому. Большинство моих знакомых живут и творят в рамках своего собственного мира и за пределы его не выходят. Это распространенная питерская проблема.

Больничного вида лестница, грузовой подъемник вместо лифта, огромное пространство, больше напоминающее съемочную площадку, чем офис. Какие-то софиты, лестницы, отовсюду что-то торчит. В дальнем углу работает камера, и брюнет с блондинкой зачитывают новости. Еще один угол выделен под редакцию «Большого города».
Все здесь завидуют порталу OpenSpace. Лестница к ним ведет уже скорее библиотечная, а сам офис раскинулся в залах с видом на Москву-реку, профессорской библиотекой и душевыми.

19.00

Мне рекомендуют важное московское развлечение — сходить на Навального. Отважный миноритарий как раз должен схлестнуться в публичном риторическом бою с Евгением Ясиным по какому-то узкоспециальному экономическому вопросу. Говорят, что Высшая школа экономики, где запланированы дебаты, уже с трудом сдерживает напор желающих в количестве 700, что ли, человек. И действительно, по телефону «Вышки» отвечают, что даже журналистов они уже аккредитовать не в состоянии ввиду нехватки пространства.

20.00

Магазин Uniqlo в «Атриуме». Рассматриваю неуловимо раздражающие майки с картинками из ранних фильмов Джармуша (включая те, которые никто не видел). Москвичи поясняют, что сюда кроме хипстеров ходят одеваться с Курского вокзала. Исключительно для порядка покупаю футболку мужскую с рукавом 3/4 (499 р.).

Журналист Андрей Лошак в баре Noor готовится к съемкам репортажа о екатеринбургских алкоголиках

Магазины ЦУМ и Uniqlo, где можно найти похожие вещи с десятикратной разницей в цене

22.00

Ужин в ресторане «Рагу», где забронировать столик удалось лишь благодаря кумовству. Буржуазные дети отмечают детский праздник, за стойкой замечен человек в красной шапке, много яппи. В меню помимо мороженого с беконом неприятно поражает куриная ножка, фаршированная куриной грудкой. Кормят вкусно, потом, правда, приносят соленый эспрессо.
Интеллигентно проведенный день хочется закончить подобающе. Из московской интеллигенции я знаю кинематографистов и журналистов. Первые обычно пьют водку в подозрительных

ФОТО ГАММА / СТАНИСЛАВ ЗЕЛЬВЕНСКИЙ

восточных шалманах, так что связываюсь со звездами медиа. Главный редактор БГ Филипп Дзядко сообщает, что часов в 12 окажется в «Маяке» (как будто кто-то в Москве этого не знает). Андрей Лошак готов подъехать в «Бонтемпи». Редактор «Эсквайра» Филипп Бахтин говорит, что у него две скучные важные встречи, но если вечер примет скотский оборот, он мне непременно позвонит. Решаю не задумываться над этим высказыванием.

0.00

«Бонтемпи», спрятавшийся в яме за забором, со своей стеклянной стеной похож на роскошную шашлычную. Здесь к тому же заканчивается что-то вроде корпоратива: цепочка разоренных столов, люди менеджерского вида пляшут под похабное диско. Но сюда, говорят, ходят все, и еще актрисы. Удивительным образом, действительно встречаю всех, и еще актрис. Знакомлюсь с интересными людьми, например, с девушкой, которая в ноябре видела голую Деми Мур.

1.00

Доходим до бара «Клава», где проходит вечеринка шансона с выступлением человека из Наро-Фоминска по фамилии Стасюк. Вероятно, тут спрятана какая-то великосветская ирония, но по лицам людей, которые толкаются в баре и стоят в очереди на улице, это уже не так очевидно.

1.30

В баре Noor нормально. Но скучновато. К тому же там уже половина «Бонтемпи». Играем в Grindr.

2.30

«Маяк» забит. Дзядко тут. Люди, которых я видел днем на «Красном Октябре», тоже. Музыку ставят, кажется, все по очереди и чуть ли не из «Вконтакте». В воздухе разлита любовь — в том числе такого рода, о которой на следующее утро люди жалеют. Миф, который меня занимал, оказывается правдой — москвичи, и правда, до сих пор танцуют под песню «Медведица».

4.00

«Бонтемпи». Зачем?

4.30

В «Жан-Жак» нас не пускают, но Дзядко по телефону объясняет, что надо сказать «мы к Дзядко на совещание». Работает. Девушки пьют шампанское, обсуждаем Луи де Фюнеса.

5.30

Дворик где-то в районе Нового Арбата. Снежинки. Качели.

День третий.

15.00

Деловой ланч в Corner Burger. Бургер не беру — говорят, очень маленькие. Вокруг потенциальные Патрики Бейтмены, тоже некрупные. Куда ни кинешь взгляд, упираешься в заведение Айзека Корреа. На углу с Тверской, впрочем, прохожий интересуется, как пройти в «Золотую воблу». Еще через сто метров южане на взводе рассматривают нас, один тихо спрашивает в телефон: «Эти?» Я начинаю чувствовать себя настоящим москвичом.

Екатерина Осипова
В Петербурге: *пресс-секретарь ректора СПбГУ*
В Москве: *собственное пиар-агентство Kate Communication*
Причина переезда: *скука*

Москва — это вызов, который нужно уметь принять. А еще это самое неудобное место для того, чтобы испытывать себя на прочность. Как в спортзале, когда ты нарочно создаешь себе тяжелые условия для тренировки. Когда меня спрашивают, почему я переехала, я отвечаю, что дело не в деньгах. Просто я королева, и мне в Питере разгуляться было негде. А Москва — это мое воплощение, со всеми ее Ордынками, Полянками, матрешками. У меня темперамент не петербургский: меня нельзя сломить сезонной депрессией, я люблю масштаб. Даже само ощущение жизни не в центре города меня морально дезориентирует. Я сейчас живу с дедушкой на Чистых прудах. Дедушка у меня профессор, преподает в Академии нефти и газа имени Губкина. Каждое утро он мне говорит: «Катя, либо пиши диссертацию, либо выходи замуж». А я хочу перебраться в Нью-Йорк — еще более мегаполисный и испорченный, чем Москва.

16.00

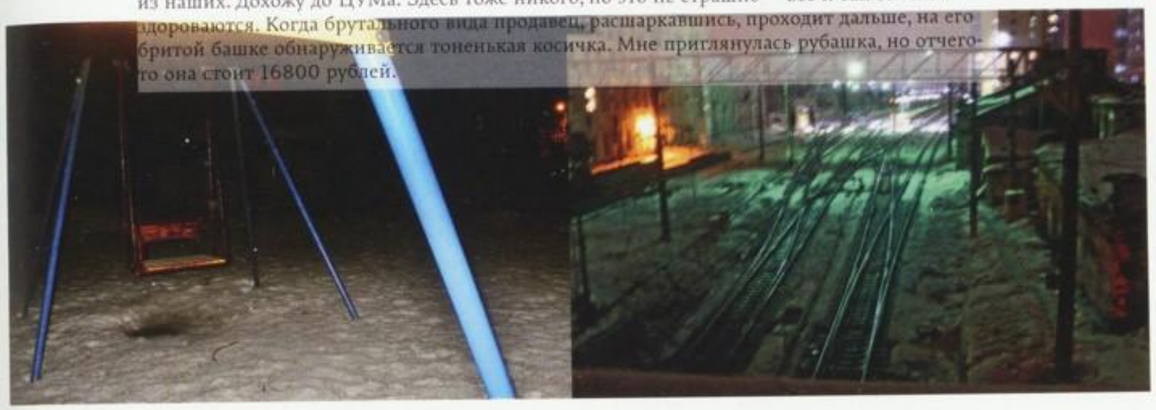
Заглядываю в «Республику». Журчит музыка, ходят красивые молодые москвичи. Мы переглядываемся с симпатией, мы не знакомы, но благодаря вывешенным на стене топам знаем друг о друге многое. Мы читаем Джейми Оливера, мы слушаем Zaz и мы смотрим фильм Франсуа Озона «Убежище».

17.00

Как и все, в субботу я не могу не зайти в Tsvetnoy Central Market. Говорят, его построил архитектор Григорян. Медленно, стараясь не потревожить окружающую гармонию, я миную этаж «Приятные детали», этаж «Свежий взгляд», этаж «Радость каждый день» — направляясь к заветным «Захватывающим кулинарным открытиям». «На втором этаже для вас работает стилист», — мягко сообщает небесный голос. Застреваю в магазине All Saints. Приобретаю худи и немного ежевики.

18.00

Сворачиваю с бульваров на Петровку. Заглядываю в «Март» и «Додо», но там никого из наших. Дохожу до ЦУМа. Здесь тоже никого, но это не страшно — все и так со мной здороваются. Когда брутального вида продавец расшаркавшись, проходит дальше, на его бритой башке обнаруживается тоненькая косичка. Мне приглянулась рубашка, но отчего-то она стоит 16800 рублей.



Холодная изнанка разгульной московской жизни

19.00

Направляюсь на Манежную площадь проверить, нет ли волнений на национальной почве или чего подозрительного. В принципе, все, кого я там вижу, выглядят подозрительно. На площади Революции интересуюсь у пожилого господина, который что-то охраняет, как пройти в одноименное метро. Он, пожевав губами, отвечает «Там «Театральная», там «Охотный ряд», «Площадь Революции» не знаю».

20.00

Вечер москвичей посвящен обсуждению того, ко скольки идти в «Солянку». В «Солянке» Муджус, и не пойти совершенно невозможно. Но все понимают, что все это понимают. Только на фейсбуке туда уже собираются 767 человек. Иногда кто-нибудь смелый пишет: «Не пойду я на вашего Муджуса!» — следует бурное обсуждение. Мы все пытаемся угадать минуту, когда концерт еще не начнется, но и в километровой очереди стоять уже будет

Роман Миронов
В Петербурге: *проектировщик квартир*
В Москве: *архитектор Моспроекта*
Причина переезда: *женитьба и новая работа*

Я вот что скажу: у нас бомжи покруче будут. В Москве они совсем опустившиеся, а там — прямо стиляги. Думаю, это потому, что в Питере много секондов. Если не хочешь выглядеть как пацан с рынка, идешь и покупаешь там все что надо. Когда говорят, что в Питере работы нет, мне смешно. Там все то же, только уровень зарплат пониже. Зато в Питере прекрасно растить детей, в новых районах особенно. В каждом дворе по настоящему детскому городку, горки разные, зелень везде, клумбы. А Москва — не обижайтесь — это город для собак и машин. По проезжей части несутся машины, по тротуарам бегают собаки. И вот ты ведешь за ручку дочь, и даже приткнуться негде. На самом деле я по Питеру скучаю. Там весь центр как под линеечку — все дома ровненько так стоят. Мне очень нравится! Ну и конечно, Гатчина, Павловск. Я еще толком Подмосковье не изучил. Есть там что за МКАДом-то?

не надо. Полпервого? Два? Поступают противоречивые инсайдерские новости. Составляются списки. Про кого-то известно, что он и правда не придет, — скандал.

0.00

Ночь начинается буднично. За мной заезжают шесть девушек на белом лимузине. Мы катаемся по Садовому кольцу. Вокруг меня ноги. За заклеенными темной пленкой окнами лимузина действует свой кодекс: например, нельзя открывать шампанское. Приходится всякий раз останавливаться. Проезжающие машины приветливо сигналят. Едем на Воробьевы горы, где изображаем что-то вроде выпускного вечера (который у некоторых из нас был не так давно). Москва — город, в котором хочется выключить свет, — подмигивает огнями нашей смотровой площадке.

1.00

Заезжаем в ресторан в «Лотте Плаза». В лифт с нами заходят еще три барышни — одна из них блондинка полностью в розовом. На нужном этаже испытываю маленький персональный триумф — показывая на девять девушек за спиной, говорю фейсконтролеру: «Это со мной». Шкафы-охранники расступаются, один бормочет: «Еще одна команда гимнасток пришла». Пьем вино в культурном интерьере, за окнами родные уже огни.

Бар Bontempi, где всегда можно познакомиться с интересным человеком

2.00

К «Солянке» приближаемся под песню Богдана Титомира: «Москва говно, Москва говно, кругом отстой, и это город мой». И здесь уже, собственно, хочется остановиться. Хотя это не конец. Муджус пел что-то едва различимое. Потом заехали в «6/2», но оттуда все уже сбежали в «Арму». Под утро было видение режиссера Гай Германики — она рассказывала о собаках-брахицефалах и требовала в ответ покадрового пересказа фильма «Король говорит». Было даже великое круглосуточное кафе на Ленинградском вокзале, где в клеенчатом меню значится «эспрессо — 240 р., коньяк — 560 р.» и т.д. И прощания возле утреннего «Сапсана» под композицию «Москва, звонят колокола». Все это было или не было, и когда умолкнут все песни, возможно, ничего и не останется. Реклама банка вдоль перрона — «ластик или резинка», «бадлон или водолазка» — ежечасно обессмысливается все быстрее отходящими и приходящими составами, и нет уже вопросительного знака, и союз «или», противопоставляющий красивейший город Европы ресторану «Рагу», бару «Бонтемпи», универмагу «Цветной» и белому лимузину, уже лишь формально, кажется, остается разделительным.

Степан Бакарев
В Петербурге: *бармен в «Стирке 40°»*
В Москве: *официант в ресторане «Р.И.Ц Карлсон»*
Причина переезда: *поиск приключений*

Считаю так: в Питере город есть, а тут — в Москве — города вообще нет. Одна только ситуация: чувствуется присутствие больших денег. Правы, конечно, кто говорит, что неудачникам вольготнее живется на Неве. Хотя… Ну что значит — неудачник? Вот он посидел-посидел в углу, но в итоге высидел что-то ценное, что-то действительно интересное. А в Москве даже в углу посидеть некогда — все заняты. Как бармен могу со всей ответственностью заявить: в столице пьют иначе — весело, с гонором. Питерцы бухают, как правило, в задумчивости. Возможно, поэтому тут никто не сидит в одном баре дольше двух часов, а в Питере — если пришел, то сидишь до последнего. Я тут решил рюмочные обойти, и выяснилось, что их около пяти на всю Москву. Вообще, сравнивать города — пагубная привычка. Все сводится к клише, которые и так все знают. Не думаю, что я сказал что-то новое.

Волобуев → СПб

День первый

17.30

У единственного незаколоченного выхода с вокзала — давка: пассажиров московского поезда, прежде чем выпустить в город, проверяют на оружие и взрывчатку. По громкой связи играет Малер. Протиснувшись между неработающими металлоискателями (плюс ссадина на локте, минус пуговица), попадаю на удачно освещенный Невский. Знаменитую перспективу разнообразят вывески сетевого секс-шопа «Розовый кролик» (от площади Восстания до Литейного успеваю насчитать три, дальше сбиваюсь). Еще всюду граффити — «Модернизация или смерть», улыбающийся Путин, силуэт гражданского активиста Лени Ебнутого с ведерком на голове — пару недель назад арт-группа «Война» при дзенском попустительстве властей разрисовала наглядной агитацией половину поверхностей в городе.

18.00

Листаю записную книжку в телефоне — на каждый из полутора дюжин петербургских номеров находится веская причина по нему не звонить. С движущимися навстречу людьми происходит интересное: девочки по мере приближения оказываются мальчиками, старики — детьми, розовощекая мамаша с двумя малышами — густо накрашенным мужчиной, ведущим за руки двух уставших карликов. Окликнув, как мне показалось, знакомого, оказываюсь втянутым в абсурдный по своей продолжительности разговор с человеком, одетым в костюм медведя. Видимо, дело в освещении.

Памятник Достоевскому, популярному петербургскому писателю

18.20

У Фонтанки сталкиваюсь с поэтессой Еленой Костылевой, год назад переехавшей сюда из Москвы. Для москвича решение уехать в Петербург, как правило, иррациональный шаг; это как сменить пол или уйти в монастырь — радикальное решение, призванное превратить непростую жизненную ситуацию в безвыходную. Лена — приятное исключение. В Москве она все время увольнялась из разных журналов (из одного ее дважды уволил я) и участвовала в антиправительственных художественных акциях порнографического характера — здесь счастливо вышла замуж, много времени проводит дома, работает на общественных началах в книжном магазине. Мы смеемся, разглядывая внешние изменения, произошедшие с нами за два года: я — с интересом, она — сочувственно.

18.50

Пельменная на Итальянской улице, парадоксально совмещенная с пышечной. В половине с пышками — старушки, одетые как студентки, и, кажется, пара студенток, наряженных старушками. Там, где пельмени, — четверо молодых петербуржцев с приветливыми лицами убийц, что-то обсуждают над единственной тарелкой. Говорят по-русски, я не понимаю ни слова. По московской привычке фотографирую пельмени айфоном и отправляю фотографию на Foursquare. Минутой позже в телефон приходит комментарий петербургского киноведа Степанова: «Не самая лучшая пельменная». Пытаюсь приобрести пышку: продавщица терпеливо смотрит на сторублевую купюру, потом на меня — в явной надежде, что, если дать мне время, я сам пойму нелепость возникшей по моей вине ситуации. Костылева вздыхает: «Ну что с вами делать», находит тридцать рублей мелочью и покупает мне две пышки в целлофановом пакете. На улице пакет моментально запотевает, и сквозь него здорово смотреть на архитектуру.

19.00

На пересечении Итальянской и Садовой у опрокинутого кем-то светофора со словами «Боже, вы с ума сошли тут ходить» к нам присоединяется живая девушка лет пятидесяти. Узнав, что я приезжий, достает из ридикюля галогенную лампочку: «Представляете, только что посчастливилось купить, давно искала, такая удача, редчайшая вещь». Из вежливости

Два главных петербургских вида — вид из на Казанский собор (справа) и вид на стакан в баре «Стирка 40°» (слева)

вру, что в Москве лампочек вовсе не достать. Костылева на ухо объясняет, что это поэтесса Беломлинская. С запозданием понимаю, что иду на поэтический вечер.

19.30

Книжный магазин «Порядок слов» на набережной Фонтанки. В лектории, рассчитанном человек на тридцать, человек сто слушают московскую поэтессу Седакову — что-то про Аверинцева, я опять не понимаю ни слова. Убегаю на крыльцо — курить и обсуждать с хозяином магазина, кинокритиком Шавловским, перспективы книжной индустрии. Быстро сходимся на том, что магазину, где есть книга «100 русских ударов в голову», не страшны никакие киндлы. Брожу по магазину в надежде найти среди Фуко и Жиля Делеза последнего Стивена Кинга, вместо него нахожу «Книгу хипстера», но у меня уже есть. Прицениваюсь к отлично иллюстрированному изданию повести «Винни и дракончик», в итоге покупаю «Эстетику смерти» Ниббрига — вы знаете, давно искал, такая удача. Вежливый Шавловский делает вид, что верит. Перед магазином поэтесса Беломлинская сокрушается, что в Петербурге катастрофическая нехватка поэтов.

22.00

Попытка как-то сменить вектор заканчивается провалом — почти час ищу на задах Невского модную фотогалерею, где должна открываться выставка москвича, снимающего для Esquire. Темно, под ногами хрустит и чавкает. Место, куда приводит навигатор в айфоне, оказывается тупиком, где в луже сидит некрупный кот с тремя ногами. Посмотрев на кота и порвав на обратном пути штанину о торчащий из земли метровый гвоздь, попадаю на пересечение Думской и Ломоносова — главный барный маршрут города, о нем много рассказывают. Маршрут оказывается тремя пеналами дверь в дверь — в первом долбит Depeche Mode, очень много людей, стоя плечом к плечу, кричат и стряхивают друг на друга

Валентин Голев
В Москве: *школьник*
В Петербурге: *программист*
Причина переезда: *сам не знает*

В Москве люди более предприимчивые. Но выражается это в том, что все друг другу мешают. Желание заработать как можно больше денег доминирует во всех сферах. В Питере же преобладают упаднические настроения: люди погружены в депрессию, им совершенно не хочется завидовать. Каждый занят только тем, что ему нравится, и это удивительным образом приводит к положительным результатам.

Я противник суеты. Мне не нужен начальник, который бы задавал темп. Если бы это было необходимо, я бы остался в Москве. Единственное, о чем жалею, — тут мало что происходит. Иногда зайдешь на сайт «Теории и практики» — столько всего интересного! Думаешь: и туда пойду, и сюда. А потом понимаешь, что просто забыл переключить город, и все эти прекрасные лекции и мастер-классы будут в Москве.

Именно в Петербурге изначально московская арт-группа «Война» создает самые яркие свои работы

пепел. Во втором посвободней и даже танцуют, но в основном мужчины. Думаю проверить третий, но оттуда навстречу мне выходит белый как смерть человек в ситцевом платье и жестом просит закурить. Отвечаю цитатой из первых «Утомленных солнцем». В замешательстве звоню кинокритику «Коммерсанта» Лидии Масловой — к счастью, она неподалеку.

23.00

Спустя час и несколько бесполезных открытий (зимой мосты не разводят, Оксана Акиньшина тоже любит пышки, «О.Г.И.» в Петербурге считаются приличным местом) сидим с Масловой и петербургскими друзьями в баре «Мишка» — он только открылся, тут, как меня уверяют, бывают все. Дешево, темно, пахнет супом, у входа — прорезиненный транспарант, на котором нарисован волк. Перед стойкой подпрыгивает на месте мужчина в флуоресцентном спортивном костюме. Маслова — лучший человек в мире, уже давно переехала в Петербург, с тех пор дважды в неделю мотается на «Сапсане» в Москву на пресс-показы, а возвращаясь, пишет в ЖЖ, какие жадные подлецы — руководство «Коммерсанта». Давно хочу выяснить, почему она выбрала для себя именно такой путь, но сейчас она слишком утомлена. Рассказываю про встречу с мужчиной в платье. Мне объясняют, что тут так делают многие и это ровным счетом ничего не значит. «А почему бар «Мишка», а на входе висит волк?» На меня смотрят — как на раскапризничавшегося ребенка. «Может вам наркотиков купить?» — с тоской спрашивает Маслова. Извиняющимся голосом начинаю объяснять, что не очень люблю наркотики. Маслова пытается пнуть меня ногой, промахивается и с достоинством падает со стула.

1.00

Бар «Улитка» на Думской. Все куда-то делись, пью в одиночестве. Взвесив все за и против, все-таки даю прикурить человеку в платье.

3.00

Бургерная Carl's Junior на Малой Садовой, горячо рекомендованная сразу многими как лучшее место для афтепати. На плазменных экранах транслируется рекламный ролик с участием клоуна и геев. Большая компания страшных как смерть американок в ярких

Влад Краснов

В Москве: *модельер*
В Петербурге: *модельер*
Причина переезда: *спонтанное желание*

Вопрос этот — а чего ты переехал в Петербург? — мне очень надоел. Тупо захотел, и все. А выдумки про то, что там люди другие, ерунда. Я, если честно, разницы не вижу. Может, мне такие друзья попадаются, но они у меня все одинаковые — что петербуржцы, что москвичи. На самом деле мне банально нравится бывать на Финском заливе, на Ладожском озере. Приезжаешь, к примеру, в Выборг, смотришь на эту бескрайнюю воду — и так хорошо становится.

А в Москве на меня все давило: стены, город, вырваться некуда. Еще мне в Питере нравятся трэшовые кафе вроде «Фиделя» и «Стирки». Когда за стойкой стоит барменша, сама курит, сама пьет. Или взять не так давно открывшийся «Дом быта»: там, конечно, подороже, но стоит кувшин с водой. Ты можешь что-то заказать, а можешь просто воду пить. Но самое главное отличие Питера от Москвы вот в чем. Там все сидят в «Вконтакте», а тут — в фейсбуке.

пуховиках на голое тело оглушительно обсуждает человеческую физиологию. Ем гамбургер (дьявольски вкусный), пытаюсь читать Ниббрига, ломаюсь на фразе «Естественная смерть есть крайняя степень искусственности». Хорошо, что в айфоне есть Стиг Ларссон.

День второй

13.00

Голова болит, как в десятом классе, сигареты промокли, зажигалку украли. Во дворе гостиницы (набережная Фонтанки, три минуты до Эрмитажа) — два серых сугроба в три человеческих роста высотой, обойти их невозможно, идти между ними страшно, непонятно, как я вчера их не заметил. Приглядевшись, обнаруживаю, что это зонтики, просто обледеневшие. Летом, когда лед наконец растает, под ними можно будет пить кофе. Все не так плохо.

Вид на Адмиралтейство с Гороховой улицы

На вопрос, почему в городе побиты все вывески, петербуржцы чаще всего отвечают: «Хм, весна»

14.00

В Эрмитаж очередь, в квартире Достоевского — санитарный день, отправляюсь любоваться окрестностями. Петербуржцы ценят красоту своего города и тонко чувствуют уродство чужих. «У нас красиво» — главный аргумент в любом споре с приезжими, интонация, с которой он озвучивается, отрабатывалась годами. Впервые услышав, как петербуржец говорит «красиво», чувствуешь, что ты лично проектировал все московские торговые центры, а твой собеседник — Исаакиевский собор. На улице правда ничего, хотя немного трудно отделаться от ощущения, что недавно эту местность бомбили. Прямые углы, с проспектов кажется, что видишь город насквозь. Больше всего похоже на Рим, построенный турками для лилипутов, Литейный — вообще один в один римская виа-дель-Бабуино. Немного смущает Спас на Крови — понятно, почему в Москве терпят Василия Блаженного, он маленький, нравится туристам и стоит там, где никто не ходит. Но поставить то же самое на видном месте, да еще в масштабе один к двум, — наводит на размышления. Еще вопрос насчет вывесок — оставим в покое литературу (хотя магазин берестяных сувениров «Набоков» —

Поскольку в Москве пончики давно закончились, нет больше резона мешать петербуржцам называть их так, как им нравится

это, конечно, сильно), но за пределами Невского невозможно найти ни одной целой. На большинстве не хватает гласных, какие-то свисают на проводках, покачиваясь. Махина «Северо-Западного Телекома» на Большой Морской — гранитный фасад, три вывески, на одной нет слова «северный», на другой «западный», на третьей — всех букв О. Чувствуется, что дело не в нехватке средств, а в принципе.

16.00

Случайно нахожу на Разъезжей приличное кафе — вывеска светится, нормальный кофе, чистые тарелки, есть вайфай. Обнаруживаю, что его открыли те же люди, что московскую «Солянку». От судьбы не уйдешь. После двух чашек кофе вспоминаю, что вчера пообещал взять Маслову на футбол. Второго билета у меня нет, решаю сделать вид, что у меня разрядился айфон: они тут правда разряжаются быстро, наверное, дело в климате.

21.50

Стадион «Петровский», 11-й сектор, матч «Зенит» — «Твенте», начало второго тайма. Очень холодно, выручает зенитовский шарф, наброшенный на меня петербургским знакомым перед входом на стадион («а то ребята не поймут»). «Твенте» проигрывает всухую, обстановка на трибунах дружелюбная. Стоящий у меня за спиной человек в очках страшным голосом скандирует: «Е…ать сук, е…ать и убивать». Потом тактично трогает меня за плечо: «Простите, вы не могли бы спуститься буквально на одну ступеньку ниже?» Я ничего не понимаю, но сам по себе вид нескольких тысяч мужчин, поющих хором, завораживает. «Ты, пидор, так дома у себя судить будешь!» — кричу я, по всей видимости, невпопад. Меня обнимают за плечи одновременно справа и слева. Сразу становится теплее.

22.40

Выбираясь со стадиона, по дороге несколько раз узнаю, что Бухаров — животное. Вход на «Спортивную» перекрыт милицией, переулками добегаю до следующей поблизости «Чкаловской». Едва успеваю подумать о гуманности принципа «один город — одна команда», как в пустом вестибюле с криками возникают человек восемь голландцев в красных шарфах. Нервно сжимаю в кармане айфон, но вижу, что голландцам лет по 60 и большинство из них женщины. Увидев мое красное от холода лицо и синий шарф, они замолкают и пятятся в дальний конец платформы.

Дмитрий Беляев
В Москве: *шеф-повар кафе News*
В Петербурге: *шеф-повар «Дома быта»*
Причина переезда: *смена обстановки*

В Питере люди совсем другие, мягкие, а в Москве злые, как собаки, и бескомпромиссные. Остановишь кого на секунду на тротуаре — жди, что тебя в асфальт закатают. В Питере много кафе, где пафоса нет никакого. Помню, зашел в какое-то заведение на Рубинштейна, а там все просто, как в подъезде: в меню, мелом на доске начертанном, вместо «сигарет» написано — «сиги». В Москве же крутятся все деньги мира, и это, естественно, чувствуют приезжие: они заранее знают, что едут сюда как на войну. В то же время в Москве можно купить что угодно, а в Питере за некоторыми продуктами я месяцами охочусь. Помню, задумал приготовить супы том-ям с креветками и том-кха с курицей. В обоих случаях необходимы свежие листья лайма-каффира. Я два месяца их искал — не нашел. И теперь просто заказываю их в Москве.

День третий

10.00

Дорогое по местным меркам кафе «Терраса» на Почтамтской, расположенное в единственном по-настоящему уродливом здании в городе. Этажом ниже — тренажерный зал, еще одним этажом ниже — НИИ. Тихо, посетителей нет, за окном — купол Казанского собора. В углу двадцать или даже тридцать человек в белом что-то молча делают с тыквой. Официант объясняет, что по выходным в Петербурге не завтракают.

11.00

В Эрмитаж по-прежнему очередь. Инспектирую пышечные, самая лучшая — на Большой Конюшенной. В телефон одновременно приходят эсэмэски с двух незнакомых петербургских номеров, обе — провокативного содержания.

Угол Думской и Ломоносова. Туда, куда указывает стрелка, петербуржцы посылают приезжих, чтобы потом над ними смеяться

14.00

Оказываюсь единственным посетителем на большой выставке советской пропагандистской фотографии. Foursquare не работает, Facebook Places рекомендует посетить Дорогу жизни. На Гороховой улице, выглядящей так, будто по ней вчера прошли танки, сталкиваюсь с интересным пространственно-временным феноменом — внутри сносимого (или реставрируемого) здания при безоблачном небе снаружи идет дождь. Пока изучаю, успеваю сильно промокнуть. Чтобы согреться, пью плохой кофе на втором этаже книжного магазина «Дом Зингера» с сумасшедшей красоты окном, из которого опять видно Казанский собор. Из интернета с болью узнаю, что вчера пропустил самое главное — публичную лекцию Масловой о творчестве режиссера Константинопольского.

Александра Орлова
В Москве: *сотрудник рекламного агентства*
В Петербурге: *руководитель шоу-рума Skywalkers.ru*
Причина переезда: *любовь*

Я патриот Москвы, очень ее люблю и страшно по ней скучаю. Но и Питер никогда не был для меня чужим. Я, как и все москвичи, часто ездила сюда отдыхать. Потому что здесь всегда полный отрыв, потому что здесь всегда бюджетно, весело, куча разных мест. При переселении, впрочем, выяснилась одна особенность — климат. Мне полгода хотелось спать — я не могла работать. В Москве, допустим, я выполняла двадцать дел одновременно, а здесь с двумя едва управлялась. Климат влияет на темперамент человека и на его физические возможности, и с этим лучше смириться. Спасло меня то, что здесь можно перемещаться пешком: захотел куда-то, встал и пошел. В Москве с этим сложней. Если ты нашел время встретиться с друзьями, если друзья нашли время встретиться с тобой, нужно сообразить, куда ехать, вызвать такси, дождаться его — не всякий раз на такое пойдешь.

16.00
С восхищением засматриваюсь на надпись «Соблаговолите придержать» (ну или как-то так) на двери, ведущей в метро, и закономерно получаю дверью в лицо. Все-таки вхожу. Турникет принимает жетончики с вензелем, указатели на английском, дышать нечем. Еду на станцию «Приморская» искать колоннаду, где Данила Багров потерял плеер и завалил Крота. Там красиво, хотя и грязно.

20.00
Встречаюсь с друзьями в греко-армянском кафе, знаменитом тем, что здесь режиссер Николай Хомерики потратил половину бюджета неоконченного фантастического блокбастера «Беляев». Читая цены в меню, поражаюсь целеустремленности Николая. За строчку «Посещение в спортивном костюме не приветствуется» глаз уже не цепляется.

22.30
Бар «Стирка 40°», изобретательно совмещенный с прачечной. Все курят, облокотясь на стиральные машинки. Одухотворенные лица, впервые за эти три долгих дня — преимущественно женские. Чистые, звонкие голоса: «Водку с тоником, пива и снова водку!» За барной стойкой девушка Лиза смотрит на всех нас с таким выражением лица, как будто с каждой погибшей души ей падает процент. Вполне возможно, что так оно и есть. После четвертого виски с удивлением замечаю в дальнем углу Зельвенского, который, по идее, должен сейчас

«Зенит» — чемпион

изучать московские нравы. Он одет мотоциклистом и кокетничает с усатым мужчиной в шляпе, про которого мне успели рассказать, что тот — француз. Возможно, петербуржцы никогда по-настоящему не покидают свой город. Когда ближе к полуночи в бар вбегает человек, у которого в живот встроена кинокамера, и начинает кривляться, это кажется абсолютно нормальным.

2.00
Где-то. Сижу не то на шкафу, не то в нем, хотя место явно общественное. Пытаюсь объяснить гораздо более трезвой, чем я, знакомой, почему никогда не перееду жить в Петербург. «Этот ваш город, — говорю я, бессовестно пересказывая чей-то чужой текст, — театр, где игралась большая историческая пьеса. Спектакль закончился, остались декорации, и вы все в них зачем-то живете». «Верно, потому здесь так сильна ностальгия по духу империи», — отвечает знако-

Екатерина Юханова
В Москве: *логист в транспортной компании*
В Петербурге: *официантка в кафе Italia*
Причина переезда: *усталость от суеты*

В Питере такие важные процессы, как работа, рождение детей, самореализация проходят более осознанно, чем Москве. Все те десять лет, что я трудилась логистом, я провела в офисе. Только в Питере узнала, как это — в минус двадцать сидеть в сугробе или гулять под дождем без зонта. И мне понравилось. Единственное, с чем в Питере дела обстоят из рук вон плохо, — это отсутствие качественных продуктов питания, я даже говядину перестала есть, потому что за без малого год не смогла найти место, где продается нормальное свежее мясо. И еще дешевый алкоголь — пьянство здесь норма жизни. Мы с мужем переезжали в Питер в июле прошлого года — в самое пекло. Возможно, поэтому первое время у меня было ощущение, что я в раю. Я, кстати, считаю Петербург стопроцентно приморским городом. Я его еще не успела полюбить, но очень благодарна ему за то, что меня тут не раздирает на части.

В некоторых петербургских дворах снег не тает до первых заморозков следующего года

мая с сильным акцентом и оказывается незнакомой, но довольно милой немкой. Точнее, немцем.

День четвертый

9.30
Сижу на скамейке посреди Казанского собора, справа молятся два милиционера, рядом библиотечным шепотом общаются две девушки, до меня долетают в основном слова «б…дь» и «не б…дь». Вспоминаю, что до утра покупал алкогольные напитки себе и кому-то еще. Лезу в карманы — наверняка кончились деньги. Пересчитав найденное, обнаруживаю, что за ночь потратил 900 с чем-то рублей. Пытаюсь проверить календарь важных встреч и задач на следующую неделю, вижу, что сегодня 4 апреля, что странно, потому что из Москвы сюда я уехал в середине марта. Дома, наверное, волнуются. На выходе из собора две женщины в спецовках начинают тщательно поливать меня водой из шланга. Толпа утренних петербуржцев, ждущая, пока им помоют тротуар, смотрит на это с пониманием, но без сочувствия.

10.00
В «Террасе» мне радуются, хотя я и мокрый. Спрашивают, не я ли вчера забыл книгу о смерти, приносят кусок яблочного пирога. Наугад открываю Ниббрига и читаю: «Если препятствие не перескочить, под него следует поднырнуть».

14.00
Встречаемся в «Доме быта» с незнакомой красивой девушкой из серьезного киноведческого журнала, вроде по делу, хотя я напрочь забыл, по какому. У девушки мелодичный голос, ее речь целиком состоит из благозвучных, незнакомых мне фамилий Грюндгенс, Бахмутский, Эренфест. Услышав в этом журчащем потоке «Хржановский», радуюсь возможности наконец поддержать разговор и говорю, что, по-моему, Хржановский — мошенник. По сочувственной улыбке девушки понимаю, что контакт, и без того слабый, утрачен — скорее всего, навсегда.

16.00–23.30
В Эрмитаж снова очередь, к тому же сегодня короткий день. В гамбургерной меня встречают со словами: «Вы пунктуальны» — недвусмысленный признак того, что пора домой. В буфете «Сапсана», куда я перехожу раньше, чем поезд трогается, усатый человек в форме машиниста дает мне бумажку, оказывающуюся бесплатным билетом на детскую железную дорогу. В Москве дождь. Из прохудившихся желобов на крыше Ленинградского вокзала хлещет вода — человек в хорошем костюме раз за разом зачерпывает ее руками, смывая с лица кровь. Разрядившийся сутки назад айфон оживает, выдавая одно за другим: «Срочно надо поговорить», «Так, вообще-то, не поступают» и «Что с Михалковым?». Думаю выбросить Ниббрига к чертям в привокзальную урну, но вовремя понимаю, что это чересчур петербургский жест.

20 12

афиша
Советы старейшин

афиша
Перестройка-2012
30

афиша
Что происходит?
Новая политика

афиша

афиша

афиша

афиша
Профессора и студенты

афиша
Цитадель

афиша
ПРОСНУЛСЯ — ПОЧИНИ ЗАБОР.
ПРО КОТЯТ, ЭТО НЕ БАЙКА, НУЖЕН ПРОЕКТ.
ЭТО НАШИ СОГРАЖДАНЕ.
ОТВЕТА, КОТОРЫЕ ЗАДАЮТ ВСЕМ ЖЕЛАЮЩИМ.
START THE PUSSY RIOT.
НАДО ОСОЗНАТЬ ВАЖНОСТЬ МОМЕНТА.
ЭТО И ЕСТЬ НАША ЖИЗНЬ.

афиша

афиша
Лето в городе
25

афиша
Фокус-группа. И лучшие фотографии страны

афиша

афиша

афиша
КАЗНИТЬ НЕЛЬЗЯ ПОМИЛОВАТЬ

афиша
2012/2013:
ВСЕ
САМОЕ
ГЛАВНОЕ
НА ГОД ВПЕРЕД

афиша

афиша
200
ЛУЧШИХ СЕРИАЛОВ
всех времен

афиша
Марк Цукерберг

афиша
теория больших дел

афиша
КАК ЗАХВАТИТЬ МОСКВУ

афиша
Революция

афиша
История российской рекламы

афиша
2012

№315
от 24 февраля 2012 года
Капков, Навальный, Сапрыкин и другие обсуждают будущее протестного движения

ЧТО ДАЛЬШЕ?

Главный вопрос текущего момента, ставший таковым уже 5 декабря, на который с тех пор так никто внятно и не ответил. По просьбе «Афиши» политик Алексей Навальный, журналист и участник оргкомитета митингов за честные выборы Юрий Сапрыкин, глава Департамента культуры Москвы и член «Единой России» Сергей Капков, а также публицист Дмитрий Ольшанский обсудили, какой может быть жизнь в России после 4 марта. Фотографии **Ивана Пустовалова**.

«Афиша» благодарит Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» за предоставленную аудиторию

«Афиша»: Четвертого марта все должно как-то измениться. Как — совершенно непонятно. Предположим, выборы честно проходят. Путин честно становится президентом. И возникает вопрос, что делать дальше?

Ольшанский: У меня есть один ответ, общественный, — для оппозиции, а другой, интимный, — для себя. Ответ общественный такой. Что делать дальше? Любить. Оппозиции надо полюбить человека, который пошел на митинг на Поклонную.

«Афиша»: Это если мы предполагаем, что он пошел туда честно и сам?

Ольшанский: Это не имеет никакого значения. Может, он пошел, потому что 500 рублей дали, может, потому что начальник сказал, что это добровольно, «но вы же понимаете». А может быть, он просто верит в великую Россию? Надо понять, чего хочет этот человек, чего боится, о чем мечтает, как живет, — с помощью журналистики, социологии, политической интуиции. Важно не уклониться в историю социального снобизма, потому что это ловушка, на которую бьет агитпроп: вы ребята богатые, успешные, все у вас хорошо, вы летаете в Париж, а мы тут сидим. Вторая позиция моя собственная. Что делать дальше? Ждать! Я не являюсь политическим активистом, не являюсь протестующим, и я уверен, что ситуация в стране глобально не сдвинется к лучшему, пока не будет достигнут критический минимум людей, которые готовы сознательно вести себя определенным образом — тем, который мы могли бы назвать европейским образом жизни. Мы понимаем, что даже за последние 10 лет количество этих людей увеличилось — и более того сама осмысленность происходящего в обществе выросла невероятно. Приведу простой пример — русские националисты. С чем связывался русский национализм 10 лет назад? С культом Сталина, культом Ивана Грозного, какими-то полоумными людьми, которые искали под кроватью евреев. И вот прошли

Юрий Сапрыкин (справа): «Рабочий «Уралвагонзавода» готов выходить за Путина по одной причине — стали действительно «более лучше одеваться», взяли кредит, купили машину. Не дай бог, сейчас все это рухнет. На чем строилась легитимность позднего советского строя? Лишь бы не было войны»

эти кровавые путинские годы. Что мы видим? Националисты превращаются в демократов и правозащитников. Если пройдет еще 10 лет, то русские националисты, придя к власти, с очень большой вероятностью будут вести себя так, как себя ведут националисты в Восточной Европе. Это будет для меня неприятно, потому что я не сторонник национализма. Но это не будет «убивают на улицах, караул, бежать». Сколько людей интересуются политическими новостями в интернете, у скольких

«Мой интерес, чтобы на место Путина не пришел Тютькин и не сказал: «Ша, ребята! Теперь мы будем мочить по-моему»

людей есть загранпаспорт, сколько людей владеют иностранным языком, сколько людей не оставляют мусор в подъезде собственного дома. Практика показывает, что когда таких людей становиться достаточно, перемены происходят сами собой, без всякой крови. Вот у нас уже появляется такая вещь, как цивилизованный чиновник. Сергей Капков.

Капков: У меня же это adventure, то есть это же от обратного идет.

Ольшанский: Все иногда бывает в первый раз. Я верю в политический талант Алексея и других людей, верю, что они могут скинуть Путина в канаву, потому что вообще от Путина все устали. Но мой интерес в чем? В том, чтобы на место Путина через 2–3 года не пришел Тютькин из ФСО, движения «Наши» или из станицы Кущевской и не сказал бы: «Ша, ребята! Теперь мы будем мочить по-моему». Это бессмысленно. Эти люди должны ментально измениться.

Сапрыкин: Это все классно, но я только не понимаю, с чего бы им взять и измениться. Есть паттерны, которые тебе задает начальство. Вот ты сотрудник прокуратуры или суда в станице Кущевская, над тобой где-то наверху сидит Путин, который, как мы выяснили за последние годы, не считает, что он получил власть с помощью демократической процедуры, она на него свалилась. И поэтому никакие процедуры ему не интересны. Это помеха — чтобы Евросоюз не докапывался. Но точно так же сотрудник МВД в станице Кущевская считает, что эти процедуры — госдеповское изобретение. И тот цивилизационный уровень, который был на этой территории 20 лет назад, то уважение к выборам, судам — это сейчас улетело вообще неизвестно куда. Я совершенно не вижу причин, чтобы сотрудник прокуратуры станицы Кущевская вдруг ментально перековался, сказал: мне стало стыдно воровать, потому что в Москве креативный класс бунтует. Пойду я раскаюсь, раздам деньги неимущим и буду честно исполнять закон. С чего бы?

Ольшанский: Весь этот слой уже открыл для себя все прелести бабла. Зарабатывание бабла спустя какое-то время начинает конвертироваться — через поездки за границу, через детей, через образование. Огромную часть московской интеллигенции последних десятилетий составляют внуки сталинского истеблишмента.

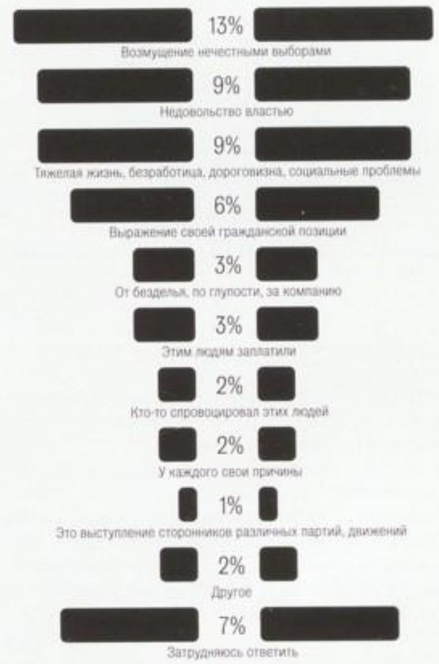
Навальный: Полностью согласен с «любить». Ради любви к людям, собравшимся на Поклонной, мы должны сделать все, чтобы, по твоему образному выражению, Путин был в канаве. Основную часть людей туда привели насильно.

Ради любви к этим людям и всем другим мы должны делать то, что мы делаем. И ради любви к людям, что живут в Нижнем Тагиле и работают на «Уралвагонзаводе». И напоминаю, что в Екатеринбурге, Нижнем Тагиле и других уральских городах голосов за «Единую Россию» было на порядок меньше, чем в Москве и даже в Питере. Поэтому идея о том, что простые люди поддерживают Путина, а вот эти с айфонами не поддерживают, совершенно неверна. Вот эти вот с айфонами поддерживают его относительно больше. Что касается ждать — вот тут вот я, извини, не соглашусь с тобой. Я-то живу сейчас. И дети мои живут сейчас. В Польше, в Чехии, в Грузии ведь что-то получается. Все делает 1% активного населения. Я верю в концепцию «Не можешь — научим, не хочешь — заставим». Никакой бы Болотной не случилось, если бы три человека не начали организовывать этот митинг. И не обсуждали бы мы этот удивительный феномен, не вылези неизвестно откуда креативный класс. Это сделали конкретные люди, очень узкая прослойка людей.

Сапрыкин: У меня нет ощущения, что рабочий «Уралвагонзавода» как-то медленно и плавно движется к облагораживанию своего морального облика. У меня ощущение, что он довольно сильно фрустрирован, раздражен и рассержен — не меньше, чем пресловутые «рассерженные горожане». Другое дело, что он действительно верит Путину и не очень верит выборам. И он готов выходить за Путина исключительно по одной причине — как ни крути, стали действительно «более лучше одеваться», взяли кредит, купили машину. Не дай бог, сейчас все это рухнет. На чем строилась легитимность позднего советского строя? Лишь бы не было войны. Именно поэтому Брежнев без проблем просидел 16 лет. Точно такое же чувство и сейчас. Все ужасно, деньги украли, в квартире холодно, батареи не топят, в подъезде срач, но лишь бы не было войны. Штука в том, что без укрепления этих чертовых институтов — выборов, суда, политики, — без создания каких-то структур, которые могли бы вернуть это ощущение справедливости, никакого облагораживания не произойдет, а может произойти довольно неприятная вещь: а ну-ка, не дай бог, мы станем более хуже одеваться. А это единственная опора легитимности. Куда потом пойдет рабочий с «Уралвагонзавода»? Догадайтесь с трех раз.

Капков: Любой человек, который сядет во власть, он поймет, что «Уралвагонзавод» на стране сказывается хуже — так же, как и АвтоВАЗ, — чем креативный класс и любые революционеры. Ты должен усовершенствовать производство, сократить 50%, а это сотни тысяч человек. Это в любом случае будет какая-то стратегия. Стратегия — это выбор. Выбор — это отказ от чего-то. Но от «Уралвагонзавода» остается большая часть малообразованных, агрессивно настроенных, легких на подъем людей. И здесь сразу дилемма, и любой человек начинает думать, на ком ему сосредотачиваться. Есть опыт Грузии, про который Алексей говорил. Я даже специально ездил на Новый год смотреть. Они сделали как? Они сосредоточились на молодых. Пенсионеров они просто поставили за скобку. Но у них патриархальные семьи, дети пытаются заботиться о родителях, и надо обеспечить детям достойную зарплату, чтобы они могли это делать. И ты идешь по Тбилиси, и тебе кажется, что молодой город, все какие-то модные, на итальянцев похожие, пьют кофе. У нас так не получается. Таких людей нету. То есть сначала должен стать больше класс, чтобы власть сказала: мы сосредоточимся на них, а не на рабочих ГАЗа, ВАЗа и «Уралвагонзавода».

Почему люди вышли на митинг

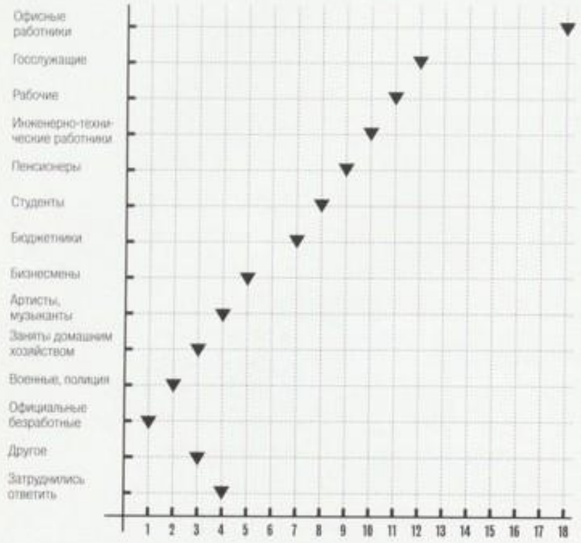


Опрос проведен 15 января 2012 года, участвовали жители 100 городских и сельских населенных пунктов из 43 субъектов РФ. В опросе участвовали 1500 человек. Источник данных: проект «Доминанты», опрос «ФОМнибус»

«Афиша»: Такого класса не может быть много по определению.

Капков: Согласен. Это уже моя любимая тема. Я двадцатый раз всем говорю, как той части населения за стенкой, так и другой: ну хоть класс на Болотной должен какой-то смысл давать тем людям, что пришли на Поклонную. Может, они тоже услышат? На одном митинге плохо со смыслами. И на другом тоже плохо со смыслами. И никто никого не понимает. Смыслы должны быть общие. На чем Ройзман строит всю нижнетагильскую политику? Он говорит: «Я вот это и вот это не обещаю, но будем бороться с наркоманией».

Кем работают митингующие



Опрос на выходе с митинга на Болотной площади 4 февраля 2012 года. Опрошено 800 человек. Источник данных: ВЦИОМ

И люди верят: вроде ты и в тюрьме сидел, но мы тебе верим.

Сапрыкин: История, что на Болотной собирается какой-то креативный класс, — это тоже, извините, сурковская пропаганда.

Капков: История в том, что это есть в сознании этих людей!

Сапрыкин: Я прошел по Якиманке до Болотной. Когда ты смотришь в интернете отчеты про это, действительно кажется, что это какие-то веселые дебилы с айфонами и с прикольными плакатами. От «Красного Октября» перешли через дорогу и пошли туда. Но когда ты находишься там, внутри, это не так. Это больше похоже на демократический митинг 1989 года.

Капков: Здесь не надо оправдываться. Это просто сознание людей. В Нижнем Тагиле точно видят это так. Какие-то москвичи на наши доли…

«Афиша»: Они так это видят, потому что у них телевидение так работает.

Капков: После 4 марта так же будет работать телевидение, так же будет работать сознание. Мы получаем информацию из интернета, а эти люди — из телевизора. И еще лет шесть будут получать только оттуда. Кстати, по всем социологическим опросам мы уже знаем, кто главный оппозиционер. Ксения Собчак. 86% ее знают. Вырастили.

Навальный: Для того чтобы Путину держать власть, должна быть поддержка 70%. И тогда все региональные жулики, которым наплевать на власть, ориентируются на него, потому что он аккумулятор, который дает им это электричество. Но аккумулятор сел. Когда аккумулятор не работает, элиты по всей стране не понимают, куда им приткнуться, — я думаю, достаточно скоро мы увидим серию измен.

Капков: Войну элит в регионах. Это 100%.

Навальный: Губернаторы, мэры городов. Особенно на фоне медведевской реформы, когда региональных выборов будет больше. Главным показателем является то, что какой-то чувак, который хочет баллотироваться в городское собрание города Люберцы, раньше хотел фотографироваться с Громовым и с Путиным. И это гарантировало избрание. Сейчас для того чтобы избраться, тот же самый человек будет выпускать листовки о том, какие они все негодяи, разворовали ЖКХ.

Капков: И будет сниматься с Навальным.

Навальный: И будет сниматься не со мной. У меня узнаваемости никакой нет. Будет сниматься с Ксенией Собчак. Но Путин не дает ему ничего. Выгоднее его мочить, для того чтобы продвигаться во власть. Поэтому нам нужны конкретные организации конкретных антипутинских кампаний, чтобы его рейтинг убить до 20%.

Капков: Кто будет избираться мэром Люберец? Какой-то парень, который заработал на продаже сахара. У него есть в офшоре миллионов 5 долларов. Он уезжать не хочет, ему там стремно, жарко. Ему лучше здесь — баня, рыбалка, охота. И он думает: я лучше миллион потрачу, а вот этого главу города на муку перемелю. Он эти деньги вынимает из кармана. Мне кажется, это было основной причиной, почему отменили выборы. Он берет консультантов, делает плакаты, фотографируется с истеблишментом, дарит продуктовые наборы тем же рабочим и апеллирует, поверьте мне, не к креативному классу — который в Люберцах тоже есть. Он апеллирует к бабушкам, опять использует эту лживую риторику: «На тыщу тебе, бабка, повышу пенсию». И он будет держаться на этой риторике 8 лет, пока не вырастет другое поколение, которое он тоже начнет замечать.

Навальный: Разве это не прекрасно? Посмотрите, кого выбирают мэрами городов в штате Монтана. Конченых отморозков. Посмотрите, кто ходит на митинги Сары Пейлин. Это и есть политический процесс. Мы говорим, что политическая реформа так важна, потому что необходимо исключить узурпацию власти этим чуваком, который торговал сахаром. А для этого нужно сделать так, чтобы было невозможно запретить участвовать в выборах тому, кто хочет его сместить. Я верю в политическую эволюцию. Обострится конкуренция, будут выбирать более лучшего, менее коррумпированного, более хитрого, более умного.

Ольшанский: Я хочу про мэрию Москвы сказать. В 1990 году начиналось все с Моссовета. Были самые демократические выборы. Вице-мэр Станкевич быстро слился куда-то за взятку за концерт на Красной площади. Гавриилу Харитоновичу Попову тоже не очень хотелось иметь дело с тем, что происходило. И остался Юрий Михайлович, который решал вопросы. Так получилось в результате совершенно демократического развития. И дальше он переизбирался много раз. И каждый раз его порученцы бегали к этой пенсионерке и делали ей бесплатный проезд и повышение льготы. Все было правильно. И это был Лужков.

Навальный: Можно я возражу? Это отличный пример — мэрия Москвы. Весь этот мухлеж и обман начался с наших замечательных демократов. Не должен был Ельцин победить в 1996 году. Зюганов должен был. И парламент нельзя было расстреливать. С этого момента наши комсомольцы и партийцы, которые перекрасились в демократов, и включили эту систему. Лужков был прекрасный мэр, только ограничение 4 года. Он должен был 8 лет помэрить, а потом уйти. Путин не был нов в плане узурпации власти. Все сделала ельцинская семейка и вся эта гопкомпания.

Ольшанский: Разовью твою мысль дальше. Ельцин, окружение Ельцина, Лужков, комсомольцы, фарцовщики, люди из МГИМО и ЦК КПСС, которые получали собственность на понятно каких аукционах… Ты политик — прекрасно. Настроенный на самое лучшее — замечательно. Но откуда возьмется такое количество людей, которые пойдут работать туда? Люди, которые сейчас занимаются митингами, пойдут работать в этот суд, в эту милицию, в эту прокуратуру?

«Афиша»: Это главный вопрос. Предположим, к Путину утрачено доверие. Перед теми, кто придет на его место, останется старая система.

Навальный: Для этого человечество не придумало ничего лучше, чем представительская демократия. Будет другой президент, победит во втором туре. Коалиционное правительство будет работать в условиях прессинга со стороны прессы, судов, всего на свете. Механизм будет крутиться, будут набираться лучшие люди.

Капков: Это должны быть такие моральные качества у человека, такой романтик у власти…

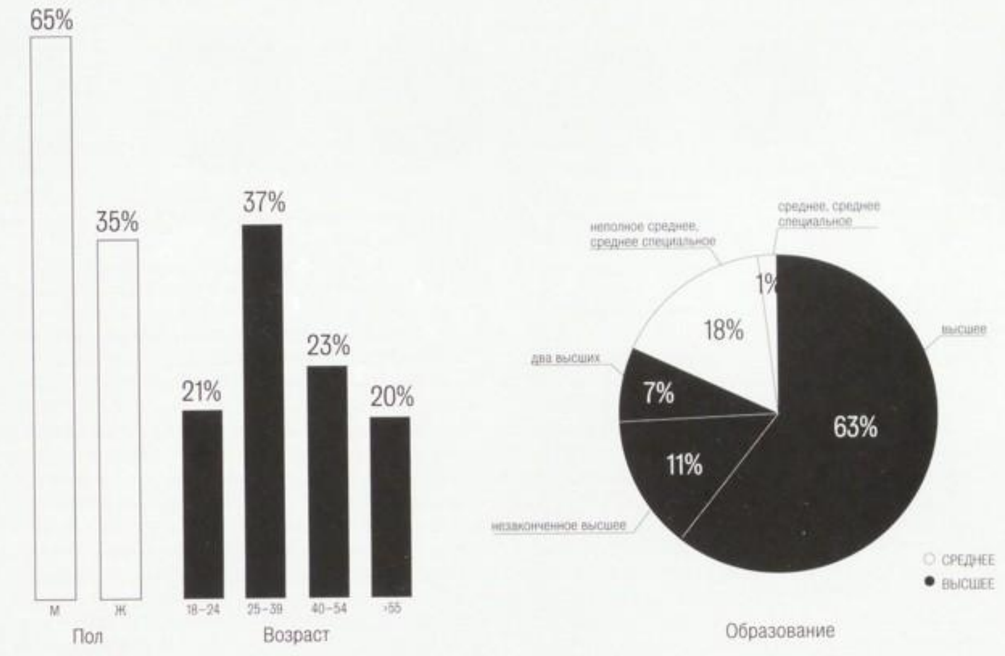
Навальный: Такие люди есть. Почему романтик?

Капков: Романтик, чтобы верить в это. Пройду до конца — или умру.

Навальный: Сейчас к власти необходим приход группы из 50 человек, которые будут просто верить и не смеяться над словами «этика», «мораль» и «нравственность». Вот что нужно России, чтобы начать перемены. Я верю, что они есть.

> «К власти должны прийти 50 человек, которые не будут смеяться над словами «этика», «мораль» и «нравственность»

Кто вышел на митинг



Опрос по заказу «Новой газеты» на митинге на Болотной площади 4 февраля 2012 года. Опрошено 1346 чел. Источник данных: «Левада-центр»

Ольшанский: В истории России была очень красноречивая ситуация с очень сплоченной, прошедшей прессинг, тюрьму, репрессии группой даже не из пятидесяти, а из пятисот абсолютно материально не заинтересованных человек. Часть этой группы была героической.
Навальный: У них изначально были другие принципы. Они верили в революционный террор, в то, что должна быть классовая борьба. Они верили, что нужно мочить буржуев, они их и мочили. Сейчас должны прийти другие люди, которые верят не в то, что нужно мочить буржуев, а в то, что нужно всех любить и нужно вернуть словам их смысл.
Капков: У вас таких нет.
Сапрыкин: Можно до морковкина заговенья их ждать.
Капков: Стоп-стоп-стоп. Юра, ты сам можешь быть этим человеком. Ты умный парень, честный. Что вы ищете эти пятьдесят человек?
Навальный: Я согласен! Ты считаешь себя таким человеком?
Капков: Зовете туда этих стариканов Немцовых.
Сапрыкин: Не зовем мы стариканов.
Капков: Они сами туда залезают. На сцене столько народу, что скоро выступающие будут падать в толпу. «Эхо Москвы» говорит: «Ура! К нам присоединился Олег Митволь», забыв, что 2 месяца назад Олег Митволь был 4-м в списке «Единой России» по Пермскому краю. Он у вас и будет в итоге. Вы зачем-то для кого-то это делаете, хотя

«Зовете туда этих стариканов Немцовых. На сцене столько народу, что скоро выступающие будут падать в толпу»

ты, Юра, можешь быть этим человеком. Ничего не будет после 4-го, пока не появятся новые люди
Сапрыкин: Можно пример из профессиональной практики? Все журналисты примерно одинаковые. Когда они в 22 года после университета идут работать в редакцию, они очень похожи. А редакции почему-то разные. Есть редакции, где люди нал по конвертам в карманы рассовывают и не гнушаются в отпуск ездить за взятки от рекламодателей, а есть редакции, где это неприлично и невозможно. Притом что работают в них очень похожие люди. Просто есть разные главные редакторы, которые устраивают жизнь в редакциях таким или сяким образом. Это ни от чего другого не зависит. Просто разные матрицы.
Ольшанский: Все равно вопрос цельной среды очень важен. Один хороший человек, пять, десять. Эти люди утонут, если та среда, в которой они вынуждены заниматься этими делами, враждебна.
«Афиша»: Это не совсем так. Пример Сергея показывает обратное. Когда Сергей начинал заниматься парком Горького, все думали: ну чего там получится, но, наверное, все растащит.
Капков: Это хозяйство. Мне ведь очень нравится и в мэрии работать. А там политический процесс. Работа с элитами. Вот я только что из Союза театральных деятелей: «Давайте выгоним Табакова и назначим меня. Я молодой, мне 40 лет». Я говорю: «На сколько?» «Как на сколько, навсегда!» — «На сколько контракт?» — «Как на сколько? Пожизненно».— «Вам же 40 лет!» — «Ну и что? Зато я молодой, перспективный». Это ж сознание так работает: никто не думает на 3–5 лет, только навсегда.
Навальный: У него подход такой, потому что везде то же самое.
Капков: Наоборот. У него такой подход, и там видят, что у него подход такой же. Это порочный круг. Я считаю, что эти митинги не изменят режим, но они вычистят очень многих людей. Нет уже Суркова, нет других. Но система не поменяется. Это как гриппом переболел, и уже есть от этого иммунитет.
Ольшанский: Создается новая мода, новый общественный стиль. Я уверен, что этот стиль повлияет в положительную сторону. Но Алексей считает, что надо 50 человек, а я считаю — их нужен миллион.
Навальный: Я исхожу из того, что эти пятьдесят заставят миллионы. Любого мужика возьми, он ездит из уральского города в Германию, возвращается и говорит: «Вот же хорошо-то как в Германии, машины не паркуют там на тротуаре, дороги моют с мылом. Живут же люди!» Мужик понимает, что так и должно быть. Поэтому, когда мужика начнут здесь заставлять не парковать машину на тротуаре и мыть улицы с мылом, для него это будет нормально. Он не испытает культурного шока.
Капков: Ответ на вопрос, что будет после 4 марта. Государство будет создавать среду и для мужика, и для креативного класса. Чтобы у Алексея было меньше сторонников, а креативный класс меньше волновался. Этих всех молодых людей пристроят, с ними будут нормально взаимодействовать. Стилистика поменяется. Самое главное, что Владимир Владимирович это понял, судя по съезду «Единой России», на котором я был. Он говорил: «Справедливость, народ хочет справедливости». А справедливость — это очень широкое понятие. Кирилл Серебренников хочет своей справедливости, чтобы 82-летнего сняли, а его, 42-летнего, назначили. И я таких много вижу — это же весь мой контингент на митингах у Сапрыкина. Будут создавать среду. Культурные кластеры? Да нате! Телеканал «Дождь»? Да вот, пожалуйста.
Сапрыкин: Так среда уже есть. И телеканал «Дождь» есть, и Кирилл Серебренников, и журнал «Афиша». Прожили уже пару лет с этой средой.
Капков: Придется создавать какие-то оазисы для каждого. Иначе дискуссия и агрессия перейдут на бытовой уровень.
Сапрыкин: Мне это все страшно не нравится.
Навальный: Стратегия пока направлена на это. Политическим чувакам — партии создавайте. Культурным — ходите с айфонами на выставки.
Капков: Это чисто французская модель. У французов есть свое культурное пространство, театры,

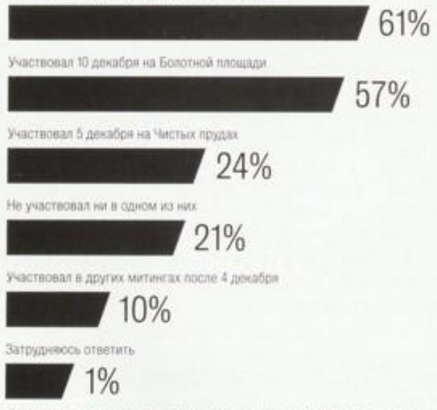
Откуда люди узнали о митинге

Опрос на выходе с митинга на Болотной площади 4 февраля 2012 года. Опрошено 800 человек. Источник данных: ВЦИОМ

кофе с круассаном и 4-часовой обед в середине дня, а что там эти политики делают — другой вопрос.
«Афиша»: То есть за круассанами все забудут о реальных проблемах?
Капков: Забудете-забудете.
Ольшанский: Вот, кстати, к вопросу о французской революции. Хороший пример — 1968 год. Эта революция формально политически проиграла. Вышли альтернативные демонстрации правых за де Голля. Все успокоилось, никакого перехода власти к революционерам не случилось. Но на самом деле она выиграла. Потому другой стиль, другие ценности, другие образы восторжествовали. Но при этом мы понимаем, что если бы те протестующие тогда взяли штурмом…
Сапрыкин: Тогда сексуальная революция сыграла определенную роль. Сейчас этот фактор отсутствует. Снижает притягательность.
Капков: Я вам говорю: власть украдет ваши лозунги. Она через себя, через свои каналы понятным языком начнет озвучивать эту информацию.
Навальный: А ее не всегда можно будет украсть. Мне много раз говорили: власть создаст борца с коррупцией, и ты станешь неактуальным. Не всегда можно украсть голый лозунг. За голым лозунгом должно быть наполнение. Борец с коррупцией от власти должен кого-то по-са-дить. А они не могут. Вот мы с вами в Москве сидим. Где Владимир Иосифович Ресин? В Думе сидит, советник мэра. Возьми Ресина — и хлоп-с: и все аплодируют, все понимают, что ну да, заслуженно посадили. Но в этой системе нельзя никого сдать. Это противоречит базовым принципам и базовым установкам. Они не могут, к сожалению, устроить показательных антикоррупционных процессов.
Капков: Так и в системе революционеров с Болотной площади тоже никого нельзя сдать. Это один монолит над другим.
Навальный: Это проблема, да! (*Смех.*)
Ольшанский: Мне кажется исключительно важной вещью в связи с наступлением всего нового и отступления старого — чтобы для людей, которые сейчас ассоциируются со злом, был создан «золотой парашют». Это очень важно.
«Афиша»: Вместо канавы?
Навальный: Как альтернатива, конечно.
Ольшанский: Эти люди должны понимать, что они могут мирно уйти. О том, что Путин вернется, я думаю, за несколько месяцев еще никто не подозревал. Это окончательно было решено в последний момент. И одной из главных причин, почему он вернулся, был абсолютно непонятный и нерешенный вопрос о гарантиях. Тем более глядя на арабов. Непонятно, каким образом люди могут уйти. Каким образом можно застраховаться? Они могли бы уйти на пенсию тихо. Пожизненными сенаторами. Для коллективного условного Игоря Ивановича можно придумать какую-то пожизненную должность, через которую он сможет потом отдать что-то миру. Это очень важно. Не надо ему мстить.
Навальный: Конкретному Игорю Ивановичу, который является совокупностью из пяти человек, это, конечно, нужно сделать, и я так понимаю, что в той же оппозиции по этому поводу есть политический консенсус. Пожалуйста, на дачу в Геленджик, председатель МОК, национальный лидер, можешь существенно влиять на политику, делать свою партию и посылать в Нижний Тагил какие-то свои речи. Это все можно сделать. Другое дело, что туда можно уйти с поста президента, но с поста хозяина, самодержца и царя туда — это слишком круто. И нужно обладать чудовищной внутренней силой, чтобы согласиться на такое. Уехать в Геленджик, понимая, что тебе придется просить у какого-то вшивого губернатора Краснодарского края, если тебе нужно электричество куда-то подключить. И вот на это вряд ли они пойдут.
Капков: Фантастический сценарий не рассматриваем.
Сапрыкин: В ситуацию Каддафи человек может загнать себя только сам. Ливийская оппозиция Каддафи в эту ситуацию не загоняла. Либо ты начинаешь выстраивать эту систему сдержек и противовесов, допускаешь какие-то другие силы, находишь между ними баланс. Либо ты говоришь: все враги, маргиналы, Госдеп.
Капков: Так и будет система сдержек и противовесов. Позовет вас Путин и скажет: давайте по-

говорим с вами. Вот пойдет Красильщик, ты. Ты придешь и будешь хамить?
Сапрыкин: Да какой я креативный класс.
Капков: О вашем существовании, я думаю, он не догадывается.
Сапрыкин: Наше счастье.
Капков: Вышли на улицу люди какие-то, причем большинство приятные, понятные, мои друзья. А на сцене люди, которые в голове у них отождествляются с желающими разрушить режим тире страну. Но если ты говоришь про «золотой парашют» и изменение общества, то должны быть другие адекватные люди, которые работают, что-то пишут, которые должны ему попытаться объяснить. Вот ты, Юра, напиши этот текст!
Сапрыкин: Да я уже столько текстов написал. Ими можно Москву отапливать.
Капков: После 4 марта каждый из нас этот выбор должен будет сделать. Алексей должен будет понять, какую риторику он продолжает с обществом.

Кто пришел еще



Опрос на шествии и митинге «За честные выборы» 4 февраля 2012 года. Опрошено 1346 человек. Источник данных: «Левада-центр»

Каждый должен будет определиться со своей позицией.
Сапрыкин: Движение радикализируется просто в силу того, что не получает никакого ответа. Люди — не Немцов, Рыжков, не агенты Госдепа, а вот эти ваши креативные ребята — раз вышли, другой, третий вышли, не помогает. Ну что, пошли с ОМОНом драться! Реально такое настроение есть. Его специально никто не создает.
Капков: Так это выгодно кому? Немцову и Рыжкову. Людям, которые на сцене.
Навальный: Люди не получают даже ритуальных жертв. Вот, например, Чуров: что они вцепились? Все уже мучаются. И Чуров мучается, и мы мучаемся, но тем не менее сдать Чурова нельзя. Есть люди, которые хотят чем-то воспользоваться. И нехорошо, если они этим воспользуются, но они же пользуются настроением, волной — а волну создал исключительно сам Путин. Если бы не было фальсификаций в Москве, то, я думаю, что и половины того, что происходит, мы бы не увидели.
Капков: Мы же обсуждаем, что будет после 4 марта. После 4-го ты к чему будешь привязываться? Выборы 4 марта будут честные и легитимные. Хорошо, насчитаем, что будет 200 нарушений.
Ольшанский: Если Путин победит в первом туре, это будут плохие выборы. Если он победит Зюганова во втором туре, то тогда к нему сложно будет цапануться.
Капков: Если Путин выйдет во второй тур с Зюгановым, то мне жалко Юру.
Сапрыкин: Не надо меня жалеть. Я уже голосовал, во втором туре, когда Зюганов там был. Все, что происходит с 4 декабря, показывает, что, к сожалению, Путин выбирает для себя всегда самый нерациональный сценарий. Второй тур, победа — прекрасно. Все успокоится, и пойдем мы в свои креативные гетто есть круассаны.
Капков: Почему гетто? Оазисы! Кластеры!
Сапрыкин: Но точно так же было бы замечательно, если бы он не шел на третий срок. Точно так же было бы замечательно, если бы не было массовых фальсификаций под камерами айфонов. Точно так же было бы замечательно, если бы после второго или третьего митинга начался диалог или шаги навстречу. Что-то. Но ничего этого не происходит. Поэтому мой прогноз заключается в том, что будет в первом туре 53% и все встанут на уши. И никакие Немцов и Рыжков уже ни на что не будут влиять.
Капков: Я продолжу. Считайте, что я понимаю, как там головы устроены, потому что я там в прошлой жизни много крутился. Там, конечно, честно докладывают — что было 120 тысяч. «А чего они хотят?» — спрашивает удивленный Владимир Владимирович. «А хер его знает — смеются над нами, хотят Чурова в отставку». И все, тема закрыта. Смысл площадной работы должен быть очень грамотно сформулирован. Что они хотят? МВД под наш контроль, Навального — возглавить антикоррупционный комитет. «Антикоррупционный — что-то много ему. Давайте сделаем при Общественной палате. Идите с ним договаривайтесь». И дальше пошло-поехало. Алексей говорит: а я не готов вот с этими бандерлогами идти договариваться. Я готов, если только будет честно. Пошел какой-то диалог. А когда со сцены много разного и про все…
Навальный: Мне кажется, что требования с Болотной и Сахарова — они очень четкие. Мы хотим новых выборов в Государственную думу. Выборов мы не признаем и никогда не признаем. И будем ходить до тех пор, пока не будут объявлены перевыборы.
Капков: Он слышит. Думает: «Сейчас не буду, политическая ситуация неправильная». Самое главное, если бы митинги были до выборов, было бы по-другому. Он думает: «Я всегда успею. Года через два, если что, я их объявлю».
Навальный: По этой логике он будет так думать, пока какие-то толпы не ворвутся и не сожгут Кремль. Правильно?
Капков: Но здесь опять имейте в виду. Это как компьютерная игра. Есть нефтяная конъюнктура. Есть силовой блок, он сильный, а самое главное, что он решительный. А если он не решительный, то Владимир Владимирович уж точно решительный — в плане того, что если кто-то, как вы говорите, решит подраться с ОМОНом, ОМОН будет действовать в рамках закона — все это дубинами загонять.
Навальный: Это пока он сможет все это загонять. А когда выйдут 500 тысяч человек и будут штурмовать Кремль, что он может сделать?
Капков: Такого не будет никогда. По чисто ментальным соображениям. Погромы могут быть, все что угодно. И в регионах могут быть необратимые вещи. Но так не будет.
«Афиша»: Здесь очень хорошо озвучена позиция Ольшанского и Капкова по поводу того, сколько ждать — 6 лет, 8 лет. А позиция организаторов митингов как-то недостаточно озвучена: что делать дальше? Этот вопрос задают очень часто. На Якиманке был такой плакат: «Мы были на Болотной. Мы были на Сахарова. Мы ездили по Садовому. Мы опять пришли на Болотную. А дальше-то что?» Интересна стратегия протеста.
Навальный: Очень простая стратегия. Вышли раз, вышли два. Мы будем увеличивать этот протест. В какой-то моменты мы выйдем и не разойдемся. Будет эскалация конфликта… Сапрыкин, видимо, со мной не согласен? Сапрыкина возьмем в заложники! Кто-то не разойдется добровольно, а кого-то не выпустят! (*Смех.*) Поэтому протест будет нарастать. Люди должны будут не расходиться. Власть должна будет применить силы к собравшимся. Это история человечества. Это единственный способ борьбы с тираниями: мы имеем миллион примеров от Древнего Египта до Украины.
Ольшанский: Это очень сомнительно. Дело в том, что я верю в готовность этих людей не расходиться, только если это обставлено как праздник.

***Алексей Навальный (справа):** «Региональные жулики, которым наплевать на власть, ориентируются на Путина, потому что он аккумулятор, который дает им электричество. Но аккумулятор сел. Я думаю, что достаточно скоро мы увидим серию измен»*

«Если Мамут привезет палатки, а Ксения Собчак станцует у костра, я верю в готовность не расходиться»

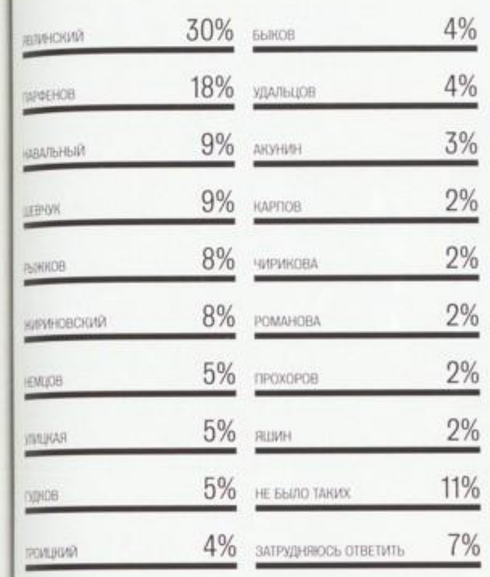
Капков: Пикник «Афиши»?
Сапрыкин: Пикник отдельно, котлеты отдельно, пожалуйста.
Ольшанский: Если Мамут привезет палатки, а Ксения Собчак станцует у костра, если это будет такой хеппенинг, я верю в готовность не расходиться. Но мрачная революционная решимость стоять до конца — без всякого штурма, без всяких революционных тем, — за ней на уровне тысяч людей должна быть определенная психологическая ситуация. Человек должен чувствовать, что он дерется за какие-то очень понятные идеалы и понимает, что в случае, если он проиграет, с ним что-то произойдет. Я со своим еще детским сознанием помню ощущение 1991 года — и тогда

у людей было ощущение, что они пошли к Белому дому, потому что у них есть новая свобода читать свободную прессу, уезжать за границу, покупать товары и т.д. И у них есть ощущение, что если они проиграют, то условный Крючков и условный Пуго отправят наиболее ярких из них в Мордовию, а остальных просто вернут в 1984 год. В этом смысле нынешний режим категорически отличается от советского, и он очень мало лезет в жизнь именно тех, кто стоит на Болотной, а не на Поклонной. Эти люди могут годами жить, вообще не думая о нем. Они даже телевизор не смотрят. Я понимаю, что надоел Путин, надоела «Единая Россия» — но где здесь мотив, который их заставит стоять?

«Нынешний режим очень мало лезет в жизнь именно тех, кто стоит на Болотной, а не на Поклонной»

Сапрыкин: Мы не знаем, где этот мотив. И я действительно не согласен с Алексеем в том, что возможно постепенное нарастание этого движения, просто потому, что выборы 4 декабря были нечестными. Невозможно увеличивать количество недовольных этим фактом с течением времени. Оно не увеличится. Более того, на первую Болотную люди выходили во многом с такой звериной решимостью даже не из-за 4 декабря, а из-за 5-го и 6-го. Люди выходили, потому что Алексея повязали и на Триумфальной всем по голове настучали. А еще потом началась мутка с площадью Революции. И на Сахарова люди выходили — это сейчас уже пошлость и общее место — из-за истории про контрацептивы и бандерлогов, которая внесла неоценимый вклад в пиар этого движения.
Капков: Это он не вам!
Ольшанский: Непонятно, что человек выигрывает или, наоборот, теряет. Как его жизнь кардинально меняется?
Сапрыкин: Представь, что завтра к Путину придет какой-нибудь полковник и скажет: «Владимир Владимирович, у нас есть такой хитроумный план — давайте откусим голову Чириковой, и протестное движение останется без своего лидера». И ситуация резко перейдет в другую фазу.
Ольшанский: Но заметь, что труп может быть организован с любой стороны.
Навальный: Здесь еще один важный момент, который вы в своей дискуссии упустили. Если мы послушаем любого лидера оппозиции и их речи двухлетней давности, то они все говорят: скоро экономика грохнется, и люди пойдут на улицы. А люди-то на улицы пошли, хотя экономика совсем не грохнулась. Если добавится новый фактор — Китай сократит рост на 3%, и у нас остановятся алюминиевые заводы, — вот тогда ситуация изменится. «Мы стали более хуже одеваться на фоне того, что выборы нам так и не вернули».
Ольшанский: Это бесспорно.
Капков: Это я согласен. Но это будут уже другие люди. Это будут рабочие Братского алюминиевого завода. А что на самом деле может быть? Как Алексей говорит, люди выйдут на площади и у них будет желание позадирать полицию. И у полиции нервы тоже не железные, и они могут на это среагировать. Но тогда уже появятся новые люди — потому что у Немцова, Чириковой и Рыжкова уже имиджевые проблемы. Это будет, конечно, Алексей Навальный. Будет кто-то еще. Другие люди. Они уже будут формировать другие ценности, и власть с ними будет бороться уже другими методами.
Сапрыкин: Я хотел бы узнать подробнее о них.
Капков: А я не знаю. Я здесь как человек с политологическим и философским образованием говорю. Власть уже перестала замечать Немцова, потому что она от него устала. Он ей не интересен.
Сапрыкин Я как еще один человек с философским образованием хочу через вас…
Капков Пойдемте, я вас свожу!
Сапрыкин: …передать нашим друзьям и коллегам: серьезная ошибка — считать, что это протестное движение кто-то возглавляет и организует. Что сидит какой-то там оргкомитет и выводит людей на улицы. Просто это по состоянию на сейчас уже не так. Люди идут не за Немцовым, не за Рыжковым и даже не за Навальным и более того — мы не очень понимаем, куда и за что они пойдут в следующий раз. Вот еще одна история. Что произойдет после 4 марта? Допустим, это движение действительно пойдет на спад. Это вполне возможно — если власть будет вести себя осторожно, спокойно, мудро, принесет какие-то там ритуальные жертвы, сделает шаги навстречу, не побьет никого сильно, да, наверное, это пойдет на спад. Но этот новый стиль и новое отношение к происходящему — они останутся. И поэтому любая херня, которая будет происходить — начнут сносить «Красный Октябрь», например…
Капков: Вот видите, вы уже торгуетесь!
Сапрыкин: Почему торгуюсь?
Капков: Сейчас скажу очень важную вещь. Вот Алексей Навальный — он понятный человек для власти. Он враг — ну так, без дураков. Но я и депутатом был, и на Чукотке вице-губернатором, и активный парень, и футболом занимался. Я людей таких — этот псевдокреативный класс, хипстеров и людей, которые вышли на митинг, — приобрел, пойдя работать, образно, в народ, в парк Горького. Я не старый парень, но я этих людей не знал. Думаете, человек, который ездит с правительственной дачи, вообще знает этих людей? А их большинство там таких. Вот это момент истины. Есть шаблон: пенсионеры, рабочий «Уралвагонзавода», военные, милиционеры. Вы правда не понимаете этого, Алексей?
Навальный: Я это понимаю.
Капков: Кто такой креативный класс? Илья Красильщик? А кто он такой? Он редактор. Журнала. Это как «Комсомольская правда»? Ну вы позвоните там Потанину, пусть он его там пропесочит. А что, есть другие? Журнал «Большой город»?

Чьи выступления понравились



Опрос на выходе с митинга на Болотной площади 4 февраля 2012 года. Опрошено 800 человек. Из перечисленных на митинге не выступали: Алексей Навальный, Владимир Жириновский, Борис Немцов, Дмитрий Быков, Борис Акунин, Анатолий Карпов, Михаил Прохоров, Илья Яшин. Источник данных: ВЦИОМ

120 тысяч тираж, лежит в каждом кафе, где висит плакат «Не забудем, не простим»? Нет таких людей! Не видно! А когда на митинг приходят люди, стоят без лозунгов и при этом есть понятный всем Немцов — то ты вообще не понимаешь. Ты готов считать, что за это заплатил Госдеп, еще непонятно кто, да и еще на сцене враг появляется. И, по идее, телеграмма — мне кажется, Алексей не обижается — про презервативы и бандерлогов идет в его адрес.
Навальный: Эта штука, которая погубит их всех. Они видят, что происходит что-то странное, непонятное и неконтролируемое. По метаниям власти видно, что они не совсем понимают, что нужно делать. Они выстраивают моментально какие-то конструкции, выдумывают политическую реформу или назначают Кирилла Серебренникова главным режиссером. Они делают хаотические действия, но не понимают смысла. Они морально устарели.
Капков: Нет. Здесь вопрос целеполагания. То, что хочет Алексей, мы понимаем, он озвучил. У него эта позиция на протяжении нескольких лет. Что хочет Сапрыкин и другие люди? Юра может здесь занять позицию «Я с Навальным» либо «Я готов Путину донести позицию этого класса».
Ольшанский: Я думаю, что для власти есть один правильный ход, который она должна сделать, — постепенно дойдет. Медленно, постепенно она может воспитать Бабу-ягу в своем коллективе.
Сапрыкин: Он уже пытался 4 последние года, не сработало.
Ольшанский: Путин тоже не сразу пришел, таких Путиных было много.
Навальный: Есть подготовительная яга — Рогозин.
Ольшанский: Они должны вырастить какого-то нового премьера, который через шесть лет станет преемником.
Капков: Меня не устраивает такой сценарий — вырастить преемника. Когда преемник — это борьба элит.
Навальный: Мое глубокое убеждение, что Сечину сдаться Медведеву гораздо более страшно, чем Сечину сдаться условному мне. Вот они будут ноги друг другу отъедать. А Сапрыкин же не будет никого расстреливать.
Капков: Здесь надо повестку дня власти формировать. Пенсионерам, военным — это, а нам вот это. Нам честные выборы, честную ГАИ. Надо хоть что-то пытаться говорить на языке, понятном бюрократам.
Сапрыкин: Мы не владеем этим языком
Капков: А те не владеют вашим.
Сапрыкин: Даже если где-то там нас заметят, то от нас будут ждать — как до этого ждали на региональном уровне — предложений по улучшению городского хозяйства. Давайте велопарковки? Давайте.
Капков: Давай честно: будут ждать смыслов. А как вас заметят, если на сцене непонятно кто?
Навальный: Мне кажется, все видно.
Капков: Леш, понятно, что ты видишь.
Навальный Тебе кажется, что они реально не понимают?
Капков: Конечно! Главное же: какой лозунг сверху висит, про что? Что они хотят?
Навальный: Честные выборы.
Капков: Чурова выгнать, выборы отменить: но мы ж не можем это сделать? Не можем. Скажите им, чтоб расходились.
Навальный: Хорошо, подожди. Вот ты согласен, что один митинг привел к грандиозной, пусть пока бутафорской, но политической реформе, которая все изменила? Медведев полгода назад говорил, что сто лет еще будем назначать губернаторов. А сейчас выбираем.
Капков: Вы понимаете, что Дмитрий Анатольевич Медведев сыграл в этой ситуации роль Михаила Сергеевича Горбачева? Тот говорил: так жить нельзя, так жить нельзя — и не делал шагов. И появился Борис Николаевич Ельцин, который сказал: «Подожди, ты в сторонку». Борис Николаевич и на броневик залезал, и на Белый дом, когда ему было 60 лет, то есть столько, сколько Путину сейчас. Дмитрий Анатольевич такую роль сыграл — и сейчас процесс пошел.
Навальный: Вы создали Медведева и сами себе подложили грандиозную свинью. 24 сентября все люди, которые хотели обманывать себя Медведевым, стали вашими главными врагами.

Сергей Капков (слева): «Ну хоть класс на Болотной должен какой-то смысл давать тем людям, что пришли на Поклонную. На одном митинге плохо со смыслами. И на другом тоже плохо. И никто никого не понимает. Смыслы должны быть общие»

«Афиша»: Мы все время говорим о них, о тех, о Путине. На самом деле, людям, которые приходят на Болотную, на Сахарова, нужно снова поверить в политиков. Почему самую большую популярность получают речи Парфенова и Акунина? Потому что они не политики. Они приходят туда не для того, чтобы урвать что-то лично для себя. Как вернуть это доверие к политическим партиям и нужно ли создавать новую?

Навальный: Очень просто. Политика была дискредитирована в 90-е годы. Была полностью заменена на политтехнологи и мухлеж, обман, на каких-то непонятных людей на ОРТ и жульническую часть креативного класса. Сейчас настало время новой искренности. Не врать и не воровать. Ничего другого мы со сцены сейчас показать не можем. Вот он я, стою на сцене, смотрите, что я делаю. Верьте мне или не верьте.

Сапрыкин: Я не уверен, что сейчас можно завоевать чьи-то сердца созданием партии. Они создаются вовсю. Вот есть Леша. Нет у него партии и нет. Есть совершенно другая сетевая структура, которой доверяют, потому что она работает. Она выдает некоторый продукт, информационный, юридический. Она генерирует инфоповоды, а также судебные иски. Она не пыхтит и не создает вокруг себя пиарный пар. Она работает и поэтому вызывает всеобщее доверие и интерес. Единственная фигня, что ее в телевизор не пускают, и поэтому наш друг токарь из Нижнего Тагила по-прежнему думает, что Навальный — враг.

Капков: Он уже депутат Госдумы, не надо его обижать.

Навальный: Но в душе он по-прежнему токарь.

Сапрыкин: Это теория работающих структур, которые решают проблемы или находят решения проблем.

Навальный: От пиара к реальной политике. Пиар — это замечательная вещь, но он не может заменить собой все. Посмотрите на наших политиков из 90-х. Они все люди без профессии. Очень хорошие люди, но хрен его знает, чем они сейчас занимаются? А когда они начинают что-то делать, к ним возвращается доверие.

Капков: Будет как с Ельциным. Алексей, вы — таран, вы разобьете, раскачаете. А потом появится какой-то человек от системы: «О, кстати Алексей Кудрин! Он очень даже не плохой, умный, с калькулятором, считать умеет. Он был против, чтобы деньги на военщину тратились. И за модернизацию страны». Вот вам и будет политик! И власть в очередной раз вас обманула.

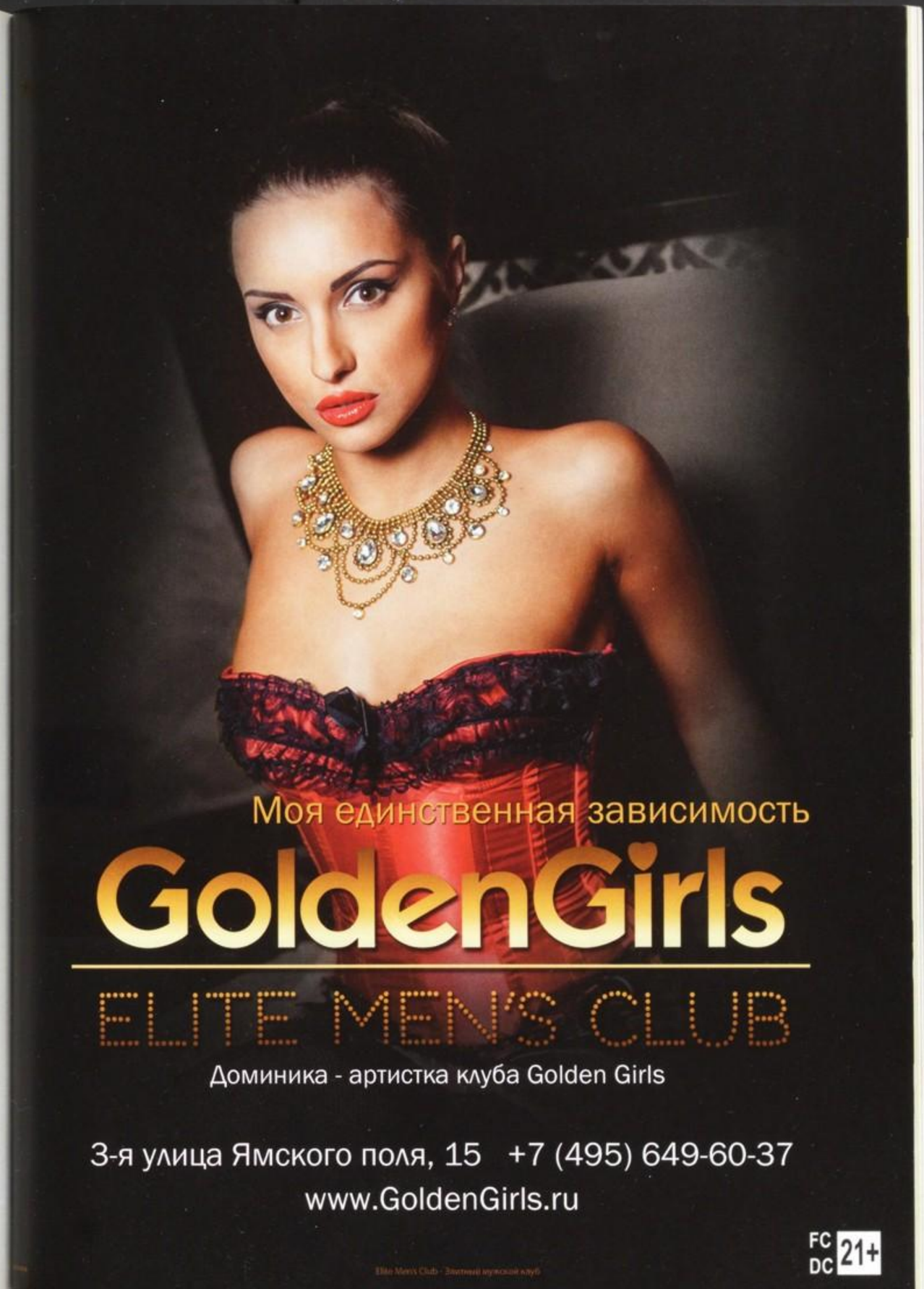
Сапрыкин: Понятно, что многие люди, которые сейчас во власти, сидят и ждут бреши, чтобы туда хлынуть.

«Афиша»: Вы верите в ситуацию, что в какой-то момент может прийти реальный человек, за которым есть некоторая сила?

Навальный: Что такое некоторая сила? У Лимонова есть 100 человек, которым он может раздать автоматы, и они пойдут в кого-то стрелять. Это сила, которой не думаю что обладает отдельный Игорь Иванович. Это вещи, которые могут меняться очень быстро. Завтра кто-то придет и скажет: «Который тут временный? Слазь!» Сгонит всех из оргкомитета. Политический процесс.

Сапрыкин: Ксения Анатольевна правильно сказала, что момент сейчас очень хороший в том смысле, что четко видно, где бл…ди, а где не бл…ди. И прелесть этого момента также в том, что притворяться не бл…дью сейчас тактически выгодно.

Капков: Главное, чтобы не были бл…ди ни там ни там. А то могут оказаться и там бл…ди, и там бл…ди.



СВЕДЕНИЯ ПУБЛИКУЮТСЯ БЕСПЛАТНО. ОБОЗРЕВАТЕЛИ ПОСЕЩАЮТ РЕСТОРАНЫ ИНКОГНИТО И ОПЛАЧИВАЮТ СВОИ СЧЕТА. ИНФОРМАЦИЮ ПРИСЫЛАЙТЕ ПО АДРЕСУ RESTORANY@AFISHA.RU. РЕЦЕНЗИИ НА РЕСТОРАНЫ, КАФЕ И БАРЫ ГОРОДА — НА AFISHA.RU/RESTAURANTS

ТЕКСТ: ЕЛЕНА ВАНИНА
ФОТОГРАФИИ: АННА ШИЛЛЕР

Выпьем за любовь

Аркадий Новиков открыл бар с меню советских столовых и чуть ли не самым дешевым алкоголем в городе. Результат налицо: в «Камчатке» битком даже в будни. Елена Ванина провела в баре выходные и попыталась понять, кто туда ходит.

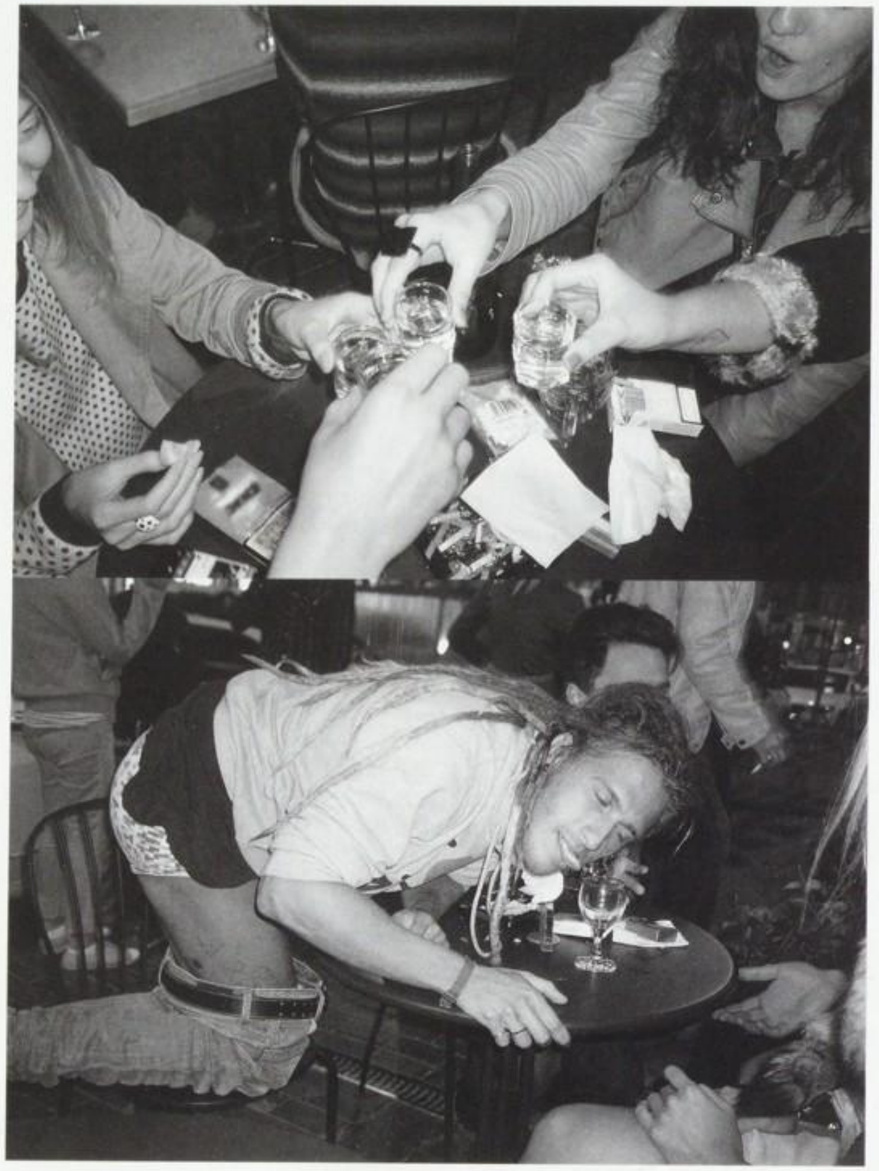
У входа в бар «Камчатка» толпы. За сдвинутыми столами пьют студенты, футбольные болельщики, нарядные девочки в леопарде, бородатые посетители клуба «Солянка», иностранцы. Напротив светится ЦУМ. Респектабельные посетители кафе Vogue, как миражи, проплывают мимо. «Понимаешь, Коля, я ей сразу сказал, что не пойду в колонне этого м…ка Удальцова. Мне дедушки хватило. До сих пор на даче портреты Ленина и Сталина с места на место перевешивает. И партсобрания проводит для своих соседей-калек, — молодой человек лет двадцати пяти в кожаной куртке и вельветовых штанах опрокидывает стопку водки, затягивается и взволнованно продолжает: — И что в итоге?» — «Что?» — серьезно спрашивает его друг с огромным стаканом пива в руках. «А то, — продолжает первый, — что в итоге я шел по правой стороне бульвара, а она — по левой». «Ну, она, может, социалистка, чего такого?» — пожимает плечами друг. «А то, что социализм — это до первого трупа на столбе». «Москва сосет, юрфак решает!» — орут за соседним столом студентки. Между столиками ходит старушка с крошечными букетиками и почти шепотом предлагает молодым людям полевые цветы: «Купите цветочки! Да что с вами со всеми? Мальчики такие жадные пошли, совсем не покупают девочкам цветы». Филологического вида юноша декламирует своей подруге стихотворение Игоря Северянина: «Вино шипело, вино играло. Пылали взоры и были жарки. «Идеи наши, — ты вдруг сказала, — как звезды ярки». — «О, боже, Петя, ты что, опять про митинг?! — она устало улыбается в сторону. — Лучше водки купи еще!» «Дура, я про любовь», — обиженно отвечает он.

Внутри давка. Пьют водку и пиво. К стойке с советской снедью и дешевым алкоголем стоит огромная очередь. «Простите, но вы передо мной не стояли!» — возмущается короткостриженая блондинка в косухе. «Стоял», — хамовато отрезает ей парень в спортивных штанах. «Молодой человек, ну это же бред полный, вы только что подошли! Вы же не прозрачный!» — «А че, если прозрачный?» — парирует спортсмен. «Девушка, — обращается блондинка к соседке по очереди, — ну вы-то хоть видели, что его тут не стояло». Соседка пожимает плечами и отводит взгляд в сторону.

Молодой гей в обтягивающих штанах с зеленым клатчем на цепочке обсуждает с подружкой бутерброды: «Блин, я не знаю. С икрой — хочу. С килькой — хочу. С рыбой — тоже хочу. Но что мне скажет на это моя жопа?» — «Она тебе скажет: «Возьми мне яблочко!» — заливается смехом похожая на Мальвину подруга. У окна компания молодых людей запивает водку пивом. В центре — девушка в джинсах со стразами и леопардовых

№329
от 21 сентября 2012 года
Елена Ванина о баре «Камчатка»

В баре «Камчатка» есть чуть не все ностальгические блюда из советского детства: *и бутерброды со шпротами, и яйцо с горошком*



Такое поведение в *«Камчатке»* особенно не смущает ни посетителей, ни охранников — охрана тут вообще очень терпеливая

туфлях с двенадцатисантиметровой шпилькой. «Вован, ну расскажи про суперпозицию!» — гогочут они. Вован смущается: «Да не». — «Вовыч, ну ты трезвым даже рассказывал!» — «Это про его отношения с женщинами», — подмигивают они единственной спутнице. «Ну короче… тема такая», — начинает Вован. В этот момент спутница засовывает в рот соленый огурец и держит его во рту секунд десять. Вован теряет дар речи. «Вот когда я вижу, как женщина берет в рот… огурец, — довольно хмыкает он, — у меня и случается… суперпозиция». За соседним столом молодой человек в белой футболке, с прической из парикмахерской Chop-Chop невозмутимо поедает сосиски.

Итальянцы пробуют бутерброды со шпротами. «О, — восклицает один из них, — это что-то вроде СССР на вкус!» — «А теперь русский тост! — оживляется его товарищ и произносит на ломаном русском: Навальный! На здоровье!» Итальянцы радостно чокаются.

В углу очень пьяные молодые люди в розовых рубашках обгладывают куриные крылья. Перед ними непочатая тарелка с раками. Закончив с курицей, один начинает кромсать рака. У двух других получается не так ловко. «Высасывай из ноги! — заплетающимся языком говорит первый. — Да не жри ты кожу, дебил, мясо ищи». — «Да х… знает, где тут это мясо», — раздражается второй.

По будним дням *«Камчатка»* работает до полуночи. Это, впрочем, не мешает посетителям уже к этому времени быть в полной кондиции

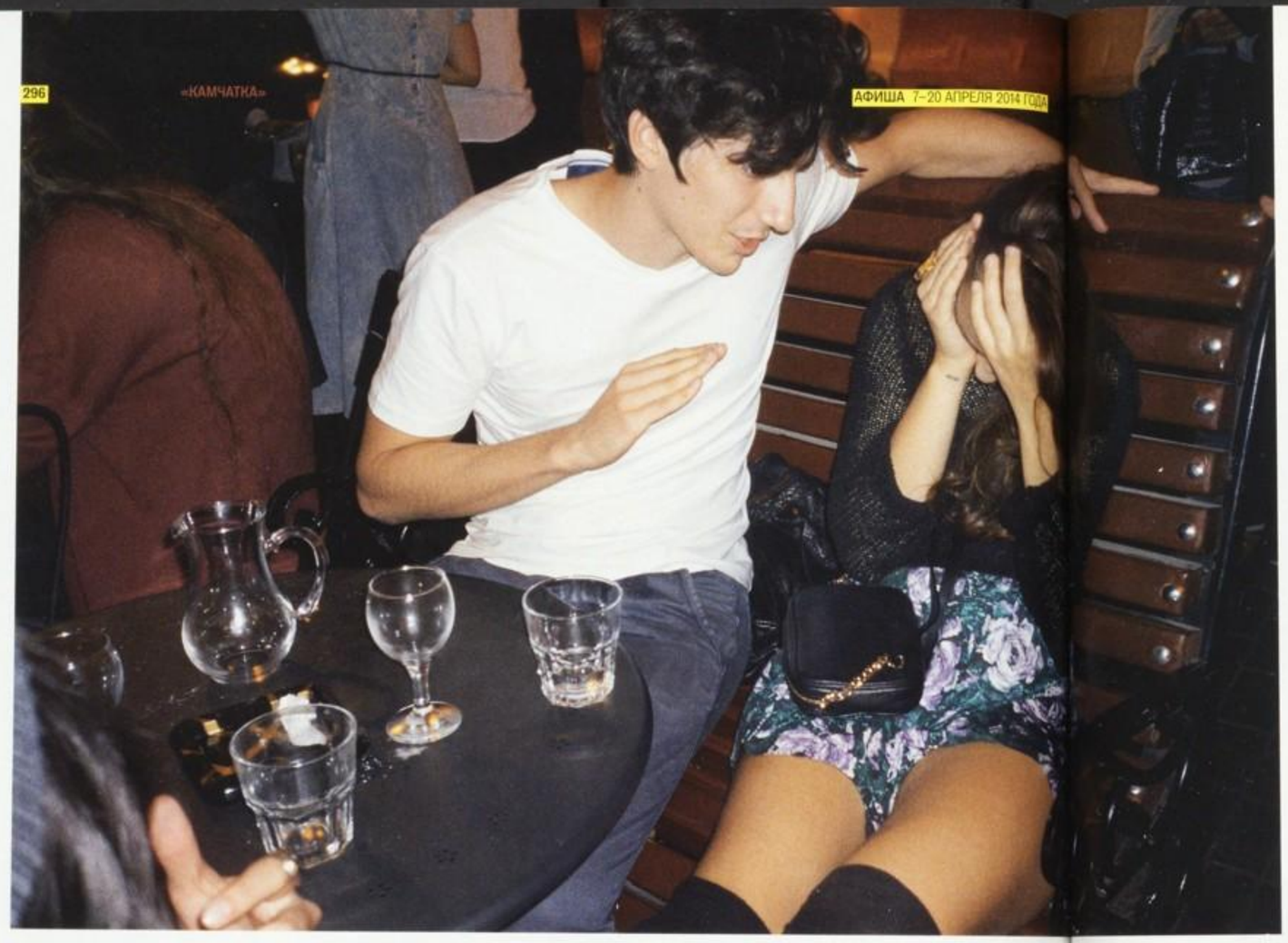
«Послушай, Вася, — голос первого становится предельно серьезным, — говорю тебе, прикусывай ногу и жри! Я никогда пацанов не кидаю! Че смотришь? Понял, как жрать?!»

Громко играет Влад Сташевский. Девушки громко подпевают: «Нет у меня друзей и нет врагов, меня уже никто не ждет. Лишь только эхо горьких слов: любовь здесь больше не живет». На улице накрапывает дождь. Нарядная девушка говорит в телефон: «Тут миленько так, но ловить, кажется, нечего. Давай в «Мандарин» к Компанийцу? На «Стрелке» сегодня какие-то педики». Рядом с дорогими машинами посетителей соседних баров мужчины делятся опытом: «Это теперь точняк первое место из моих главных похмелий в жизни. Я въ…бал полбутылки текилы залпом и чуть не сдох. Натурально, как мишка подыхающий шатался». К одинокой девушке подбегает молодой человек, напоминающий героя ролика «Я въезжаю в стройку»: «А че? Сосиски есть». Девушка молчит. Молодой человек приплясывает на месте: «С горошком есть, да?» Девушка молчит. «Ну! Вареные!» Опять ни слова. «Это ж столовка! Ох…нно», — радостно вопит он ей прямо в лицо. Девушка смеривает молодого человека недовольным взглядом. «Уайт пауэр, сестра!» — кричит он и кидается внутрь.

После полуночи посетители бара передвигаются с трудом. Молодой человек врезается в стол. Все кричат и горланят песни. «Понимаешь, я с детства группу Duran Duran любил», —

«А че? Сосиски есть». Девушка молчит. Молодой человек приплясывает на месте: «С горошком есть, да?» Девушка молчит

рассказывает пузатый мужчина своему товарищу. Они не сходят с места и пьют пиво третий час подряд. «Только я в детстве не мог понять, кто на меня из телевизора смотрит — дама или мужчина. Такие, блин, длинноволосые». — «О, че придумал специально для тебя! — загораются вдруг глаза у его друга. — Группа «Юран-Юран». На улице под проливным дождем мужчина встречает свою шатающуюся подругу, которая почти



Приятнее всего в «Камчатке» — за *столиками, стоящими на улице*

выпадает из дверей. «Прикинь, Вер, мне показалось, что ты из Vogue вышла. Я вообще удивился». — «В плане? — спрашивает заплетающимся языком подруга. — Это к тому, что я типа не могу в Vogue пойти?» — «Да нет, ты че». Но девушка, пошатываясь, уже бредет в сторону более дорогого бара того же владельца. «Вер, ты куда?» — кричит ее спутник. Она машет ему рукой, но, не дойдя до цели, опускается на пустой мокрый стул, кладет голову на руки и через пару секунд кричит на всю улицу: «Пи-и-и-ить хочу!»

В очереди молодой человек с дредами по пояс хвастается товарищу: «Я себя ощущаю, сука, самым великим коллекционером музыкальных инструментов всех времен и народов. У меня все комната заизолирована. Потолок на полметра опущен, пол поднят, все стены укреплены. Ни один, сука, звук не пройдет». — «Иди-иди, — подбадривает девушка своего друга-иностранца. — Говорю же, ты должен попробовать местную рыбку. Просто скажи: «Ай нид килька». Энд зей уилл андестенд». В подвальном зале по местным меркам очень просторно. За столами сидят несколько компаний. К девушкам в платьях подходит молодой человек: «Так вам взять водку, водку или водку?» — «Ой, а можешь у них спросить, — кокетливо протягивает одна, — есть ли у них минеральная вода?» — «Понял, значит, всем водку». Увидев, что тот скрылся на лестнице, именинница говорит: «Так, девочки, пока его нет, берем стопочки и выпиваем совсем по чуть-чуть. У нас сейчас будет женский тостик. Есть рыбочка, яички, горошек. Ну, девоньки, чтобы веселиться

«У нас сейчас будет женский тостик. Есть рыбочка, яички, горошек. Ну, девоньки, чтобы веселиться и не переживать!»

и не переживать!» Девушки чокаются и отпивают из стопок по миллиграмму водки. Из динамиков доносится «Стюардесса по имени Жанна», но компания за соседним столом, обнявшись, почему-то поет: «Кри-икну-у-у, а в отве-е-ет тишина-а-а, снова-а-а я остану-у-усь одна. Сильная женщина-а-а-а плаче-е-ет у окна». За столом одни мужчины.

Наверху у стойки осталось несколько человек. Молодой человек с девушкой тихо сидят за бутылкой водки. Компания, сбившаяся с трех разных столов, пьет на брудершафт. Бармены, выстроившись

Главный феномен этого бара — *публики*. Здесь пьют и студенты, и хипстеры, и футбольные фанаты

в ряд, пристально смотрят на посетителей. Но те, кажется, уходить не собираются. На улице проливной дождь. На опустевших столах чьи-то нетронутые раки, спинки желтохвостика и соленые сушки. Под козырьком курит сигару ирландец, похожий на Дункана МакЛауда. Рядом бабушка в тулупе, на голове которой салфетка бережно прижата черным ободком, курит сигареты Bond. «Я из провинции сама. Там сейчас урожай убирают. Картошку, все, — рассказывает она куда-то в пустоту. — Новгородская область. Между прочим, в два раза больше, чем Франция. А здесь что? Москва-Москва». На улицу выскакивает парень в кепке и спортивных штанах. «Э, че сидим! — обращается он к людям под козырьком. — Колбаситься надо!» — «Я Петербург больше люблю, — продолжает, не обращая на него никакого внимания, бабушка. — Десять лет там жила. Танки собирала». — «Странные вы люди, — отвечает по-английски как будто бы ей ирландец. — Веселитесь, веселитесь. А тут ведь у вас такой холод! Холод настоящий». — «Уходи-и-и лесо-о-ом, уходи-и-и по-о-олем, уходи-и-и, го-о-оре, меня не тро-о-онь», — завывает Надежда Кадышева. Из «Камчатки» выходит молодой человек с пивным стаканом в руках, несколько секунд смотрит стеклянными глазами на ирландца и старушку и убегает куда-то вдаль. ●

«Камчатка», Кузнецкий Мост, 7, (495) 624 88 25 Ⓜ Кузнецкий Мост, пн-чт 10.00–0.00, пт 10.00–1.00, сб 12.00–1.00, вс 12.00–0.00

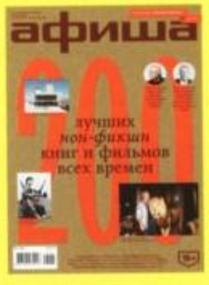
20 13

афиша
Советы старейшин

афиша
50

афиша

афиша
Всеразвлечения «ВКонтакте»


афиша
201
лучших
non-fiction
книг и фильмов
всех времен

афиша

афиша
эми
гра
ЦИЯ

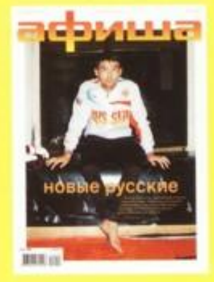
афиша
100

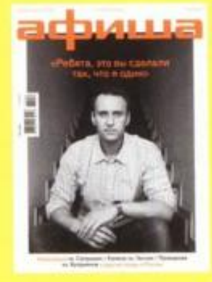
афиша
русский
как раскачать страну

афиша

афиша
дизайн
это
искусство

афиша
15 причин, почему Петербург лучше Москвы


афиша
новые русские


афиша
«Ребята, это вы сделали так, что я один»

афиша
все
самое
главное
на год
вперед

афиша
как
изменить
свою
жизнь

афиша
новая жизнь городов

афиша

афиша
театр : реанимация

афиша

афиша
жизнь на окраинах

афиша
Будущее : роботы в каждом доме, секс на расстоянии, Google Glass вместо очков, распад России

афиша
Кто кормит Москву

афиша
100
главных
русских
фильмов
1992–2013

№339 (Номер о том, как живут геи в России) от 22 февраля 2013 года
Монолог сотрудника московской мэрии Александра Смирнова

50%

опрошенных считают, что мужчины-геи следят за собой больше, чем другие мужчины

Александр Смирнов, чиновник правительства Москвы, о том, как быть геем, когда об этом ничего нельзя узнать, о браках с женщинами и об убийствах геев в их квартирах

Я работаю чиновником в одной из структур правительства Москвы и отдаю себе отчет в том, что после публикации этого материала меня могут уволить. Им не нужны скандалы накануне выборов мэра, так что попросят тихо написать заявление, попытаются выставить непрофессионалом или, что еще хуже, перестанут со мной общаться. Я ведь ото всех скрываю, что гей. Если кто-то на работе отпускает шуточки про пидорасов — глупо улыбаюсь. В обычной жизни даже взгляд приходится контролировать, чтобы он не задержался подозрительно долго на каком-нибудь красивом мужчине. К самоконтролю привык с детства, но это постоянное внутреннее напряжение, постоянная двойная жизнь, от которой иногда готов лезть на стену.

Я вырос в небольшом городе на Дальнем Востоке и осознал, что со мной что-то не так, лет в 13–14, когда все начали интересоваться девочками, а я — нет, мне хотелось какой-то близкой дружбы с мальчиками. В этом не было чего-то порочно-сексуального, я ведь не понимал, что со мной происходит. А потом пришло осознание того, что нравятся мужчины, но лет до 20 боролся с собой… Не мог принять себя, потому что «это противоестественно». Самый тяжелый период — лет в 14–16, когда в тебе бурлят гормоны, когда крышу сносит от желаний, на реализацию которых сам себе не можешь дать добро. И этот внутренний конфликт с самим собой, между тобой и обществом разрывает тебя на части. И нет вокруг никого, с кем бы ты мог поделиться своими проблемами. И первые мысли о самоубийстве появились именно тогда. Ты один, ты юн, без информации, без дружеской поддержки… Только когда через 20 лет получил опыт работы на телефоне доверия для геев и лесбиянок, узнал, что гомосексуальные подростки в четыре раза чаще решаются на самоубийства.

Самая страшная мысль, которая меня мучила тогда, — то, что это навсегда. Не то что мы потерпим какое-то время, с 16 до 18, — и все пройдет. Нет. И как люди вокруг с этим живут, мне было неясно. И сколько этих людей, тоже неизвестно. Недавно прочитал, что депутаты предлагают закрыть гей-сайты, мол, они распространяют какую-то ненужную информацию. Сейчас ты можешь хотя бы за-

Самая страшная мысль, которая мучила тогда, — что это навсегда. Не то что мы потерпим какое-то время — и все пройдет

лезть в интернет и узнать, что ты не один. Но в моем детстве не было вообще никакой информации. Так что когда при мне говорят о пропаганде гомосексуализма, мне смешно, потому что в конце 80-х была только пропаганда гетеросексуального образа жизни. И все же и я, и мои друзья выросли теми, кем нас задумала природа. Я был просто запропагандирован на стандарты большинства, почему же тогда все сложилось иначе, объясните, господа депутаты!

Мне было почти 20, когда я увидел в газетном киоске журнал «Я + Я». Там на обложке — анонс номера с рубрикой «Голубая гостиная». Разумеется, было понятно, что это для таких, как я. Жутко комплексовал, просто застыл перед киоском, мне казалось, продавщица непременно поймет, из-за чего я покупаю журнал. Пришлось в нагрузку взять десяток ручек — типа замаскировался.

В журнале нашел понравившееся мне объявление и написал человеку, который жил в Минске. Это было другое время, так что и письмо было другое — бумажное. Это не как сейчас: пишешь объявление в интернете — и через полчаса вы уже мо-

жете оказаться в постели. Письмо шло две недели туда, потом две недели обратно, могло застрять по дороге, я очень ждал ответов и очень волновался. Мы переписывались год, а потом Володя приехал ко мне. Мне было 20 лет и 9 месяцев, а он был на год старше.

И у меня все было в первый раз, по любви. Он был довольно опытный, я выяснил, почему, на четвертый день после его приезда, когда он решил посчитать количество своих партнеров. И посчитал он их с помощью орфографического словаря, в котором был список мужских имен. В итоге я оказался на 77-м месте в его 22 года. Но это меня не остановило, я его очень любил.

Наши отношения были обречены с самого начала: разница в опыте, во взглядах, в целях. И потом он был все-таки столичным жителем, минским, но столичным. Он пытался расширить наш круг общения, найти, где тусуются геи. Мы очень долго исследовали весь город, но так этого места и не нашли. А потом я купил ему обратный билет в Минск. «Езжай, — говорю. — Я не могу смотреть, как ты весь такой тут страдаешь». Через полгода я приехал к нему, потом уехал, потом опять вернулся. Отношения длились в таком режиме еще 3–4 года. И потом еще 3–4 года

В военкомате сказали, что федерального закона нет, так что я могу выбирать между армией и тюрьмой. Выбрал тюрьму

я пытался его забыть. И все это время ему не изменял. Теперь с высоты прожитых лет думаю, что, может быть, и напрасно. Не уверен, что это круто — хранить верность в такой ситуации. Не знаю. В любом случае тогда я чувствовал, что это единственно правильное решение.

Я родом из обычной советской семьи. Отец у меня сильно пил. Избивал маму, меня. Хочу сразу сказать, чтобы у читателей не было этой логической связи «папа бьет — сын гей». Моего брата папа тоже бил, но он натурал. Так что дело не в этом. Но вот то, что жилось мне дома несладко, это факт. Так что с другом мы жили, конечно, на съемной квартире. Да и в университет во Владике я поступил только затем, чтобы уехать из дома.

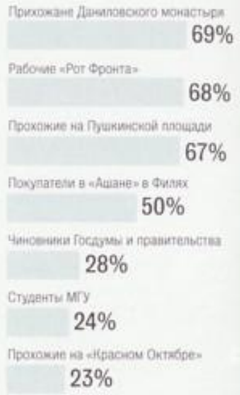
Там, в общаге, мы познакомились с Леной, с которой потом «играли в семью». Лена была старше и работала в самой крутой областной газете и очень хотела перетащить меня к себе с телевидения, где тогда работал я. Но меня призвали в армию. Я попытался потребовать альтернативной службы, сказал, что я пацифист и мое право записано в конституции. В военкомате мне сказали, что конституция конституцией, но соответствующего федерального закона нет, так что я могу выбирать между армией и тюрьмой. Выбрал тюрьму. И, возможно, парился бы там еще долго, если бы не Лена. Она узнала, что я в тюрьме, и вытащила меня оттуда, сделав нужные звонки, — она была правда крутым журналистом.

А потом Лена призналась, что любит меня. Мне ничего не оставалось, как сказать ей правду, признаться в том, что гей. Это был, кажется, мой первый каминг-аут. Я человек неслабый, но она еще сильнее, так что ее это не остановило и она предложила пойти на эксперимент.

Лена меня старше на четыре с половиной года. Она не красавица, но очень обаятельная. Очень большой профессионал. Я это очень ценю. У нее талант. Но она была авантюристкой, и авантюристкой со знаком минус, ее авантюры вели к разрушению. По крайней мере в моей жизни у нее была такая роль.

Лена развелась с мужем, от которого у нее был полуторагодовалый ребенок. Мы взяли Ленину сестру-девятиклассницу и уехали в Волгодонск, чтобы начать все сначала. В течение года мы, как я уже говорил, «играли в семью». Это были очень тяжелые времена. У меня была логическая сцепка: это человек, которому я обязан. С другой стороны, чувство вины, потому что я не мог Лене ответить взаимностью на ее чувства. Помимо всего прочего, она выпивала, это началось еще до нашей встречи. Несмотря на диагноз «бесплодие», она забеременела. Двойней. От меня. И мы… и даже я не могу сказать, что мы, она приняла решение, что нужно идти на аборт: медицинские показания, проблема с почками. Это был кризис 1998 года. Не наш лично, а в стране. Мы, все такие невъ…енные профессионалы, оказались без денег с двумя детьми. Мы ходили на работу, но зарплату нам не платили. Плюс к тому моменту так изнасиловали друг друга своими проблемами, что понимали, что не можем больше быть вместе.

Выступают против того, чтобы геи работали с несовершеннолетними



10%

считают, что все лесбиянки некрасивые

“В России же как было в 90-е — были лесбиянки, а гомиков не было. Да и лесбиянки были такие же, как вот недавно были готы, типа «я лесбиянка, поэтому одеваюсь как чмо». А потом, когда уже в 2000-х и гомосексуалы повылазили и выглядели ничего так, то и лесбиянки потянулись за ними, стали следить за собой”

Эдуард, 26 лет, художник на «Красном Октябре»

Я считаю произошедшее своим грехом. Когда спустя годы я крестился (я верю в Бога, хоть и гей), то каялся, что позволил Лене единолично принять сложное решение и сделать аборт. Иногда думаю о том, сколько было бы лет моим детям… Несколько раз после этого мне девушки предлагали стать отцом их детей, и у меня есть такая потребность, но все не складывалось. Грустная история.

Я не помню, через какое время после аборта мы с Леной перестали спать друг с другом. Наверное, это неважно. Важно то, что секс между нами всегда был для меня насилием. У меня все нормально с физиологией, меня может даже фонарный столб, наверное, возбудить, если я захочу: включил фантазию — и вперед! Но секс с девушкой был для меня противоестественным. Сам факт того, что мужчина возбужден, не говорит о том, что он желает близости, — физиология и эмоции имеют разное выражение. Поэтому в какой-то момент мы приняли решение, что мы живем вместе, но не играем в пару. Мы сменили работу и для окружающих превратились в брата и сестру. А как друзья мы перестали общаться, потому что выяснилось, что и дружба исчерпывается какими-то поступками.

Потом у меня был роман с парнем, с которым мы даже обменялись кольцами, но он уехал в Китай и не вернулся.

Году в 2003-м я перебрался в Москву. В столице значительно проще жить в той шкуре, в которой я нахожусь. Через год пребывания в Москве я написал письмо маме, мне очень хотелось наладить с ней отношения, я ведь очень винил ее в детстве за то, что она не развелась с отцом. Я собрал с десяток стереотипов о гомосексуальности. Написал, что с подростковых лет ощущал эту тягу, что меня никто не совращал, не было несчастной любви к девушке, но в то же время с девушкой был, что это не лечится, что нет достоверных исследований, где бы говорилось, откуда это берется. Я обстоятельно и с безупречной логикой все в подробностях рассказал. И отправил письмо по почте. Прошло недели четыре, а мама не ответила.Тогда я позвонил бабушке и выяснил, что о письме она не знала. Мама перезвонила через пять минут. Сказала, что не знала, что ответить. Что она меня любит. Плакали оба. С тех пор у нас очень близкие отношения. Это великое счастье, когда тебя принимают таким, какой ты есть.

Два года назад умер мой знакомый. Его нашли в квартире голого, заколотого ножом. Он был геем. Вы знаете, как такое случается? Геи очень часто знакомятся друг с другом через интернет. И есть целые банды, которые приходят домой к геям под видом геев, убивают и грабят. Родственники, конечно, все скрывают, никто не хочет распространяться насчет этих историй. У нас с тем парнем была общая близкая подруга — Саша. Она меня попросила быть аккуратным и через интернет не знакомиться. Но я пренебрег ее советом.

Он был весьма красивый, и его анкета на сайте знакомств была довольно интересной. Он пришел ко мне домой. Мы пообщались и переспали. На прощание он попросил у меня какие-то видеодиски, обещал занести через несколько дней. Вернулся через неделю. Я впустил его и пошел на кухню, что-то готовил. А он в это время впустил еще одного парня. Ко мне подошли сзади и ударили бутылкой по голове — но я не упал и не отключился. Я повернулся к ним и в ту же секунду понял, что сейчас могу умереть. В руках одного был нож и розочка от бутылки, которую он быстро приставил к моему горлу. Другой тоже стоял с ножом. Первый кричал, что его брат пидорас и что во всем виноваты такие, как я, за это меня и полагается убить. Непонятно было, какая моя вина в том, что кто-то гей… Попытался оправдаться, но быстро понял, что их не переубедить, и… просто попросил не убивать меня. Я истекал кровью, думал, что потеряю сознание… Я просил не убивать… Вы даже представить себе не можете, до какой степени мне стыдно. Хотя это они ворвались в мой дом и чуть меня не убили. Они вынесли все, даже телефон. Они пошли на преступление, а стыдно мне.

Меня била дрожь, но я не мог вызвать скорую — ведь пришлось бы объяснять, что случилось. Я, конечно, не мог ничего сказать на работе. Уговорил друзей позвонить коллегам и сказать, что на меня напали на остановке. В полицию тоже не стал обращаться. Найти нападавших было бы легко, но объясняться с людьми в погонах не было сил. Сейчас виню себя в слабости, ведь те двое могут реально кого-то убить, если их не остановить.

В 13 мне было сложно, потому что был один. А сейчас мне 39, но общество все равно указывает мне мое место, а я очень не люблю, когда меня учат жить, когда меня обвиняют в том, в чем я не виноват. Когда разлучают с теми, кто мне дорог. Я не могу терпеть, когда меня гнобят.

Я могу встать и сказать — так больше не будет.

На обложке этого номера — постоянные герои «Афиши»: люди, которые сыграли важную роль в жизни города и журнала в эти 15 лет. Режиссер и актриса *Рената Литвинова* (стр. 150), музыкант *Роман Мирзоев Литвинов* (стр. 242), журналист *Ксения Собчак* (стр. 218), актриса *Оксана Акиньшина* (стр. 154), дизайнер *Денис Симачев* (стр. 140), политик *Сергей Капков* (стр. 278), музыкант *Иван Noize MC* *Алексеев* (стр. 224), режиссер *Валерия Гай Германика* (стр. 174), журналист и писатель *Леонид Парфенов* (стр. 186), художник *Олег Кулик* (стр. 38), ресторатор *Дмитрий Борисов* (стр. 148), основатель «Афиши» *Илья Осколков-Ценципер* (стр. 230), а также кошка Люся. Следующий номер «Афиши» — как всегда, ровно через две недели. Жизнь продолжается. Оставайтесь с нами.

Тексты: Константин Агунович, Алексей Асланянц, Филипп Бахтин, Михаил Брашинский, Елена Ванина, Алексей Васильев, Роман Волобуев, Александр Горбачев, Лев Данилкин, Екатерина Дементьева, Елена Егерева, Станислав Зельвенский, Кирилл Иванов, Алексей Казаков, Олег Кашин, Светлана Кесоян, Елена Ковальская, Илья Красильщик, Евгения Куйда, Ксения Леонова, Настя Лыкова, Ирина Меглинская, Илья Осколков-Ценципер, Валерий Панюшкин, Юрий Сапрыкин, Максим Семеляк, Авдотья Смирнова, Ольга Уткина, Юлия Яковлева
Фотографии: Максим Балабин, Илья Батраков, Владимир Васильчиков, Роман Волобуев, Наталия Гафина, Александр Гронский, Мария Гулиева, Сергей Дандурян, Станислав Зельвенский, Алексей Киселев, Евгения Куйда, Сергей Леонтьев, Ирина Меглинская, Юрий Молодковец, Игорь Мухин, Лена Насибуллина, Георгий Пинхасов, Иван Пустовалов, Гоша Рубчинский, Аня Чибисова, Анна Шиллер, Дмитрий Шубин
Иллюстрации: Максим Балабин, Сергей Громов, Инна Каленская, Сергей Максимов, Сергей Снурник, Юлия Якушова

Эти и другие лучшие материалы в истории «Афиши» — в конце апреля на 15.afisha.ru

МАТЕРИАЛ ПЕЧАТАЕТСЯ НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

МОСКОВСКИЙ ТЕАТР
НОВАЯ ОПЕРА
ИМ. Е.В. КОЛОБОВА

Лоран Кампеллоне и Новая Опера: история любви

Дирижер Лоран Кампеллоне и Новая Опера связаны недолгой, но очень яркой историей сотрудничества. В апреле 2013 в театре прошел запоминающийся концерт сопрано Ирины Лунгу и баритона Василия Ладюка, в сентябре того же года — концертные исполнения опер «Паяцы» Р. Леонкавалло и «Сельская честь» П. Масканьи. Успех обоих вечеров превзошел все ожидания. Публика и критика оценили художественный уровень событий, а музыканты (солисты, хор, оркестр) буквально влюбились в маэстро, разделили его страстную увлеченность музыкой. Вскоре Лоран Кампеллоне стал приглашенным дирижером Новой Оперы.

На фото: Лоран Кампеллоне – приглашенный дирижер театра Новая Опера

Маэстро, мир полон стереотипов. Традиционный образ России, тиражируемый масс-медиа и туристической индустрией, — это не только Кремль, водка, икра, медведи, но и Большой театр. Вы сотрудничаете с крупнейшими оперными театрами мира, а с недавних пор часто появляетесь в Москве. Оперная Москва для вас — это не только Большой?

Во французском языке есть выражение: Le voyage fait l'homme (первая часть изречения философа Мишеля Монтеня L'homme fait le voyage, le voyage fait l'homme; «Человек совершает путешествие, путешествие совершенствует человека» — ред.). До первого приезда и у меня были стереотипы о России, я знал ее по книгам и телевидению. Например, такой: в Москве есть только один оперный театр. Интенсивность музыкальной, в частности, оперной жизни Москвы стала для меня настоящим откровением. После приглашения директора Дмитрия Сибирцева к сотрудничеству я открыл для себя Новую Оперу, и многое меня поразило. Во-первых, сама история театра: он родился 20 лет назад в городе, и без того богатом в музыкальном отношении. Замечу, что в Европе театры, в основном, закрываются. Во-вторых, — исполнительским уровнем оркестра, хора, о котором могут лишь мечтать очень многие театры Франции и Италии. Сейчас во главе театра стоит энтузиаст, молодой человек, который хочет придать ему новое измерение. В целом, я могу сказать, что это выдающийся театр, один из лучших в Европе.

Вы любите, цените, понимаете голоса, и потому с вами мечтают работать многие певцы. Каковы впечатления о вокальной труппе Новой Оперы?

Поразительные. Конечно, первый, кто приходит на ум — Василий Ладюк. Впервые услышав этого певца, я влюбился в его голос. Такие краски, такая музыкальность и такая интеллигентность — редчайшее сочетание! Но в Новой Опере немало замечательных солистов, и общий уровень очень высок. И еще: меня поразили знания и вкус Дмитрия Сибирцева. Он в деталях знает даже малоизвестные сочинения. Когда мы говорим о голосах, он четко представляет, каковы выигрышные стороны того или иного певца. Это очень важно. Я убежден, что человек, стоящий во главе оперного театра, должен, прежде всего, любить голоса, понимать, как общаться с певцами, как им помогать, что от них требовать.

Ваше сотрудничество с Новой Оперой развивается стремительно. Есть ли какие-то новые договоренности, о которых уже можно объявить?

У меня очень тесные связи с оркестром и хором. Мы с Дмитрием ищем «окна» в моем расписании для новых проектов. Их три, и два связаны с французской музыкой. Скажем так, — это очень известная и не столь известная опера. Третий проект — концерт и запись с участием топ-звезды мировой оперы. Это сопрано, более того, это мое любимое сопрано.

Лоран Кампеллоне: вехи биографии

Обучался дирижированию в Консерватории имени Фридерика Шопена (Париж), затем у Кристофа Эшенбаха. Лауреат VIII Международного конкурса молодых дирижеров Европейского союза (Сполето, Италия, 2001). С 2004 — музыкальный руководитель Симфонического оркестра и Оперного театра Сент-Этьена (Франция). С 2009 — главный приглашенный дирижер Болгарского национального театра оперы и балета. Приглашенный дирижер Большого театра, **Московского театра Новая Опера имени Е.В. Колобова.**

Сотрудничает с Симфоническим оркестром Баварского радио, Национальным оркестром Капитолия Тулузы, Софийским филармоническим оркестром, оркестром Национальной оперы Нанси, Филармоническим оркестром Ниццы и другими. В репертуаре особое место занимает французская оперная и симфоническая музыка, в том числе и малоизвестная.

ПИКНИК «АФИШИ» 19.07 2014

фанк игры стрит-фэшн лекции солнце свобода будущее

JAMIROQUAI

А ТАКЖЕ SUEDE, MGMT И МНОГИЕ ДРУГИЕ

афиша

пинг-понг фрисби танцы любовь дизайн фанк вок свобода игры

КОЛОМЕНСКОЕ 12.00–23.00

уличный театр музыка бургеры селфи будущее роботы солнце бадминтон лекции китайская лапша стрит-фэшн

12+

билеты в интернете рамблер-касса

CONCERT.RU ЗАКАЗ БИЛЕТОВ +7(495) 644 2222

ТВ-ПАРТНЕР: МОСКВА 24

РАДИОПАРТНЕР: РАДИО NRJ ENERGY 104.2

Кино

Продолжение «Фарго», хоррор Сэма Мендеса с Евой Грин, фантастика Стивена Спилберга про киборгов и другие *главные сериалы весны и лета*

ТЕКСТ: ГЕОРГИЙ БИРГЕР

Учитывая, что генеральным продюсером *«The Last Ship»* является Майкл Бэй, стоит ожидать, что уже в следующую секунду что-нибудь в этом кадре красиво взорвется

Ева Грин, актриса одного из лучших фильмов о Бонде — «Казино «Рояль», снялась в сериале *«Penny Dreadful»*, придуманном авторами другого успешного фильма о Бонде — «007: Координаты «Скайфолл»

The Last Ship

Современный «Ной» — постапокалиптический экшен про корабль

чем интересен Это экранизация самого известного одноименного романа Уилльяма Бринкли (по другой его новелле, «Не подходи к воде», сняли довольно хитовую комедию в 1957-м) о том, как в практически уничтоженном пандемией мире здоровая команда военного судна стала последней надеждой человечества на спасение. То есть это примерно как «Ной», только со взрывающимися вертолетами и перестрелками.

кем интересен Собственно, за взрывы ответственен Майкл Бэй — режиссер «Трансформеров» и генеральный продюсер сериала; его участие гарантирует минимум мыслей и максимум действий, что для боевика никогда не было плохо.

С 22 июня на TNT

The Honourable Woman

Британский шпионский триллер про сионистов

чем интересен Если не считать «Военнопленных» — снятого непосредственно в Израиле прототипа «Родины», — то о еврейском вопросе на ТВ говорить стесняются, и это шоу, вероятно, крайне интересное исключение. Героиня Несса Штейн наследует бизнес отца-сиониста и, являясь сторонником примирения Израиля и Палестины, она меняет направление деятельности компании: не поставляет оружие израильтянам, а укладывает кабели и налаживает цифровые коммуникациями между враждующими странами. Естественно, в результате она оказывается в центре международного скандала.

кем интересен Так как шоу британское, то актеров из «Шерлока» и пытающейся привлечь всех хоть сколько-нибудь симпатичных англичан «Игры престолов» тут предостаточно, ну а в главной роли — Мэгги Джилленхол.

Летом на BBC Two

Penny Dreadful

Хоррор в декорациях викторианской Англии

чем интересен «Penny Dreadful» в Англии XIX века назывались дешевые (ровно по пенни) бульварные новеллы про монстров и прочий страх, которые в простонародье служили более массовой заменой Диккенса и прочих великих. В «Penny Dreadful» великие и бульварная дешевка перемешаются — и Франкенштейн со своим чудовищем, Дориан Грей, граф Дракула и другие литературные злодеи той эпохи оживают в викторианской Англии: получается отличный и веселый как бы трэш, маскирующий миллион идей и культурных референсов, в общем, британская история ужасов.

кем интересен Над сериалом работала та же команда, что и над самым кассовым фильмом в истории Великобритании — «007: Координаты «Скайфолл». Создатель Джон Логан также был сценаристом «Авиатора» и «Гладиатора», а режиссер «Скайфолла» Сэм Мендес в «Ужасах» выступает продюсером. В ролях тоже не последние люди — Ева Грин, Тимоти Далтон и Джош Хартнетт.

С 11 мая на Showtime

Fargo

Продолжение одного из самых известных фильмов братьев Коэн, мрачная криминальная драма про американскую глубинку

чем интересен С одноименным фильмом у сериала на самом деле не много общего, объединяет их только фирменная коэновская атмосфера и место действия — один и тот же заснеженный городок в Миннесоте. Причем в каждом сезоне история и актеры будут снова меняться — как в «Американской истории ужасов» и «Настоящем детективе». В первом в городок по непонятным причинам приезжает жуткий бандит и терроризирует местное население — особенно достается главному герою, страховщику Лестеру.

кем интересен Сами Коэны выступают в «Фарго» продюсерами и авторами идеи, отдав большую часть производства в руки сценаристов «Доктора Хауса». С актерами все интереснее — бандита играет Билли Боб Торнтон, уже лет пять не снимавшийся в чем-либо приличном, а страховщика-жертву — Мартин Фриман, Ватсон из «Шерлока».

С 15 апреля на AMC

Extant

Научная фантастика про ученого, его жену-астронавта и их сына-андроида

чем интересен Успешно экранизировав при участии Стивена Спилберга «Под куполом» Кинга, сетевой канал CBS решил продолжить эксперименты с короткими (по 13 серий) летними блокбастерами на манер кабельных — и снова обратился к Спилбергу. В «Extant» пока не очень ясно, что будет происходить, но похоже на своеобразный

гибрид всех прошлых спилберговских научно-фантастических опытов. Особенно заметны следы «Искусственного разума» — в центре повествования окажется мальчик-киборг, с которым что-то важное произойдет после возвращения его как бы матери (то есть жены создавшего его ученого) после года пребывания на орбите в качестве астронавта. Что именно произойдет, создатели пока скрывают, но уверяют, что это «поменяет ход истории человечества».

кем интересен Имени Спилберга в качестве генерального продюсера уже должно хватать, но для надежности есть еще и Халле Берри в роли астронавтки.

Летом на CBS

Silicon Valley

Ситком про шестерых стартаперов, мечтающих стать королями Пало-Альто

чем интересен Одержимые новой мировой золотой лихорадкой — «придумать приложение и разбогатеть» — стремятся в Пало-Альто. «Silicon Valley» удается и высмеять эту новую культуру, и возвысить дух предпринимательства одой безумству храбрых. Главный герой Томас — программист, придумавший новый, превосходящий аналоги алгоритм для сжатия аудио (грубо говоря, убийцу mp3), за его разработку моментально предлагают либо 10 миллионов за эксклюзивные права, либо 200 тысяч за возможность создать свою компанию. Томас выбирает второй вариант, нанимает соседей по квартире — и они пытаются стать новым Apple.

кем интересен Создатель — Майк Джадж, придумавший «Бивиса и Баттхеда» и «Идиократию» — профессиональный обличитель американского образа жизни, за что, видимо, его в России особенно ценят. Джадж к тому же сам работал в Пало-Альто программистом, так что знает, о чем говорит.

С 6 апреля на HBO

Сразу в двух новых сериалах в этом году решили осмыслить киберреволюцию. В *«Silicon Valley»* (вверху) — в формате комедии про современных стартаперов, а в *«Halt and Catch Fire»* (внизу) — в виде исторической драмы про героев кремниевой индустрии

Halt and Catch Fire

Историческая драма о недалеком прошлом — про пионеров киберреволюции 1980-х

чем интересен Еще одна попытка зафиксировать историю случившегося за последние десятилетия компьютерного бума: если канал HBO сфокусировался на сегодняшнем дне и шутках про стартаперов в «Sillicon Valley», то люди из AMC решили заглянуть в прошлое — и изучить его по-серьезному. Действие «Halt and Catch Fire» разворачивается не в Кремниевой долине, а в Кремниевых прериях — окрестностях Техаса, где в 1980-х собирали первые персональные компьютеры, а героями стали инженеры-визионеры того времени, пытающиеся свои идеи о лучшем будущем отстоять перед большими корпорациями.

кем интересен Как раз отсутствием громких имен «Halt and Catch Fire» и подкупает — все-таки от голливудских титанов чего-то достоверного про компьютерную революцию ждать не приходится. Обоих создателей зовут Кристофер, оба молоды и не успели еще слишком завязнуть в индустрии. Среди актеров зато есть звезды «Арго» Керри Бише и Скутт МакНейри.

С 1 июня на AMC

Legends

Шпионский триллер о том, что все не те, кем они кажутся

чем интересен Мини-сериал не займет много времени и может стать отдушиной для всех, кому хотелось бы посмотреть про очередного Бонда или Борна, только чтобы это были не Бонд и Борн. За них тут Мартин Одум — оперативник, блестяще умеющий перевоплощаться практически в любого человека, и, естественно, оказывается, что сам он, вероятно, тоже никакой не Мартин Одум.

Джейми Белл в *«Turn»* играет протошпиона — человека из секретной организации, созданной Джорджем Вашингтоном во время борьбы США за независимость

кем интересен Сериалом занималась часть команды, работавшей над «Родиной», «24» и «Секретными материалами», то есть поднаторевшей в шпионско-конспирологических страстях, а Мартина играет Шон Бин, обезглавленный в первом сезоне «Игры престолов».

С 20 августа на TNT

Turn

Историческая шпионская драма про войну США за независимость

чем интересен Каналу AMC в этом году просто необходимо придумать себе новых «Безумцев» на место кончившихся — это тоже историческая драма про важный период в истории США. Главный герой — фермер Эйб в конце XVIII века вступает в организацию Калпера, фактически будущее ЦРУ, первую шпионскую организацию Америки, организованную по указу Джорджа Вашингтона в рамках борьбы за независимость. В кадре: много пафоса и много мужчин в смешных париках.

кем интересен В главной роли — Джейми Белл, звезда «Тинтина» и «Кинг-Конга».

С 6 апреля на AMC

The Leftovers

Экранизация бестселлера про жизнь после апокалипсиса

чем интересен Еще одна попытка рассказать про странное, необъяснимое событие (как в «Событии» и «Революции») и его последствия, только на этот раз, вероятно, удачная — все-таки это HBO и в основе лежит не самый глупый бестселлер Тома Перротты (автора романа «Как малые дети», по которому сняли оскароносный фильм с Кейт Уинслет). В аккуратном одноэтажном городке происходит что-то вроде библейского апокалипсиса (а может, он и происходит): часть жителей возносятся на небеса, остальные остаются доживать свой век в полном неведении и в попытках восстановить повседневное существование.

кем интересен Переписывать роман поручили Деймону Линделофу, ведущему сценаристу «Остаться в живых», также работавшему над «Хижиной в лесу» и «Прометеем». А на одну из ведущих ролей взяли Лив Тайлер. ●

Летом на HBO, с 6 апреля на AMC

Захар Прилепин по-прежнему живет в Нижнем Новгороде и в Москву переезжать не собирается; чтобы дать интервью «Афише», писатель сделал остановку в Москве по пути из Ноябрьска в Париж

Книги

Писатель и публицист *Захар Прилепин* — о своем новом романе «Обитель», либеральной общественности, мировом правительстве и Сталине

ИНТЕРВЬЮ: АЛЕКСАНДР ГОРБАЧЕВ

ФОТОГРАФИЯ: ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЧИКОВ

— «Обитель» целиком про жизнь лагеря на Соловках в 1920-х. Почему вдруг? У вас же до того все было сплошь про современность.

— Несколько лет назад мой товарищ Саша Белединский предложил мне доехать до Соловков — нашлись люди, которые хотят фильм с участием монастыря, причем неважно, какой эпохи. Мы прожили там неделю, раздумывали, в какое время поместить действие текста. Итоговый выбор был обусловлен тем, что я с детства увлечен Серебряным веком. Я оттуда возвожу свою генеалогию — и человеческую, и литературную, я помешан на поэзии декадентов, символистов, имажинистов, это пространство моего словаря, это мое время, мои титаны, полубоги и демоны.

— А в чем тут связь с Серебряным веком?

— Она прямая. Мы как-то с Быковым общались, он спрашивает: «Пишешь роман? Собрался лагеря оправдывать?» А это было как раз после «Письма товарищу Сталину» (статья Прилепина, написанная в форме письма российской либеральной общественности Сталину. — *Прим. ред.*). «Бог с тобой», — отвечаю. Он говорит: «Ну чего тогда, это будет последний аккорд Серебряного века?» Я с тех пор так и говорю. Первое поколение советских лагерников — оно во многом из московских и петербуржских салонов. Это люди, которые сначала переместились в хаос Гражданской войны, а потом — например, на Соловки.

— Насколько вам важны были традиции лагерной прозы? Шаламов, Солженицын?

— Мне было важно сверить ощущения, конечно. Я перечитал все это. Но я совершенно четко для себя понял, что тут и лагерь другой, и акценты другие. Это не те лагеря. И если меня кто-то будет ловить за лацкан…

— Будет.

— Я понимаю. Так вот — у меня все книги, все документы, все имена, все ссылки сохранены, и, если меня кто-то в чем-то попытается уличить, я докажу, что прав. Да, тема чудовищная, болезненная, страшная. И было бы стыдно, если бы я пытался фантазировать и как-то симпатично все это описывать. Поэтому везде, где проявляются вещи, которые могут нас удивить, — у меня все строго по цифрам, все ходы записаны.

— «Обитель» — сугубо исторический роман, или он как-то с современностью рифмуется?

— Когда пишешь такие тексты, надо избегать рифмовок. Я часто замечаю лукавство в исторических романах — автор знает о том, что будет после, и его герои начинают предсказывать то падение советской власти, то скорую войну… Я много читал мемуаристику, там никаких сверхпрозрений ни у кого не было. Так что у себя, если рифмы и появлялись, я их вырезал. И в итоге достиг ощущения растворенности в эпохе. За три года почувствовал себя в хороводе всех этих лиц. Они начали как бы оживать, обращаться ко мне с какими-то просьбами… Я был таким полубогом на побегушках, как будто их владельцем.

— У вас же там получается практически матрица плутовского романа, герой бесконечно попадает в какие-то странные приключения. Это потому что вы кино в уме держали?

— Да нет, скорее у меня просто такая писательская походка. И похожие истории правда происходили со многими лагерниками. У одного моего друга-критика знакомый дед сидел в советских лагерях и в немецких — и говорил, что отличались они тем, что у нас (даже на позднем этапе) всегда присутствовала некая щель, куда можно было завалиться. В отличие от немецкого порядка с его четкой структурой российская действительность — она щелястая.

— Герой к тому же — такой человек без свойств, мы про него почти ничего не знаем.

— Да, это голый человек, без идеологии, без четко проявленных черт — и доведенный при этом до некой крайности. Я это сделал осмысленно. Герой должен был быть голым человеком, но при этом русским.

— А черты русского характера — это какие?

— Равнодушие к собственной судьбе. Такая амбивалентность, когда страсть и бесстрастность, богохульство и внутренняя религиозность существуют одновременно — и в разных обстоятельствах проявляется разное. Мир не является объектом его рефлексии, он просто в нем существует. Люди — они… плывут. И ведь никакого перерождения русского человека вследствие этой чудовищной гулаговской истории не произошло. Это же один из самых страшных воплей либеральной общественности: гребаный народ, тебя гнобили в лагерях, били, кромсали, а ты снова пребываешь в тех же иллюзиях и не собираешься меняться.

«Русская история статична. Русский человек неизменен — в этом и есть залог его существования»

Я думаю, что русская история статична. Русский человек неизменен — в этом и есть залог его существования. И в бессердечии, направленном в первую очередь к самому себе.

— Раз уж вы сами завели речь про либеральную общественность. Вы же этим «Письмом к товарищу Сталину» с ней окончательно размежевались в прошлом году, по сути. Вы имели в виду такую цель, когда его писали?

— Нет. Было просто какое-то заблуждение моих симпатизантов в отношении меня. Я с того момента, как начал что-то делать для «Лимонки», написал уже сорок таких писем товарищу Сталину, это все рассыпано по моим текстам. И когда я общался с Петей Алешковским, с Дуней Смирновой, они говорили что-то вроде: «Захар, ну ты же нормальный мужик, мы говорим на одном языке, у нас общие культурные коды, ну бросай ты своих нацболов». Я был не против: да, у нас общие культурные коды, но это не означает, что они остаются при своих взглядах, а я от своих отказываюсь. Это письмо я написал даже не от раздражения, а от такого чувства утомительного недоразумения, накопленного с 1993 года.

— А почему вас так заботит эта либеральная общественность? Каждое второе ваше высказывание посвящено ее разоблачениям.

— Она меня не заботит, это просто вошло в привычку. Это хороший источник вдохновения, точка отсчета. Вот, знаете, у Проханова году в 93-м спросили, как он пишет свои сумасшедшие передовицы, он ответил: «Я просто включаю телевизор на 15 минут». Вот у меня вместо телевизора либеральная общественность.

— Ну сейчас уже телевизор разговаривает передовицами Проханова. Ваши колонки с литературной точки зрения отличаются от передач Дмитрия Киселева, но вектор пугающе похожий.

— Мне об этом Аня Старобинец писала — у меня самого телевизора нет, честно, я не знаю, что он там говорит. Я ей отвечаю: Аня, ты же знаешь моих родителей! Мои родители — это Лимонов и Проханов. Моим взглядам двадцать лет. Я это всю жизнь говорю. Положим, кто-то повторяет мою риторику в телевизоре — но либеральная общественность повторяет риторику Новодворской двадцатилетней давности, да? И они по этому поводу не особенно переживают.

— Я к тому, что эти люди сейчас и так находятся в положении проигравших. Зачем с ними бороться?

— Еще совсем недавно они в такой позиции не находились. Да и сейчас… 90% столичной продвинутой молодежи, весь культурный истеблишмент, СМИ, глянец — вся эта площадь занята либеральной интеллигенцией. В 90-х годах я реально чувствовал себя в гетто. Понятно, что это чувство сейчас уже пролонгировано чересчур — ну это наследственное, надо это изживать.

— Ну а с чем вы связываете то, что образованная продвинутая молодежь разделяет либеральные ценности?

— Иллюзии. Безусловно, это уже не та Европа, ценности ее не те…

— Не те в сравнении с чем?

— Не те, как они были нам представлены. Я же езжу по Европе, я вижу, какие там жесткие табу на самые разнообразные темы. Самый смешной пример: в Германии продали 300 тысяч экземпляров карреровской биографии Лимонова, она стала бестселлером, при этом ни одной книжки самого Лимонова на немецком нет. Я спрашиваю: «Почему так?» Мне отвечают: «Все знают, что он фашист, поэтому этого не может быть издано никогда». Ну вам это не напоминает историю с Пастернаком — не читал, но осуждаю?

— Ну а разве здесь нет табу? Вот вы, когда история с опросом «Дождя» была, сказали, что вы за сохранение табу в связи с блокадой Ленинграда. Для вас табу — блокада, а для каких-то других людей табу — это Сталин, и…

— Сталина навязала в качестве фигуры пресловутая либеральная общественность. Я бы вообще о нем молчал, если бы каждый день не повторяли, что Сталин — это Гитлер. Пускай не будет никакого Сталина, пускай это будет нашей личной национальной трагедией, о которой мы будем тихо молчать. Давайте будем к этому корректно относиться. Для меня сравнение Советского Союза с фашизмом — это тоже табу.

— Я, вообще, к тому и вел. Либо есть табу, либо нет — и тогда можно и Сталина обсуждать, и блокаду Ленинграда.

— Давайте обсуждать холокост.

— Я не против.

— Ну нас просто съедят тогда. Для меня холокост — это табу. Да, мы понимаем, что количество жертв увеличено в несколько раз, и сами евреи это понимают. Но я против того, чтобы это обсуждалось. Тогда начнут подтачиваться какие-то основы морали. Вот так и сравнение СССР с фашизмом для меня подтачивает основы морали нашего национального естества.

— У вас недавно был текст про то, как на Западе специально подавляют семейные ценности, чтобы бороться с перенаселением. Там звучало словосочетание «мировые элитарные клубы». Думаете, они правда существуют?

— Конечно. Понятно, что это отчасти стихийная вещь, не то чтобы 10 масонов сидят под покровом ночи и принимают решения. Но клубы существуют. Я сам работал в СМИ, в пиаре, я понимаю, как это делается. Когда Кириенко у нас в Поволжье был полпредом, у него была некая тусовка: Щедровицкий, Глазычев — все они были в этом кругу, и я видел, что какие-то вещи происходят вполне рукотворно. И говорить, что их нет в мире, — ну это ерунда. Мы же знаем, что в экономике это не так, — и что же, в идеологии этого нет? Вся эта гомосексуальная проблема, которая меня волнует в десятой степени, — ну в течение двух лет произошел такой мощнейший всплеск! Просто так он не мог произойти. В 2005 году в Европе такой ситуации не было. А когда я сейчас приезжал в Финляндию, кажется, мне сказали, что идет массовый исход из лона католической церкви, потому что она не благословляет гомосексуальные браки. Ну это бред какой-то!

— И все-таки: вы правда думаете, что кто-то сел и решил, что мы сейчас будем разрушать традиционную семью?

— Нет единой силы. Но есть самые разные клубы, но в том числе одно из решений подобного толка было принято. Есть ролики в ютьюбе, где люди из определенных лож в каких-то интервью все это открытым текстом произносят.

— Лож? То есть все-таки масоны?

— Я не знаю, какие там ложи, но сидит серьезный человек с хорошей бородой, который подробно объясняет, что нужно сделать с человечеством. Давайте честно себе признаемся: просто так ничего не появляется. Вы же не думаете, что Табаков позвонил Башмету и сказал: «Давайте напишем письмо в поддержку действий России в Крыму».

— Ладно. А какова в этой непростой ситуации функция писателя? Он ведь сейчас не занимает той позиции, что во времена Достоевского?

— Я думаю, что занимает, никаких потерь в этом смысле нет. И даже наоборот — с каждым годом литература все больше набирает вес. Я вижу огромные плакаты Улицкой, Рубиной. Проханов в каждом городе собирает по огромному залу. Я в Питере собирал практически стадион, три тысячи человек, люди по билетам пришли — за день до меня там выступала Валерия, на следующий день — Олег Митяев. Смотрите, кто возглавлял митинги на Болотной? Быков, Олег Кашин, Лева Рубинштейн — литераторы. У Лимонова — тоже литератора — свой митинг. На Поклонной стоят Проханов, Поляков и Кургинян. Ни в одной стране мира такого нет, чтобы писатели и публицисты могли собрать многотысячный митинг. Поэтому значение литературы сверхвелико, я думаю, что влияние больше, чем в пушкинские времена.

— Но тогда этим интересовалась еще и власть. Вам, наверное, Путин по телефону не звонит.

— Не звонит. Но я думаю, что они в курсе. Собственно, есть история, которую я совершенно не скрываю. Имела место быть встреча с Путиным. Мне предложили поехать, я ответил, что не хочу. Перезвонили еще раз — я опять сказал, что не хочу. Потом позвонили уже из администрации: «Будь добр, тебе нужно туда прийти». Я говорю: «Ну я же что-нибудь дурное спрошу». «А ничего страшного, — отвечают, — ты, главное, приходи». Ну я пришел, спросил про Тимченко и про все остальное, был огромный скандал. Мне две недели не перезванивали, я думал — все, отношения порваны навсегда. А через две недели звонят и говорят: «Захар, мы в восторге, спасибо, что ты пришел. Ты нас спас, потому что требованием центрального персонажа этой истории было, чтобы появился Захар Прилепин». ●

«Сидит серьезный человек с хорошей бородой и объясняет, что нужно сделать с человечеством»

Захар Прилепин «Обитель», АСТ, Москва, 2014

Технологии

10 полезных *гаджетов и приложений*, помогающих вести здоровый образ жизни, —для бега, тенниса и многого другого

ТЕКСТ: СЕРАФИМА СКИБЮК

Наушники IriverOn считают пульс, сердцебиение и в уши рассказывают, как лучше тренироваться. Ну и музыку с их помощью тоже можно послушать

IriverOn

Наушники-трекер вместо тренера

Считают сердцебиение, предлагают оптимальный ритм для пробежки, ходьбы, езды на велосипеде или занятий фитнесом. Нагрузка предлагается в пяти режимах: очень низкой интенсивности (поднятие тонуса), низкой интенсивности (сжигание жира), средней (аэробная), высокой (анаэробная) и очень высокой (на пределе ваших возможностей). Голосом рекомендуют тренировки, выполняя которые, вы можете одновременно слушать музыку и отвечать на телефонные звонки. Сенсоры, фиксирующие нагрузку, пройденные километры и пульс расположены в наушниках, а сигнал о проделанной работе передается на смартфон в реальном времени через блютус.

От $199,99, предзаказ на shop.iriverinc.com, есть доставка в Россию

Gipis

Приложение, позволяющее составить индивидуальный план тренировок

Приложение, разработанное Денисом Блиновым в соавторстве с иностранными коллегами, отличается от аналогов тем, что вы не только вбиваете стандартные рост, вес, пол и возраст, вам нужно еще и указать тип фигуры — отдельно верхней и нижней частей тела, а также любимые виды спорта. Для тех, кто хочет пробежать определенную дистанцию, Gipis составит индивидуальный план тренировок на рекомендуемый срок, исходя из личных параметров и предыдущих беговых достижений. Контроль тренировки ведется не по завершении, а прямо во время пробежки: мужской голос попросит скинуть темп, а женский — поторопит, если вы сбились с рекомендуемого пейса. Отдельным пунктом стоят так называемые интервальные тренировки — пробежки с разными уровнями интенсивности, и тут голосовые рекомендации как нельзя кстати соседствуют с вибрацией и негромким звоночком, сообщающим о смене скоростного режима. Можно вбить результаты и постфактум.

Бесплатно, www.itunes.com, также для Android

Маленький сенсор *Zepp для теннисной ракетки* фактически замена живому тренеру. И кричать не будет

Приложение *Gipis* сначала беспристрастно описывает ваше тело, а потом объясняет, как его улучшить

Zepp

Сенсор для теннисной ракетки, улучшающий игру

Измеряет амплитуду и силу удара в трех измерениях. Zepp распознает и фиксирует количество подач, смешей, ударов справа и слева, оценивает их силу. Считает общее время, проведенное за игрой, запоминает количество очков. Чтобы Zepp работал, необходимо вложить сенсор в насадку на ракетке и включить Bluetooth. Все данные по вашим тренировкам отправляются в смартфон или планшет на базе Android или iOS. Разработчики утверждают, что Zepp способен запомнить до 2000 подач, в то время как приложение расскажет о прогрессе в ваших тренировках на английском, китайском, французском, немецком, итальянском, японском, корейском и испанском языках. Интересно, что теннисом создатели Zepp не ограничиваются, поэтому создали аналогичные устройства для игроков в бейсбол и гольф.

$149,99, www.zepp.com, есть доставка в Россию

Jaybird Reign

Беспроводной водонепроницаемый браслет для бегунов, велосипедистов, пловцов и триатлонистов

Кажется, лучший в своем классе гаджет, поскольку способен распознавать, когда вы едете на велосипеде, плаваете и переходите на бег. Удобство его заключается в том, что он водонепроницаем в отличие от уже известных раскрученных аналогов. Наблюдает активность в течение дня, фиксируя фазы активности и сна. Учитывая эту информацию, знает, когда вам пора подвигаться, а когда пойти спать. Доступен в восьми размерах, синхронизируется через блютус как со смартфонами (iOS и Android), так и с компьютерами.

От $199, релиз назначен на лето 2014 года

Браслет-трекер Garmin vivofit сам напомнит владельцу о том, что он засиделся и пора бы размять ноги

Garmin vívofit

Браслет-трекер для всех, кто занимается спортом, но особенно популярный среди бегунов старшего поколения

Самый недорогой браслет-трекер спортивной активности, не требующий подзарядки (сменные батарейки). Как большинство аналогичных устройств, помогает следовать ежедневному плану активности, считает шаги, калории, замеряет дистанцию и время сна. Мигая красным, он напоминает о том, что пришло время прогуляться, если владелец уже час как сидит. Все достижения хранятся в памяти в течение трех недель, но чтобы отслеживать прогресс на более длительный период, Garmin можно синхронизировать по блютусу через соответствующее бесплатное приложение для iOS.

От $129,99, предзаказ на buy.garmin.com

NTC (Nike Training Club)

Приложение с тренировками и видеоуроками для женщин

NTC для тех, кто устал бессмысленно качать пресс и приседать перед зеркалом дома. В приложении есть список нагрузок разного уровня сложности, продолжительности, интенсивности и типа. Хотите вы упражнения для поднятия тонуса, желаете «подсушиться» или, наоборот, накачать мышцы — выбираете соответствующий пункт из меню и жмете «Старт». Как правило, 15-минутный или получасовой сет состоит из серии упражнений продолжительностью 30–60 секунд, причем каждое предваряет короткий видеоурок от атлетов Nike. В основном это упражнения с собственным или свободным весом. Во многом тренировки напоминают популярный сегодня кроссфит, а среди видов нагрузок есть те, которые подойдут и мужчинам, и женщинам.

Бесплатно, для iOS и Android на английском, французском, немецком, итальянском, японском, русском, китайском и испанском языках

Фитнес-приложение *Nike* создано для женщин, которые бесконечно изводят себя бессмысленными домашними тренировками

94Fifty

Умный баскетбольный мяч

Баскетбольный мяч 94Fifty считает обороты, скорость подачи, количество ударов и мощность броска. Фактически он замеряет углы: амплитуду полета, траекторию падения и как далеко вы находитесь от кольца. При этом совершенно не важно,

Реклама

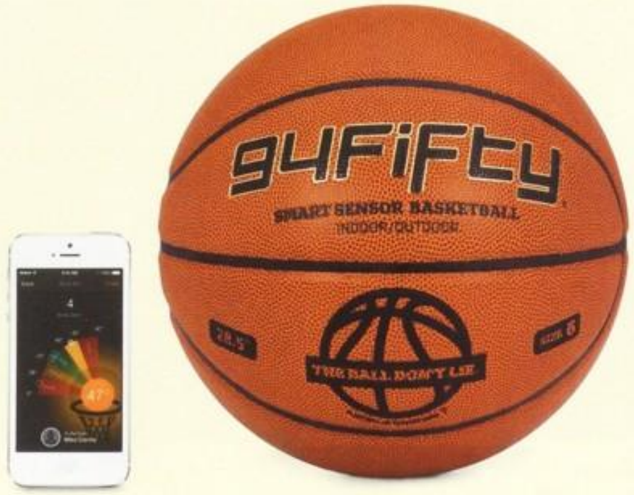
Арно Рафаэль Минккинен
Ретроспектива

ЦЕНТР ФОТОГРАФИИ ИМЕНИ БРАТЬЕВ ЛЮМЬЕР
Фабрика «Красный Октябрь», Болотная наб., д.3, стр.1 | www.lumiere.ru

26.03–11.05
Arno Rafael Minkkinen
Retrospective

Москва 24

ГОРОД Эноб. Business FM BFM.ru Тайм-аут Dilettant hp 18+



Баскетбольный мяч *94Fifty* — сам по себе гаджет: он и прыгает, и считает угол броска, и посылает советы в приложение

подаете вы правой, левой или обеими руками: в случае, если игрок самонадеянно считает обе руки сильными, сенсор, встроенный в мяч, сообщит приложению на устройство iOS, насколько он ошибается, в процентах. Батарейки хватает на 8 часов игры без подзарядки, а пока чарджер работает, можно изучить тренировки, рекомендуемые конкретно для вас.

$249,95, www.94fifty.com, доставка только в США; 24680 р., www.icover.ru

7 Minute Workout

Приложение с суперэффективными короткими тренировками

Если верить The New York Times, 7-минутные ежедневные тренировки высокой интенсивности лучше часовой пробежки, серьезной силовой или аэробной нагрузки. Приложение предлагает выбрать, как именно вы хотите изменить свое тело за 7 минут: укрепить корпус, плечевой пояс, ноги или всего себя, желаете ли получить высокоинтенсивную кардионагрузку, реактивно сбросить вес, молниеносно повысить скорость или в кратчайшие сроки превратиться в качка. Все упражнения схематично проиллюстрированы, каждое сопровождается бодрыми комментариями мужским голосом на английском, и в конце раздается свисток физрука. Короче, к 7-й минуте вы, скорее всего, пожалеете, что не выбрали более традиционный способ спортивного досуга.

Бесплатно, www.itunes.com, также для Android

Lumo Lift

Сенсор-значок и датчик для поддержания хорошей осанки

Небольшой магнитный значок квадратной формы и датчик, который нужно носить вокруг талии под одеждой. Понимает, когда вы идете, бежите или стоите. Вибрирует, если вы горбитесь и долго сидите, считает шаги, калории, сколько времени вы провели стоя, запоминает, сколько вы спите. Значок (доступен в десяти цветах) крепится на магнитной застежке к воротнику, под футболку или на бюстгальтер — можно спрятать под одежду, а можно носить, как украшение. Данные с датчика синхронизируются со смартфоном. ●

От $79, предзаказ на www.lumobodytech.com на лето 2014 года, доставки в Россию нет

Приложение для нанотренировок *7 Minute Workout* придумает под нужные задачи семиминутные высокоинтенсивные упражнения

При поддержке Правительства Москвы
2014
6+
20 АПРЕЛЯ – 9 МАЯ
Московский
ПАСХАЛЬНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ
ВАЛЕРИЙ ГЕРГИЕВ
XIII сезон
Большой зал консерватории
20 апреля, 3, 9 мая
Концертный зал им. П.И. Чайковского
2, 7, 8 мая
Центральный академический театр Российской Армии
3 мая
Поклонная гора
9 мая
МОСКВА | САНКТ-ПЕТЕРБУРГ | ПСКОВ | КАЛИНИНГРАД | СЕВЕРОМОРСК | МУРМАНСК | БЕЛОМОРСК | ПЕТРОЗАВОДСК | КАЗАНЬ
ЕКАТЕРИНБУРГ | ОМСК | КРАСНОЯРСК | ИРКУТСК | ЧИТА | ЯКУТСК | ВЛАДИВОСТОК | ХАБАРОВСК | НОВОСИБИРСК | ТЮМЕНЬ | ОРЕЛ
ВОРОНЕЖ | ВОЛГОГРАД | ОРЕНБУРГ | ПЕНЗА | НИЖНИЙ НОВГОРОД | ДМИТРОВ | СЕРПУХОВ | ОБНИНСК | МОЖАЙСК | КОЛОМНА
ЕГОРЬЕВСК | КАЛУГА | ТУЛА | ВЛАДИМИР | СУЗДАЛЬ | МУРОМ | АЛЕКСАНДРОВ | ТВЕРЬ | СТАРИЦА | РАМЕНСКОЕ | СЕРГИЕВ ПОСАД
ПАВЛОВСКИЙ ПОСАД | КЕМЕРОВО | БАРНАУЛ | ТОМСК | СУРГУТ | ХАНТЫ-МАНСИЙСК | НАРО-ФОМИНСК
www.easterfestival.ru
parter.ru (495) 258 00 00
Ticketland.ru 93 777 37
CONCERT.RU 644 2222
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СПОНСОР ФЕСТИВАЛЯ: ВТБ Генеральный партнер Мариинского театра
ГЛАВНЫЕ СПОНСОРЫ ФЕСТИВАЛЯ: Yoko Ceschina, СБЕРБАНК
СПОНСОРЫ ФЕСТИВАЛЯ: TOTAL, Mercedes-Benz, РОССЕТИ, bp, Русснефть, АЛРОСА, РЖД, TeliaSonera, РОСНЕФТЬ
ПРИ ПОДДЕРЖКЕ: Ростех
СПОНСОРЫ ФЕСТИВАЛЯ: BOMBARDIER, pwc, МДМ Банк, Северсталь, РЕНОВА, Возрождение Банк, СИСТЕМА
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПАРТНЕРЫ ФЕСТИВАЛЯ: РОССИЯ К, РОССИЯ 24, ИТАР-ТАСС, FM
ПАРТНЕРЫ ФЕСТИВАЛЯ: PEPSICO

Вещи

Пальто Whistles, топ Asos, юбка №21 и другие вещи *нежно-розового цвета*, которые можно купить в московских магазинах

ПРЕДМЕТЫ: ДИАНА ФЕЛЬДМАН

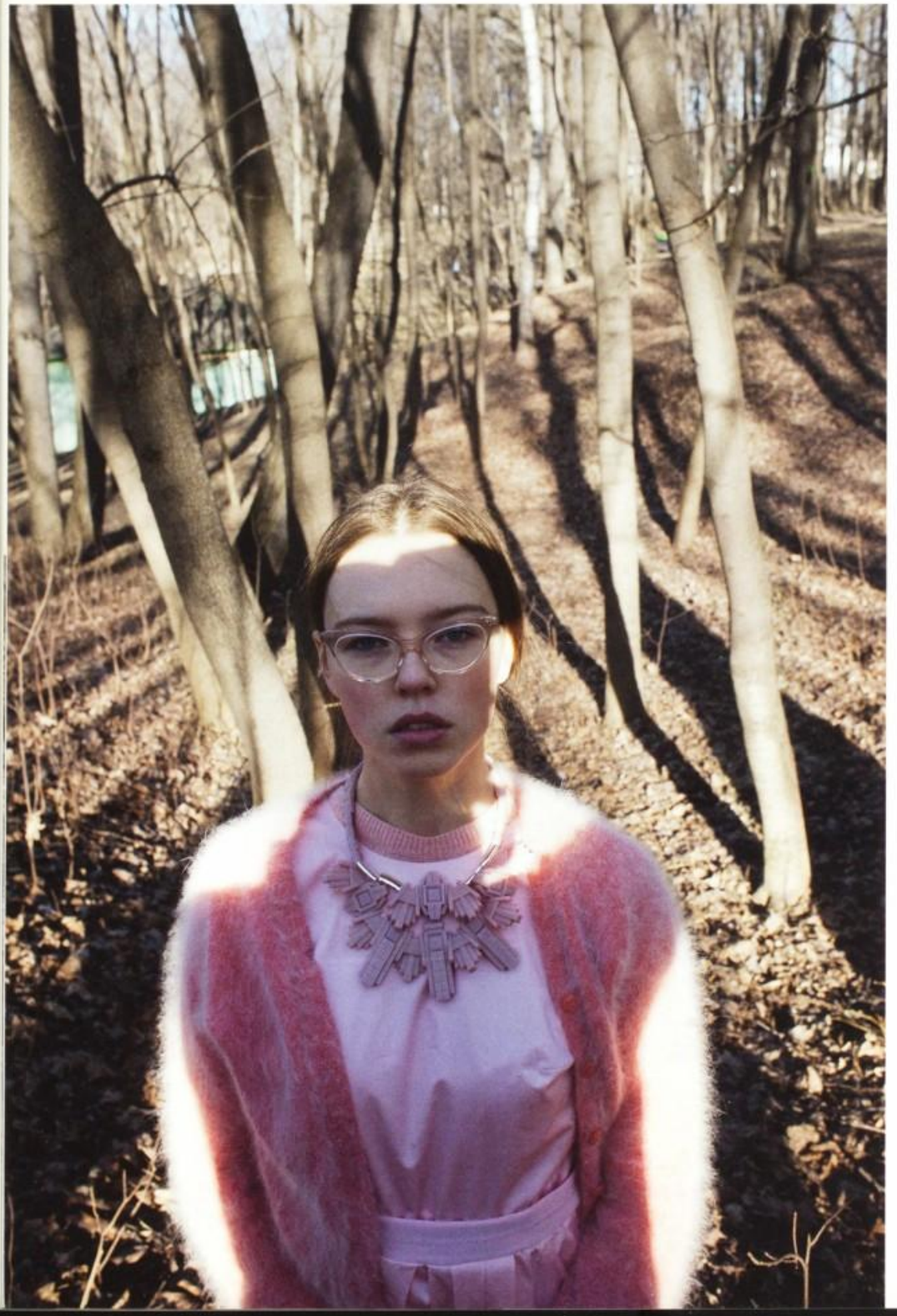
ФОТОГРАФИИ: ЭРИК ПАНОВ

Слева: Пальто *Whistles*, 26750 р., шляпа *LeTom*, 16200 р.

Справа: Винтажное платье *Christian Dior*, 82000 р., брюки *Funktional*, 15000 р., пальто *Whistles*, 26750 р.

Топ *Asos*, 2124 р., кофта *Hartford*, 2140 р., юбка-шорты *Maison Martin Margiela*, 6900 р., винтажный жилет, 890 р.

Пуловер *Whistles*, 7000 р., юбка *№21*, 33650 р., плащ *Ted Baker*, 19490 р., кроссовки *Nike*, 4599 р.



Слева: Платье *Carven*, 21500 р., пуловер *Whistles*, 7000 р., винтажный кардиган, 780 р., колье *Ek Thongvrasert*, 11500 р.

Справа: Бомбер *By Malene Birger*, 11990 р., бомбер *Asos*, 1759 р., юбка *Asos*, 2485 р.

Модель: Maria P/Aquarelle Models

Адреса магазинов, в которых продаются вещи, попавшие в ревизии «Афиши», см. на стр. 335

ТМ МОСКОВСКИЙ ТЕАТР МЮЗИКЛА
(495) 797 63 00 ■ WWW.МЮЗИКЛ.РФ

Информационный партнер ХИТ FM 107.4

29/04
В 19:00

Эстрадный оркестр
СЕРГЕЯ
МАЗАЕВА

СПЛЕТЕНИЕ СТИЛЕЙ И РИТМОВ, ЗВУКОВ И ГОЛОСА
БУДОРАЖАЩИЕ ДУШУ, ЛЮБИМЫЕ ВСЕМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
В СИМФОНИЧЕСКОМ ИСПОЛНЕНИИ

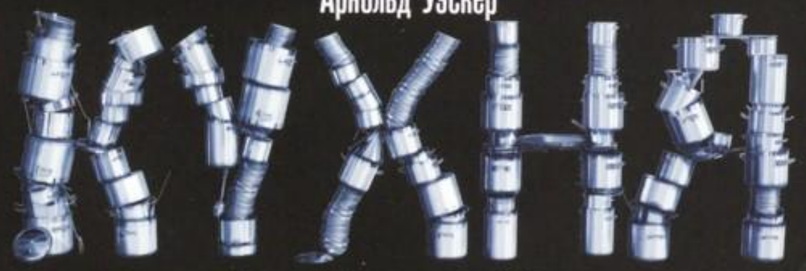
ВТБ · Ticketland.ru 495 93 777 37

РЕКОМЕНДОВАНО ДЛЯ ЗРИТЕЛЕЙ СТАРШЕ 12 ЛЕТ
реклама

САТИРИКОН
имени Аркадия Райкина

ПРЕМЬЕРА
27, 28, 29 АПРЕЛЯ
Арнольд Уэскер

КУХНЯ



Постановка Константина Райкина
Художники: Дмитрий Разумов, Мария Данилова

12+

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ТЕАТРА НАРОДНЫЙ АРТИСТ РОССИИ, ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ РОССИИ КОНСТАНТИН РАЙКИН

www.satirikon.ru [495] 602-6577, 602-6583, 689-7885, 689-7844
Театр «Сатирикон» имени Аркадия Райкина», 129594, г. Москва, Шереметьевская ул., д. 8. ОГРН 1027739122510
реклама

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ СЕЗОН

Московский театр Ермолова
ФРОЛОВ ПЕР., Д. 2
М. ТУРГЕНЕВСКАЯ
495.781-781-3
495.625-31-83

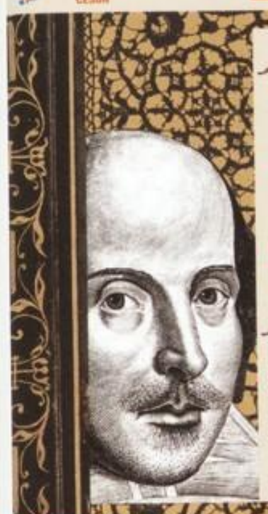
15 – 21 апреля
ШЕКСПИРОВСКАЯ НЕДЕЛЯ

БУРЯ 12+
15, 16 апреля

ШЕЙЛОК 16+
17 апреля

КОМЕДИЯ ОШИБОК 12+
20 апреля (18:00)

Режиссёр-постановщик
РОБЕРТ СТУРУА



ШЕКСПИРОВСКАЯ НОЧЬ
21 апреля (20:00)

Банк Москвы · Сбербанк
реклама

Московский академический театр имени Владимира Маяковского
основная сцена

премьера
06.04.14
18.04.14
25.04.14

бердичев

постановка никита кобелев
костюмы наталья войнова
сценография михаил краменко
композитор ави бень-ами
16+

фридрих горенштейн
драма в 6 эпизодах,
30 годах и 68 скандалах

2016 ГОД КУЛЬТУРЫ

заказ билетов: +7 495 8958858, +7 926 2037777, www.mayakovsky.ru

1 ПЕТРОВКА 25
улица Петровка, 25
м. Пушкинская, Чеховская

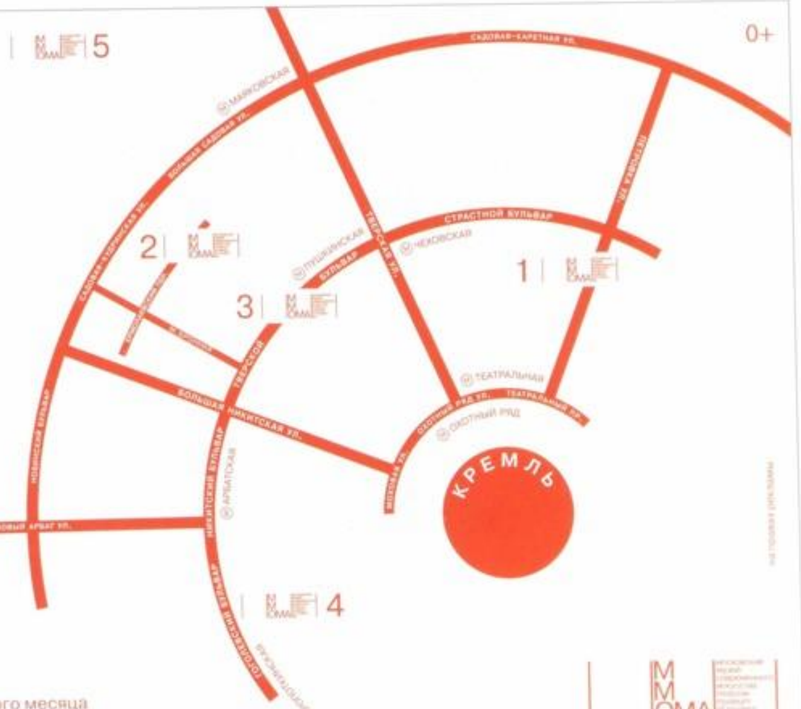
2 ЕРМОЛАЕВСКИЙ 17
Ермолаевский переулок, 17
м. Маяковская

3 ТЕРСКОЙ 9
Тверской бульвар, 9
м. Пушкинская, Тверская

4 ГОГОЛЕВСКИЙ 10
Государственный музей
современного искусства
Российской академии художеств
Гоголевский бульвар, 10
м. Кропоткинская, Арбатская

5 Музей-мастерская
Зураба Церетели
Большая Грузинская улица, 15
м. Баррикадная, Белорусская

0+



ЧАСЫ РАБОТЫ МУЗЕЯ
пн-вс 12:00 – 20:00, касса до 19:15
четверг 13:00 – 21:00, касса до 20:15
выходной – третий понедельник каждого месяца
телефон +7 495 231 36 60, www.mmoma.ru

ММОМА

Е.Вахтангова
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ТЕАТР ИМЕНИ Е.ВАХТАНГОВА

2, 3, 29, 30 АПРЕЛЯ

ПРИСТАНЬ

Идея и постановка - Художественного руководителя театра Римаса ТУМИНАСА

Юлия БОРИСОВА Людмила МАКСАКОВА Владимир ЭТУШ
Василий ЛАНОВОЙ Вячеслав ШАЛЕВИЧ Галина КОНОВАЛОВА
Ирина КУПЧЕНКО Евгений КНЯЗЕВ

Официальные партнеры театра: ВТБ24 Фонд Михаила Прохорова | Партнер театра Залтарея С. Н.

Касса театра: 8-499-2411679 Заказ и доставка: 8-499-2411693

WWW.VAKHTANGOV.RU

16+

РУССКИЙ ДУХОВНЫЙ ТЕАТР ГЛАС
апрель 2014

Художественный руководитель театра – засл. деят. иск. РФ ВИКТА АСТАХОВ

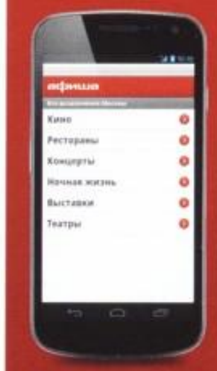
Заказ и доставка билетов: ул. Пятницкая, д. 60 (495) 959-17-39, т/ф 959-17-40

www.theatreglas.ru / teatrglas@yandex.ru

афиша

Все развлечения рядом с вами

Бесплатное приложение «Афиша» для Android



16+

Google play

Реклама

Отличное место в центре Москвы

ПИВНОЙ РЕСТОРАН
БУРГОМИСТР
BEER RESTAURANT

реклама

Самые интересные акции!

Москва, Театральная пл., 5/2, 8 (495) 983 00 92
www.burgermeister.ru

ЧАЙХОНА НОМЕР ОДИН

С телефона заходи!

App Store

Google play

12+

Скидка 20% при первом заказе на доставку

реклама

PHYSIKA [concept store]

МЫ ПОВЕРНУТЫ НА МОДЕ

www.physika.ru +7 (495) 772-48-33

Дайкон

Детская школа суши

7-14 лет

подробная информация:
www.daikon.ru
т. (495) 607-75-78

магазин КИТАЙСКИЕ ПРОДУКТЫ

т. (495) 607-86-28
пр. МИРА, д.12, стр.1
www.china-food.ru

ВСЕГДА ЕСТЬ ПОВОД

Скачивайте в AppStore бесплатное приложение *«Вино на каждый день». Выбор журнала «Афиша-Еда»*

Загрузите в App Store

РЕСТОРАН КЕЛЬЯ

м. Кропоткинская, пер. Сивцев Вражек, д.3, (495) 697-68-41

реклама

В АПРЕЛЬСКОМ НОМЕРЕ ЖУРНАЛА ESQUIRE:

ПРАВИЛА ЖИЗНИ КЛИНТА ИСТВУДА, АНДРЕЯ МЕРЗЛИКИНА И СИДНИ ПУАТЬЕ. ПОЧЕМУ НЕЛЬЗЯ ДОВЕРЯТЬ КНИГАМ ИЗ СЕРИИ «ПОМОГИ СЕБЕ САМ», СКОЛЬКО СТОИТ ПЕРСОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ, КАКОВО ЭТО – БЫТЬ АМЕРИКАНСКОЙ БАЛЕРИНОЙ В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ, А ТАКЖЕ САМЫЕ ВЫДАЮЩИЕСЯ ОВОЩИ И САМАЯ НЕЗАМЕТНАЯ ВЛАСТЬ В АМЕРИКЕ.

18+

В соответствии с федеральным законом №463-ФЗ, журнал предназначен для читателей старше 18 лет, поскольку содержит материалы, оправдывающие занятие проституцией (статья профессора права Азизы Ахмед о мифах, связанных с секс-индустрией) и побуждающие к насилию (рассказ о «Радио Тысячи холмов», которое провоцировало геноцид в Руанде).

Доступно в App Store

Магазины

Где можно купить вещи из ревизий «Афиши»

ВЕЩИ НЕЖНО-РОЗОВОГО ЦВЕТА

№21, «Цветной», Цветной б-р, 15, стр. 2, (495) 737 77 73 Ⓜ Цветной бульвар

Винтажные вещи, «Ничего подобного», Фадеева, 2, (499) 250 98 29 Ⓜ Маяковская

Asos, www.asos.ru

By Malene Birger, «Цветной», Цветной б-р, 15, стр. 2, (495) 737 77 73 Ⓜ Цветной бульвар

Carven, «Цветной», Цветной б-р, 15, стр. 2, (495) 737 77 73 Ⓜ Цветной бульвар

Christian Dior, Vintage Voyage, Кузнецкий Мост, 9/10, 3 этаж, (495) 968 11 79 Ⓜ Кузнецкий Мост

Ek Thongprasert, www.ready-to-wear.ru

Funktional, Охотный Ряд, 2, галерея «Модный сезон», (495) 225 02 05 Ⓜ Охотный Ряд

Hartford, www.ready-to-wear.ru

LeTom, «Кузнецкий Мост 20», Кузнецкий Мост, 20, (495) 623 78 88 Ⓜ Кузнецкий Мост

Maison Martin Margiela, «Кузнецкий Мост 20», Кузнецкий Мост, 20, (495) 623 78 88 Ⓜ Кузнецкий Мост

Nike, Арбат, 19, (495) 697 80 92 Ⓜ Арбатская

Ted Baker, Охотный Ряд, 2, галерея «Модный сезон», (495) 225 02 05 Ⓜ Охотный Ряд

Whistles, «Цветной», Цветной б-р, 15, стр. 2, (495) 737 77 73 Ⓜ Цветной бульвар

МОТОАКСЕССУАРЫ

AGV, Dainese, Кутузовский просп., 1/7, (499) 243 54 41 Ⓜ Кутузовский проспект

Biltwell, www.ton-up.ru

Carhartt, Дмитровский пер., 7, 8 926 082 84 85 Ⓜ Охотный Ряд

Dainese, Кутузовский просп., 1/7, (499) 243 54 41 Ⓜ Кутузовский проспект

Fast & Fashion, «Мото Классика», Б.Полуярославский пер., 18, стр. 4, (495) 778 42 88 Ⓜ Чкаловская

Forcefield, Сергея Эйзенштейна, 1, (499) 181 42 55 Ⓜ ВДНХ

GoPro, www.hdhero3.ru

Leatherman, www.2win.ru

Led Lenser, www.2win.ru

Mechanix, www.mechanix.pro

The Bandanna Company, Code 7, Болотная наб., 5, стр. 1, на территории фабрики «Красный Октябрь», 8 921 992 09 21 Ⓜ Кропоткинская

Tool Wrap, Б.Новодмитровская, 36, стр. 15, на территории дизайн-завода «Флакон», 8 903 500 20 70 Ⓜ Дмитровская

ШЕЛКОВЫЕ БЛУЗКИ

Acne, www.ready-to-wear.ru

Dries Van Noten, Leform, Дмитровский пер., 7, (495) 660 02 80 Ⓜ Театральная

Hermès, Vintage Voyage, Кузнецкий Мост, 9/10, 3 этаж, (495) 968 11 79 Ⓜ Кузнецкий Мост

Levi's Vintage, Twins Shop, Солянка, 11/6, стр. 1, (495) 698 53 93 Ⓜ Китай-город

Monki, Каширское ш., 14, «Гудзон», 1 этаж, (495) 258 27 90 Ⓜ Каширская

Olga Sukhotinskaya, Twins Shop, Солянка, 11/6, стр. 1, (495) 698 53 93 Ⓜ Китай-город

Ready-to-wear, www.ready-to-wear.ru

Zara, Неглинная, 10, (495) 783 59 92 Ⓜ Кузнецкий Мост

ЭЛЕКТРОННЫЕ ЧАСЫ

G-Shock, «Цветной», Цветной б-р, 15, стр. 2, (495) 737 77 73 Ⓜ Цветной бульвар

Nixon, «Цветной», Цветной б-р, 15, стр. 2, (495) 737 77 73 Ⓜ Цветной бульвар

Police, www.alltime.ru

Sector, www.alltime.ru

Suunto, www.alltime.ru

Swatch, пл. Киевского Вокзала, 2, «Европейский», 1 этаж, (495) 229 61 96 Ⓜ Киевская

Timex, «Цветной», Цветной б-р, 15, стр. 2, (495) 737 77 73 Ⓜ Цветной бульвар

«Афиша» на iPad

Каждый новый номер журнала на вашем планшете — ищите в App Store

НАТУРАЛЬНАЯ КРАСОТА

Что вы хотите оставить детям?

Роскошь бриллиантов или чистый воздух?

Сделайте выбор.

GREENPEACE

* 8 990 рублей/месяц – означает величину ежемесячного платежа клиента, взявшего кредит по программе HYUNDAI FINANCE («Финанс») с остаточным платежом, на покупку нового автомобиля HYUNDAI ix35 Start MT («Старт MT») (далее «Автомобиль») у официального дилера HYUNDAI в России (далее «Программа»). Расчет сделан исходя из стоимости Автомобиля 899 000 рублей при первоначальном взносе 38,5% от стоимости Автомобиля. Условия Программы: Минимальный первоначальный взнос – 15% от стоимости Автомобиля; Процентная ставка 14,5%; Срок кредита 36 месяцев; Валюта кредита – рубли РФ; Сумма кредита от 200 000 до 4 500 000 руб.; Остаточный платеж 449 500 рублей. Иные расходы – страхование Автомобиля по рискам: «Угон/Хищение», «Ущерб, в том числе Конструктивная гибель Автомобиля» (по полному пакету КАСКО), страхование – в соответствии с тарифами, выбранной клиентом, страховой компании, соответствующей требованиям Банка; Кредит погашается равными платежами с непропорциональным последним платежом. Последний платеж равен сумме остаточного платежа и аннуитета. Сумма остаточного платежа по кредиту составляет 50% от стоимости приобретаемого Автомобиля. Партнер программы: ООО «Ситибанк Банк». Лицензия на осуществление банковских операций №2168 от 27.06.2013. Адрес: 125040, г. Москва, ул. Правды, д. 26, http://www.cetelem.ru. Более подробную информацию обо всех условиях кредитования Вы можете получить, обратившись к Банку-партнеру. Банк оставляет за собой право вносить изменения в программы кредитования без предварительного уведомления. Данные сведения носят информационный характер и не являются офертой (ст.437 ГК РФ). Банк вправе отказать в предоставлении кредита. Информация действительна на 15.01.2013. Условия кредитования действуют – до 30.04.2014. [1] Набор опций зависит от комплектации. [2] Дизельный двигатель 136 л. с. с АКПП, бензиновый двигатель 150 л.с. [3] Официальный дистрибьютор HYUNDAI Motor Co. – компания ООО «Хенде Мотор СНГ» – продлевает гарантию производителя до 5 лет или 120 000 км пробега (в зависимости от того, что наступит раньше) на механизмы двигателя и детали коробки передач за исключением навесного оборудования, учитывая ограничения, изложенные в сервисной книжке. Данная гарантия распространяется исключительно на импортные автомобили, ввезенные на территорию РФ компанией ООО «Хенде Мотор СНГ» после 1 апреля 2009 г. Датой начала гарантии является дата передачи автомобиля официальным дилером первому покупателю. Услуга «Техпомощь на дорогах» предоставляется 24 часа в сутки 7 дней в неделю каждому покупателю автомобиля HYUNDAI, импортируемого и/или поставляемого через ООО «Хенде Мотор СНГ», за исключением модели HYUNDAI H-1. Подробности на www.HYUNDAI.ru. * По версии национальной Группы компаний «РБК» в 2013 году.

Реклама.

Обувная мастерская и ателье Baden Ольги Душиной арендуют в ТЦ «Бурда Моден» на Пушечной улице два небольших зала — приемный пункт с примерочной, где обслуживают клиентов, и цех с маленькими мастерскими — швейной и обувной. Здесь московские буржуа чинят сапожки Christian Louboutin и сумки Louis Vuitton.

ТЕКСТ: АДЯ ЧАЧИКО

ФОТОГРАФИЯ: МАРИЯ МИННОВА

1. Кожа, в основном итальянская и турецкая
2. Коробка с *фурнитурой* – кольчатенами, пуговицами и другими заклепками. «Когда отец работал, такого разнообразия моделей и фурнитуры не было, как сейчас. Так что выходит, что я моложем, но уже опытнее», – говорит мастер Борис
3. Тесьмы для подкладки и укрепления швов
4. За день мастер чинит около пяти сумок. «Мне принципиально важно, чтобы наши качество не отличалось от качества производителей. Потому что когда речь идет о Prada – уровень изготовления даже не обсуждается, а когда московская мастерская что-то подшивает – клиент относится очень придирчиво», – объясняет Ольга Душина
5. Пока мастер работает, *iPad* фоном показывает новости
6. Рабочие *инструментики*: лекало-угольник, фигурный отвертка, щипцы для подкатки волос и шила
7. «Самое сложное – когда собрана сидит обувь в клочья, нам приносят их практически частями, и клиент просит во что бы то ни стало любимые ботфортки починить. Тогда берешь работу на долгий срок и потихоньку собираешь», – говорит Борис
8. «Бывает, за одними материалами по Москве объездишь, чтобы подобрать нужный цвет. Обходишь все склады, а потом накладываешь в соседней маленький закончен»
9. У мастера свои персональные инструменты – набор собственных ножей и любимое мыло
10. Этой *швейной машинке* около 15 лет. Для немецкого оборудования это мало. «Мой отец работает на семидесятилетней Zinger, на ней он заработал нам на дом и на машину»

Ольга Душина, химик по образованию, открыла свою первую обувную мастерскую 12 лет назад. Сегодня она владеет целой сетью ателье Gut в Петербурге и московской фирмой Baden — лучшей местной компанией по уходу и реставрации дорогой одежды и обуви